RECUEIL D'ARTICLES LITTÉRAIRES & POLITIQUES PAR PIERRE ALISSOFF

„Пров

СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ

и

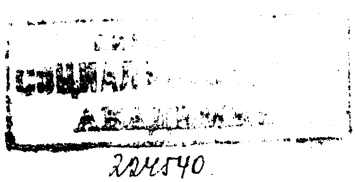
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

П. Ѳ. АЛИСОВА

GENÈVE – BALE – LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1877

IIP

GENÈVE. — IMPRIMERIE RUSSE A. TROUSSOFF, CHEMIN DE LA CLUSE, 12



224540

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Замѣтки о Религіи. 3
Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, написанную Ренаномъ . 33
Прекрасная Елена. 41
Пространный христіанскій катихизисъ. 46
Дѣло Нечаева. 73
Нечаевъ. 101
Привалъ арестантовъ. 109
Могутъ ли быть честными людьми генералы? 112
Размышленіе по поводу казни Стюарта I. 118
Бѣглыя замѣтки. 129
Процессъ Павленкова. 145
Одинъ въ полѣ не воинъ. (Романъ Шпильгагена). 151
Геркулесовскій подвигъ русскаго правительства. 158
Практическіе и Непрактическіе люди. 167
Замѣтка о Гоголѣ. 175
Замѣтка о Писаревѣ. 178
Добролюбовъ. 185
Сказки Лабуле. 199
Король Лиръ. 205
Ромео и Джульета. 211
„Довольно“ и „Призраки“. (Ив. Тургенева). 217
Біографія Грановскаго. (Соч. Ал. Станкевича). 223
Стихотворенія Всеволода Крестовскаго. 228
Афера доктора Хана. (Популярная медицина). 238
Не памятникъ, а диво. 242
Анна Каренина. (Романъ Гр. Толстого). 245
Донъ-Кихотизмъ. (Загадочныя натуры—Шпильгагена). 252
Романы Жоржъ-Зандъ. 276
Поэзія беременности. 291
Отрывокъ изъ моихъ неизданныхъ путешествій. 296
Передъ грозою. 301
Идиллія моей юности. 309

„*Что до меня касается, я гроша не дамъ за политическую свободу, если я въ то же время рабъ своихъ религіозныхъ убѣжденій; истинная свобода можетъ быть только тогда, когда человѣкъ религіозно свободенъ, истинное образованіе тамъ, гдѣ человѣкъ сдѣлался господиномъ своихъ религіозныхъ предразсудковъ и представленій. Мы живемъ въ постоянномъ противорѣчіи между религіей и образованіемъ, уничтожить это пагубное противорѣчіе есть задача нашего времени; для новаго времени необходимо и новое возрѣніе и убѣжденіе о первыхъ элементахъ и причинахъ человѣческаго существованія и если хотите сохранить слово религія — необходима новая религія.*

Религія заключаетъ въ себѣ элементы, существенно противорѣчащіе образованію, такъ какъ она тѣ представленія, обычаи, изобрѣтенія, которые сдѣланы человѣкомъ въ дѣтствѣ, хочетъ поставить закономъ и для зрѣлаго возраста.

Когда люди выйдутъ изъ теперешней кажущейся цивилизаціи, изъ эпохи религіознаго варварства, имъ покажется дикимъ, какъ они могли принимать законы нравственности и любви за заповѣди Божьи.

Богъ не есть такая вещь, которую ты можешь найти посредствомъ телескопа въ астрономическомъ небѣ или посредствомъ лупы въ ботаническомъ саду, или посредствомъ минералогическаго молотка, въ черныхъ рудникахъ геологіи, или посредствомъ анатомическаго скальпеля во внутренностяхъ человѣка и животнаго, ты его найдешь только въ вѣрѣ, въ воображеніи, въ сердцѣ человѣка, потому что онъ самъ есть ни что иное, какъ существо фантазіи или воображенія, существо человѣческаго сердца.

Задача моя заключалась въ томъ, чтобы изъ друзей Бога сдѣлать васъ друзьями человѣчества, изъ вѣрующихъ — мыслителей, изъ молельщиковъ — работниковъ, изъ кандидатовъ загробной жизни — студентовъ настоящей, изъ христіанъ, которые по собственному сознанію, полуживотные, полуангелы — людей, полныхъ людей.“

(*Сущность Христіанства.* Людовика Фейербаха.)

Замѣтки о Религіи

„Мысль, мысль, какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,
Страшна твоя тяжелая борьба....
Грознѣй небесныхъ бурь, несешь ты разрушеніе,
Неумолима, какъ сама судьба....“

. . . . . .

„За вѣрой, вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ, мнѣ тьмою назвала....“

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я пишу мои замѣтки для той огромной массы, которой дѣлаются недоступны великія истины, если высказывать ихъ начнетъ, полный самообожанія, таинственно глаголющій, жрецъ науки, и для которой будетъ непонятенъ, занавоженный терминами, сухой, однимъ спеціалистамъ принадлежащій, языкъ. Пора перестать, поборникамъ науки, презирать большинство развитой, читающей и разсуждающей публики; она невиновата въ своемъ научномъ невѣжествѣ, виноваты тѣ, Плюшкины науки, которые всѣ ея сокровища, жадно, прячутъ, отъ непосвященныхъ, въ заросшія плесенью, темныя кладовыя. Публика жадно ловитъ всякое честное слово, новую, научную мысль; она не обижается за горькую правду, если видитъ въ пишущемъ не глумящагося идіота, а живаго, любящаго человѣка, горячо дѣлящагося съ нею всѣмъ своимъ умственнымъ имуществомъ. Публика съумѣла оцѣнить декабристовъ, Герцена, Огарева, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и многихъ другихъ, не смотря на свирѣпыя завыванія литературной сворни; она способна глубоко понять всякую научную мысль, всякій выводъ науки, расширяющій умъ, если съ ней заговорятъ, не подымаясь на ходули, не задирая на-

задъ голову, не терзая ее сухими мелочами, утонченными, спеціальными подробностями. Съ небольшими исключеніями, всякую науку можно упростить до того, что ее въ состояніи будетъ понять ребенокъ, а не только образованный человѣкъ. Спеціалисты тѣ же чиновники; они силятся даже живую науку превратить въ архивную груду; ихъ узенькій эгоизмикъ не допускаетъ ихъ сознаться, что если они публично снимутъ покрывало съ Изиды, то для публики обнаружится не совсѣмъ грандіозное зрѣлище; что если отбросить въ современной наукѣ всѣ, необходимыя только для одного спеціалиста, подробности, то въ результатѣ окажется не такъ много, какъ кажется, великихъ, неоспоримыхъ, полезныхъ для человѣка истинъ. Такъ какъ для меня сочувствіе публики непзмѣримо дороже черство-педантическаго сочувствія господъ спеціалистовъ, то я безъ тайнаго трепета, слегка отдерну ту занавѣску, за которой прячется та сурово-недоступная богиня, одинъ любопытный взглядъ на которую, покрытыя волосами головы ученыхъ, дѣлаетъ плѣшивыми и одервеняетъ всѣ ихъ горячія, юношескія мысли и широкія стремленія.

Я не намѣренъ щеголять массою мельчайшихъ подробностей и сомнительною ученостью, которая пріобрѣтается въ Университетѣ всякимъ желающимъ, какою бы крохотною долею мозга онъ не обладалъ. Я хочу прослѣдить возвышеніе науки и фіаско религіи; я хочу познакомить массу съ выводами, которые даетъ наука, не желая и не стремясь давать ихъ. Наши лѣтописи хранятъ курьезно прискорбные примѣры, гдѣ профессора естественныхъ наукъ часто вѣрили въ дремучую галиматью, непростительную ребенку. Самое названіе „замѣтки“ показываетъ сущность моего сочиненія; я не разсчитываю дѣйствовать общею методою; я не стану впадать въ ту скучную, безконечно пространную болтовню, въ которую любятъ впадать, говоря о религіи; каждую мысль, которую я высказываю, можно тянуть на нѣсколько страницахъ; не стану съ особенною осторожностью приступать къ моимъ замѣткамъ: — осторожность мыслима тамъ, гдѣ предметъ черезъ чуръ теменъ; но было бы очень забавно съ смиреніемъ и трепетомъ опровергать, что домовой не заплетаетъ по ночамъ гривы лошадямъ, какъ думаетъ масса народа; а вѣрованія такія же глупыя и наивныя, принадлежащія болѣе образованнымъ сословіямъ, почему то разбираются съ большею осторожностью, тогда какъ, въ послѣднемъ случаѣ, нападки должны быть еще безцеремоннѣе, классъ мнимообразованныхъ имѣетъ болѣе шансовъ понимать нелѣпое, не даромъ же они чему нибудь учились! Не стану, для большаго

подкрѣпленія моихъ словъ, ссылаться на каждомъ полушагѣ на знаменитыхъ философовъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ: одного, незабитаго безпробудно, здраваго смысла достаточно для пониманія всего, что я пишу. Не стану замаривать читателя описываніемъ всѣхъ религій, медленнаго перехода изъ очень грубой и очень темной, къ немного болѣе свѣтлой; описываніемъ всѣхъ геологическихъ періодовъ земли; изложеніемъ теоріи появленія первыхъ организмовъ; теоріи самосотворенія вселенной, или творенія ея черезъ Творца. Понятно, что люди враждебно смотрящіе на теорію самосотворенія, впадаютъ въ еще большую неясность, говоря о Творцѣ; если возможно самосотвореніе Творца, то почему же невозможно самосотвореніе самой природы? Одна теорія предполагаетъ, что Творецъ не имѣетъ ни начала, ни конца, потому что начало немыслимо по своей нелѣпости: изъ ничего никакъ не могло умудриться произойти что̀; другая — что міры творились въ продолженіи несчетныхъ милліоновъ лѣтъ, изъ вѣчной матеріи, руководствуясь вѣчными, въ ней же скрытыми, законами; какъ логическое научное, такъ и нелогическое богословское сходятся въ концѣ концовъ въ томъ пунктѣ, гдѣ дѣло идетъ о причинѣ всѣхъ причинъ; въ обоихъ случаяхъ основа предположеній—вѣчность, непонятная и неподдающаяся ни на какія объясненія. Знаніе не-безконечно; есть предѣлы, гдѣ наука останавливается и ни какія гигантскія усилія не подвинутъ ее ни на одну линію. Природа таинственна въ томъ смыслѣ, что въ ней есть основы, которыя не могутъ быть обняты конечнымъ разумомъ; пусть кто нибудь попробуетъ уяснить себѣ безконечность матеріи и силы, ихъ вѣчное движеніе,—или такіе неосязаемые предметы, какъ сознаніе, чувствительность—но не смотря на невозможность разъяснить ихъ, они ничего не имѣютъ общаго съ дикими вѣрованіями и безобразнымъ идолопоклонствомъ; естествоиспытатель, дойдя до этихъ границъ, остановится и не станетъ выбиваться изъ силъ, чтобы сдѣлать сальто-мортализъ черезъ границу, за которой царствуетъ бездна, безъ границы. При современномъ научномъ знаніи, заглядываніе въ безконечность — пустая затрата силъ, это работа мифологическаго Сизифа: вѣчно вскатывающаго, вѣчно и снова скатывающійся камень. Но теологи, какъ великіе невѣжы, пошли далѣе: они рѣшили на своемъ мудромъ совѣтѣ, что Богъ непостижимъ, даже для господъ ангеловъ; и рядомъ съ этимъ, непостижимое у нихъ обратилось въ доморощеннаго плотника, который отъ скуки творитъ міры, создаетъ добро и зло, а потомъ звѣрски мститъ за зло; выкидываетъ разнаго рода эксцентрическія продѣлки. Таин-

ственному, непостижимому они приписали достоинства, цѣлую кучу желаній; словомъ, написали психологію Бога; оказывается, что для теологовъ непостижимое—пустой звукъ; для нихъ въ цѣломъ мірозданіи нѣтъ ничего непостижимаго, ничего таинственнаго. Сильный орелъ не перелетитъ воздухъ, его поддерживающій, человѣкъ не перегонитъ свою тѣнь, будь онъ даже величайшій въ мірѣ философъ; онъ не объяснитъ безконечное своимъ конечнымъ разумомъ.

ГЛАВА II

„Воздвигая храмы древнимъ истуканамъ,
Люди не подкупятъ небо фиміамомъ,
И дымокъ ничтожный купленныхъ куреній,
Вѣтеръ вдругъ развѣетъ въ нѣсколько мгновеній.“

Я набрасываю очерки того, что болѣе всего, всегда волновало людей, сбивало ихъ съ толку. Прошли тысячелѣтія, а люди на гибель себѣ все продолжаютъ идти темною дорогою; сколько таинственно нелѣпаго, безобразно фантастическаго породила религія; какіе кроваво-трагическіе и непостижимо-комическіе споры возникали по поводу религіи; сколько ученыхъ философовъ, простыхъ смертныхъ бились надъ религіозными вопросами, въ мукахъ и слезахъ; какая масса ложно направленныхъ великихъ умовъ сгорѣла огнемъ безплоднымъ, погрузившись въ бездны религіозной безсмыслицы. Нѣтъ сомнѣнія, что первые проблески религіи обнаружились въ несчастнѣйшемъ подобіи современнаго человѣка, когда онъ уже обнаружилъ способности высшей цивилизаціи: даръ слова и наблюденія; много тысячелѣтій протекло надъ нашими дивными предками, пока, борясь на жизнь и смерть съ неорганическою и органическою природою, они расправляли свою лахматую спину, а дикій ревъ и жалобное мычаніе пересоздавали въ намекъ на слово, выражающее мысль. Человѣкъ, имѣющій уже право на это названіе, такъ дорого купленное его предками, очутившись среди враждебной ему природы, испуганно съежился передъ ея суровою громадностью; всѣ явленія, бросающіяся ему въ глаза, были обвѣяны для него глубокою таинственностью; страшныя бури, гремящія молніи, бурно разливающіяся рѣки и потоки наводили слѣпой ужасъ на перваго несчастнаго человѣка; слабый, совершенно неопытный, крайне несвѣдущій, беззащитный, онъ былъ жалчайшимъ, затерянымъ созданіемъ, среди великой,

богатой природы; объяснять все естественно было невозможно: слишкомъ была жидка мозговая кашица перваго человѣка; наконецъ, такія объясненія не даются даромъ, не сходятъ съ неба, въ видѣ огненныхъ языковъ, а завоевываются тяжкимъ, неутомимымъ трудомъ, неусыпнымъ наблюденіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ выбралъ то, что легче: въ каждомъ мертвомъ явленіи природы, онъ сталъ видѣть Бога; неодушевленный предметъ получилъ одушевленное значеніе; это первое, слѣдовательно самое глупое, поклоненіе называется фетишизмомъ. Рѣка текла у фетиша по собственному желанію; ураганъ, развѣявшій въ прахъ его жилище, руководствовался извѣстною arrière pensée; эти остроумныя объясненія лежали въ самой природѣ перваго человѣка —онъ мѣрилъ колоссальную природу на свой микроскопическій аршинчикъ—если онъ дѣлалъ зло, то онъ хотѣлъ этого, на этомъ простомъ основаніи, онъ перенесъ свой образъ дѣйствій на окружающую, безучастную къ человѣку природу...

Въ продолженіи многихъ тысячелѣтій религія переходила отъ грубаго и пошлаго объясненія къ болѣе благовидному; переходъ совершался черезъ чуръ медленно, какъ и всегда бываетъ медленъ прогрессъ свѣтлой мысли. — Человѣкъ сталъ пробивать дорогу къ объясненіямъ разумнымъ; терпѣніе, наблюденіе, пытливость начали расширять путь. Чудовищныя гоненія, гаденькія издѣванія, суровыя испытанія, терновые вѣнки смерти и пытокъ вынесли бойцы за истину. Уродливое невѣжество, свирѣпое варварство царили бы до сихъ поръ, если бы яркій свѣтъ науки не проникъ въ темный пустырь. Изъ большихъ рукъ огромнаго Бога стали вынимать одинъ за другимъ его атрибуты, это дѣлалось шагъ за шагомъ... Страшный, онъ носился по небу, окутанный тучами и щедро сыпалъ огненные перуны; люди трепетали передъ этою силою, въ наивности они воображали, что это знаменія небеснаго правосудія, что это мстящая сила за дурныя дѣла; но сомнѣніе проникло и сюда: болѣе наблюдательные люди замѣтили, что эти дѣйствія носятъ характеръ безсмыслицы — молнія разила камни, скалы, деревья, храмы, людей, свиней и все это безъ малѣйшей послѣдовательности; между людьми она порожала не худшихъ, но иногда и самыхъ лучшихъ, словомъ какъ прійдется. Нашелся смѣльчакъ, на бумажный, дѣтскій змѣй, онъ поймалъ молнію, находящееся тамъ электричество послужило людямъ въ большую пользу; они смѣлѣе стали изучать его; меньшинство мыслящихъ людей стали еще безцеремоннѣе обезоруживать Бога; они начали вырабатывать болѣе очищенный взглядъ на него, но все еще очень темный; они перестали въ немъ

видѣть барина, полицейскаго сыщика, всюду толкающагося, во все вмѣшивающагося, управляющаго судьбами людей и посылающаго на нихъ напасти; понемногу они начали выходить изъ податнаго состоянія, но совершенно отдѣлаться отъ мистическаго благоговѣнія съумѣли очень и очень немногіе. Даже среди большинства начали исчезать, даваемыя Богу взятки, подлисиваніе, пасованія; люди давали взятки вороватымъ чиновникамъ, за ложное веденіе дѣлъ и точно такія же взятки совали Богу и его вонючимъ флигель-адъютантамъ— святымъ угодникамъ! Бросающаяся въ глаза, наглая пошлость начала исчезать, но совершенное ея исчезновеніе наступитъ въ далекомъ будущемъ, не потому что объясненіе всего естественнымъ путемъ было бы трудно, нѣтъ, но вслѣдствіе недостатка внимательности къ своей логикѣ и придури, общаго удѣла массъ... Очень часто попадаются въ естественныхъ книгахъ ни къ чему не идущія, ничего не объясняющія фразы: „Его всемогущая воля," „творящая десница," „возваніе къ хаосу," „бытье и не бытье," „благость некущагося, мудраго провидѣнія." Эта середка на половинкѣ, патетическая трескотня, самая вредная, самая гадкая! Нѣкоторые подъ словомъ Богъ подразумѣваютъ природу съ ея законами; иные употребляютъ это названіе, въ полной увѣренности, что еще рано отрѣшиться отъ такого освященнаго вѣками названія; что полное раскрытіе истины не по плечу многимъ и что нужно прививать идеи послѣдовательно и медленно. Высказывать истину вполнѣ никогда не рано; въ чемъ человѣкъ глубоко убѣжденъ, онъ обязанъ высказывать; у кого нѣтъ мужества выйти на свѣтъ, у того нѣтъ силы переносить свѣтъ. Гаже и вреднѣе быть не можетъ постоянныхъ недомолвокъ; неохватываніе идеи сполна — непостижимое юродство. Императоры, папы, попы и самые черные рутинеры и кретины могутъ не только высказывать свои убѣжденія, но и реализировать ихъ въ жизни, а истину нужно высказывать шопотомъ, съ осторожностью убійцы изъ подъ угла, чрезвычайно постепенно! Душить, грабить людей, занаваживать ихъ головы перегнившею рухлядью не только можно, но и должно; за такіе патріотическіе подвиги въ монархическихъ государствахъ увѣшиваютъ орденами и награждаютъ пожизненными пенсіонами; высказывать же простыя, свѣтлыя, какъ солнце, неэгоистическія мысли вредно, это значитъ въ конецъ развращать массы! Противоестественнымъ считается глубоко, самоотверженно любить людей и естественнымъ—ихъ давить, обдирать, обезличивать, презирать и ненавидѣть! Отъ этого мы часто встрѣчаемъ людей, которые, рядомъ съ широкими мыслями, высказываютъ младенчески наивную пошлость;

рѣдко кто умѣетъ мыслить до конца, у многихъ, весьма неожиданно, въ началѣ пути, духъ захватываетъ; полное и оконченное развитіе, даже самой блѣдненькой, либеральной мысли можетъ поразить очень сильнымъ сюрпризомъ; приведемъ одинъ примѣръ, изъ безчисленнаго множества примѣровъ: закоренѣлые собственники, съ ужасающими взглядами — если только винегретъ ихъ головъ можно назвать взглядами — люди, готовые отъ всей души растерзать человѣка, проповѣдующаго нецензурныя идеи о собственности и полномъ равенствѣ, валяются, растянувшись плашмя, передъ образомъ Спасителя, который былъ до мозга костей революціонеръ, коммунистъ, рушившій троны и собственность, и такихъ противорѣчій на каждомъ шагу тысячи... Многіе говорятъ такъ: „Положимъ, что все это матерія и что она управляется законами, ну а знаете,“ (говорящій пристально вглядывается въ васъ) „все есть что-то, откуда же это все могло взяться?“ (говорящій впадаетъ въ философскую меланхолію) „не само же это родилось?“ (Нѣтъ сомнѣнія, что Богъ самъ умудрился родиться.) „Наконецъ милліоны вѣруютъ, отъ дикаря до самаго образованнаго человѣка, согласитесь, что эти люди имѣютъ же какое нибудь основаніе!.... это выше всякаго пониманія, выше разсужденія, знаменитые ученые и тѣ вѣровали (говорящій высчитываетъ сотню знаменитостей, полузнаменитостей, десятую долю знаменитостей, дураковъ и знаменитыхъ дураковъ).—„Невѣрующій Вольтеръ и тотъ передъ смертію покаялся, а на что, съ позволенія сказать, былъ атеистъ!“ Можетъ быть, мнѣ посчастливилось вступать въ разсужденіе съ дураками, но сколько я помню, на этихъ фразахъ всегда вертѣлись доказательства вѣрующихъ. Сильнѣе другихъ поражаетъ своею непроходимою нелѣпостью аргументъ: что милліоны вѣруютъ; если бы составить хронологическую таблицу всѣхъ нелѣпостей, въ которыя вѣрили и вѣрятъ милліоны, она наполнила бы большой томъ. Въ XVIII вѣкѣ еще царила вѣра, что преслѣдовать огнемъ, крестомъ и мечемъ человѣка за его мысль,—святыню неприкосновенную—дѣло не только не чудовищное, но, напротивъ, чрезвычайно гуманное; десятъ лѣтъ назадъ, въ Россіи милліоны вѣрили въ святость и неприкосновенность крѣпостнаго палачества; наша современная цивилизація можетъ похвалиться такими вѣрованіями, отъ которыхъ съ ужасомъ отскакиваетъ всякая человѣческая мысль! Принимается или не принимается извѣстная мысль, по плечу ли она всѣмъ или нѣтъ, высказывать ее вполнѣ, оконченно, необходимо; нынѣче ее поймутъ двое, а черезъ нѣсколько лѣтъ, она будетъ доступна тысячамъ; чья забитая голова ни принять, ни усво-

ить ее не можетъ, пусть не усвоиваетъ, вольному воля; идей силою никто не навязываетъ.

Слово „Богъ“ можно замѣнить словами: „природа и ея законы“; къ чему два названія, если одно туманно и заморачиваетъ слабыя головы, а другое ясно опредѣляетъ сущность предмета? — У Гейне есть одно стихотвореніе, проникнутое глубокою мыслью и жестокою ироніей, я его напомню читателю:

„Ночью надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ
Такъ онъ волнамъ говоритъ:

* * *

— О разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!....
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!....

* * *

Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ — и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.

* * *

Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайно отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?....
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?...

* * *

Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несется и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ въ безстрастіи холодномъ,
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ!“

Вотъ вамъ безмолвный, горькій отвѣтъ природы на мучительные и безмысленные вопросы! Страшныхъ вопросовъ нѣтъ, есть прямо вопросы очень трудные; вопросъ: „откуда пришелъ человѣкъ“ утерялъ для насъ мистически недоступный характеръ; Дарвинъ, въ своемъ геніальномъ трудѣ: „Происхожденіе человѣка,“ глубочайшими научными выводами доказалъ, что ближайшіе предки величественно гордаго рода человѣческаго — мелкая порода узконосыхъ обезьянъ стараго свѣта; если же генеологическую таблицу вытянуть гораздо далѣе, на милліоны лѣтъ, то громадно отдаленные родоначальники человѣка затеряются въ глубинахъ морскихъ. Въ то, богатое духовною жизнью, время, наши Богамъ равные

предки, виляя хвостами, махая плавниками, дыша жабрами, свободно разгуливали по необозримымъ воднымъ пространствамъ, весело и безмятежно пожирая другъ друга; отъ этой восхитительной способности взаимнаго пожиранія еще не отдѣлался современный намъ, блистающій цивилизаціей, міръ. Сотни тысячъ лѣтъ нужны были для того, чтобы животному переродиться въ человѣка; десятки тысячъ лѣтъ, жалкое, безобразное подобіе нынѣшняго человѣка разгинало свою обезьянью спину, кровавымъ потомъ и жгучими слезами завоевывая себѣ крошечныя удобства жизни. Животное царство безъ перерыва, неуловимо для строжайшихъ наблюденій, переходитъ въ растительное; растительное — въ минеральное. Нѣтъ сомнѣнія, что наука скоро сведетъ всѣ сложнѣйшія и величайшія явленія природы къ простѣйшему знаменателю; вопросъ же „куда пойдетъ человѣкъ — еще менѣе роковой и таинственный: если мертвеца не набальзамируютъ и не уложатъ въ герметическій свинцовый гробъ, то его очень быстро переработаетъ природа въ своей постоянно дѣятельной лабораторіи, и какія бы причудливыя формы не лѣпила природа изъ нашего праха, вновь создавая и вновь разрушая до послѣдняго часа жизни нашей планеты; во всякомъ случаѣ, нашъ прахъ не умудрится залетѣть за предѣлы нашей земной атмосферы, сомнѣваться во всемъ этомъ могутъ только поклонники библіи, въ которой Егова 6,500 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ эпоху цвѣтущей Индѣйской цивилизаціи, смастерилъ, сначала, въ шесть дней міръ, отдыхая по нѣскольку часовъ, послѣ каждаго дня творенія, а на седьмой день человѣка, послѣ чего онъ залегъ спать и не просыпался до настоящей минуты; — или поборники горячечной чертовщины, которая называется Апокалипсисомъ. Что же касается до послѣдняго вопроса, который — тайна отъ вѣка: „кто тамъ надъ звѣздами живетъ?“ Мы отвѣтимъ, что при помощи сильнѣйшихъ телескоповъ открыли, что, за звѣздами нами видимыми, паритъ не разжиженный императоръ небесъ, а стройно, руководимыя вѣчными законами, вращаются вокругъ центральныхъ тѣлъ, еще болѣе громадныя звѣзды, а надъ ними опять таки звѣзды, и такъ далѣе, до безконечности. Человѣкъ, вздумавшій въ настоящее время, съ тоскою и слезами или совсѣмъ безъ слезъ и безъ тоски, задавать природѣ такіе наивные, мучительные вопросы, былъ бы забавный эксцентрическій чудакъ. Теперь никто не станетъ — развѣ у кого времени много—ни на берегу моря, ни на берегу ручья, ни прямо на крыльцѣ, словомъ ни въ какой мѣстности, повидимому благопріятствующей мучительнымъ вопросамъ, предлагать ихъ не станетъ. Съ природою стали разговаривать не-

множко иначе, при церемонномъ и жеманномъ обращеніи и нѣжныхъ вопросахъ, она зазналась и упорно молчала, теперь она разговорилась и разговорилась такъ, какъ будто старается вознаградить себя за все время многовѣковаго молчанія, и кому вы думаете, она начала навязывать, одно за однимъ, свои таинства? въ силу деликатнаго чувства, она должна была бы все разсказать пламеннымъ вздыхателямъ, которые, если и предлагаютъ ей вопросы, то непремѣнно съ большими потугами и въ слезахъ,—людямъ, ведшимъ съ нею всегда продолжительные, запутанные, меланхолическіе, мечтательно философическіе разговоры; нѣтъ, она ничего не обнаружила передъ философами, но она вся разоблачилась передъ безмолвными невѣждами-натуралистами, передъ ихъ прозаическими ретортами, вѣсами, пневматическими и нагнетательными машинами, словомъ передъ орудіями физическаго и химическаго кабинета; старыя лохмотья свалились съ ея мощныхъ, колоссальныхъ плечъ и предстала она во всей своей грандіозной наготѣ.

Религія считала сводъ небесный крышею земли, а за крышею—замерзшій воздухъ, въ который были вставлены звѣзды и подъ которымъ свершали свой ежедневный всходъ солнце и мѣсяцъ, спеціально предназначенные для того, чтобы услаждать земныхъ жителей. Кристальный, верхній міръ былъ биткомъ набитъ духами и служилъ резиденціей Богу; поэты надрывались, описывая блаженство духовъ. Что же сказала наука? Земля окружена оболочкою, состоящей изъ смѣси газовъ; основываясь на наблюденіяхъ надъ явленіями сумерекъ въ тропическихъ странахъ, Эмануилъ Ліэ нашелъ, что высота атмосферы достигаетъ 300, даже 309 верстъ; сначала думали, что она невѣсома, теперь она взвѣшена, измѣрено ея давленіе, извѣстны ея составныя части и колоссальное значеніе для всего живущаго. „На землѣ царствовала бы вѣчная смерть и гробовая тишина, если бы не было атмосферы, внѣшней оболочки нашей планеты. Эта газообразная, прозрачная, иногда невидимая масса, которую на первый, взглядъ трудно даже признать за часть земли, составляетъ однако, главную стихію послѣдней, ибо она самая подвижная изъ всѣхъ стихій, и въ ней преимущественно сосредоточена жизнь. Всѣ мы люди, животныя и растенія, держимся на почвѣ, но живемъ въ воздухѣ и воздухомъ. Не говоря уже о птицахъ, всѣ существа, ходящія, ползающія или стоящія корнями въ почвѣ, могутъ быть названы дѣтьми атмосферы.

Разсматриваемая какъ небесное свѣтило, наша планета состоитъ изъ внутренняго ядра, окруженнаго двумя жидкими слоями. Твердое ядро, или земля въ тѣсномъ смыслѣ, — это

каменные пласты, заключающіе лавы, расплавленные металлы и всю массу неизвѣстныхъ веществъ, занимающую центръ земнаго шара. Океаны, моря и сѣть рѣкъ облегаютъ этотъ земной остовъ; затѣмъ надъ водяной оболочкою идетъ второй сферическій слой, еще болѣе жидкій, представляющій громадный дыхательный аппаратъ, въ которомъ происходитъ непрерывное движеніе токовъ отъ полюсовъ къ экватору и отъ экватора къ полюсамъ, отличающееся тою же правильностью, какую мы замѣчаемъ въ процессѣ дыханія человѣка. Атмосфера — это, такъ сказать, лёгкія нашей планеты; подобно своему спутнику, который, по мнѣнію большинства астрономовъ, не имѣетъ газообразной оболочки, земля обратилась бы въ мертвое свѣтило, блуждающее въ пространствѣ, если бы вдругъ исчезъ окружающій ее слой воздуха и прекратилось правильное дыханіе вѣтровъ. Каждая частица атмосфернаго газа вѣчно переходитъ отъ жизни къ смерти и отъ смерти къ жизни; становясь поочередно вѣтромъ, волною, землею, животнымъ или цвѣткомъ, она, не смотря на свою малость, служитъ символомъ безконечнаго движенія. Воздухъ—это неизсякаемый источникъ, гдѣ беретъ начало все живущее, громадный резервуаръ, куда отдаетъ свое послѣднее дыханіе все умирающее. Подъ вліяніемъ атмосферы родятся и умираютъ всѣ организмы, разсѣянные по лицу земли. Въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, заключены жизнь и смерть, постоянно чередующіяся путемъ обмѣна газообразныхъ частицъ. Элементы, выдѣляемые листьями дерева, переносятся вѣтромъ въ лёгкія новорожденнаго ребенка; послѣдній вздохъ умирающаго идетъ на образованіе блестящаго вѣнчика благоухающаго цвѣтка. Тихій вѣтерокъ, едва колеблющій стебельки травъ, гдѣ нибудь далѣе реветъ страшнымъ ураганомъ, который вырываетъ съ корнемъ вѣковыя деревья и топитъ корабли вмѣстѣ съ экипажемъ. Такъ, посредствомъ безконечнаго сцѣпленія частныхъ смертей, атмосфера поддерживаетъ общую жизнь земнаго шара. Будучи сходно съ океаномъ, по непрерывному круговращенію своихъ волнъ, великое атмосферное море не замкнуто, подобно водамъ, въ ограниченный со всѣхъ сторонъ бассейнъ. Частицы его скользятъ между порами тѣлъ; онѣ проникаютъ въ нѣдра земли, гдѣ плавятъ лавы, въ глубину морей, гдѣ утверждаются въ организмахъ безчисленныхъ инфузорій. Атмосфера неустанно странствуетъ съ мѣста на мѣсто, увлекая на своихъ волнахъ всѣ мелкіе предметы, не прикрѣпленные къ почвѣ. Она овладѣваетъ золою, вылетающею изъ кратера вулкана во время изверженія и переноситъ ее за сотни и тысячи верстъ, она захватываетъ въ свои вихри милліарды

микроскопическихъ животныхъ или облака цвѣтени, которыя переносятся за моря и падаютъ на землѣ въ видѣ тончайшей пыли. Она уноситъ самое море въ видѣ облаковъ и метеоровъ, и распредѣляетъ его по всѣмъ точкамъ материковъ; она насыщается цѣлыми потоками электричества, которое затѣмъ освобождаетъ въ видѣ молніи или лучей полярнаго сіянія. Словомъ, воздушная оболочка земнаго шара — это исполинскій проводникъ, чрезъ посредство котораго совершается всеобщій кругооборотъ элементовъ, составляющихъ твердую кору, массу водъ и органическія тѣла."

За этой земной оболочкой открыли дивный міръ и этотъ міръ, открытый разумомъ, оказался такъ безгранично грандіозенъ, что передъ нимъ клерикальная фантазія оказалась узенькою, мелкою, дрянненькою чепухою. Необузданная фантазія стала безконечно ниже разума; астрономическія измѣренія оказались такъ велики, что фантазія безсильна представить ихъ: лучъ свѣта, проходящій при одномъ колебаніи маятника пространство въ 8 разъ болѣе окружности земли, долженъ употребить милліоны лѣтъ, чтобы дойти до насъ отъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ. Лазурный колпакъ, опрокинутый надъ землею — chef d'oeuvre клерикальной фантазіи—превратился въ безграничное пространство, усѣянное солнцами и планетами; но кромѣ системъ міровъ подобно солнечной, безграничное пространство полно самосвѣтящихся солнцъ; млечный путь, какъ блѣдный, блестящій туманъ, перепоясывающій небо, весь состоитъ изъ массъ самосвѣтящихся солнцъ; нашъ многолюдный, могучій, гордый міръ — невидимая пылинка въ сравненіи съ однимъ изъ этихъ солнцъ и весь этотъ неохватимый, неизмѣримый, безконечный міръ движется непроизвольно, а напротивъ съ строгимъ ограниченіемъ того закона природы, по которому тѣла взаимно притягиваются. Обыскавши все небо, вы нигдѣ не отыщите произвола, не разыщите толкающаго Бога; „въ этомъ безконечномъ пространствѣ свершаетъ свой путь необходимость; гигантскій механизмъ безстрастно двигается силою математическаго закона." Наполеонъ спросилъ у Лапласа, почему въ своей небесной механикѣ, онъ ни разу не упомянулъ слово Богъ; Лапласъ отвѣчалъ: „Я не нуждался въ этой гипотезѣ." Лакейство передъ природою, поклоненіе, молитвы, обращенныя къ ней—такое же грубое идолопоклонство, какъ и поклоненіе разноцвѣтнымъ лохмотьямъ и деревяшкамъ. Можно восхищаться природой, но поклоняться ей—нелѣпость невообразимая. „Безсознательно, неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка переходящая, она не терпитъ ничего

безсмертнаго, ничего неизмѣннаго; человѣкъ ея дитя, но она — всеобщая мать и у ней нѣтъ предпочтеній; все, что существуетъ въ ея лонѣ возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому: она создаетъ, разрушая и ей все равно, что она создаетъ и что она разрушаетъ, лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ; а поэтому она такъ же спокойно покрываетъ плесенью божественный ликъ Фидьясовскаго юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе моли драгоцѣнныя строки Софокла. Эта глухая, слѣпорожденная сила даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, и идетъ все пожирая; какъ устоять противъ ея грубыхъ, безконечно и безустанно надвигающихся волнъ?...“ Чтобы устоять нужно изучать ее; локомотивъ на ужасной высотѣ прорѣзаетъ холодную мглу облаковъ, телеграфная проволока связала два міра, пролегла черезъ ширину Океана; компасъ руководитъ судномъ на краю міра, на бездорожномъ пространствѣ Океана; крошечная стрѣлка компаса раздавила въ прахъ ученіе тысячелѣтій: что земля плоска. Паровыя машины всѣхъ родовъ: двигающіяся, высокаго и низкаго давленія, которыя въ одной Великобританіи замѣняютъ собою ручной трудъ шестисотъ милліоновъ людей; телескопы, разоблачившіе небо, микроскопы — землю и воздухъ и тысячи неисчислимыхъ, окружающихъ насъ предметовъ, начиная съ необходимаго и кончая роскошью, все это дало изученіе природы. Атмосферѣ, состоящей изъ азота, кислорода, угольной кислоты, нѣтъ дѣла до насъ, наши завыванія она не услышитъ, наши мольбы ей непонятны, какъ и деревяшкѣ съ намалеваннымъ изображеніемъ. Атмосферѣ все равно, складываете ли вы, набожно, ваши пальцы въ знаменіе креста, или машете по ней палкой; небу все равно, возведете ли вы на него полные религіознымъ восторгомъ очи или плюнете въ него; пустое, беззвучное, холодное небо, одинаково не откликнется вамъ, обратитесь ли вы къ нему съ проклятіями или съ нѣжнымъ, горячимъ моленіемъ, съ злымъ укоромъ или пламенною благодарностью; ваши дорого стоющіе ѳиміамы расплывутся въ немъ такъ же безслѣдно, какъ и зловонія смрадныхъ, отхожихъ мѣстъ. Ваши духовныя картинки, осыпанныя сверкающими брильянтами, залитыя золотомъ — безпроцентные капиталы; ваши краснѣые, огромные храмы отравляютъ кровь, наполненной въ нихъ угольной кислотой, во время пышныхъ, безплодныхъ, многолюдныхъ и безтолковыхъ моленій. Религіозныя побрякушки глотаютъ капиталы, могущіе служить бѣдности всюду царящей, все пожирающей; служеніе призраку подрываетъ служеніе вы-

соко существенному, человѣчному. Храмы и дворцы — чудовищные анахронизмы, это тѣ же колоссальныя пирамиды, которыхъ строили сотни лѣтъ, сотни тысячъ людей, задыхаясь въ раскаленной Сахарѣ, обливаясь кровавымъ потомъ, чтобы во внутрь горы, изъ кирпичей, положить трупикъ плюгавенькаго фараончика. Лопающіеся отъ жира и лѣни монахи, вмѣсто полезнаго труда, вносятъ въ жизнь скотскія наслажденія и забивающую на смерть, здравый смыслъ, средневѣковую схоластику. Не Богъ создалъ человѣка по своему образу и подобію, а люди создали безчисленныхъ божковъ, по своему жалкому образу и мерзѣйшему подобію; что ни народъ, то Богъ; разношерстые Боги носятъ на себѣ отпечатки людской безсмыслицы; въ одномъ мѣстѣ богъ разрастается въ страшное могущество, рядомъ расплывается въ полное ничтожество; онъ какъ вода носитъ на себѣ отраженіе плывущихъ надъ нею облаковъ, онъ — термометръ, измѣряющій приблизительно вѣрно умственное невѣжество массъ. Неохватимая ни какою мѣркою, природа, грозно-покойно движется, руководимая скрытыми въ ней же законами; ея колоссальный механизмъ не поколеблется ни на одну линію отъ неслышныхъ крохотныхъ посяганій на ея могущество; неумолимая и равнодушная, она—движущаяся необходимость. Воздухъ, наполненный углекислотой, задушитъ васъ, стада боговъ не спасутъ васъ, потому что въ удушающемъ газѣ дѣйствуетъ законъ; не сила молитвы, двигающая горы, спасетъ васъ, а во-время отворенная форточка; камень, брошенный на воздухъ, въ силу закона притяженія, упадетъ на землю, если бы весь міръ до кроваваго пота молился и надрывался у всѣхъ божественныхъ алтарей, онъ не остановилъ бы паденія крошечнаго камня; ударъ молніи отъ вашей головы можетъ отвратить желѣзная, заостренная палочка громоотвода и тотъ же самый ударъ не отвратятъ всѣ религіи, взятыя вмѣстѣ, всего земнаго шара; темная туча, полная электричества разрѣшится надъ храмомъ, полнымъ слезномолящихся людей и курящихся благовонныхъ ѳміамовъ, такъ же слѣпо и равнодушно, какъ и надъ стадомъ свиней, мирно пасущихся гдѣ нибудь, въ лѣсу; ни взятки, ни мольбы не помогутъ; никакое доморощенное чудо не измѣнитъ законовъ природы; единственное, универсальное средство, черезъ которое можно избѣжать столкновенія съ неумолимыми законами, это: изученіе природы; въ этомъ знаніи таится наша громадная мощь и великая всепобѣждающая сила.

ГЛАВА III

Квентинъ Дорвардъ. „Чего ожидаешь ты въ будущемъ, умирая съ такими понятіями и безъ покаянія?“

Цыганъ. „Моя надежда, моя увѣренность заключается въ томъ, что таинственный составъ человѣка раздѣлится на общую массу природы, чтобы снова образоваться въ другія формы, которыми она ежедневно замѣняетъ то, что ежедневно исчезаетъ и возвращается въ другихъ видахъ: водяныя частицы обратятся въ дожди и потоки, земляныя обогатятъ мать свою —землю; воздушныя обратятся въ легкіе вѣтерки, а огненныя присоединятся къ сіяющему Альдебарану и его собратіямъ.“

(*Квентинъ Дорвардъ*—романъ В.-Скотта, перев. Веденскаго.)

Давно ли всякій благонамѣренный гражданинъ изъ себя вышелъ бы, узнавъ, что есть люди, осмѣливающіеся покушаться на безтѣлесную душу, на ея независимость отъ матеріи; малѣйшее прикосновеніе къ этому предмету возбуждало судороги, считалось святотатственнымъ; но, не смотря на стерегущихъ, злыхъ церберіковъ, людская пытливость проникла и въ этотъ недосягаемый міръ; кромѣ невещественнаго начала души, приписываемой человѣку, ему еще приписывали другое, такое же замысловатое невещественное начало: жизненную силу, которая сама умудряется творить всѣ разнообразныя явленія въ человѣческой экономіи; но эти невиннѣйшія иллюзіи растаяли, какъ мыльные пузырки, когда наука, каждымъ своимъ новымъ словомъ, разрушающая какую нибудь суевѣрную глупость, открыла, что сердце человѣка устроено по извѣстнымъ законамъ гидравлики; что каналы, несущіе кровь отъ сердца, снабжены простыми, механическими клапанами, что устройство глаза основано на самыхъ утонченныхъ началахъ оптики,— его роговая оболочка, хрусталикъ и влага имѣютъ свойства собирать лучи для составленія изображенія, а радужная оболочка, подобно діафрагмѣ въ микроскопѣ и телескопѣ, предупреждаетъ хроматизмъ и регулируетъ получаемое количество свѣта; открыла, что ухо снабжено органами для воспріятія трехъ характеристическихъ свойствъ звука: барабанная перепонка для силы звука, улитка для тона, полукрутыми каналами для качества звука. Что воздухъ, входящій въ организмъ черезъ большое дыхательное горло, дѣйствіемъ атмосфернаго давленія, обусловленнымъ пониженіемъ грудобрюшной преграды, по физическимъ законамъ переходитъ въ

крайнія клѣточки легкихъ, а потомъ въ кровь и производитъ повсемѣстныя, химическія измѣненія, возбуждаетъ теплоту и вызываетъ сложныя отправленія органической жизни. Даже таинственное питаніе органовъ замкнутыми волосными сосудами объяснилось эндосмосомъ и экзосмосомъ. Прежде, чѣмъ приступить къ объясненію, что такое сверхъестественная, безтѣлесная душа, нужно предварительно объяснить, что подразумѣваетъ наука подъ словами сила и матерія; сила, не соединенная съ матеріей — дикая отвлеченность. Азоту, кислороду, водороду присущи ихъ свойства отъ вѣка; Бюхнеръ говоритъ, что силы не лошади, которыхъ можно запречь и выпречь, это — свойство матеріи; желѣзо останется желѣзомъ: движется ли оно метеорнымъ камнемъ вокругъ свѣта, трется ли въ колесѣ локомотива о рельсы желѣзной дороги, течетъ ли въ кровеносныхъ сосудахъ и бьется ли въ вискахъ какого нибудь ученаго. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ проявленіяхъ желѣзо и его свойства неизмѣнны; всѣ невѣсомыя тѣла: свѣтъ, теплота, электричество, звукъ—только различные виды взаимнаго притяженія матеріальныхъ частицъ; въ теплотѣ частицы стремятся къ расширенію, въ холодѣ — къ сближенію; свѣтъ и звукъ — волнообразное колебаніе матеріальныхъ частицъ. Звонъ боя часовъ не слышенъ въ безвоздушномъ пространствѣ колокола пневматической машины; звукъ не можетъ образоваться безъ матеріи; на высотѣ 16 тысячъ футовъ, на Монбланѣ, пистолетный выстрѣлъ раздается въ разрѣженномъ воздухѣ, какъ звукъ спущеннаго курка. Сила немыслима безъ матеріи, нельзя себѣ вообразить слизь, отдѣляющуюся безъ железъ; сокращенія — безъ мускуловъ; ни одинъ еще, самый завзятый, теологъ не ухитрился видѣть безъ глазъ, нюхать безъ носа, дышать безъ легкихъ, существовать безъ крови и желудка, думать безъ мозга и получать впечатлѣнія безъ зрѣнія и нервовъ. Душа превращается въ волшебную безсмыслицу, отдѣленная отъ мозга, нервовъ, крови, желудка, почекъ, мускуловъ; постепенный прогрессъ ума, неминуемо, тянетъ за собою матеріальное совершенствованіе нервной системы и мозга.

Мозгъ получеловѣка кретина вѣситъ 2 фунта, мозгъ Кювье 4 ф.; но величины одной мало, въ немъ играетъ важную роль его строеніе, присутствіе въ немъ извилинъ, преобладаніе сѣраго вещества; у пса смердячаго обрѣтается душа, какъ и у человѣка, слово инстинктъ придумали ученые, какъ комплиментъ людямъ; у животныхъ мы наблюдаемъ умъ, нѣжность, понятливость, доброту, злопамятность; охотничая собака и всѣ домашнія животныя доказали большую способность цивилизоваться; маленькій прогрессъ въ мірѣ животныхъ,

сравнительно съ нашимъ, зависитъ отъ ихъ, сравнительно, малаго количества мозга. Малѣйшее поврежденіе мозга влечетъ за собою умственное разстройство; малѣйшее недоразвитіе мозга — признакъ умственнаго ничтожества; сильный ушибъ передѣлаетъ генія въ идіота; рюмка презрѣннаго вина, тяжелую, давящую грусть переродитъ въ бѣшенную веселость. „Мозоль придавитъ вашъ добрый умъ и докажетъ ему его зависимость отъ тѣснаго сапога.“ Ребенокъ, съ его крохотнымъ мозжечкомъ, съ отсутствіемъ пониманія внѣшнихъ впечатлѣній—маленькое животно-растеніе, развивается мозгъ, увеличивается воспріимчивость впечатлѣній, увеличивается и душа. „Духъ безъ тѣла страшенъ своею невообразимою нелѣпостью; таинственные философы говорятъ вамъ, что духи имѣютъ воздушное тѣло, незримое нашими глазами, тонкое, легкое и прозрачное; не думайте, что прозрачность и воздушность—что нибудь высшее; если бы человѣкъ сдѣлался жиже и еще жиже и, наконецъ, совсѣмъ прозрачнымъ, онъ отъ этого сталъ бы хуже; хорошая кровь туста и хорошій мозгъ густъ, хорошіе мускулы упруги, воздушные мускулы не могли бы служить, газовымъ мозгомъ нельзя было бы думать. Невидимыхъ для простаго глаза животныхъ бездна: всѣ наливчатые животные; но они, хотя и малы, не состоятъ же изъ одного воздуха, или изъ одной жидкости, у нихъ есть свои оболочки, очень тонкія, но которыя послѣ себя оставляютъ известь и мѣлъ; прозрачность ихъ сопряжена съ самою бѣдною степенью жизни. Для того, чтобы жизнь мухи или осы была возможна, тѣлу животнаго надобно было очень погустѣть, потерять свою прозрачность и мѣстами окрѣпнуть, какъ крылья жука или кузнечика.

Тѣло всякаго животнаго: червя, слона, человѣка дѣлается изъ окружающихъ предметовъ ѣдой и дыханіемъ; на это ему нужны части твердыя, жидкія, воздухообразныя; пока онѣ вмѣстѣ работаютъ и ни одна не беретъ верхъ, жизнь продолжается; если у животнаго отнять жидкія оболочки, то кровь и всякая жидкость, обращающаяся въ сосудахъ, прольется, газы, заключающіеся въ ней, испарятся; твердыя части вывѣтрятся и засохнутъ, сдѣлаются черноземомъ, твердой землей. Объяснить общее дѣло (жизнь), задерживающее въ извѣстномъ видѣ и въ извѣстной дѣятельности части тѣла — задача трудная, но путь къ ея разрѣшенію — физіологія и химія; неполное знаніе не даетъ право на произвольныя предположенія.

Можетъ ли душа существовать безъ тѣла—вопросъ, продуктъ нелѣпаго пониманія, что духъ можетъ существовать безъ тѣла; что сказали бы вы человѣку, спросившему васъ:

„Можетъ ли черная кошка выйти изъ комнаты, а черный цвѣтъ остаться?“ вы его сочли бы съумасшедшимъ. Тотъ, кто можетъ себѣ представить черный цвѣтъ, оставленный кошкою, или ласточку, летающую безъ крыльевъ и легкихъ, тому легко себѣ представить душу безъ тѣла, такое цѣлое, котораго части уничтожены... Есть люди, которые, безъ малѣйшаго основанія, говорятъ, что души умершихъ отправляются на другія планеты, это понять не легче; какъ же это онѣ подымаются въ океанѣ кислорода и селитророда, не окисливши въ немъ? или не соединяясь съ водородомъ, углеродомъ? Но душа не имѣетъ химическихъ свойствъ! — Какія же? — физическія? Нѣтъ! А движется? Предметъ, не имѣющій, ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ, безъ формы, качества и количества, мы называемъ несуществующимъ т. е. ничѣмъ. Тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ сравненію съ электрическою искрою, но электрическая искра очень богата физическими и химическими свойствами, не смотря на то, въ ней нельзя предположить сознанія, а вѣдь это главное, чего хотятъ въ душѣ, отрѣшенной отъ тѣла. Чтобы сознавать себя, нельзя быть ни твердымъ, какъ кремень, ни жидкимъ, какъ вода, ни прозрачнымъ, какъ воздухъ, надо быть студнемъ, кашей, какъ мозгъ. „И надъ этой простой, яркой, какъ Друммондовъ свѣтъ, истиной, бились въ мукахъ и слезахъ головы, въ колпакахъ, въ іероглифныхъ кидарахъ, беретахъ, чалмахъ и теперь, когда наука каждый часъ, все болѣе и болѣе изучая природу, все болѣе и болѣе открываетъ въ ней милліоны головъ безъ пудры и колпаковъ, думаютъ, таинственно разсуждаютъ, недовѣрчиво, враждебно смотрятъ на подобныя мысли. — Что же далѣе? Выводъ прямой: пока кровь обращается, мозгъ работаетъ, желудокъ варитъ, мы живемъ; разъ пріостанавливается какой нибудь изъ этихъ процессовъ, равновѣсіе нарушается и наступаетъ смерть; индивидуальность исчезаетъ и человѣкъ поступаетъ въ общій ящикъ природы; человѣческое я превращается въ черноземъ; изъ подъ земли тихо выползаютъ черви, со всѣхъ сторонъ, жадно, стекаются кроты, крысы, мыши и весело, во мракѣ справляется пиръ. И не все ли равно въ чьемъ желудкѣ будетъ свершаться процессъ дальнѣйшаго измѣненія матеріальныхъ частицъ? Матерія—безсмертна, расплывается одинъ только духъ; „матерія, сила, вѣчны, онѣ не могутъ быть ни рождены, ни уничтожены; исчезнетъ сила передъ нашими глазами, но на самомъ дѣлѣ она не исчезла, а только перемѣнила форму, перешла въ другія силы; повидимому образуется новая сила, но на самомъ дѣлѣ, она посредственно или непосредственно перешла изъ другихъ силъ. Механиче-

ская, химическая, электрическая, магнитная сила, теплота и свѣтъ переходятъ другъ въ друга, но величина силы остается такою же, въ какой бы формѣ послѣдняя не проявлялась"; та же самая исторія повторяется съ матеріей, что пропадаетъ въ одномъ мѣстѣ, появляется въ другомъ; часы, разбитые, времени не покажутъ, составныя же части ихъ цѣлы. Матерія, милліонъ разъ перемѣнивши свою форму, останется той же матеріей; трупъ можетъ черезъ тысячу лѣтъ проявиться въ листьяхъ крапивы, въ личинкѣ пестрѣющей дивно нѣжными красками бабочки, въ пахучихъ, чудныхъ цвѣтахъ. Въ природѣ смерть — рожденіе, могила — колыбель; матерія — фениксъ, сгорая и обращаясь въ пепелъ, она снова является юнымъ фениксомъ; „матерію можно уподобить кругу, который въ самомъ себѣ носитъ смыслъ своего существованія, въ которомъ причины и слѣдствія перепутываются безъ начала и конца."

Джоржъ Бруно сказалъ: „изъ сѣмени образуется стебель, изъ стебля колосъ, изъ колоса зерно, изъ зерна хлѣбъ, изъ хлѣба питательный сокъ, изъ сока кровь, изъ крови животное сѣмя, изъ сѣмени зародышъ, изъ зародыша человѣкъ, изъ человѣка трупъ, изъ трупа земля, камень и другія массы." Частица воды, поднявшаяся изъ моря можетъ, незамѣтно, перейти въ воздухъ, можетъ плавать надъ нами въ облакѣ, падать въ видѣ дождя, всасываться въ землю, выступить снова въ источникѣ, войти въ корни растеній, подняться въ его сокѣ до листьевъ, разложиться тамъ съ помощью солнечнаго свѣта на свои составныя части: кислородъ и водородъ; изъ этихъ и другихъ элементовъ могутъ быть приготовлены масла, кислоты и различные органическіе составы; въ этомъ видѣ или въ своемъ неразложившемся состояніи частичка воды можетъ войти въ пищу животныхъ, обращаться въ ихъ крови, участвовать въ дѣятельности пониманія, отправляемой ихъ мозгомъ и наконецъ вернуться въ воздухъ посредствомъ выдыханія. Пролитая въ слезѣ, въ минуту отчаянія, она можетъ породить радугу — эмблему надежды, словомъ, каковъ бы ни былъ пройденный ею путь, каковы бы ни были испытанныя ею измѣненія, какого бы свойства ни была господствовавшая надъ ней сила, ея элементарныя составныя части сохраняются всегда. Вспомните слова Гамлета на могилѣ Офеліи въ разговорѣ съ могильщиками: „Передъ кѣмъ дышать едва ли смѣли, великій Цезарь нынѣ прахъ и имъ замазываютъ щели." Самый дерзкій умъ запутается, слѣдя за вѣчнымъ круговоротомъ матеріи; выпасть абсолютно нѣтъ никакой возможности ни одному атому изъ того ящика, окруженнаго слоемъ атмосферы, который называется земнымъ ша-

ромъ. Обокрасть природу нельзя, можно только перемѣстить ея части, но самихъ себя люди обворовываютъ съ восхитительнымъ тупоуміемъ: секспліоны пудовъ человѣческихъ изверженій, которыя, утучнивъ почву, переродились бы въ громадныя массы хлѣба, спускаются, посредствомъ водосточныхъ трубъ, въ рѣки и моря, которыя, какъ извѣстно всякому, даже не бывшему въ семинаріи, не на столько любезны, чтобы возвратить разъ принятое въ свое лоно, а люди не на столько еще хитры, чтобы ихъ оттуда вытащить. Одинъ Парижъ, со времени своего существованія, навѣрное, въ видѣ собственныхъ изверженій, выбросилъ въ Океанъ, какъ негодный хламъ, въ сто разъ болѣе милліардовъ, чѣмъ онъ заплатилъ Германіи, послѣ войны 1870 года. Статистику остается вычислить: сколько теряетъ Европа золота каждый годъ черезъ водосточныя трубы; навѣрное, цифра выйдетъ такая, что поразитъ самое необузданное воображеніе. Другой возмутительный, безчестный поступокъ заключается въ томъ, что человѣкъ каждую терцію заимообразно беретъ у природы пищу, воздухъ, ея цѣлебныя, живыя силы, но когда наступаетъ день окончательнаго разсчета т. е. смерть, онъ велитъ самымъ подлымъ образомъ спровадить себя, какъ можно глубже въ землю, онъ старается, какъ можно глубже уйти отъ долговъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его трупъ, выростаетъ бурьянъ, тогда какъ, поступи онъ разумно, позволивъ сжечь свой трупъ и имъ унавозить землю, онъ произвелъ бы обильный урожай травы или хлѣба. Умершему, т. е. несознающему себя праху рѣшительно все равно, но разнаго рода Зюлейкамъ, Вильгельминамъ, Анжеликамъ и Маргаритамъ, покоющимся на гробахъ мужей своихъ, или рано отцвѣтшихъ любовниковъ, этотъ проэктъ покажется возмутительнымъ; ихъ здобно сантиментальныя сердца вострепещутъ при одной мысли, что исчезнутъ безслѣдно, глубоко поэтическія кладбища, оттѣненныя липами, испещренныя незабудками, безслѣдно погибнутъ тѣ урны — эмблемы слезъ и тоски, надъ которыми такъ живописно, поэтически склонялись отъ нечего дѣлать милліоны нищихъ духомъ златокудрыхъ головокъ. Увлеченный этой еретическою мыслію, я часто, невольно, задумывался надъ человѣческими тушами изъ касты купцовъ и касты монаховъ, о всемогущіе Боги: Аллахъ, Брама, Шива и быкъ Апись! какія горы прекраснаго жирнаго навоза погибаютъ даромъ! Какіе колоссальные источники плодородія гибнутъ для русской земли, сколько ужаснаго вреда они приносятъ при жизни и никакой пользы послѣ смерти!!...

ГЛАВА IV

Что же касается до постнаго зарожденія Спасителя отъ дѣвы, которая его родила, „не спросясь супруга,“ до массы гнили, съѣдаемой молью, и покоющейся среди одуряющихъ ѳиміамовъ, въ кіевскихъ катакомбахъ и прочихъ монастырякъ, эти грязненькія нелѣпости, подлыя обдиранія невѣжественнаго народа, падаютъ подъ тяжестью собственной нелѣпости; черезъ нѣсколько столѣтій чудомъ будетъ то, что въ природѣ существовали люди, вѣрующіе въ чудо; мнѣ было бы крайне совѣстно толковать объ этихъ отчаянныхъ глупостяхъ, если бы я не посвящалъ моихъ произведеній большинству; для этого разноголоваго большинства очень мало, что вы разрушили зданіе, оно желаетъ, чтобы вы взяли роль мусорщика и повымели весь соръ до послѣдней пылинки.

Одна нелѣпость тянетъ за собою цѣлый рядъ нелѣпостей, она прилипчива, имѣетъ силу химическаго сродства; предположить какія нибудь осмысленныя дѣйствія въ человѣкѣ уже умершемъ, все равно, что предположить возможность произвольныхъ дѣйствій въ столѣ, стулѣ, навозной кучѣ; но поголовная глупость пошла еще далѣе: она вѣритъ, что эти скверно набальзамированныя куклы, фокусъ-покусы жаднаго до денегъ духовенства, творятъ чудеса, то есть невозможное; онѣ сами, крайняя безсмыслица, вызываютъ еще большую безсмыслицу Та же наивная пошлость просвѣчиваетъ въ обрядѣ святыхъ тайнъ; маленькій ребенокъ, незабитый благонамѣренными родителями, поймётъ всю жалкую нелѣпость всѣхъ обрядовъ вообще, а этого обряда въ особенности. Передать попу деньги за исповѣдь возможно, но сдать грѣхи — дѣло чрезвычайно мудреное, нужно предположить внутри человѣка особенную шкатулочку, спеціально предназначенную для грѣховъ, или мѣшокъ съ мусоромъ, который можно вытряхнуть передъ попомъ; передать грѣхъ все равно, что передать мысль, развѣ передавая мысль, мы избавляемся отъ нея? но многіе видятъ въ этомъ обрядѣ нравственный смыслъ — раскаяніе, залогъ будущаго исправленія, въ теоріи это такъ, но на практикѣ совершенно иначе; если и раскаяніе, то къ чему водевильныя прелюдіи, интимное секретничанье съ попомъ? (которые въ учебныхъ заведеніяхъ, по слабости къ доносу, болѣе сильные грѣхи воспитанниковъ передаютъ начальству) — [illegible]

голоданіе, а потомъ приниманіе гадкаго, французскаго вина съ французскою булкою? почему это чувствуется облегченіе послѣ этой дикой церемоніи? въ неглупомъ человѣкѣ безсмысленныя продѣлки должны возбуждать отвращеніе, какъ издѣваніе надъ здравымъ смысломъ. Но на нѣкоторыхъ это дѣйствуетъ иначе: очистивъ желудокъ недѣльнымъ постомъ, они являются къ причастію съ легкимъ и незатрудненнымъ пищевареніемъ, да еще впроголодь, понятно — и булка вкусна и на душѣ ясно, а къ этому ихъ пріятно щекочетъ мысль, что всѣ помои, т. е. грѣхи слиты въ грязный резервуаръ, именуемый попомъ. Является вопросъ: пріостанавливались ли грѣховныя дѣйствія хоть на одну минуту послѣ этой пресловутой процедуры? Нѣтъ, самый горячій вѣрующій навѣрное сознается самому себѣ, что по выходѣ изъ церкви, они начинали накопляться вновь и нерѣдко въ возростающей пропорціи. Чтобы дѣлать мало зла, нужно быть отъ природы добрымъ, гуманнымъ и кромѣ этого очень развитымъ человѣкомъ; надо послѣдовательно строго выработать въ себѣ честныя убѣжденія, а это дается долгою, упорною работою мысли; человѣкъ неотвѣтственъ, пока грѣхъ относится къ его личности, малѣйшее же покушеніе на личность другаго, а въ особенности слабую и беззащитную, есть грѣхъ и грѣхъ очень тяжелый. Весь смыслъ прогресса заключается въ улучшеніи междучеловѣческихъ отношеній, но не въ одномъ микроскопическомъ меньшинствѣ; государство вкупѣ и любѣ съ церковью придумали много грѣховъ, которые теперь возбуждаютъ проническую улыбку; но за то посяганіе на чужую свободу, чужое благосостояніе, обираніе бѣдныхъ тружениковъ стало, но только очень недавно, тяжкимъ преступленіемъ противъ равныхъ себѣ людей. Но объ грѣхѣ, какъ его понимали и понимаютъ люди, можно говорить или очень коротко, или черезъ чуръ пространно, середины тутъ быть не можетъ, и такъ какъ подробный разборъ, что такое грѣхъ, не входитъ въ планъ нашей статьи, то мы оставимъ этотъ громоздкій предметъ въ покоѣ. Для комизма приведу нѣсколько примѣровъ изъ несчетнаго количества примѣровъ, которые наблюдательный человѣкъ можетъ подмѣтить самъ: многіе изъ русскихъ гражданъ, купеческаго званія, считали тяжелымъ грѣхомъ не посѣтить всенощной и тѣ же русскіе граждане считали поступкомъ въ высшей степени праведнымъ отдубасить въ кровь за неповиновеніе свою супругу и дѣтей и надуть въ пухъ покупателей. Считалось грѣхомъ ѣсть скоромное на страстной недѣлѣ и — ничѣмъ мѣнять дѣвокъ на борзыхъ щенковъ, затиранивать голодомъ и побоями тысячи равныхъ себѣ людей; считалось грѣхомъ произнести хулу

противъ неограниченнаго монарха и—ничѣмъ, если тотъ же самый монархъ обираетъ до нитки огромное государство для своихъ скотскихъ прихотей и губитъ тысячи лучшихъ жизней за то, что они имѣютъ неодинаковые съ нимъ взгляды на вещи, считая своихъ подданныхъ, равныхъ себѣ людей, пушечнымъ мясомъ и такъ далѣе, до безконечности; бросаю эту дорожку и предоставляю прогуляться по ней читателю въ свободное время, онъ придетъ къ удивительнымъ открытіямъ. Теперь скажу нѣсколько словъ о загробной жизни: три четверти монастырскихъ и церковныхъ богатствъ обязаны своимъ происхожденіемъ этой невинной вѣрѣ. Попы и монахи, захвативъ въ свои руки богатую, крупную жертву, тотчасъ же старались забить и обезсмыслить ее страхомъ, они разрисовывали передъ нею (католическіе попы были на это великіе мастера) картины будущихъ мученій, сковороды, щипцы, лохматые черти, неугасимое пламя, вѣчныя, лютыя пытки выдвигались такъ искусно, что замученная до летаргіи жертва отдавалась въ полную власть монахамъ съ тѣмъ, чтобы они избавили грѣшную душу отъ злополучной участи, тогда послѣдователи нищаго Спасителя весьма скромно запускали обѣ руки въ карманы и сундуки грѣшника и обчищали ихъ съ непостижимымъ искусствомъ, обѣщая за эти добровольныя пожертвованія вѣчное блаженство въ загробномъ мірѣ и прощеніе всѣхъ грѣховъ; искусные напускатели страха догадались, что въ ихъ рукахъ таится страшная, злая сила. Католическая Европа до этихъ поръ игрушка въ рукахъ поповъ по милости этой силы; самая безпощадная эксплуатація массъ и отдѣльныхъ единицъ была совершена съ помощью этой силы. Іезуиты, вооружившись этимъ смертоноснымъ оружіемъ, смѣло входили во дворецъ и скоро муха, носящая царскую корону, билась въ густой паутинѣ, окруженная пауками. Съ научной точки зрѣнія вѣра въ загробную жизнь болѣе, чѣмъ нелѣпа, съ нравственной—она крайне безнравственна: тотъ, кто дѣлаетъ добро въ ожиданіи за него награды и не дѣлаетъ зла, боясь жестокихъ и ужасныхъ наказаній, такой человѣкъ, когда исчезнетъ узда, задушитъ и растерзаетъ васъ; такіе люди свободу превращаютъ въ анархію; если бы міръ состоялъ изъ такихъ людей, онъ превратился бы въ зловонную яму, квинтъ-эссенцію всѣхъ гадостей, въ покойницу русскую канцелярію, гдѣ воришки чиновники получали награды за мнимое неворовство. Мизеренъ тотъ человѣкъ, который даетъ гривенникъ, надѣясь на рубль блаженствовать, это похоже на ханжей-старушенокъ, которыя, давая грошъ нищему, который его на одну терцію можетъ спасти отъ голодной смерти, разсыропливались, ожидая

въ небывалой жизни получить за это сторицею, это — отдаваніе денегъ подъ тысячу процентовъ; такая добродѣтельная старушка — подлая ростовщица. Истинное добро — потребность развитой натуры, оно не ждетъ награды и смѣется надъ небесною расправою; наградой такимъ людямъ служитъ ощущеніе, что дѣйствіе ихъ благородно и чисто; злое они избѣгаютъ, потому что все нелѣпое, варварски злое производитъ на нихъ отталкивающее впечатлѣніе; правительственныя, нѣжныя попеченія невыносимо стѣсняютъ подобныхъ личностей; всякое стѣсненіе свободы дѣйствуетъ на нихъ, какъ недостатокъ воздуха, тяжесть цѣпей, какъ безобразное издѣваніе надъ ними, мѣсто для нихъ — свободное государство, рабское заѣдаетъ ихъ силы на благое и сводитъ ихъ въ раннюю могилу; никакая грязь не пристаетъ къ нимъ, причиною этого то, что убѣжденія достаются имъ долгою внутреннею борьбою, страшными утратами и дѣлаются ихъ достояніемъ, какъ кровь, обращающаяся въ ихъ жилахъ.

Отсутствіе нелѣпыхъ вѣрованій не отымаетъ, но увеличиваетъ въ насъ хорошее; современные идеалы невѣрующихъ непзмѣримо шире идеаловъ прошедшихъ; религія — костыли, нужные пзможженному калѣкѣ; сильный, вѣрующій въ себя человѣкъ съ презрѣніемъ оттолкнетъ ихъ; вѣрующіе въ божественный призракъ, въ минуты страданій, тяжелыхъ потерь, мучительной безпомощности, обращаются къ своей воздушной опорѣ, ихъ наивно глупенькая молитва, обращенная къ уголку комнаты, вноситъ въ ихъ душу сладкое забытье, вѣру въ скрытую, всюду разсѣянную помощь; суровые удары и послѣ молитвы обрушившіеся на ихъ головы, они принимаютъ за испытаніе, за забаву надъ ними всеблагаго Бога. Невѣрующій не купитъ, цѣною незнанія, сладенькаго успокоенія, истина дороже ему убаюкивающихъ софизмовъ, его закаленный въ логикѣ умъ отшатывается отъ идолопоклонства, оно ему противно въ маленькихъ и громадныхъ размѣрахъ. Мы знаемъ ту горькую истину, что безумное счастье, великія блага — счастливыя и непреднамѣренныя случайности; вѣчнымъ, блестящимъ звѣздамъ, повисшему надъ нами бездонному небу все равно, блаженствуемъ ли мы, упоенные счастьемъ, трепещемъ въ восторгѣ или копошимся, расплюснутые въ пыли; надъ нами нѣтъ пекущагося о нашемъ благѣ Бога. Дорогое, любимое нами существо умираетъ, въ этомъ печальномъ фактѣ мы видимъ одинъ изъ безчисленныхъ законовъ природы; развѣ виновата струя холоднаго воздуха за то, что вы подставили ей вашу вспотѣвшую грудь? развѣ вы рѣшились бы проклинать природу за то, что на вашихъ глазахъ хорошенькій, пахучій цвѣтокъ завялъ безъ дождя,

спаленный солнцемъ? это явленія природы, на которыя жаловаться безсмысленно и крайне безполезно. Природа перестала быть для насъ злою букою съ тѣхъ поръ, какъ мы отняли у нея arrières pensées и подмѣтили въ ней слѣпую механичность, безстрастность, строгое подчиненіе законамъ; чѣмъ болѣе мы ее узнаемъ, тѣмъ менѣе мы подвергаемся ея грубымъ натискамъ; сойдясь съ нею глазъ на глазъ, мы перестаемъ ее бояться, мы подчиняемъ ее себѣ; во многихъ случаяхъ она стала нашею покорною рабою: паръ безплодно улетучивался въ небо, сгнетенный въ тѣсную машину, онъ двигаетъ локомотивъ съ быстротою вѣтра; онъ несетъ пароходъ по волнамъ океана; тамъ гдѣ мы не умѣемъ справиться съ нею, мы весьма скромно сторонимся; если надъ дорогой виситъ, готовая рухнуть глыба, ее нужно обойти; отъ вреднаго для насъ холода мы обороняемся теплымъ жилищемъ, теплою одеждою; отъ болѣзней гигіеническими мѣрами; въ строгомъ и истинномъ пониманіи природы заключаются громадныя преимущества атеистовъ передъ поборниками самодура Бога; вѣрующіе не глядятъ подъ ноги, а черезъ чуръ умильно въ небо, слишкомъ довѣряютъ ему, вслѣдствіе этого они очень часто спотыкаются съ опасностью сломить себѣ шею, нѣтъ сомнѣнія, — во всемъ виновато коварное небо. Нашъ вѣкъ, не смотря на его глубокій скептицизмъ, сталъ строже къ самому себѣ, требованія увеличились; какъ можно менѣе эгоизма, какъ можно болѣе для другихъ, стало горячимъ стремленіемъ лучшихъ современныхъ людей. Въ основѣ всѣхъ гуманныхъ ученій нашего вѣка лежитъ та святая мысль, которая составляла сущность ученія Іисуса и за которую онъ такъ мученически погибъ на крестѣ: не покупать себѣ счастья цѣною чужаго несчастія. Каждый вѣкъ, каждый часъ жизни снимаетъ по чешуйкѣ съ глазъ человѣка, смягчаетъ какой нибудь лучъ его разума, вызываетъ какую нибудь силу изъ его сердца. Въ былое время барыня, засѣкавшая плетьми своихъ крестьянъ, и отдававшая дѣтей въ воспитательный домъ, нѣсколькими пожертвованіями на храмъ Божій могла искупить весь страшный грузъ своихъ грѣховъ и погрузиться въ свою добродѣтель, а передъ смертью ожидать, что ангелы ее съ кроватью, матрасомъ и подушками унесутъ на небо. Современный намъ честный человѣкъ, въ свои послѣднія минуты, не приглашаетъ поповъ и не ожидаетъ визитовъ ангеловъ, а твердо умираетъ, если желаніе жить, общій всѣхъ удѣлъ, не отравляетъ его. Неужели еще нужно доказывать, что религія, исповѣдуемая большинствомъ, не вяжется съ нравственностью, что она болѣе, чѣмъ безполезна; каждый изъ вѣрующихъ, бла-

говѣйно, укладываетъ ее въ тѣ строго ограниченныя рамки, которыя ему необходимы, чтобы религія не безпокоила и не мѣшала ему. Религія массъ никогда еще не помѣшала какъ обществу, такъ и отдѣльному человѣку творить наиразнообразнѣйшія мерзости.

Многіе увѣрены, что народъ сдерживался и сдерживается религіей; пусть императоры, возложивши всѣ надежды на религію, попробуютъ распустить войска и отдать народу на сохраненіе пушки и ружья и мы тотчасъ же увидимъ силу религіи и силу той мысли, что самодержавіе съ его пакостнымъ строемъ вытекло свободно изъ жизни народа; нѣтъ сомнѣнія, что государственные люди на столько практичны, что знаютъ цѣну себѣ и настоящую цѣну религіи! они могутъ произносить совершенно безбоязненно до поры и времени патетическія фразы, охраняемые пушками и солдатами! Развѣ удержала религія французскій народъ отъ революціи 89 года, сентябрьскихъ убійствъ, ужасовъ мести, отъ гильотины, обезглавившей тысячи аристократовъ? развѣ религія остановила ужасы крестьянскихъ войнъ? удержала ли она религіозный русскій народъ отъ необузданной рѣзни Разина и отъ кроваваго возстанія Пугачева? Отъ народовъ перейдемъ къ отдѣльнымъ единицамъ, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ безконечнаго множества историческихъ примѣровъ: римскіе папы служили по шести разъ въ день обѣдни, и въ то же время, съ умиленнымъ и переполненнымъ религіознымъ восторгомъ сердцемъ, подписывали тысячи смертныхъ приговоровъ протестантамъ, поджигали монарховъ къ фанатическимъ изувѣрствамъ, а сами отличались самымъ гнуснѣйшимъ развратомъ, звѣрствомъ и дикимъ невѣжествомъ. Инквизиція держала въ одной рукѣ распятіе, а въ другой лютыя орудія ужасныхъ, фантастическихъ пытокъ; проповѣдывала смиреніе, любовь, терпимость, гремѣла текстами святыхъ апостоловъ и сжигала на медленномъ огнѣ тысячи невинныхъ жертвъ. Филиппъ II былъ глубоко религіозный человѣкъ, но это не помѣшало ему быть кровавымъ и отвратительнымъ палачемъ; митрополиты и архіереи, поклонники Іисуса, который въѣхалъ торжественно въ Іерусалимъ на ослицѣ, обжираются лукуловскими обѣдами, ѣздятъ шестерикомъ въ каретахъ съ двумя лакеями на запяткахъ и получаютъ огромныя содержанія, выкраденныя у голоднаго народа. Митрополитъ Филаретъ былъ пропитанъ до мозга костей теологическою мудростью и въ то же время онъ отслужилъ молебенъ послѣ казни Декабристовъ и всю жизнь одобрялъ рабство, защищалъ текстами святыхъ апостоловъ плети и палки. Іоаннъ Грозный четвертовалъ и запытывалъ

тысячи жертвъ и въ то же время по ночамъ служилъ обѣдни и жарко, усердно стучалъ головою о церковныя плиты. Николай Павловичъ запоролъ въ кровь повально большую часть Россіи, задушилъ на десятки лѣтъ прогрессъ государства, повѣсилъ декабристовъ и всю жизнь занимался ссылкою лучшихъ людей Россіи въ Сибирь, и въ то же время, онъ былъ религіозный человѣкъ. Русское купечество обмѣриваетъ, обсчитываетъ, сосетъ кровь изъ бѣднаго рабочаго и бѣднаго крестьянина и тѣ же безсердечныя твари, обирая, молятся съ неимовѣрнымъ усердіемъ, обставляютъ и обвѣшиваютъ себя полновѣсными образами, посылаютъ накраденныя тысячи на Аѳонскіе монастыри, лѣвою рукою суютъ фальшивую ассигнацію крестьянину за возъ хлѣба, добытаго ужаснымъ трудомъ, а правою широко крестятся. Развѣ кто нибудь изъ этого отребья сдѣлался лучше оттого, что исповѣдуетъ христіанскую религію? религія необыкновенно эластична и чрезвычайно способна принимать тысячи разнообразныхъ формъ, она никому и ничему не мѣшаетъ, всякій съ нею идетъ на сдѣлки и крутитъ ее по своему. Неужели поклоненіе идоламъ, дежуренье по церквамъ, мерзкія продѣлки поповъ, морочущихъ невѣжественныя массы, могутъ быть названы религіей? если я публично смѣюсь надъ глупыми и дикими обрядами, поклоненіемъ мнимымъ и переходящимъ святостямъ, неужели это можетъ даже въ царствѣ кретиновъ считаться предосудительнымъ? Но совсѣмъ другое дѣло, если я, закутываясь софизмами, буду доказывать, что слѣдуетъ обирать слабаго и беззащитнаго, что государь отецъ, а восемьдесятъ милліоновъ людей его паріи, земное назначеніе которыхъ восторженно жертвовать личною свободою, счастіемъ и имуществомъ для его необузданныхъ, грубыхъ прихотей; говорить, что одинъ крошечный человѣкъ, окруженный кучкою паразитовъ, можетъ управлять судьбами восьмидесяти милліоновъ людей; буду открыто признавать эгоистическія, лживыя, грязненькія мысли царя пигмея за непреложныя истины; проповѣдывать, что передъ такимъ пугаломъ слѣдуетъ склоняться въ страхѣ съ трясущимися поджилками, то я буду злой преступникъ, который подрывается подъ здравый смыслъ народа и топчетъ человѣчные принципы любви и равенства. Если я буду говорить, что законъ долженъ карать преступнаго, что въ то время, когда бѣдность печальная, безпріютная копошится въ невѣжествѣ и горѣ, слѣдуетъ воздвигать колоссальные храмы въ десятки милліоновъ тому, кто презиралъ и ненавидѣлъ богатство и умеръ на крестѣ за свободу и бѣдныхъ, то проповѣдуя такія свирѣпыя мысли, я буду въ разрѣзъ идти съ гуманностью, буду кощунствовать

надъ евангеліемъ и въ грязь топтать проникнутые любовью принципы нашего времени.

ГЛАВА V

„Мысль, мысль, какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе
. . . . . .
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушеніе
Неумолима какъ сама судьба.“

Въ концѣ концовъ поддающаяся на опыты и наблюденія, во многихъ случаяхъ подчиненная намъ природа, вовсе не слаба, а гигантски могущественна, зависимость наша отъ нея огромная; мы ее разлагаемъ, изучаемъ, подчиняемъ себѣ, создаемъ искусственныя преграды въ борьбѣ съ нею, но въ свою очередь никакія наши усилія не помогутъ и мы подчинимся ей.

Природа—безбрежное, волнующееся море, мы же люди и наши мудреныя государства — волны; оно неустанно въ далекую, таинственную даль укатываетъ свои шумныя волны, но завянутъ вѣтры, затихнетъ море и волны исчезнутъ. Настоящее, относительное постоянство формъ есть слѣдствіе физическаго приблизительнаго равновѣсія; постоянство формъ только и мыслимо пока мы его измѣряемъ нашею крошечною историческою жизнею и крошечнымъ уголкомъ, въ которомъ мы живемъ; постоянство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится ежегодный запасъ свѣта, средняя температура, составъ воздуха, расположеніе водъ, океаническія и атмосферическія теченія и еще сотни другихъ подобныхъ явленій. „Шаръ останется неподвижнымъ на горизонтальномъ столѣ, но если немного наклонить столъ, онъ скатится; чтобы мы сказали о томъ, кто, разсматривая шаръ въ неподвижномъ состояніи, сталъ бы утверждать, что онъ и не можетъ двигаться?“ Колоссальная физическая природа медленно, безостановочно измѣняясь, измѣняетъ животный міръ и человѣческій муравейникъ, слабый, чтобы бороться съ нею, онъ принимаетъ тѣ формы, которыя возможны въ данный мигъ.

Все существующее—форма; далекое прошлое даетъ намъ печальный урокъ, кипучая жизнь, полная сказочныхъ чудовищъ и колоссальной растительности, медленно отложилась въ слои; очень далекое будущее грозитъ медленною смертью цѣлому живущему и прозябающему міру. Нашъ міръ не погибнетъ такъ грандіозно, какъ предсказываетъ апокалипсисъ;

равновѣсіе небесное не нарушится отъ гибели нашей планетки—пылинки въ мірозданіи. Наступитъ то роковое время, когда весь растительный и животный міръ отложится въ слои, чтобы уже никогда не возникнуть къ жизни. Солнце—нашъ всемогущій Богъ, медленное охлажденіе его массы заморозитъ нашу крошечную планетку; сухой холодъ, несущій смерть и мракъ, будетъ тихо, но неотразимо, сползать отъ ледяныхъ полюсовъ къ роскошному югу; залитыя солнцемъ, пестрѣющія благоуханными цвѣтами и дивною растительностью, тропическія страны зачахнутъ и застынутъ, охваченныя вѣчною, холодною ночью; горячія воздушныя экваторіальныя теченія все съ меньшей и меньшей энергіей будутъ, разливая и уравнивая тепло, нестись къ полюсамъ, холодныя же теченія все стремительнѣй будутъ притекать къ югу. Теплый гольфстримъ, разливающій теплоту и жизнь по холоднымъ материкамъ и островамъ все болѣе и болѣе будетъ укорачивать свое теченіе, а холодныя массы воды все бурнѣе будутъ течь къ югу... и нашъ многолюдный, могучій міръ превратится въ мертвую, ни къ чему не годную ледяную глыбу, которая будетъ слѣпо и вѣчно носиться „безъ цѣли и безъ лучей въ пространствѣ вѣчномъ.“ Титаническій, гордый родъ людской, съ его чудною всепроникающею дѣятельностью, съ его телескопами, микроскопами, телеграфами, прорѣзающими тучи локомотивами и другими его величайшими душевными атрибутами, исчезнетъ, какъ затухшій огонь, —капля, попавшая въ огромный океанъ,—розовое, утреннее облачко, расплывающееся въ небѣ. Безжалостная природа распорядится съ нами такъ же безцеремонно, какъ съ трупомъ микроскопической блохи; благопріятны для насъ окружающія условія, мы существуемъ; физическія силы даютъ намъ жизнь и тѣ же грубыя, физическія силы безпощадно уничтожатъ насъ; природѣ все равно, появятся ли послѣ насъ геніи люди или морскія раковины.

Можетъ быть, нѣкоторые замѣтятъ, что этими мыслями я отнимаю у міра его дивную волшебность и красоту, да, я отнимаю волшебность, но не отнимаю красоты; если картина хороша, то не все ли равно для меня—Богъ ли управляетъ движеніями всего, или природа управляется собственными законами. Передъ моими окнами, когда я пишу эти строки, надъ моремъ тихо всплываетъ луна, бросая длинную, яркую, красновато-золотую полосу, она искрится милліонами чудныхъ огней; кругомъ темно-синее море, оно усиливаетъ свѣтъ и придаетъ ему еще болѣе красоты и яркости, прозрачный воздухъ черенъ отъ густой своей синевы; вдали показывается пароходъ, вы видите, какъ онъ подползаетъ,

шумя колесами, дымъ, черною волною, движется за нимъ; на немъ мелькаютъ разноцвѣтные огоньки, онъ подвигается все ближе и прорѣзаетъ полосу луны; мачты свѣтятся, дымъ серебряный клубится надъ нимъ; его могучій корпусъ бросилъ рѣзкую, черную тѣнь на воду, секунда... и все исчезло, какъ фато-моргано; вдали судна, распустивши бѣлые, большіе паруса, кажутся, при блескѣ луны, гигантскими птицами, распахнувшими свои бѣлыя крылья и готовыя улетѣть; волны, чуть слышно, нѣжно бьются о песчаные берега; тихо шумятъ мелкіе, морскіе камушки, увлекаемые волнами; нашептываютъ милыя сказки говорливыя волны, поютъ, погружающую въ грезы, колыбельную пѣсню; весенніе цвѣты пахнутъ раздражительно сладко; буду ли я чувствовать уменьшеніе наслажденія въ томъ, что восходъ луны, мелодичный шумъ волнъ, дивный запахъ цвѣтовъ—дѣйствія безсмысленныя, неповинныя въ своей красотѣ, что природа тутъ дѣйствуетъ механически, на волосъ не думая доставлять мнѣ удовольствія, или угождать мнѣ особеннымъ раздраженіемъ моихъ нервъ? Нѣтъ, знаніе всего этого не уменьшаетъ моей впечатлительности къ хорошему; невѣжа, вѣрующій, въ простотѣ душевной, въ преднамѣренность всего, что свершается въ природѣ, не будетъ вовсе наслаждаться всѣмъ этимъ, если его мозгъ и нервы невоспріимчивы. Ясно, что никакое изученіе природы не подрываетъ ея красоты и дѣйствія на нервы. Знаніе усиливаетъ наслажденіе; несчастенъ человѣкъ, холодно смотрящій на все прекрасное, ледянящій своимъ лягушечьимъ прикосновеніемъ всѣ молодые порывы, онъ напоминаетъ слова Гейне, объ одномъ изъ нихъ: „онъ вывѣтрилъ изъ своей жизни солнце, всѣ цвѣты и осталась ему въ жизни одна положительная могила,“ въ ней онъ буквально становится положительнымъ.

Египетъ — Александрія. 1869 г.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

на выдуманную жизнь Іисуса, написанную Ренаномъ

(Сочиненіе аббата Гете)

„Передъ истиной нагой исчезъ и призракъ Бога."

(*Монологи* Огарева)

„Только сердцемъ можно видѣть небо; если же вы хотите заставить меня вѣрить въ него, какъ заставляете вѣрить въ существованіе антиподовъ т. е. съ помощью разсказовъ и географическихъ вѣроятностей, то я вовсе не повѣрю ему...."

(*Исторія англійской литературы* Тена)

Аббатъ Гете, обуреваемый религіозными чувствами, состряпалъ книженку, озаглавленную чрезвычайно комично: „Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, Ренана" съ желаніемъ въ пухъ и прахъ уничтожить Ренана, автора сей безбожной книги (какъ выражается переводчикъ), въ своемъ болѣе чѣмъ наивномъ предисловіи, онъ объясняетъ свой переводъ книги Гете тѣмъ, что будто бы Ренанъ чрезвычайно увлекателенъ (другими словами очень логиченъ) и легко можетъ увлечь молодежь и неспеціалистовъ закона Божьяго на свою сторону; что онъ съ своимъ переводомъ является какъ противовѣсъ вліянію Ренана. Сердобольный переводчикъ трогательно печется о сохраненіи религіозныхъ вѣрованій; онъ боится матеріалистовъ и нигилистовъ, которыхъ черезъ чуръ много расплодилось въ наше скептическое, проникнутое трезвою логикою, время. Книга почтеннаго аббата Гете—жалкое, безплодное усиліе удержать, ослабѣвшими, безсильными, дѣтскими ручонками, съ каждымъ часомъ, все болѣе и болѣе надвигающіяся, страшныя тяжести; это — послѣдній tour de force слабенькаго мозжечка, занавоженнаго нелѣпостью и нелогичностью.

Перешедшій въ православіе Гете и состоящій въ настоящее время попомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, именуемый отцемъ Владиміромъ, задумалъ трудное и чрезвычайно несоотвѣтствующее своимъ силамъ дѣло; его крохотные софизмики, его дикія, поповскія воззрѣнія популяризируютъ Ренана, изъ области свѣтской онъ проникнетъ въ монастыри; своими опроверженіями онъ ярко освѣщаетъ ту тьму кромѣшную вѣрованій, которыхъ придерживаются разжирѣвшіе отъ ничего недѣланія попы и безголовая, невѣжественная масса.

Постараемся сдѣлать легкій обзоръ потовому труду отца Владиміра: сочиненіе предназначено для публики, не знаю иронія ли это, или крайне наивное пониманіе публики? Все сочиненіе написано тяжелымъ, сухимъ, топорнымъ языкомъ; скучно оно до фантастическихъ размѣровъ; когда читаешь его, въ памяти подымаются отвратительныя воспоминанія; съ отчетливою ясностью вспоминаешь тупаго попа, отмѣчающаго ногтемъ страницы изъ катихизиса, насколько эти воспоминанія радужны, можетъ заявить всякій, имѣвшій удовольствіе обучаться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Попъ Владиміръ съ его пресловутыми опроверженіями дѣйствовалъ бы энергически на страдающихъ упорной безсонницей, если бы рядомъ съ убаюкивающими свойствами не имѣлъ еще такихъ, которыя возбуждаютъ отдѣленіе желчи; слабыя очи отца Владиміра не выносятъ свѣта истины, выплывшей изъ темнаго прошедшаго; онъ потухающими очами глядитъ назадъ, а не впередъ; сочиненіе бывшаго аббатика проникнуто не безпристрастнымъ спокойствіемъ, обѣщаннымъ въ предисловіи, а скорѣе забавнымъ бѣшенствомъ. Попъ Владиміръ съ остервенѣніемъ грызетъ панталоны на икрахъ Ренана, онъ прыгаетъ отъ софизма къ софизмику, прыгаетъ до крайняго истощенія умственныхъ силъ и для того, чтобы ничего не доказать, а невиннымъ образомъ подкрѣпить его сужденія; съ ужасающимъ педантизмомъ, онъ перелистываетъ священныя побасенки, старается, въ отжившихъ нелѣпостяхъ, найти таинственный, высокій смыслъ; въ разложившуюся дохлятину, онъ вдуваетъ, своимъ чахоточнымъ дыханіемъ, жизнь; какъ утопающій тщетно хватается за всякую соломенку; помимутно упрекаетъ Ренана въ недостаткѣ учености, его же собственная — ограничивается знаніемъ католическаго катихизиса и философіей семинаріи; раздергивая сочиненіе Ренана по клочкамъ, онъ самъ обрывками текстовъ старается доказать свои положенія.

Постараюсь озаглавить все то, что старается доказать doctor angelicus, служащій при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ:

1) Іисусъ родился отъ дѣвы Маріи, которая своеобразно зачала его отъ духа святаго;
2) Іисусъ творилъ чудеса;
3) Улетучился послѣ смерти въ безграничное пространство.
4) Іисусъ—богочеловѣкъ, видно это ясно изъ того, что Богъ, папаша Іисуса, прокопавши пальцемъ дырку въ небѣ, крикнулъ оттуда всѣмъ людямъ внизъ: „Ты есть сынъ мой возлюбленный, о тебѣ благоволихъ.“
5) Рай и адъ существуютъ.

Всѣ приведенные мною пять пунктовъ до того милы и остроумны, что многіе будутъ смотрѣть на нихъ, какъ на желаніе издѣваться надъ книгою отца Владиміра; но съ грустью сознаюсь, что тѣни вымысла нѣтъ въ выше приведенныхъ строкахъ, онѣ страшно сжаты, въ сочиненіи же попа Владиміра удивительно разжижены.

Постараюсь подробнѣе распространиться о доказательствахъ, приводимыхъ въ пользу каждаго изъ этихъ пунктовъ; въ пользу перваго попъ посольства приводитъ слѣдующее: „Пусть же (пишетъ онъ) намъ докажутъ, что Богъ, сотворившій міры, вложившій въ человѣка способность воспроизведенія, не можетъ создать человѣческое тѣло въ утробѣ дѣвы.“ Пребѣдовый чудакъ Богъ отца Владиміра, если онъ выкинулъ такой фокусъ-покусъ! но сотворивши въ горячахъ такую эксцентрическую глупость, онъ раскаялся въ ней, это видно изъ того, что послѣ этого онъ не повторялъ такой забавной продѣлки; грустно только то, что Богъ не оказалъ ровно никакой услуги Маріи такимъ оригинальнымъ зачатіемъ; роды ея были бы гораздо легче, если бы она зачала по всѣмъ правиламъ естественнаго зачатія. Теперь мы полюбопытствуемъ узнать у бывшаго аббатика, на какихъ трезвыхъ данныхъ онъ основываетъ свое баснословное положеніе, неужели онъ, не шутя, не издѣваясь надъ собою, можетъ стараться доказать это? если онъ умудрится доказать это ясно, мы увѣруемъ, что не Іисусъ — богочеловѣкъ, а онъ самъ.

Второе: „Іисусъ творилъ чудеса,“ воскресилъ протухшаго Лазаря; отъ его слова мертвые воскрешаютъ, слѣпые прозрѣваютъ, глухонѣмые отъ рожденія слышатъ и говорятъ; больные и увѣчные исцѣляются; даже изъ одержимыхъ злымъ духомъ, съ трескомъ и шумомъ, какъ ракеты, вылетаютъ шаловливые бѣсенята. Трудно повѣрить, что отецъ Владиміръ — противникъ Ренана! теперь и дѣтей не проведешь такими незамысловатыми сказочками! Плохую услугу оказалъ отецъ Владиміръ Іисусу: изъ его поповскихъ лапъ онъ вы-

шелъ низкимъ шарлатаномъ; всякій повѣрившій этому, долженъ глубоко разочароваться въ Спасителѣ; трудно предположить, что такой гнусный обманщикъ, фокусникъ, умеръ, истерзанный мученіями, на крестѣ, за великіе принципы! Но все перемалывающее время очистило его личность отъ грязныхъ наслоеній, наложенныхъ усердіемъ вѣрующихъ въ него мистиковъ.

Единственную вещь умѣлъ исцѣлять Спаситель, это: нравственный, мучительный разладъ; его ясное, теплое, правдивое слово многихъ заставляло призадумываться надъ собою; онъ, иногда, умѣлъ давать благодѣтельный толчекъ, выходъ изъ мучительной борьбы съ собою. Пусть отвѣтитъ попъ Владиміръ, гдѣ не свершались чудеса? Онѣ свершались для желающихъ ихъ видѣть всюду и всегда, всѣ пророки и великіе преобразователи носятъ ихъ съ собою цѣлыми кучами, это— ихъ позорная свита; начиная съ Буды и кончая Магометомъ, и даже теперь, совѣстно сказать, полиція позволяетъ тухлымъ куклямъ творить доморощенныя чудеса. Всякая религія обременена и загрязнена ими, но здравый смыслъ, давно, покончилъ съ выкидышами невѣжества; это—языческіе фокусы, о которыхъ долженъ былъ бы посовѣститься говорить человѣкъ, получившій воспитаніе въ XIX вѣкѣ.

Все противное неизмѣннымъ законамъ природы признано чепухою, могущею тѣшить только погрязшую въ предразсудкахъ массу; неужели нужно серьезно доказывать, что чудо діаметрально противуположно логикѣ, что колоссальная природа, движимая законами, не умѣетъ забавляться игрушками? Неужели отецъ Владиміръ настолько лишенъ намека на здравый смыслъ и самостоятельные выводы, что потому только, что эти жалкія бредни разсказаны Евангелистами, онъ поддерживаетъ ихъ, онѣ служатъ ему незыблемымъ авторитетомъ? Эти пошлости простительны апостоламъ: Лукѣ, Матѳею, Іоанну, жившимъ 1800 лѣтъ назадъ, а не попу Владиміру, священнику при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ. Потомъ онъ слезно упрекаетъ Ренана за то, что тотъ осмѣлился (дерзновенный вольнодумецъ!) не довѣрять Іоанну святому; переходя подъ конецъ въ болѣе ярый тонъ, онъ заявляетъ о Ренанѣ, что тотъ дошелъ до того,—

„Что сталъ заподозрѣвать добросовѣстность повѣствователя; правда, Г, Ренанъ, вѣрный своему обычаю, не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе столь оскорбительнаго обвиненія, брошеннаго въ лицо писателя, который возлежалъ на персяхъ Іисусовыхъ. Такъ и хочется при видѣ такого неосновательнаго оскорбленія потребовать за него строгаго отчета отъ Г. Ренана!“

Та! та! фа! фа!.. по самой малой мѣрѣ Г. Ренана слѣ-

дуетъ подвергнуть блаженной памяти пыткамъ тайной инквизиціи; какъ онъ осмѣлился, богохульникъ, усомниться въ Іоаннѣ, возлежавшемъ на персяхъ Іисусовыхъ!!.. послѣ персей Іисусовыхъ нѣтъ прощенія! пусть вѣчное проклятіе падетъ на голову персіотступника Ренана! Но во всякомъ случаѣ, откровенно говоря, Іоанну удобнѣе и мягче было бы имѣть подъ головой подушку, чѣмъ твердыя перси Іисусовы...

Третье: „Іисусъ улетучился послѣ смерти," это такъ любопытно, что по неволѣ спросишь: куда прилетѣлъ улетѣвшій Спаситель? въ какомъ мѣстѣ резиденція Бога? и какимъ образомъ узнать, летѣлъ онъ туда съ остановкою или безъ остановки? останавливался ли онъ на лунѣ, Венерѣ и другихъ планетахъ? записалъ ли онъ названія лучшихъ отелей? отдыхалъ ли онъ на солнцѣ? а если отдыхалъ, то не измѣрилъ ли онъ для любопытства температуру этого свѣтила? Не знаю, кто дальше залетѣлъ: Іисусъ, воскресшій послѣ смерти или попъ Владиміръ, старающійся доказать это? Я посовѣтовалъ бы отцу Владиміру пройти краткій курсъ физики и краткія начала астрономіи; если бы онъ узналъ ихъ въ объемѣ средняго училища, онъ съ ужасомъ взглянулъ бы на свои строки, онъ удавился бы отъ собственнаго безсмыслія; но къ сожалѣнію отецъ Владиміръ устарѣлъ для физики; кабалистическія ученія святыхъ отцовъ такъ разжижили его мозгъ, что его не сгустятъ никакія естественныя науки.

Четвертое: „Іисусъ богочеловѣкъ", т. е. божественный гермофродитъ; если это такъ, то и я—богочеловѣкъ, Ренанъ—богочеловѣкъ, пусть попъ Владиміръ докажетъ противное; а кстати пусть побезпокоится разложить это сложное, химическое пятно на его составныя части; пусть ясно, не меля очаровательной ерунды, объяснитъ, что значитъ это мудреное слово, эта геніальная безсмыслица! но совѣтую попу Владиміру не углубляться въ этотъ страшный лабиринтъ, онъ тотчасъ же заблудится и никакая Аріадна не выведетъ его изъ бѣды.

Пятое: „Адъ и рай существуютъ." Вѣра въ нихъ такъ гнусна и нелѣпа, что, опровергая, трудно не впасть въ насмѣшливо злой тонъ; отцы церкви, вѣря въ это, презабавно противорѣчатъ себѣ, ихъ идеальный Богъ превращается въ жесточайшаго, безжалостнаго тирана. Неронъ и Геліогобалъ являются нѣжными архангелами въ сравненіи съ нимъ: Неронъ и Геліогобалъ, преслѣдуя лютыми казнями и пытками христіанъ, отличались сравнительно съ правосуднымъ и благимъ Богомъ святою мягкостью; за грѣшную жизнь, продолжающуюся нѣсколько десятковъ лѣтъ, попы сулятъ муки

вѣчныя; великій творецъ! какъ велика твоя благость, велико твое правосудіе, велико твое всепрощеніе!!.. Многіе могутъ сказать, что такія варварскія воззрѣнія отошли въ ничѣмъ небрезгающую и все проглатывающую вѣчность, что вѣра въ загробную жизнь уничтожилась съ расширеніемъ естественнаго знанія, что даже попы, говоря о мукахъ вѣчныхъ, вовсе не подразумѣваютъ подъ этимъ тѣ уродливыя воззрѣнія, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается грубое, кровожадное человѣчество, съ огнемъ, мѣчемъ и пытками; что сковороды, щипцы, крючки, косматые черти отошли въ область гадкихъ, зловѣщихъ сказокъ; что обыкновенно подразумѣваютъ нравственныя мученія, но не все ли это равно: чѣмъ онѣ понятнѣе и легче физическихъ? но что бы ни доказывалъ попъ Владиміръ, физическія ли пытки, нравственныя, въ обоихъ случаяхъ трудно удержаться отъ глубочайшаго удивленія. Скучно тратить слова на увѣренія отца Владиміра, что послѣ смерти все живущее дѣлается снова достояніемъ природы для новыхъ формъ жизни, которыми она замѣняетъ старыя; что все живущее—физическій матеріалъ, вѣчно перерабатываемый въ лабораторіи природы. Попъ Владиміръ унавозитъ своею особою крохотное мѣстечко на кладбищѣ посольства; какія метаморфозы потерпитъ онъ, рѣшить трудно; проявится ли онъ въ формѣ никому ненужнаго бурьяна, или же душистыхъ розъ, въ крылѣ бабочки, панцырѣ земляного жука, въ глазахъ крота, или, видоизмѣнясь милліоны разъ, онъ будетъ обращаться въ кровеносныхъ сосудахъ отъявленнаго атеиста...

Но прежде, чѣмъ обречь человѣчество на вѣчныя пытки, попу Владиміру нужно было бы пояснѣе объяснить, что такое грѣхъ и на сколько человѣкъ, всасывающій физіологически наклонности отъ родителей, живущій въ массѣ грѣшнаго, испорченнаго до мозга костей человѣчества, виновенъ въ своихъ грѣхахъ? неужели нужно доказывать, что идея загробной жизни страшно безнравственна, что добродѣтель изъ-за конфетки и изъ боязни розогъ — мизерна, до поразительныхъ размѣровъ? что чистая гуманность давно отрѣшилась отъ изувѣрской вѣры въ награды и наказанія? Пусть отецъ Владиміръ побезпокоится отмежевать въ атмосферѣ уголокъ для посмертнаго, нравственнаго страданія; пусть укажетъ, подъ какою небесною долготою и широтою будетъ находиться это курьезное мѣстечко; пусть докажетъ возможность нравственнаго страданія безъ физическихъ органовъ; приведетъ примѣръ чувствительности безъ нервовъ,—зрѣнія безъ глаза, мысли безъ мозга; словомъ, докажетъ существованіе мучающагося и мыслящаго ничто!...

Когда я пишу эти строки, я взглядываю на небо, усыпанное яркими звѣздами, блестящія искорки дерзко блещутъ въ прозрачной синевѣ глубокаго неба; глядя на нихъ, мнѣ становится и смѣшно, и грустно; безконечное количество исполинскихъ тѣлъ летаетъ въ необъятномъ небѣ, среди нихъ крохотный атомикъ, математическая точка — земля свершаетъ свой опредѣленный законами путь; на этой крохотной, смѣшной планеткѣ живетъ людское племя, неизмѣримо крохотнѣе и забавнѣе самой планетки; но микроскопическіе гномы заносчивы до безпредѣльныхъ размѣровъ, они придумали себѣ колоссальнаго Бога, назвали его творцемъ безконечнаго неба, съ его безчисленными гигантскими мірами, и такого безграничнаго Бога они, не долго думая, упрятали въ свою крохотную скорлупку; навязали ему роль временщика надменнаго и безцеремонно заставили его вмѣшаться во всѣ дрязги и мелочи жизни; сами не сознавая, они размѣняли великій образъ на мѣдные гроши, и въ довершеніе всѣхъ издѣваній надъ нимъ заставили его оплодотворить невинную дѣвственность, чтобы родить въ придачу къ себѣ сына, а къ нему — святаго духа; если каждая планетка предъявитъ такія же ярыя требованія, — боговъ, сыновей, святыхъ духовъ будетъ столько же, сколько и звѣздъ, кружащихся въ небѣ!... И такіе витіи берутся устоять противъ неудержимо бурнаго потока новыхъ понятій, все большихъ и большихъ успѣховъ естественныхъ наукъ! Жалкіе кроты, если свѣтъ недоступенъ вамъ, то нечего вылѣзать изъ своихъ темныхъ щелей, надѣясь, что вы его увидите! Отецъ Владиміръ, сосредоточиваясь на темной сторонѣ религіи, упустилъ ея свѣтлую,—гоняясь за тѣнью, онъ потерялъ самый предметъ, отбрасывающій тѣнь; онъ нагло, рѣзко выказалъ всѣ больныя мѣста религіи и не съумѣлъ выставить величаво-прекрасныхъ евангельскихъ истинъ; онъ защищается истрепанною фразишкою, что великіе умы и милліоны вѣрили; но чему только не вѣрили эти удивительные милліоны? —въ Браму, Вишну, Шиву, Кали, Изиду, быка Аписа, Юпитера громовержца, Паладу Аѳину, Афродиту, въ непогрѣшимость папы, въ божественность абсолютнаго монарха, тайную инквизицію, чорта, чортиковъ, вѣдьмъ, — путается умъ въ вычисленіи предметовъ всеобщаго поклоненія, но:

„Свергнуты всѣ боги, всѣ его богини
Марсы, Аполлоны, сбиты съ колесницы,
Рухнули подмостки жалкой небылицы,
И сквозь ихъ лохмотья мысль людей прозрѣла
Бездну безъ границы, бездну безъ предѣла,
Вѣчное пространство съ тьмою неизмѣнной —
Океанъ бездонный, темный гробъ вселенной!“

Что же касается до великихъ умовъ, вѣрующихъ въ это, и на которыхъ указываетъ попъ Владиміръ, по моему то не были великіе умы, то были великіе попы! Великіе умы прощали чепуху Евангелію за его чистые, глубоко человѣчные принципы, они дороги всѣмъ, но они выработаны не однимъ Іисусомъ, а цѣлымъ человѣчествомъ, въ тысячи вѣковъ; Іисусъ былъ проповѣдникомъ мыслей, бродившихъ въ милліонахъ головъ. Но пусть не забудетъ отецъ Владиміръ, что рядомъ съ великими попами, вѣрующими въ призраки, всегда и всюду были люди, старавшіеся энергическимъ, живымъ, огненнымъ словомъ поколебать вѣру въ призраки, что борьба свѣта съ тьмою началась съ перваго сознавшаго себя общества, а кончится она тогда, когда свѣтъ на всегда поглотитъ тьму, что далеко, страшно далеко и во что отказывается вѣрить умъ...

Крымъ. Алупка. 1870 г.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА

„Нѣтъ, нѣтъ то не тучи!
То сами они, то могучіе Боги Эллады,
Объятъ изумленіемъ чуднымъ, смотрю я
На этотъ воздушный, большой пантеонъ,
На этихъ боговъ исполиновъ,
Безмолвно и страшно свершающихъ по небу путь.
. . . . . .
Когда я гляжу въ вышину на васъ, позабытые Боги,
Васъ мертвыя, почью бродящія тѣни,
Непрочныя словно туманъ, разгоняемый вѣтромъ,
И только я вспомню, какъ пусты и какъ малодушны
Тѣ идолы — Боги, что васъ побѣдили —
Несносные, властные, новые боги,
Подъ маской смиренья, носящіе гнусную злобу,
О, въ эти минуты исполненъ я мрачнаго гнѣва,
Готовъ бы разрушить всѣ капища новыхъ Боговъ
И броситься въ битву за васъ, побѣжденные Боги!“

(*Боги Греціи.* Стихотвореніе Генриха Гейне)

Я зашелъ въ театръ; онъ былъ пустъ, въ особенности мало было женщинъ, впрочемъ это было для меня немного понятно — давали прекрасную Елену; чопорно-застѣнчивый женскій полъ боится раздражающихъ сценъ прекрасной Елены; ихъ высокая нравственность тотчасъ же свертывается отъ прикосновенія... Женщины, наполнявшія, кой гдѣ, ложи, отличались адскимъ уродствомъ и даже жаждущимъ прикосновенія видомъ.

Занавѣсъ взвилась; толпа угомонилась... Дѣвушки, въ вѣнкахъ, поютъ веселую, любовную пѣсню; огонь тускло горитъ въ жертвенныхъ чашахъ; послѣ пѣсни, онѣ приносятъ жертвы, и исчезаютъ... Двери храма отворяются; въ красномъ плащѣ, зеленомъ вѣнкѣ, медленно и торжественно вы-

плываетъ жрецъ, комически забавное, шутовское просвѣчиваетъ въ малѣйшей морщинкѣ его лица; провожающему его, закутанному въ бѣлое, прислужнику, онъ, пришамкивая, говоритъ: „Цвѣты, цвѣты, очень много цвѣтовъ,“ пріостановившись, онъ, съ грустью, добавляетъ: „Черезъ чуръ много цвѣтовъ, фонды Юпитера падаютъ, что ни день все болѣе и болѣе, какъ простыя, бумажныя акціи.“—Кузнецъ вноситъ на сцену желѣзный листъ — то страшный громъ старика Юпитера; кузнецъ трясетъ листъ; роковые раскаты оглушаютъ жреца, онъ умоляетъ остановиться и не злоупотреблять сильными ощущеніями...

Является прекрасная Елена съ разрѣзною туникою, при каждомъ ея поворотѣ, таинственно, виднѣются стройныя ноги; старички-селадоны пустили слюни и, отвратительно вздрагивая, уставили бинокли на появляющіяся и исчезающія, бѣлыя ноги... Рыжая Елена—чувственная красавица; ея разогрѣтому, южнымъ солнцемъ, воображенію снятся мужественныя, прекрасныя формы мужчины; обольстительная супруга Менелая заманчиво сладострастна; отъ нея вѣетъ зноемъ, нѣгою; она жадно помышляетъ о запретномъ яблочкѣ; пастушекъ Парисъ раздражаетъ въ ней чувственные нервы. Весь первый актъ обвѣянъ розовою дымкою, обоняешь запахъ розъ и миндальныхъ деревьевъ; невольно переносишься воображеніемъ въ апельсинныя и лимонныя рощи, въ тѣнистые, обсыпанные гирляндами пахучихъ розъ, роскошные сады, въ комнаты, наполненныя курящимися, пряными ароматами, пылающими свѣтильниками; въ серебрянномъ дыму благовоній сверкаютъ сладострастныя ложи; всюду блещутъ черные огни глазъ нѣжныхъ красавицъ, съ чуть прикрытымъ тѣломъ, съ призывною нѣгою въ лѣнивыхъ движеніяхъ; языческая, поющая, черезъ чуръ ликующая, до истомы пьющая чашу наслажденій жизнь, съ ясными, синими небесами, съ запахомъ дивныхъ цвѣтовъ, съ шумомъ и звономъ бьющихся фонтановъ, невольно возникаетъ въ воображеніи; прошлая жизнь, облитая сатирою, осыпанная ѣдкими эпиграммами, мирно и весело проходитъ передъ вами. Раздѣтая до нага, религія, полная неисчерпаемаго шарлатанства, не бѣситъ васъ, она освѣщена и согрѣта смѣхомъ; закулисныя шашни, дешевыя пружинки, замысловатыя уловки плутоватыхъ и вороватыхъ жрецовъ Юпитера, Венеры, Пріапа, выведены на чистую воду, съ неподражаемымъ, тонкимъ, веселымъ остроуміемъ. Жрецъ Калхасъ, пастушекъ Парисъ, прекрасная Елена острятъ, дѣлаютъ забавное меле изъ прошлаго и настоящаго и винегретъ выходитъ превкусный.

Но замолкли веселые, ликующіе звуки, занавѣсь упала и

мнѣ стало грустно; темные, исполинскіе призраки умершихъ боговъ, пронеслись въ моей, грустно потрясенной душѣ. Могучіе, позабытые боги! чѣмъ только не забавлялись вы, задыхаясь на небѣ отъ скуки, вы умѣли стращать и любить, безумствовать, мстить и наслаждаться! у вашихъ пышныхъ алтарей, пресмыкаясь въ прахѣ, ползали жрецы въ священныхъ, пышныхъ облаченіяхъ; передъ вами блистали, не угасая, яркіе огни жертвенниковъ; въ дыму кадильныхъ тумановъ вы грозно смотрѣли съ своей высоты; передъ вами сыпали золото, но не дойдя до васъ, оно текло въ бездонно священные карманы жрецовъ, изъ ихъ же кармановъ—въ еще болѣе священные карманы безчисленныхъ гетеръ и наложницъ и васъ, одѣляющихъ щедрою рукою жрецовъ и наложницъ, презрительно, нахально столкнули съ улетающихъ въ небо, пьедесталовъ, низвергнули въ прахъ, смѣшали съ жалкимъ прахомъ; много вѣковъ проспали вы пустымъ сномъ и проснулись на подмосткахъ, сверкающаго огнями, театра, въ блестящихъ и остроумныхъ операхъ, на сухихъ страницахъ исторіи; вы грозили людямъ, а теперь вы ихъ смѣшите, ваши затихшіе громы не гремятъ; пылающіе яркимъ огнемъ жертвенники потухли; вы освѣщены не яркимъ огнемъ жертвенниковъ, а яркимъ блескомъ сатиры, словомъ, взбалмошные, старые боги, вы весело преобразились... Но милые, веселые, старые боги, новые, смѣнившіе васъ—гадкіе, злые боги тоже ждутъ смѣны; пора и ихъ отпустить на сладкій и вѣчный покой! Вамъ служили веселые, увитые вѣнками, проказники жрецы, съ эротическими словами любви на полныхъ, чувственныхъ губахъ; у новыхъ божковъ тоже есть служители, но головы ихъ не обвиты вѣнками изъ пахучихъ розъ, на нихъ, неуклюже, тяготѣютъ полновѣсныя митры, съ тяжелыми украшеніями или еще хуже—дурацкіе колпаки; вмѣсто развѣвающихся, красивыхъ, легкихъ мантій, на нихъ висятъ тяжелыя, дорогія ризы; въ угоду вамъ сжигали чудные ароматы, въ угоду новымъ — курятъ дурманомъ; вамъ, веселые боги, покланялись въ цвѣтущихъ, зеленыхъ садахъ, подъ сводомъ роскошнаго, ярко лазурнаго неба, при вѣяніи теплаго, нѣжнаго вѣтерка, подъ пѣніе и щебетаніе чудныхъ, разноцвѣтныхъ птицъ; новымъ—поклоняются въ удушливо-смрадныхъ, темныхъ храмахъ, въ которые зеленое, мутное небо чуть просвѣчиваетъ сквозь тюремные рѣшетки, а свѣтлое, горячее солнце никогда не заглядываетъ въ эти сырые погреба.

Ваши жрецы—веселые плуты, умѣли, съ внутреннимъ смѣхомъ, корчить серьезныя мины, маска была, иногда, имъ не подъ силу, они не стѣсняя себя и другихъ, часто сбрасывали

ее и являлись забубенными гуляками, жадными до языческихъ удовольствій; они, ближе всѣхъ стоящіе къ богамъ, умѣли въ нихъ не вѣрить, они играли въ деньги, боги были для нихъ неосязаемые капиталы, дающіе осязаемые проценты. Служители новаго Бога и его многочисленнаго причета жалки, грязны, глупы до подлости, серьезны до идіотизма; они оковали тяжелыми цѣпями и тѣло и душу, вся жизнь ихъ — маска; они лгутъ такъ колоссально, что подъ конецъ вѣрятъ въ ложь, какъ въ истину; дѣти мрака и дикой обрядности, они ловятъ рыбу въ мутной, полной роящимися насѣкомыми, гнилой водѣ, они до тошноты приторны, и что очень грустно — жаднѣе жрецовъ минувшихъ; Богъ для нихъ — курица, несущаяся золотыми яйцами; играя въ него и угодниковъ, оборачивая этотъ призрачный капиталъ въ своихъ жадныхъ лапахъ, они вѣрятъ въ свою чистоту, они шарлатанятъ безъ горькой, ядовитой насмѣшки надъ собою. Попавшіе на сцену старые боги смѣшатъ насъ до слезъ, нашъ Егова съ своею таинственною тройцею будетъ усыплять слушателей. Тамъ ликованіе, звуки тимпановъ, розы, веселье; тутъ самоистязаніе, мракобѣсіе, чудовищная, гнусная ложь!

Во второй сценѣ прекрасная Елена, ложась въ постель, говоритъ жрецу Калкасу, что она жаждетъ блаженныхъ сновидѣній; она засыпаетъ въ полумракѣ, роскошно раскинувшись, ея яркопунцовыя губки жадно ждутъ горячихъ поцѣлуевъ; ея нѣжное тѣло, трепетно, жаждетъ прикосновенія. Старикъ жрецъ чмокаетъ засохшими отъ внутренняго жара губами и сладострастно шепчетъ: „Чудная бабеночка, славная канашка!“ онъ не въ силахъ сдержать закипающей, старческой похоти и въ припрыжку, à la Петръ Ивановичъ Бобчинскій, приближается къ Еленѣ и чуть не прикасается къ ея нѣжному локтю, на этомъ поразительномъ мѣстѣ онъ получаетъ божественную затрещину и старичка сатира смѣняетъ молодой сатиръ; оставшись одинъ, онъ будитъ красавицу поцѣлуями, красавица увѣряетъ, что это сонъ; Парисъ охотно соглашается быть сномъ. Влюбленная парочка нѣжно поетъ и незамѣтно подвигается къ кровати, къ концу всѣхъ концовъ. Заманчиво сопротивляясь, театральная Елена доводитъ театральнаго Париса до того, что тотъ, забывши все и вся, начинаетъ странно спазматически дышать, глотать слюни и непостижимо скоро и натурально кладетъ ее на постель. Но въ то время, когда уродливыя лица, бывшихъ въ ложѣ дамъ, озарились багровымъ румянцемъ, глаза дико заблестѣли, а массивныя груди бурно заколыхались подъ толстыми костями тѣсныхъ корсетовъ, Менелай, довѣрчивый, рогатый супругъ, вбѣгаетъ въ комнату и горько, и слезно

оретъ: „караулъ, караулъ!“ Увлекшійся, до послѣдней физической возможности, актеръ Парисъ, насилу можетъ раздышаться отъ недоконченной сцены; прекрасная Елена, остановленная, очень рѣзко, на половинѣ пути, приходитъ, очень основательно, въ забавное бѣшенство; комната наполняется карикатурными царьками, являющимися отъ перваго до послѣдняго акта, во всѣ критическія минуты... Менелай вопитъ, карикатурные царьки вопятъ, а жрецъ въ красной, развѣвающейся мантіи, съ кубкомъ пѣнящагося вина въ рукѣ, съ веселою, похотливою рожею сатира, тихо, беззвучно хохочетъ.....

1870 г. Одесса.

ПРОСТРАННЫЙ ХРИСТІАНСКІЙ КАТИХИЗИСЪ

православныя каѳолическія церкви, разсматриванный и одобренный святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ и изданный длл преподаванія въ училищахъ и для употребленія всѣхъ православныхъ христіанъ по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію.

(Изданіе 57-е цѣна 20 к.)

—

(Посвящается памяти митрополита Филарета и дѣтямъ отъ 6 до 8 лѣтъ)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

„Отъ смѣха падаютъ идолы, падаютъ вѣнки и оклады, чудотворная икона превращается въ почернѣлую, дурно нарисованную картинку.“
(Герценъ)

„Смѣха боится тотъ, кто ничего не боится на свѣтѣ.“
(Гоголь)

Это длинное оглавленіе принадлежитъ самой пустѣйшей книженкѣ, въ которой нелѣпость и издѣваніе надъ здравымъ смысломъ дошли до послѣднихъ возможныхъ размѣровъ; книженка выдержала 57 изданій! Смѣло обращаюсь къ читателю: существуетъ ли въ Россіи книга, разумная, идеально прекрасная, которая выдержала бы столько изданій? эта мизерная пошлость печаталась 57 разъ, она такъ пришлась по сердцу правительствующему синоду, что ее, не передѣлывая, не измѣняя ея варварскаго смысла и слога издавали 57 разъ. Можетъ быть правительствующій синодъ, составивши подъ нѣжнымъ покровительствомъ земнаго владыки книженку, съ наслажденіемъ простился съ нею, чтобы болѣе уже никогда къ ней не возвращаться?

Душители и гасители прогресса, какія грубыя бревна разбрасываете вы по дорогѣ, по которой, плетясь, жалкимъ шагомъ подвигаются впередъ люди; какъ вамъ хочется задержать и безъ того не быстрое движеніе! Маленькій мальчикъ, поступая въ школу, долженъ изучить эту позорную галиматью, а задалбливать безсмыслицу очень и очень трудно и чрезвычайно вредно для мозга; незнаніе же этого предмета можетъ его оставить въ томъ же классѣ; ребенокъ цѣною потери здравой логики можетъ только перейти изъ класса въ классъ. Но перейдемъ къ разбору археологическаго осколка синодской глупости, постараемся разложить это мутное пятно, разобрать книженку, отъ которой мозгъ бѣдныхъ дѣтей покрывается мозолями.

Предварительныя понятія катихизиса заключаются въ томъ, что нѣкій таинственный X вопрошаетъ: „Что такое катихизисъ?“ еще болѣе таинственный, слѣдовательно, и болѣе глупый X отвѣчаетъ: „Катихизисъ есть наставленіе въ православной вѣрѣ христіанской, преподаваемое христіанину для благоугожденію Богу и спасенія души...“

Наивные составители заявляютъ, что эта книженка нужна для благоугожденія Богу; гнусенъ Богъ, если ему можно благоугодить превращеніемъ мальчика съ здравымъ смысломъ въ безтолковаго олуха! въ угоду себѣ онъ отымаетъ у развивающагося созданія лучшее въ немъ — разумъ. На счетъ же спасенія души невольно спросишь: гдѣ обрѣтается душа, требуемая для спасенія? Если мальчикъ сидитъ на ней, то и такою душою нельзя пожертвовать; если же тутъ подразумѣвается здравый смыслъ, то это непостижимо дорого. Цѣна книженки съ ея внутреннимъ содержаніемъ 10 коп., зачѣмъ же вы отступаете отъ prix fixe и требуете, чтобы вамъ въ придачу къ 10 коп. отдали голову ребенка? Тутъ же говорится, что Апостолъ Павелъ сказалъ:

„Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. XI.) т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ бы видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ.“

Туманный текстикъ апостола Павла не въ состояніи перевернуть нашъ мозгъ; счастливъ тотъ, кто можетъ вѣрить въ несуществующеее счастье, какъ бы въ существующее; въ неосуществимую надежду, какъ въ осуществившуюся. Если не осязая и не видя можно вѣрить во все, что проповѣдуютъ пастыри, то, идя послѣдовательно, можно увѣровать въ то, что копна сѣна издѣвалась надъ гласными судами, стулья и столы танцовали вальсъ, а быкъ, зайдя въ бакалейный магазинъ, спросилъ себѣ фунтъ чаю и фунтъ мыла; чѣмъ же ихъ разсказы правдоподобнѣе этихъ? Развѣ ихъ Іисусъ не

ходилъ по водѣ, какъ по гладко вымощенной мостовой? не накормилъ пятью хлѣбами пяти тысячъ? очень грустно, что Іисусъ, не смотря на всю свою глубокую любовь къ людямъ, никому не завѣщалъ этого дивнаго фокусъ-покуса; какую безконечную услугу оказалъ бы онъ голодающему человѣчеству; проливши елей на душу, не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду желудокъ. Развѣ онъ не превратилъ воду въ вино? такое сочувствіе вину и веселію указываетъ на ошибку пастырей: навѣрное Іисусъ былъ сынъ Бахуса, а не суроваго, трезваго Еговы! Развѣ весь ветхій и новый завѣтъ не начинены чудесами, одно нелѣпѣе другого? Между ними есть такія пресловутыя, что всѣ продѣлки спиритуализма, фокусы Каліостра и Пинетти кажутся только цвѣточками. Снова таинственное лицо вопрошаетъ:

Вопросъ: „Какое различіе между знаніемъ и вѣрою?“

Отвѣтъ: „Знаніе имѣетъ предметомъ видимое и постижимое. Знаніе основывается на опытѣ или изслѣдованіи предмета, а вѣра на довѣріи къ свидѣтельству истины. Знаніе принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце, а вѣра преимущественно принадлежитъ сердцу, хотя начинается въ мысляхъ.“

Великіе труженики, разбирающіе іероглифы, разъясните, въ чемъ дѣло! Знаніе въ умѣ, а маленькій его кусочекъ въ сердцѣ—въ поломъ мускулѣ, служащемъ для обращенія крови; вѣра вся цѣликомъ сидитъ въ сердцѣ и только крохотная ея часть въ здравомъ смыслѣ. Глубоко справедливо, почтенные старцы, нечаянно вы напали на истину! Наука, разсѣвающая мракъ, быстро и широко подвигающаяся впередъ, опирается на дѣйствительность, а дѣйствительность,—желѣзная почва; выходя изъ области видимыхъ фактовъ, она часто впадаетъ въ противорѣчія и ошибки, но у нея, мощной, здравой, трезвой, нѣтъ той самоувѣренности, какая существуетъ у васъ, жалчайшихъ неучей! она не выдаетъ своихъ предположеній за абсолютныя истины, она предполагаетъ и не мѣшаетъ дѣлать предположенія другимъ, у нея есть слово для неосязаемыхъ вещей, слово это—теорія. Реальная наука, жаждущая все постигнуть, устойчивая въ изысканіяхъ, крѣпкая въ трудѣ, скромная въ своихъ опредѣленіяхъ, дала людямъ все, начиная съ одежды, комфорта въ жилищахъ, утонченныхъ удобствъ, сохраняющихъ здоровье и кончая громадными, смѣлыми, безчисленными открытіями, отъ которыхъ гордо бьется сердце; вы же что дали, обитатели дорогихъ, громадныхъ монастырей, летучія мыши, притаившіяся во мракѣ соборовъ? гдѣ продукты вашей многовѣковой дѣятельности? Вы сидѣли съ вѣрою въ сердцѣ, здравый смыслъ забытый, пренебреженный вами, оставилъ

васъ; вы жили въ сердцѣ народовъ и высосали оттуда много крови; вы были паразитами народовъ; варварское, тормозящее умственную жизнь невѣжество, безумныя жестокости стояли на вашей сторонѣ! Мечъ, огонь, пытки, только очень недавно перестали быть вашими святыми атрибутами; узкая, злая нетерпимость — свойство, которое вы сохранили до настоящей минуты. Нравственность, лежащая на днѣ вашего ученія, затерта вами; высокіе принципы правды и добра принадлежали людямъ науки, вы же, нелѣпыми прибавками, запакостили свѣтлое, евангельское ученіе!... Наука давала человѣчеству свои высокія истины, вы же грабили человѣчество, извиваясь и путаясь въ софизмахъ; наука смѣло, на показъ цѣлому міру, выставляла тяжкимъ трудомъ добытыя истины; вы же боялись критики, вы на нее шли крестовыми походами, вы трепетали успѣховъ здраваго смысла, вы преслѣдовали огнемъ и мечемъ свободное слово, оно было неумолимый врагъ вашъ, вы открещивались отъ него сильнѣе, чѣмъ отъ лахматаго чорта. Но что гаже всего — что вы были вѣчными сторожилами деспотовъ, подъ охраною вашихъ крылышекъ имъ спокойно, весело жилось; вы были грязными моськами тирановъ, вы смастерили катихизисъ, чтобы угодить Богу, а больше высшему начальству, чтобы за-одно съ предержащею властью деморализировать сотни тысячъ дѣтскихъ душъ; вы очень хорошо понимали, что вы можете существовать только при поголовномъ, безобразномъ невѣжествѣ. Ваше святое гнилье, при жизни были блюдолизами царей; земные представители нищаго Спасителя принимали весьма охотно отъ царей громадные пенсіоны, брильянтовые жезлы и торжественно будущіе святые разъѣзжали въ каретахъ шестерикахъ, съ холопами на запяткахъ...

ГЛАВА II

Вопр. „Что разумѣется подъ именемъ божественнаго откровенія?“
Отв. „То что самъ Богъ открылъ человѣкамъ, дабы они могли и спасительно вѣровать и достойно чтить его.“

Пастыри объ этомъ толкуютъ съ непостижимой увѣренностью,— ученый, осязающій, съ глубочайшимъ вниманіемъ вникающій въ предметъ, не запкнется объ немъ сказать съ такою увѣренностью. Пусть самый маленькій изъ воспитанниковъ спроситъ у пастыря: откуда онъ взялъ это? Тутъ обыкновенно начинаются ссылки на Моисея и на цѣлую кучу

полупомѣшанныхъ пророковъ. Но, почтеннѣйшіе пастыри, пророки были люди, а вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ другимъ, на сколько могутъ безстыдно лгать люди! Пророки — это Хлестаковы, они такъ обольщались видѣніями собственнаго больнаго мозга, что вѣрили чистосердечно въ то, что говорили; то было фантастическое время: небо и земля были биткомъ набиты призраками, таинственными сверхъестественностями; но время призраковъ миновало, они расплылись, слово *духи* теперь замѣнилось словомъ *газы*. Еслибы составитель катихизиса началъ разсказывать, что въ то время, когда онъ стряпалъ его, Богъ поддиктовывалъ ему его съ неба, его попросили бы не молоть гнуснѣйшей ерунды, если бы онъ, не смотря на кроткія увѣщанія добраго начальства, снова продолжалъ бы утверждать это, его засадили бы въ сумасшедшій домъ, гдѣ на его бритую, глупую голову сверху лилось бы не откровеніе, а ледяная вода. Есть глупости такія безобидныя, сами себя уничтожающія, что удивительно совѣстно опровергать ихъ. Несчастное откровеніе съуживаетъ въ микроскопическіе тиски безконечную природу. Неизмѣримое небо съ вращающимися въ немъ мірами-исполинами, интимничаетъ, нашептываетъ на ушко откровеніе полупомѣшанному пророку — математической точкѣ, исчезающему, по своей малости, атомику! побойтесь всѣхъ современныхъ и несовременныхъ боговъ, что вы мелите! мозгъ, породившій такую марфалафію, не годенъ даже для унаваживанія.

Вопр. „Неужели человѣкъ не можетъ имѣть познанія о Богѣ безъ особеннаго откровенія Божья?“

Отв. „Въ разсужденіи вѣры въ Бога предшествуетъ помышленіе, что онъ есть; которое помышленіе мы снискиваемъ черезъ сотворенныя вещи, прилежно разсматривая творенье міра познаемъ, что Богъ премудръ, благъ, всемогущъ, познаемъ также и всѣ невидимыя его свойства. Такимъ образомъ его какъ верховнаго правителя. Поелику всего міра творецъ есть Богъ, а мы составляемъ часть міра, слѣдственно Богъ есть творецъ нашъ, за симъ познаніемъ слѣдуетъ вѣра, а за сею вѣрою поклоненіе...“ *Васил. Вел. посл. (232)*

Не правда ли, слогъ хорошъ? „на мысли, дышащія силой, какъ жемчугъ нижутся слова.“ Я нахожу, что русскій языкъ обязанъ своимъ огромнымъ улучшеніемъ митрополиту Филарету,—это величайшій современный стилистъ! Разсматривая сотворенное, вовсе не придешь къ тому, что Богъ есть, а еще менѣе къ тому, что онъ благъ, мудръ, всемогущъ, за нимъ водятся грѣшки самаго эксцентрическаго свойства: изъ Бога абсолютнаго совершенства, престранно, вытекъ міръ, полный крайняго несовершенства; плохъ тотъ учитель, работу котораго можетъ раскритиковать его ученикъ! зачѣмъ всемогущій Богъ создалъ человѣка и позволилъ ему согрѣ-

шить, а послѣ допустилъ впасть въ бѣдственное состояніе? отчего его всемогущество не предотвратило такой пакости? Зачѣмъ онъ, всемогущій, создалъ всемогущее зло? въ какихъ твореньяхъ проявляется его мудрость и благость? огни безчисленныхъ вулкановъ спалили и уничтожили милліоны людей, а сверкающія чудною растительностью долины превратили въ пустыни. Цѣлый міръ тысячи лѣтъ рѣжется, копошится изъ за маленькихъ границъ, изъ за ссоръ деспотиковъ; тысячи лѣтъ справляются охоты на людей; на гигантскихъ престолахъ вѣчно торчатъ цари пигмеи, помѣсь паразита и пьявки; многолюдная часть человѣчества съ искони вѣковъ безплодно стонетъ подъ адскимъ гнетомъ, тщетно вопіетъ о хлѣбѣ, гремитъ безсплыными проклятіями противъ неба и гибнетъ повально отъ горя, голода, холода, кровавой нужды и невыносимаго труда. Крохотное меньшинство утопаетъ въ гнусной роскоши и животныхъ наслажденіяхъ. Весь міръ, отъ полюса до полюса, опоясанъ болѣзнями, мучительными, ужасными, пожирающими людей массами; въ одномъ мѣстѣ холодъ накинулъ ледяной саванъ на жизнь и растительность, въ другомъ — вертикальные лучи солнца влили въ людей сонную апатію; въ обвитыхъ ліанами сказочныхъ лѣсахъ таятся смертоносныя гадины, колоссальныя чудовища; тучи разносятъ разрушительные ураганы и электричество, слѣпо разящее все, встрѣчающееся на пути. Наслажденіе всегда отравлено; радости, счастье жизни облиты ядомъ; повальная глупость, безобразіе, упрямое невѣжество, мизерная ложь царятъ надъ землею. Протрите хорошенько ваши глаза и очки, дряхлыя дѣти! гдѣ благость вашего Бога? гдѣ его всемогущество, его совершенство? Созданія всемогущаго Бога такъ совершенны, что стоятъ ниже критики. Иногда попы, черезъ чуръ притиснутые логикою своихъ противниковъ, произносятъ найглупѣйшую фразу: „человѣку, говорятъ они, дана свободная воля,“ удивительное даяніе небесъ! Напрасно всемогущій и мудрый Богъ далъ человѣку свободную волю на твореніе гадостей и зла; прежде, чѣмъ давать ее, ему не мѣшало бы подумать, къ какимъ свѣтлымъ результатамъ приведетъ такое даяніе! Но нѣтъ сомнѣнія, что скоро наука вырветъ изъ рукъ пастырей такъ плохо служащую имъ, какъ доказательство, свободную волю; къ великому огорченію поповъ, свободная воля не выдерживаетъ строгой, научной критики. За познаніемъ, продолжаютъ пастыри, слѣдуетъ вѣра, а за вѣрою поклоненіе. Тупой страхъ и татарское раболѣпіе хоронятся во всѣхъ религіяхъ. Монахамъ, скотски жирѣющимъ, полезна духовная гимнастика, то есть церковные поклоны, но остальные смертные съ большею

пользою могутъ придерживаться раціональной гимнастики. Камеръ-лакеевъ много: одни поклоняются солнцу (и эти самые умные), другіе огню, третьи звѣздамъ, четвертые скотамъ, пятые простымъ деревяшкамъ и намалеваннымъ картинкамъ; насколько хватаетъ силъ, мы стремимся къ истинѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ реверансахъ она не нуждается. Природа, управляемая законами, свершаетъ свой круговой путь; проклятія и молитвы, какъ и всякій звукъ, колеблютъ ея матеріальныя частички и только; чуждая лести и осужденія, она покойно движется, руководимая скрытыми въ ней же законами. Самое слово *законъ* парализируетъ слово *молитва*, показывая ненарушаемость и непреложность. Наука раздвинула природу до безпредѣльныхъ размѣровъ, религія съузила ее до безпредѣльныхъ размѣровъ. Безконечный, всемогущій Богъ превращается въ чиновника тайной полиціи, въ уличнаго городоваго, всюду подсматривающаго, во все вмѣшивающагося.

Вопр. „Какимъ образомъ божественное откровеніе распространилось между людьми и сохраняется въ истинной церкви?“

Отв. „Двумя способами: посредствомъ священнаго преданія и священнаго писанія. Святой Ириней пишетъ, не должно у другихъ заимствовать свѣтъ истины, который легко заимствуется изъ церкви, ибо въ нее какъ въ богатую сокровищницу апостолы положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нее питье жизни.“

Совершенно справедливо, церковь — богатая сокровищница, но только въ матеріальномъ смыслѣ; не апостолы въ нее положили сокровища, а бѣдные, глупые люди, тяжко заработывающіе себѣ кусокъ жалкаго хлѣба, надутые торговцами религіи, они кладутъ въ церковь послѣднюю, трудовую копѣйку; каждый отъ нея можетъ принять питье жизни, предварительно купивши его по очень возвышенной цѣнѣ; церковь иногда угощаетъ гадкимъ, смѣшаннымъ съ водою, французскимъ виномъ, съ французскою булкою, но и за это она взимаетъ пошлины. Что же касается до истины, пусть попы поищутъ ее въ съѣденныхъ молью церковныхъ библіотекахъ и если они найдутъ, то пусть разжевываютъ ее на здоровье; не даромъ духовные желудки отличаются стальною крѣпостью и способностью переваривать всякую мерзость. Истина, свѣтлая, какъ солнце, чистая, какъ хрусталь шумящихъ, горныхъ источниковъ, таится не въ церковныхъ погребахъ, проросшихъ плѣсенью, она гуляетъ по міру свободная, веселая и прекрасная; какъ солнечный лучъ, иногда западаетъ въ самую грѣшную, неспокойную голову и пролетаетъ мимо пасмурныхъ головъ, въ дурацкихъ клобукахъ; она выработывается всѣми людьми, а не маленькою.

жалкою, залежалою ихъ частицей,—не черезъ шушуканіе съ небомъ, а опытомъ, трудомъ, наблюденіемъ и несдавленнымъ, широкимъ, умственнымъ движеніемъ.

Вопр. „Для чего дано священное писаніе?“
Отв. „Для того, чтобы откровеніе Божье сохранилось болѣе точно и неизмѣнно, въ священномъ писаніи мы читаемъ слова пророковъ и апостоловъ точно такъ же какъ бы мы съ ними жили, ихъ слышали, не смотря на то, священныя книги писаны за нѣсколько вѣковъ и тысячелѣтій до нашего времени.“

Такою живостью похвастаться могутъ и несвященныя книги, прочтите „Иліаду“ Гомера: вереница героевъ и боговъ шумно, весело проходитъ передъ вами; герои и боги свершаютъ подвиги, обжираются, мучаются, блаженствуютъ, весьма исправно надуваютъ другъ друга и не смотря на всю непрезентабельность ихъ дѣйствій, каждое слово „Иліады“ дышетъ силою и образами.

Вопр. „Что такое ветхій и новый завѣтъ?“
Отв. „Иначе сказать древній союзъ Бога съ человѣкомъ и новый союзъ Бога съ человѣкомъ.“
Вопр. „Въ чемъ состоялъ ветхій завѣтъ?“
Отв. „Въ томъ, что Богъ обѣщалъ человѣкамъ божественнаго искупителя и приготовлялъ ихъ къ принятію его.“

Бѣдное человѣчество! По словамъ пастырей, оно, такое громадное, готовилось тысячи лѣтъ къ принятію Спасителя. Изумительный этикетъ! Тысячи лѣтъ священное преданіе городило галиматью, пророчествовало и послѣ всего этого, отъ бѣдной, хорошенькой, экзальтированной женщины родился Спаситель; онъ горячо любилъ людей, вся его благородная жизнь была посвящена пропагандѣ добра, безконечной любви и самоотверженія; умеръ онъ на крестѣ въ страшныхъ мукахъ за то, что былъ неизмѣримо умнѣе и честнѣе своихъ современниковъ, и такое скромное явленіе человѣчество, къ великому своему безчестью, готовилось принять тысячи лѣтъ!

Вопр. „Что такое чудеса?“
Отв. „Дѣла, которыя не могутъ быть сдѣланы ни силою, ни искусствомъ человѣческимъ, но только всемогущею десницею Бога, напримѣръ, воскрешеніе изъ мертвыхъ.“

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Книженка, проповѣдующая такія штучки выдержала 57 изданій! Совершенно справедливо, длиннобородые младенцы! они не могутъ быть сдѣланы человѣкомъ,—кромѣ животнаго, растительнаго и минеральнаго царства мы другихъ не имѣемъ, почему можно предположить, что они и не творились. Въ настоящее время чудесными повѣствованіями тѣшутся убогія старушки, юродивые и богомолки; вѣкъ чудесъ минулъ, въ нашъ скеп-

тическій вѣкъ онѣ кой когда пропрыскиваютъ, но онѣ отданы подъ надзоръ полиціи, цѣна имъ дешевая, механизмъ ихъ удивительно несложенъ; это—тѣни волшебнаго фонаря, пропадающія отъ незначительнаго луча свѣта. 24, 25, 26 страницы посвящены объясненію символа вѣры, на этихъ удивительныхъ страницахъ пастыри стараются доказать, что Богъ вѣчный, всеблагой, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный; передъ этимъ же сказано, что Богъ — выше всякаго пониманія, что онъ непостижимъ даже для ангеловъ (на что уже тонкій народъ!) И какими восхитительными аргументами они стараются доказать это: въ пользу вѣчности приводятъ слова Давида, о всевѣдѣніи—слова Іоанна, о премудрости—слова апостола Павла, о вездѣсущности — слова изъ Апокалипсиса, о благости — слова Іисуса; каждый изъ поименованныхъ субъектовъ кой что пробормоталъ на счетъ какого нибудь изъ этихъ атрибутовъ. Вотъ вамъ незыблемая почва религіи, вотъ ея логическія, полновѣсныя доказательства, въ подтвержденіе фантастической дребедени!

Восемь апостоловъ сдѣлали Богу отмѣтки въ его паспортѣ; на 25 стр. они чистосердечно увѣряютъ, что Богъ единъ и даже приводятъ слова апостола Павла, считая его непоколебимымъ авторитетомъ. На 29 страницѣ одинокій Богъ апостола Павла разлагается на три элемента; сначала его считали простымъ тѣломъ, послѣ нашли, что оно—сложное: онъ состоитъ изъ самаго себя, сына и духа святаго; онъ, говорятъ, по существу, одинъ, но троиченъ въ лицахъ, и въ подкрѣпленіе столь таинственнаго объясненія, приводятъ слова священнаго писанія, чрезвычайно легкія для пониманія: „Отецъ слово, и святой духъ; и сіи три едино суть.“

Вопр. „Какъ единъ Богъ есть въ трехъ лицахъ?“
Отв. „Мы не постигаемъ сей внутренной тайны Божества, но вѣруемъ ей по непреложному свидѣтельству слова Божья.“

Совершенно справедливо, постигнуть эту таинственную, бездонную галиматью нѣтъ положительно никакой возможности! Самый прочный, философскій черепъ разобьется въ кусочки о такую преграду; это такая внутренняя тайна, судьба которой вѣчно оставаться во внутренности; но еще труднѣе постигнуть всю безконечную глупость отцевъ церкви, замоловшихся до такихъ пикантныхъ размѣровъ.

„Это таинство святое
Будетъ тѣмъ однимъ понятно,
Кто разсудка тьму и цѣпи
Оставляетъ невозвратно.“

(Гейне)

Вопр. „Что такое ангелы?“
Отв. „Духи безплотные, одаренные умомъ, волею и могуществомъ.“
Вопр. „Что прежде сотворено, видимое или невидимое?“
Отв. „Невидимое прежде видимаго, и ангелы прежде человѣковъ.“

Вопр. Когда сотворена глупость? *Отв.* Не только до человѣка, но и до ангеловъ; но до сотворенія человѣка и ангеловъ она была невидима, съ сотвореніемъ же ихъ стала очень видима и даже осязаема. Текстовъ не приводимъ, потому что священное писаніе (по непонятной для меня скромности) умалчиваетъ объ этомъ.

Вопр. „Всѣ ли ангелы созданы добрыми и благодѣтельными?“
Отв. „Нѣтъ, есть злые ангелы, которыхъ иначе называютъ дьяволомъ.“
Вопр. „Отчего они сотворены злыми?“
Отв. „Они сотворены добрыми, но нарушили долгъ совершеннаго повиновенія (жандармскаго) Богу и такимъ образомъ отпали отъ него и впали въ самолюбіе, гордость и злобу.“

Не даромъ говорятъ, что дьяволъ большой логикъ и великій скептикъ! Всемогущій Богъ не съумѣлъ справиться съ расколомъ, проявившимся въ небѣ; нашелся смѣльчакъ, который раскритиковалъ его въ пухъ и прахъ и отказался, не смотря на застращиванія, повиноваться ему. За свое отпаденіе отъ Бога самолюбивый царь тьмы ровно ничего не проигралъ: онъ сдѣлался страшнымъ, могущественнымъ соперникомъ Бога и конкурируетъ ему на каждомъ шагу, на нашей планеткѣ онъ оттѣснилъ его совершенно на задній планъ.

Глупость имѣетъ обыкновеніе катиться по наклонной плоскости внизъ: не успѣли мы перевести духъ отъ ангеловъ, какъ уже добрались до лохматыхъ чертей, переходъ не рѣзокъ, умъ, дойдя до такихъ дьявольскихъ выводовъ, долженъ спуститься въ преисподнюю. И такимъ чудовищнымъ нелѣпостямъ учатъ дѣтей! несчастная участь постигаетъ бѣдныхъ птенцовъ; съ ихъ головами распоряжаются, болѣе чѣмъ безцеремонно, и безпощадно набиваютъ ихъ божественнымъ хламомъ: архангелами, ангелами, единымъ Богомъ о трехъ лицахъ, и это злое издѣваніе надъ здравымъ смысломъ, называется воспитаніемъ! На 31 стр. разсказывается, очень подробно, какъ Богъ творилъ землю; разсказано это съ такою увѣренностью, какъ будто все современное человѣчество, съ нотаріусами и записными книгами, присутствовало и заносило все случившееся въ шнуровыя книги, съ приложеніемъ казенныхъ печатей; разсказывается это такъ механически глупо, приходишь въ ужасъ, неужели эти духовныя молюски чему нибудь учились? вотъ до какого состоянія умственной нищеты можетъ довести пекущееся о благѣ подданныхъ пра-

вительство, созидающее для сильнаго молодаго поколѣнія свои ученыя программы, проникнутыя политической arrière pensée!

34 страница посвящена раю, гдѣ ему, попросту, отводится небольшое мѣстечко, между Тигромъ и Ефратомъ, (хорошо то, что не забираются слишкомъ высоко) тутъ же говорится о древѣ жизни, съ котораго Ева сорвала яблочко, и за этотъ, повидимому, невинный поступокъ, ее и Адама, съ которымъ Ева раздѣлила яблочко, Богъ выгналъ по шеѣ изъ рая, посовѣтовавъ имъ для такихъ прогулокъ сыскать, какъ можно подалѣе, закоулокъ. Говорится о томъ, что Богъ выломалъ ребро у Адама и смастерилъ Еву, зачѣмъ всеблагой Богъ искалѣчилъ такъ, безъ нужды, Адама, катихизисъ знаетъ: „Для того, чтобы весь родъ человѣческій по своему происхожденію былъ одинъ и тотъ же и чтобы потому человѣки были склонны любить и беречь другъ друга.“

Не было бъ ребра, не было бъ и любви. Изъ тонкихъ обстоятельствъ иногда выходятъ очень толстыя! На этой же страницѣ говорится, что человѣкъ сотворенъ для того, чтобы онъ познавалъ Бога, любилъ, прославлялъ и за то вѣчно блаженствовалъ... Умирающіе въ горѣ и нуждахъ люди! послушайтесь пастырей, бросьте занятія, дающія вамъ кусокъ черствaго хлѣба, начните любить боженьку, бейтесь лбомъ почаще у его богатыхъ алтарей и за это вы будете блаженствовать! Не наивны ли вы, не зная такого легкаго средства блаженствовать! Священное писаніе гарантируетъ, что пролетающія птицы будутъ кормить васъ, а если вы умрете отъ голода, то ни единый волосъ не спадетъ съ вашей головы, безъ разрѣшенія небеснаго начальства.

Вопр. „Что такое промыселъ Божій?“

Отв. „Промыселъ Божій—непрестанное дѣйствіе всемогущества, премудрости и благости Божіей, которыми Богъ сохраняетъ бытіе и силу тварей, направляетъ ко благимъ цѣлямъ, всякому добру вспомосуществуетъ, а возникающее черезъ удаленіе отъ добра зло пресѣкаетъ и исправляетъ, и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ.“

Является вопросъ: къ какимъ благимъ цѣлямъ направляетъ боженька тварей, стрѣляющихъ другъ въ друга и рѣжущихъ другъ другу горло, въ безплодной борьбѣ? къ какимъ благимъ цѣлямъ онъ ведетъ сотворенное имъ человѣчество, моря его голодомъ, уродуя его горемъ, непосильнымъ трудомъ и одѣляя благами кой какія единицы? Зачѣмъ онъ вспомосуществуетъ быстрому распространенію подлой, варварской ерунды и всякаго рода лжи? теологи по этому случаю иногда произносятъ: „что бы ни было, но вы видите, что міръ идетъ постоянно впередъ и наконецъ въ немъ во-

дворится счастье, неужели вы въ этомъ не видите благость и мудрость провидѣнія?“ Нѣтъ сомнѣнія, что люди, направленные на настоящій путь, наконецъ, завоюютъ себѣ счастье! Но неужели теологи въ грошъ не ставятъ сексилліоны погибшихъ, человѣческихъ жизней, въ тщетной погонѣ за счастьемъ? Неужели все человѣчество, отложившееся въ черноземъ, было агнцемъ пасхальнымъ будущихъ счастливыхъ людей? Это болѣе, чѣмъ правосудно! Зачѣмъ совершенный Богъ вспомосуществуетъ безчисленнымъ, острымъ болѣзнямъ пожирать людей? Къ какимъ добрымъ послѣдствіямъ привели эти гнетущія человѣка несчастья? Еще разъ спрашиваю: какимъ образомъ изъ нѣдръ совершенства вышло такое дикое несовершенство—человѣкъ? На 25 стр. богъ былъ непостижимъ для ангеловъ, на 36 они написали его полную біографію, чуть не упомянули, часто ли его слабитъ, въ которомъ часу онъ ложится и встаетъ и часто ли мѣняетъ бѣлье на кровати. Глупые дѣти! совѣстно опровергать васъ: вы такъ наивно глупы, что унизительно подымать противъ васъ серьезное оружіе, васъ нужно освистывать.

Вопр. „Для чего сынъ Божій сошелъ съ небесъ?“
Отв. „Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія.“
Вопр. „Отчего именно спасти человѣковъ пришелъ на землю сынъ Божій?“
Отв. „Отъ грѣха, проклятія и смерти.“

Колоссальный прыжекъ сдѣлалъ Спаситель съ неба, чтобы спасти людей! катихизисъ говоритъ, что онъ былъ вѣченъ и воплотился въ утробѣ непорочной дѣвы для того, чтобы спасти насъ отъ грѣха, проклятія и смерти; не понимаю эксцентрическаго Іисуса, охота ему было выкидывать такіе замысловатые фокусы: воплощаться въ чревѣ невинной дѣвушки, а въ концѣ дать себя распять для потѣхи черни! онъ могъ поступить гораздо умнѣе и послѣдовательнѣе: понапрасну, не безпокоя и не мучая себя, онъ—всемогущій Богъ — могъ создать человѣчество такимъ прекраснымъ, что оно не нуждалось бы ни въ его мученической смерти, ни въ евангельскихъ истинахъ! очень грустно, что прійдя насъ спасти отъ трехъ такихъ скверныхъ вещей, онъ не спасъ ни отъ одной изъ нихъ, да и не спасъ себя отъ мученическаго вѣнца!

Вопр. „Откуда грѣхъ въ человѣкѣ, когда онъ сотворенъ по образу и подобію Божью, а Богъ грѣшить не можетъ?“ (повидимому вопросъ не глупый, но разрѣшеніе неизмѣримо умнѣе)
Отв. „Отъ дьявола; творящій грѣхи отъ дьявола есть, яко исперва дьяволъ согрѣшаетъ.“

И дешево и сердито! вотъ таинственный источникъ зла, сфинксъ перестаетъ быть сфинксомъ, а вы, бѣдные философы, бились надъ этимъ вопросомъ, въ мукахъ и слезахъ! озари вашу голову геніальная мысль открыть катихизисъ Филарета, вы тотчасъ бы навсегда успокоились и не мучили бы, понапрасну, себя и бѣдныхъ читателей, глубочайшими философскими разсужденіями! На 26 стр. трехъ-личный,—болѣе чѣмъ двуличный — Богъ былъ отрекомендованъ какъ вездѣсущій, на 41-ой стр. ему отвели очень узенькое пространство; половину всего пространства, самымъ наглымъ образомъ, занялъ колоссальный, вездѣсущій духъ чортъ; на 41 стр. у Бога оказался прескверный сосѣдъ, отъ котораго его всеблаженство и всемогущество никакъ не можетъ избавиться: Богъ вездѣ и безконеченъ и чортъ точно также вездѣ и безконеченъ; думаю, что ни одинъ мудрецъ еще не задавалъ такой шарады! а нечестивая физика—рядомъ съ лекціей закона божьяго—учитъ той научной аксіомѣ, что два тѣла не могутъ занимать одно и то же пространство,—только два ничто могутъ, безпрепятственно, занимать одно и то же пространство. На 26 стр. говорятъ и текстами подкрѣпляютъ, что Богъ духъ вседовольный и всеблаженный; на 41 стр. ему бѣднягѣ и тѣсно и невесело; мы и не безсмертные боги знаемъ, что ничего нѣтъ хуже—имѣть сквернаго сосѣда; но мы имѣемъ то великое преимущество передъ Богомъ, что мы можемъ удалиться отъ надоѣдливаго сосѣда, ему же некуда; Богъ-духъ и чортъ-духъ слились вмѣстѣ, соединились въ силу химическаго сродства. Я рѣшаюсь предложить пастырямъ созвать соборъ и причислить чорта къ святой троицѣ; можно будетъ произносить это соединеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: Богъ отецъ, Богъ сынъ, Богъ духъ святой, Богъ чортъ, за одно лишнее лицо я увѣренъ, что Богъ не обидится, но даже если бы онъ и обидѣлся, иначе поступить нѣтъ никакой возможности: некуда дѣвать чорта.

Вопр. „Какъ можно распять плоть свою со страстями и похотями?“
Отв. „Воздержаніемъ отъ страстей и похотей, дѣйствіями имъ противными, напр. когда гнѣвъ побуждаетъ насъ злословить врага, то мы, противясь сему желанію и вспоминая какъ Іисусъ молился за враговъ своихъ, молимся и мы за своихъ, то симъ образомъ мы распинаемъ страсти гнѣва.“

Трогательно сказано, но цѣломудренные пастыри рѣдко распинали и распинаютъ свое сѣмя, большею частью они въ глухихъ переулочкахъ или уединенныхъ кельяхъ развратничаютъ до пресыщенія, и это очень полезно имъ, иначе эти расплывшіеся выкормки лопнули бы отъ изобилія жизненныхъ соковъ, и наконецъ, монахи старающіеся сдержать себя, впа-

дают въ бѣшенныя страсти, становятся Клодами Флорами.*) Разнообразныя галлюцинаціи нашихъ святыхъ угодниковъ происходили отъ сдерживанія чувственности, разстройства желудка; монахъ запертый въ свою келью, питающійся одною водою, распинающій свой желудокъ, тѣло, здравый смыслъ, дающій полную свободу воображенію, доходилъ до того, что начиналъ очень ясно видѣть Боговъ, чертей, ангеловъ; но чаще всего, въ обольстительномъ туманѣ, ему являлась страшной красоты женщина, нагая, съ сладострастнымъ, нѣжнымъ тѣломъ и жгучимъ огнемъ въ дивныхъ глазахъ; она манила его своими нагими руками, обжигала глазами. За подобными призраками всегда, немедленно, слѣдовала экзекуція: согрѣшившій монахъ отчаянно поролъ себя, стараясь распять неугомонныя похоти. По словамъ катихизиса, если вы хотите плевать и сдерживаете это желаніе, это значитъ—вы распинаете свои слюны. Но никогда не забывайте, добрые отцы церкви, что вы своими мудрыми ученіями страшно распинаете здравый смыслъ ребенка!

Вопр. „Какъ будетъ судить Богъ людей на страшномъ судѣ?“
Отв. „Совѣсть каждаго человѣка откроется передъ всѣми и обнаружатся всѣ дѣла наши, кто сдѣлалъ во всю жизнь на земли но и всѣ сказанныя слова и тайныя желанія и помышленія.“

Картина страшнаго суда въ апокалипсисѣ набросана молніеносными штрихами; мозгъ Іоанна Богослова страдалъ нимфоманіею отъ жгучихъ лучей сирійскаго солнца; мнѣ кажется, что онъ его писалъ или въ бреду бѣлой горячки, или подъ вліяніемъ хашиша. Хашишъ дѣйствуетъ страшно на нервную систему, онъ придаетъ воображенію могущество и быстроту сверхъестественную; воспаленный мозгъ подъ обаяніемъ хашиша дѣлается источникомъ мыслей самыхъ странныхъ, мечтаній волнообразныхъ и чудно очаровательныхъ, онъ даетъ душѣ непзъяснимое блаженство, ключи къ магометову раю, иногда онъ возбуждаетъ веселость необузданную и чудовищную; вслѣдствіе продолжительныхъ пріемовъ образы, возбужденные хашишемъ, становятся страшны и колоссальны, какъ образы апокалипсиса. Я видѣлъ въ Каирѣ арабовъ, упивающихся опіумомъ; при свѣтѣ лампадки лежатъ они, разметавшись на подушкахъ въ кофейняхъ глухихъ мѣстъ Каира; зеленовато блѣдны ихъ лица, спазматически раскрытые глаза, устремленные на тусклый огонекъ лампадки, выражаютъ ужасъ, непереводимый на человѣческій языкъ. По временамъ они конвульсивно вздрагиваютъ и хрипло сто-

*) Герой романа „Notre dame de Paris“ Вик. Гюго.

нутъ... звукъ ложки объ стаканъ, достигая ихъ напряженнаго уха, производитъ странное впечатлѣніе: они видятъ все небо, охваченное пламенемъ и слышутъ страшные громы, перекатывающіеся изъ одного конца необозримаго неба въ другой.

Фантастичность и непроходимая глупость сюжета въ Апокалипсисѣ выкупается суровою красотою чудовищныхъ картинъ; тутъ же — все мелко, пошло и гадко; по призыву трубы ангела, сгнившее и перегнившее, отложившееся въ слои человѣчество должно воскреснуть; разжиженные въ воздухѣ атомы, части, переваренныя въ желудкахъ червей, собакъ и тысячи другихъ животныхъ, части, поглощенныя растеніями, отложившіяся въ слои мѣла, глины и чернозема, все, милліонъ разъ измѣнившее свою форму въ лабораторіи природы, будетъ распадаться и снова формироваться въ формы исчезнувшихъ организмовъ; души же — свойства погибшихъ организмовъ, снова воспрянутъ къ жизни, съ возобновленіемъ организмовъ, и наступитъ судъ; разсортируютъ божественные квартальные праведниковъ отъ грѣшниковъ, однихъ пошлютъ мучиться въ адъ, полный инквизиціонныхъ пытокъ; праведниковъ же разсадятъ по чинамъ и погрузятъ въ апатическое, пошлое ничего недѣланіе, въ скучно однообразное созерцаніе такъ мило распорядившагося Бога. Вымыселъ такъ нелѣпъ, что, не унижая себя, нѣтъ силъ опровергать его; есть произведенія ума, стоящія выше критики. Но забавнѣе всего то, что на каждую, сказанную ими пошлость, они имѣютъ запасный, сомнительный текстикъ; если вы имъ замѣтите, что это позорная галиматья, они съ тупоуміемъ Николаевскаго солдата отвѣтятъ вамъ: „для Бога нѣтъ ничего невозможнаго“; глупость этихъ людей дѣйствительно сверхъестественная, гораздо легче „измѣрить океанъ глубокій, счесть лучи планетъ,“ чѣмъ измѣрить поповскую глупость...

ГЛАВА III

Вопр. „Что такое антихристъ?“

Отв. „Противникъ Христа, который будетъ желать истребить христіанство, но вмѣсто того самъ погибнетъ ужасно.“

Нѣтъ сомнѣнія, что величайшіе противники свободнаго, гуманнаго, христіанскаго ученія—попы; не знаю, погибнутъ ли они ужасно, но губятъ они людей своимъ фантастическимъ ученіемъ ужасно! Глубоко поучителенъ тотъ фактъ, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ рядомъ съ физикою,

химіею, анатоміею и физіологіею, читаются лекціи объ антихристѣ, событія, совершающіяся въ 1870 году, наложатъ анекдотическую славу на ревнителей нашего образованія.

Вопр. „Духъ святой не открылся ли человѣкамъ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ?“

Отв. „Онъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ въ пятидесятый день по воскресеніи Христовомъ.“

Бѣдные апостолы! откровеніе было жгучее, если на ихъ головы сходили огненные языки; не мудрено, что подъ вліяніемъ обжога они написали жгучую галиматью, а послѣ откровенія должны были лечить себя холодными компрессами! Со святымъ духомъ мы мало знакомы, но, изъ обнаруженнаго имъ наглаго обхожденія съ апостолами, видно, что онъ большой шалунъ.

Вопр. „Чѣмъ удостовѣриться, что благодать Божья пребываетъ въ церкви до нынѣ и будетъ пребывать до скончанія вѣка?“

Отв. „Въ семъ удостовѣряютъ насъ слова самого Христа: „созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ее.“

До прочтенія этого текста я всегда удивительно боялся за каѳолическую, католическую и другія церкви, я думалъ, что благодать, сходящая въ церковные кошельки, скоро, вслѣдствіе людскаго коварства, совсѣмъ изсякнетъ, — теперь я совершенно покоенъ: каѳолическая церковь и другія просуществуютъ вплоть до появленія антихриста.

Вопр. „Есть ли свидѣтельство священнаго писанія о посредствующей молитвѣ святыхъ къ небесамъ?“

Отв. „Святой Евангелистъ Іоаннъ въ откровеніи видѣлъ ангела, которому даны были фиміамы мнози да даетъ молитвамъ святыхъ всѣхъ на алтарь златой сущей передъ престоломъ и изыди дымъ кадильный молитвами святыхъ отъ руки ангела передъ Бога.“ *(Апокалипсисъ VIII 3. 4.)*

Ради Аллаха, объясните, въ чемъ дѣло! что хотѣли разъяснить пастыри, приводя эти обольстительныя строки, написанныя слогомъ Телемахиды? въ газовой атмосферѣ летитъ ангелъ съ цѣлымъ косметическимъ магазиномъ духовъ, онъ хочетъ уложить всю эту массу фиміамовъ мнози на златой алтарь, стоящій безъ точки опоры въ безпредѣльномъ небѣ; изъ руки его, какъ изъ печной трубы, начинаетъ идти кадильный дымъ прямо въ носъ Богу; по всей вѣроятности, Богъ чихаетъ.

Вопр. „Какими свидѣтельствами утверждаемся въ вѣрованіи, что святые по представленіи своемъ чудодѣйствуютъ черезъ нѣкоторыя земныя посредства?“

Отв. „Четвертая книга царствъ свидѣтельствуетъ, что отъ прикосновенія къ костямъ пророка Елисея воскресъ мертвый. Апостолъ Павелъ не

только самъ непосредственно свершалъ чудеса, но тоже дѣлали взятые отъ тѣла его головотяжи и убрузцы."

О, всесильное время! во времена пророка Елисея кости его воскресили мертвеца, въ наше — онѣ пригодились бы для рафинировки сахара; если же его кости оказались бы дѣйствительно хорошими, самое высшее употребленіе сдѣлала бы наука, свинтивъ изъ нихъ скелетъ, по которому юношамъ учитель преподавалъ бы анатомію. Было время, когда головотяжи и убрузцы (какъ сладостно билось славянофильское сердце, когда ему попадались такія тяжеловѣсныя слова, какое прелестное pendant они составили бы къ мокроступамъ!) творили чудеса, теперь такое сокровище побросали бы въ навозъ. Пастыри оказываются огромными скептиками, они не признаютъ медицины, стоитъ ли трудиться надъ наукою, когда все можно устроить гораздо проще: на кіевской святой гнили слѣдуетъ каждый день мѣнять рубашки, фуфайки, подштаники, носки, а снятое бѣлье, пропитанное чудодѣйственною силою, разсылать для излеченія по губернскимъ и уѣзднымъ больницамъ! Наступитъ то роковое время, когда изсохшими, многочисленными святыми муміями будутъ поджигать дрова въ печахъ.

Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ:

„Мощи святыхъ аки спасительные источники дарованномъ владыкы Христосъ иже многоразличныя благодѣянія источаютъ."

Іоаннъ Дамаскинъ очень неточно выразился, вмѣсто *источаютъ* нужно было написать: испускаютъ и не благодѣянія, а отвратительныя благоуханія. Въ кіевскихъ пещерахъ пахнетъ перегнившею капустою и соломою; не смотря на провѣтриванія и обкуриванія святыхъ праведниковъ, моль завела огромныя гнѣзда въ ихъ сырыхъ гробницахъ, она жретъ ихъ высохшія ткани; но, кромѣ моли, время—величайшій врагъ ихъ: болѣе половины Европы уже не вѣритъ въ ихъ существованіе, считая ихъ черезъ чуръ грубымъ и подлымъ шарлатанствомъ. Корыстная ложь, таящаяся во мракѣ катакомбъ, не вынесетъ разливающагося всюду свѣта истины, она разлетится, какъ дымъ, отъ соприкосновенія съ свѣжей струей воздуха; муміи герметически закупорены, но время выставитъ ихъ на всенародныя очи.

Вопр. „Какое важное преимущество имѣетъ каѳолическая церковь?"
Отв. „Ей собственно принадлежатъ (католическая упорно утверждаетъ что ей) высокія обѣтованныя слова: „что врата адовы не одолѣютъ ее."

Изумительное преимущество передъ другими церквами! Но вы забыли, что тогда только это преимущество обнару-

жится, когда врата адовы одолѣютъ остальныя церкви, а ваши нѣтъ, но такъ какъ никакія ворота не идутъ осаждать васъ, то какая церковь тупѣе и грязнѣе, сказать трудно; грустныя пророчества шевелятся въ умѣ моемъ, Іисусъ не солгалъ, врата адовы не одолѣютъ васъ, несуществующее — самый базопасный противникъ, но васъ смѣшаетъ съ грязью здравый смыслъ, которому вы всю вашу жизнь, неутомимо, подставляли ногу. „Все перемалываетъ время, какъ шелуха, слетаетъ ложь и какъ твердыя зерна остаются недвижныя истины.“ Ваше существованіе сопряжено съ самою бѣдною степенью умственной жизни, вы можете существовать, только закутываясь мракомъ; но человѣчество не стоитъ, оно ползетъ, хоть туго, но черепашьи, но все впередъ, а не назадъ, вы будете брошены, какъ безсмысленный грузъ, нестерпимо затрудняющій движеніе впередъ... На 74 стр. проводится слѣдующая интересная мысль:

„Каѳолическая церковь не можетъ погрѣшать и заблуждаться и изрекать ложь вмѣсто истины, ибо духъ святой всегда дѣйствуетъ черезъ вѣрно служащихъ отцовъ церкви.“ *(Послан. Восточ. Патр. о правосл. вѣрѣ.)*

Незаблуждающіеся, поддерживающіе постоянную корреспонденцію со святымъ духомъ, вѣрно-служащіе отцы церкви въ подтвержденіе ерунды ссылались на мелющихъ ерунду пророковъ и апостоловъ, но, увлекаясь на этомъ скользкомъ пути, они дошли до того, что довольствуются, за неимѣніемъ лучшаго, восточнымъ патріархомъ; эти жалкія строки припахиваютъ сженымъ человѣчьимъ мясомъ, дымомъ инквизиціонныхъ костровъ, лютыми издѣваніями надъ человѣкомъ; изъ этой черной лужи вытекла абсолютная непогрѣшимость; абсолютные изверги цари и папы хоронятся въ этихъ гнуснѣйшихъ воззрѣніяхъ! Устарѣлая, упрямая ложь стремится силою отвоевать свое существованіе; человѣчество страшною цѣною купило разочарованіе въ абсолютной непогрѣшимости.

Вопр. „Что есть крещеніе?“
Отв. „Крещеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій христіанинъ при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду съ призываніемъ Бога отца и сына и святаго духа умираетъ для жизни плотской грѣховной и возрождается отъ духа святого.“

Интересный процессъ: вѣчную, духовную жизнь можно купить, позволивъ обмокнуть себя въ холодную воду. Дешево и сердито! но грустно то, что въ холодную воду трижды окунаютъ новорожденныхъ младенцевъ и при этомъ попъ бормочетъ, какъ пиѳія на треножникѣ; мы знаемъ, что купать дѣтей очень полезно (въ особенности во время прорѣ-

зыванія зубовъ), но только въ извѣстной температурѣ воды, не менѣе 26 гр. по Реомюру, а отъ холодной воды онъ буквально можетъ умереть для жизни плотской; что же касается до воскресенія его въ мірѣ духовномъ, то это очень и очень плохое утѣшеніе! Купая ребенка, никто не шепчетъ галиматьи, не обставляетъ ванночку восковыми свѣчами... На этой же страницѣ говорится, что Іисусъ самъ принялъ крещеніе отъ Іоанна, но до этого намъ нѣтъ никакого дѣла, это дѣло его личнаго вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

Вопр. „Что значитъ въ особенности помазаніе чела?“
Отв. „Освященіе ума или мыслей.“

Попы, помажьте, какъ можно гуще, другъ другу лбы для освѣщенія темноты вашихъ головъ! всѣ вислоухіе нашей земли, подставьте ваши мѣдные лбы попамъ, не поумнѣете ли вы?

Вопр. „Помазаніе персей?“
Отв. „Освященіе сердца и желаній.“

Пусть пастыри не мажутъ персей, отъ нихъ еще довольно далеко до желаній, если ужъ мазать, то пусть помажутъ самыя желанія!

Вопр. „Что есть причащеніе?“
Отв. „Причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующіе подъ видомъ хлѣба и вина вкушаютъ само тѣло и крови Христовой.“

Совершенно справедливо — во время причащенія причащающійся ѣстъ булку съ краснымъ виномъ, но трудно предположить, чтобы кто нибудь, ѣвши булку съ краснымъ виномъ, воображалъ, что онъ пьетъ кровь несчастнаго Іисуса и жретъ его тѣло, всякаго вырвало бы отъ такихъ канибальскихъ мыслей, кому жъ пріятно людоѣдничать?

Вопр. „Какой долженъ быть хлѣбъ для таинства?“ (вопросъ глубоко практическій)
Отв. „Такой, какого требуетъ само имя хлѣба и святость таинства и примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ, т. е. квасной, чистый и пшеничный.“

Конечно, лучше „квасной по примѣру Іисуса Христа и апостоловъ,“ но отчего же любители квасного, чистаго, пшеничнаго хлѣба, пастыри, вы не сослались на кого нибудь изъ пророковъ или патріарховъ, неужели никто изъ нихъ ничего не сказалъ про квасной хлѣбъ? ужъ не начинаете ли вы либеральничать?

Вопр. „Что значитъ пасти церковь?“
Отв. „Наставлять людей въ вѣрѣ, благочестіи и добрыхъ дѣлахъ.“

Нѣтъ, я съ вами не согласенъ, отцы церкви! пасите лучше злонравныхъ свиней, умныхъ, благонамѣренныхъ телятъ, кроткихъ ягнятъ, оставьте людей въ покоѣ!

Вопр. „Что есть бракъ?“

Отв. „Бракъ есть таинство, въ которомъ при свободномъ передъ церковью и священникомъ обѣщаніи женихомъ и невѣстою взаимной супружеской вѣрности благословляетъ ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковью и испрашивается имъ благодать единодушія къ благословенному рожденію и воспитанію дѣтей.“

Да, это наивное таинство несетъ съ собою тяжелыя цѣпи! я не говорю о людяхъ мыслящихъ, тѣхъ не связываетъ то, что попъ, какъ деревенская сивилла, пробормочетъ надъ ними часъ дикую чертовщину, ихъ не связываетъ золотое колечко и невинныя прибауточки, связь ихъ между собою крѣпка внутреннею, горячею любовью, общими потребностями — симпатіями; тѣ, охладясь другъ къ другу (что случается чрезвычайно рѣдко) не станутъ подогрѣвать себя, заѣдать свою жизнь хроническимъ самоубійствомъ; для тѣхъ не существуетъ обрядовъ. Но тяжкія цѣпи наложила церковь на женщину полуобразованнаго круга; большинство людей грубо, нелѣпо и придерживается тысячи предразсудковъ, женщина изъ среды такихъ людей — глубоко страдательное существо: она не должна любить другого и не смѣетъ разлюбить мужа. Прекрасное, дающее счастье, возвышающее душу чувство любви превращается въ преступленіе: она должна быть счастлива во чтобы то ни стало съ мужемъ, если же нѣтъ, бѣдная должна влачить тяжкій, незаслуженный крестъ всю жизнь и съ разбитою, уничтоженною жизнью сойти въ пустую могилу. Мужъ — крѣпостной жены, а чаще всего жена — крѣпостная мужа; церковь любитъ благословлять тиранію и рабство. Многіе скажутъ, что съ уничтоженіемъ брака найдутся люди, способные увлечь и бросить молоденькую дѣвушку, воспользовавшись ея красотою и молодостью, что бракъ — обезпеченіе бѣдной дѣвушки; вглядѣвшись глубже, вы подмѣтите другое: развѣ не можетъ мужъ, не любящій своей жены, дѣвушки безъ состоянія, морить ее голодомъ, лишеніями всѣхъ удовольствій, грубою ревностью, преслѣдовать ее всѣми изсасывающими, законами дозволенными, средствами? развѣ такихъ примѣровъ мало въ нашихъ деревенскихъ вертепахъ? неужели это лучше, чѣмъ если бы онъ ее совсѣмъ бросилъ? Долгъ и честные принципы выработываются не пустыми обрядами, не цѣпями и безсмысленными стѣсненіями! Теперь возьмите другое: дѣвушка по горячей любви выходитъ замужъ, вноситъ въ жизнь любимаго человѣка и тепло, и свѣтъ; но въ силу простой случайности

является человѣкъ, который сторонами ли характера, умомъ, —привязываетъ къ себѣ женщину, та противится вновь возникающему, сильному чувству, но энергическая кровь, сильная впечатлительность и тысячи другихъ условій, въ которыхъ не виновата женщина, пересиливаютъ чувство къ мужу; тихое счастье улетучивается изъ жизни; холодно становится супругѣ и супругу; не обманывая мужа, она сознается ему въ любви къ другому, если въ немъ есть искра человѣчности и истинной гуманности, онъ, поборовши въ себѣ все невыносимо тяжелое, пробудившееся въ немъ при потерѣ дорогаго счастья, съ любовью уступитъ ее человѣку, могущему ей дать больше счастья, чѣмъ самъ онъ; но тутъ то и обнаруживаются всѣ болѣзненные симптомы негоднаго, связывающаго прочно непрочное, обряда; китайскія стѣны, воздвигнутыя духовенствомъ, особенно ярко рисуются; общество, воспитанное въ путахъ всевозможныхъ обрядовъ, начинаетъ въ нее бросать комами грязи, оно изыскиваетъ іезуитскіе способы уколоть, затронуть ее, дерзко оскорбить; вы можете сказать, что женщина должна стать выше этого мизернаго, подлаго общества; нѣтъ! презрѣніе къ обществу не сдѣлаетъ невыносимыхъ уколовъ совершенно нечувствительными; какъ бы я ни презиралъ человѣка, обида не теряетъ совершенно своего болѣзненнаго, раздражающаго свойства! словомъ, бракъ людей порядочныхъ не имѣетъ силы связать, но за то негодяямъ и извергамъ онъ даетъ привиллегію на тиранію. Церковь передаетъ со всѣми законными формальностями женщину въ крѣпостную зависимость ея главѣ, мужу.

Вопр. „Какъ осмѣлиться назвать Бога отцомъ?“
Отв. „По вѣрѣ въ Іисуса Христа и по благодати возрожденія.“

Вопросъ и отвѣтъ такъ забавны, что многіе, позабывшіе катихизисъ, подумаютъ, что я сочиняю вопросы и отвѣты самъ, посылаю недовѣряющаго въ первый книжный магазинъ, пусть онъ броситъ гривенникъ и пріобрѣтетъ изданное 57 разъ сокровище и, раскрывши его сѣрыя, воняющія плѣсенью страницы, провѣритъ списанные мною тексты... Непростительная дерзость назвать Бога папашей! я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что Богъ былъ страшно взбѣшенъ за подобную фамильярность; ругаясь и безчинствуя, онъ поклялся въ присутствіи цѣлаго неба, что испепелитъ правительствующій синодъ; послѣднія его слова, обращенныя къ ангеламъ, были слѣдующія: „Повторяю вамъ, господа, еще разъ, что я ихъ прохвостовъ угоню туда, куда Макаръ телятъ гоняетъ!“

На 132 стр. начинается подробный разборъ заповѣдей со всевозможными варьяціями и текстами, собственными пре-

словутыми выводами; но на второй заповѣди невольно останавливаешься, противъ нея грѣшны болѣе всего попы, тамъ осуждается идолопоклонство, этотъ безсмысленный грѣхъ тяготѣетъ надъ ними болѣе, чѣмъ надъ всѣми остальными людьми; преслѣдуется чревоугодіе и пьянство, этими чудными качествами поразительнымъ образомъ страдаютъ попы: тысячи анекдотовъ, народныхъ остротъ и пословицъ намекаютъ на это грубо и ясно; она осуждаетъ корыстолюбіе и ни въ комъ оно не проявляется такъ гадко рѣзко, какъ у духовенства: служа и поклоняясь призраку, они обираютъ народъ отвратительнымъ шарлатанствомъ, а за взятыя деньги нашпиговываютъ головы негоднымъ мусоромъ; собранныя деньги идутъ въ сундуки или на украшеніе дурно нарисованныхъ картинокъ, капиталъ укладывается на пошлую внѣшность, не принося никому пользы.

Вопр. „Кто же заступитъ для насъ мѣсто родителей?“
Отв. „Государь и отечество (очень нѣжные родители), потому что государство есть великое семейство, въ которомъ государь-отецъ и подданные его дѣти.“

Да, государство — великое семейство, въ которомъ члены семейства преапетитно пожираютъ другъ друга, а папаша государства по своей нѣжности къ дѣтямъ похожъ на Сатурна. Вотъ къ какимъ архиколопскимъ выводамъ пришли пастыри! не даромъ катихизисъ пздавался на казенный счетъ 57 разъ! Поклоненіе, приниженіе личности, вотъ стимулы катихизиса! лизать и пресмыкаться учитъ высоколиберальный, въ угоду властямъ состряпанный катихизисъ! На этой же страницѣ почитаніе и извиваніе расползается отъ царя къ святымъ пастырямъ, отъ святыхъ пастырей къ благодѣтелямъ, отъ благодѣтелей къ старшимъ возрастомъ; ползаніе и вылизываніе свѣтится въ каждой строчкѣ; въ пользу этого мандаринскаго взгляда приводятся нѣсколько текстовъ и слова спасителя: „воздайте Кесарю кесарево, а Богу божье.“ Жалкіе олухи! вы, увлекаясь темною стороною религіи, упустили ея свѣтлую; Іисусъ не былъ лакеемъ власти, съ его устъ отъ рожденія и до смерти не сорвалось слово униженія передъ сильными міра; онъ былъ другъ слабыхъ и врагъ сильныхъ, его ученіе діаметрально противуположно вашему; родился онъ нищимъ и умеръ нищимъ; ученіе его дышало великою терпимостью, горячею любовью ко всѣмъ угнетеннымъ и обойденнымъ жизнью, самоотверженіемъ безграничнымъ; онъ не признавалъ царей-тирановъ и собственности; первые были для него послѣдними, послѣдніе первыми. Идеи эти жили во многихъ головахъ и религіозныхъ обществахъ,

но онѣ были по душѣ не многимъ, онъ взялся ихъ съ безстрашіемъ великаго человѣка провести въ жизнь, но погибъ, какъ опасный, рано пришедшій реформаторъ; ничего не щадящая сила злобы и невѣжества задушила его; эта проклятая стихійная сила живетъ и дышетъ до этихъ поръ, она отстрѣливается пушками отъ правды, она защищаетъ ложь штыками, тюрьмами, застѣнками, кандалами! Эту дотягивающую свой вѣкъ гнусную, дикую силу, катихизисъ называетъ нашимъ отцомъ, нашимъ благодѣтелемъ! но придетъ день, „когда поднявшіяся на небо облака изъ слезъ милліоновъ несчастныхъ прольются на землю всемірнымъ потопомъ, и тогда ужасъ и раскаяніе наполнятъ пустыя сердца безчеловѣчныхъ притѣснителей, и они въ свою очередь станутъ взывать о томъ самомъ состраданіи, голосу котораго никогда не хотѣли внимать.“ Къ Іисусу подошли фарисеи, шпіоны деспотовъ, съ желаніемъ выпытать отъ него отрицаніе налоговъ въ пользу деспотовъ, они спросили: „слѣдуетъ ли платить Кесарю?“ Іисусъ мгновенно понялъ подлый смыслъ вопроса и обезоружилъ ихъ двусмысленностью: „Кесарю воздайте кесарево, Богу божье.“ Но скажите, истязующіе правду, попы, много ли бы получилъ Кесарь, если бы ему дали только то, что ему принадлежитъ по праву? чтобы сдѣлать ему подарокъ, надо предварительно было содрать съ него шкуру, которая была и есть единственная неоспоримая собственность всѣхъ монарховъ земного шара!

Вопр. „Какъ говоритъ священное писаніе о подчиненіи служителей господамъ?“

Отв. „Раби повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.“

Вотъ вамъ гуманно плантаторскіе принципы катихизиса! вотъ чему учитъ желающая спасти душу книженка! Апостолы плетей и рабства! правительство и царь — угнетатели, близкіе вамъ, опередили васъ, они ослушались непогрѣшимаго катихизиса и освободили рабовъ; вы текстами подкрѣпляете гнетъ, горячечное рабство, палки и плети съ тройными наконечниками, и въ эти ужасъ наводящія строки вы всовываете прекрасную личность Спасителя! Жалкое, отсталое отребье человѣчества! укажите, въ какомъ мѣстѣ евангелія онъ проповѣдывалъ подобныя мысли, если вы докажете это, вы смѣшаете его съ вонючею грязью!

Въ объясненіи шестой заповѣди безсмысліе и идіотизмъ доходятъ до геркулесовскихъ столбовъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ:

Вопр. „Всякое ли отнятіе жизни есть законно преступное дѣйствіе?“

Отв. „Не есть беззаконное убійство, когда отнимаютъ жизнь по обязанности: 1) когда преступника наказываютъ смертью по правосудію, и 2) когда убиваютъ непріятеля на войнѣ за царя и отечество.“

Вотъ синодская сокровищница, вотъ заражающая небо, протухлая, помойная яма, изъ которой суждено дѣтямъ черпать свѣтлыя и широкія истины! За страницу передъ этимъ грязная, затхлая книженка оправдывала, пѣла гимны зловѣщему рабству, а теперь она дошла до того, что проводитъ ту прекрасную мысль, что война изъ за владыкъ—гуртовое убійство, гдѣ человѣкъ человѣка душитъ, рѣжетъ, гдѣ онъ нисходитъ на степень кровожадной твари — святое дѣло; кровавая, каннбальская оргія названа благодѣтельнымъ поступкомъ; тяжкое, уголовное преступленіе, за которое въ мирное время ссылаютъ въ Сибирь на каторгу, во время войны превращается въ дѣйствіе гуманное и чистое, за которое на нашихъ военныхъ головорѣзовъ надѣваютъ погремушки. И вы, жалкіе блюдолизы, беретесь разсѣчь гордіевъ узелъ—разъяснить, что такое грѣхъ! ваши каменные черепа треснутъ отъ надрыва прежде, чѣмъ вы съумѣете объяснить это. Да, господа пастыри, вы умѣете убивать и физически и духовно, вы сочинили аскетизмъ, и эта заѣдающая жизнь мысль многихъ здоровыхъ людей довела до призрачнаго истощенія и смерти, но это — физическое убійство, умственное же — вы свершаете, являясь проповѣдниками религіознаго принципа, о поклоненіи властямъ, непогрѣшимости церкви и властителей, оправдывая войну, застѣнки и кнутъ; такими кроткими, глубоко человѣчными ученіями вы жестокимъ образомъ подавляете молодой, развивающійся мозгъ, душите его въ зародышѣ. Послѣдняя страница катихизиса гармонически замыкается слѣдующею тирадою:

„Той же рабъ видѣвый волю господина и не уготовавъ, не сотворивъ по волѣ его біенъ будетъ много.“

Вотъ вамъ послѣднее, мудрое, прощальное слово катихизиса! Говоря о Богѣ и Христѣ, они пріѣхали безъ малѣйшихъ скачковъ, послѣдовательно, къ плетямъ и батогамъ; кнутъ и крестъ, вотъ святые атрибуты каѳолическаго духовенства! и этою аномаліею они хотѣли спасти умъ учащагося, выработать въ мальчикѣ понятіе о добрѣ и правдѣ!

Съ тяжелымъ чувствомъ я приступилъ къ разбору катихизиса; серьезно его обличать было бы черезъ чуръ странно: весь онъ напичканъ такою безграничною, подлою чепухою, что единственное оружіе, которое можно было поднять противъ него, не унижая себя, это смѣхъ, но не тотъ свѣтлый смѣхъ,

который освѣщаетъ лицо и разгоняетъ на немъ морщины, а тотъ больной, злой смѣхъ, рвущійся отъ негодованія и отвращенія и который судорожно искривляетъ лицо; надо было ясно и понятно для пятилѣтняго ребенка разъяснить всю тьму его содержанія. Правительство и общество тогда только обратятъ вниманіе, когда насмѣшка до малѣйшаго атома раскроетъ чепуху. Баснословно дико то, что это кабалистическое ученіе обязательно воспитаннику, онъ на него затрачиваетъ молодую память и трудъ; само ученіе такъ гнусно, что мальчикъ невольно развращается нравственно и умственно, можетъ быть это — самая пламенная мечта синода и правительства! прочтя его одинъ разъ, чувствуешь давленіе кошмара, какая же ужасная участь постигаетъ тѣхъ, которые обязаны его выдолбить!...

Каиръ. — 1869 г.

Докторъ. Есть истины, волнующія и терзающія общество.

— Да, милый докторъ, истина — революціонеръ.

Докторъ. Согласитесь, наконецъ, что есть истины, способныя пугать.

— Да, какъ и всегда, свѣтъ пугаетъ воровъ.

Докторъ. Есть истины, которыя отвратительно слушать.

— Да, когда онѣ мѣшаютъ опьяненію или возбуждаютъ угрызеніе совѣсти.

Докторъ. Есть и такія истины, которыя опасны для ихъ проповѣдниковъ.

— Да, когда у нихъ сердце раба или лакея.

(Лабуле)

„Истины самыя простыя тѣ, до которыхъ человѣкъ доходитъ позднѣе.“

„La liberté est un arbre fort et jeune, et plus on taillera ses rameaux, plus on lui donnera de force pour l'avenir.“

(La bible dans l'Inde, Jaccolliot,)

Новый міръ переросъ Васъ, не вѣритъ въ ваши права и скоро не будетъ вѣрить въ силу...

Заспанные, отяжелѣвшіе, они не умѣютъ никогда вò время проснуться, они тогда придутъ въ себя, когда бѣда разразится надъ головой, то есть когда не только поздно понимать, уступать, но поздно спасаться...

(Герценъ)

Дѣло Нечаева

Другу ***

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые.

***

Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

***

Кто виной? иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно...

***

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею
Да отвѣтъ ли это? полно.

(*Книга пѣсенъ* Г. Гейне)

Vérité! vérité! depuis dix mille ans infini me répond : désir! désir! ô sibylle désolée, ô muette pythie, brise donc ta tête aux rochers de ton antre, et mêle ton sang fumant de rage â l'écume de la mer; car tu crois avoir possédé le Verbe tout puissant et depuis dix mille ans tu le cherches en vain.

(*Lelia.* G. Sand.)

Дѣло Нечаева, печатаемое во всѣхъ газетахъ, лихорадочно прочитывалось молодою и ветхою публикою; старички-рутинеры ужасались, пожимали плечами, коварно и продол-

жительно перешептывались; молодые люди горько улыбались, ждали съ нетерпѣніемъ развязки. Судебная палата, въ первый разъ, гласно, съ адвокатами, разбирала политическое преступленіе. Мы далеки отъ предположенія, что правительство изъ любви къ прогрессу рѣшилось дозволить политическій заговоръ разоблачить передъ обществомъ, лучшая половина котораго тайно, но глубоко, всегда сочувствовала всѣмъ политическимъ преступленіямъ. Правительство знало, кому поручало дѣло, и не боялось за его исходъ, оно знало все заранѣе, исключивъ изъ суда присяжныхъ, съ ихъ неожиданными приговорами. Много мучительныхъ процессовъ вызвало чтеніе процесса, многіе спрашивали себя: какъ отличится наша обвинительная власть, что скажутъ въ защиту наши адвокаты, пріобрѣтшіе такую громадную популярность не только въ столицахъ, но и глухихъ провинціяхъ? Процессъ Павленкова приготовилъ насъ къ той горькой мысли, что обвинительная власть приложитъ непомѣрное стараніе, чтобы подлизаться къ тому щедрому, хищному владыкѣ, который за собачье вылизываніе и мусульманское раболѣпіе не жалѣетъ крестиковъ, звѣздочекъ, кругленькихъ пенсіончиковъ, временныхъ вознагражденій; мы еще не забыли г. Тизенгаузена, доблестнаго, непорочнаго мужа, царскаго архикамердинера! его преуспѣваніе на монаршей службѣ мы еще долго не забудемъ! Мы никакъ не умудримся забыть г-на сенатора Ковалевскаго—попугая кассаціоннаго департамента! Эти отвратительные призраки назойливо преслѣдуютъ наше воображеніе; умудренные опытомъ, мы многое предчувствовали и не даромъ! Г. прокуроръ не обманулъ нашихъ надеждъ, но и кромѣ прокурора, многое оказалось не лишеннымъ интереса, какъ напр.: что подсудимые два года съ мѣсяцами уже успѣли просидѣть въ Петропавловской крѣпости, что они, предварительно, были допрошены третьимъ его императорскаго величества отдѣленіемъ, тѣмъ лилейно нѣжнымъ третьимъ отдѣленіемъ, которое сѣкло женщинъ, свило веревки для повѣшенія декабристовъ, допрашивало тайное общество, выданное, замученнымъ пытками, Каракозовымъ и затиранило, вслѣдствіе подозрѣнія, тысячи невинныхъ молодыхъ людей. Время скоро разоблачитъ, на омерзеніе цѣлой Европы, кровопролитную драму, которую разыграло наше правительство съ тайнымъ обществомъ, въ которомъ участвовалъ Каракозовъ; свирѣпый вѣшатель поляковъ—Муравьевъ былъ приглашенъ либеральнымъ монархомъ для разслѣдованія дѣла; кровавая оргія, справленная имъ надъ осужденными, носила названіе суда! несчетное количество молодыхъ людей, по всей Россіи, было отдано на

сожраніе полиціи; лучшіе журналы запрещены и страшное, неслыханное число было запытано и замучено въ крѣпостяхъ и на каторгѣ; страшные разсказы еще живы въ нашей памяти; ненависть и презрѣніе безъ границъ противъ государя и правительства затаилось съ того времени у огромнаго большинства людей; кровь горячо идетъ по жиламъ при одной мысли, сколько мощныхъ, великихъ силъ погребено безслѣдно въ снѣгахъ Сибири и мракѣ крѣпостей! ихъ въ тихомолку запытали жандармскіе патріоты; но не успѣли мы еще передохнуть послѣ повальнаго избіенія молодежи, какъ правительство, еще покрытое теплою кровью прежнихъ жертвъ, снова начало, съ прежнею звѣрскою энергіей, тиранить молодежь! Петропавловская крѣпость и третье отдѣленіе вкупѣ и любѣ сдѣлали то, что подсудимые явились на судъ съ растерзанною грудью, параличемъ слуха, постарѣвши на десятки лѣтъ; у этихъ несчастнѣйшихъ изъ несчастныхъ разбойнически отняли здоровье, лучшіе, цвѣтущіе года молодой жизни, у нихъ отняли то, что не могли имъ дать соединенныя силы цѣлаго міра; но все это — съ государственной точки зрѣнія — пустячки, о которыхъ утомительно говорить, пустячками считается даже то невинно идиллическое обстоятельство, что нѣсколько подсудимыхъ оправдано, слѣдовательно, они блаженствовали въ крѣпости совершенно невинные для потѣхи кроткаго, чадолюбиваго монарха! но довольно!.... довольно!...

Перейдемъ къ предметамъ болѣе дѣльнымъ, — къ самому дѣлу Нечаева, которое такъ подробно разобрала судебная палата. Изъ напечатанныхъ прокламацій и революціонерныхъ правилъ мы узнаемъ, что г. Нечаевъ задумалъ ниспровергнуть существующій въ Россіи безпорядокъ дѣлъ; средства, которыя онъ имѣлъ для этого, удивительно микроскопичны, но онъ, какъ видно изъ отвѣта подсудимыхъ, слѣпо вѣрилъ, что не смотря на ничтожность данныхъ, при личной энергіи и съ помощью недовольнаго, близкаго къ возстанію народа, можно будетъ сдѣлать великій переворотъ.

Не смотря на наше слабое знаніе 80 милліоновъ, составляющихъ русское государство, мы увѣрены, что Нечаевъ глубоко ошибался, думая, что народъ возбужденъ и близокъ къ поголовному возстанію; подмѣтить это глухое броженіе свыше не только Нечаевскихъ силъ, но и человѣческихъ силъ вообще. Нечаевъ прошелъ Россію изъ одного конца въ другой, но этотъ путь — математическая линія въ сравненіи съ 353,468 кв. миль, составляющихъ пространство Россіи. Во Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, можно было предчувствовать революцію по страшному количеству дѣятелей, которые

какъ изъ земли выросли въ это грозное время, неслыханное въ исторіи сочувствіе общества къ этимъ огненнымъ пророкамъ свободы; страшное возбужденіе во всѣхъ классахъ общества въ Парижѣ, ощутительно для грубыхъ нервовъ, показывало, что исторія готовитъ кризисъ; атмосфера полна была тѣхъ паровъ, вслѣдъ за которыми колеблется земля и проглатываетъ цѣлые города и сотни тысячъ человѣческихъ жизней. Ни Петербургъ, ни Москва не обнаруживаютъ даже легкихъ намековъ броженія, чреватаго грозными революціями; въ Петербургѣ могучее броженіе охватило только одну полицію, подъ ярымъ владычествомъ Трепова.

Если бы Нечаевъ былъ лучше знакомъ съ русскою исторіею, онъ узналъ бы изъ нея, что безконечно, невыносимо терпѣливъ русскій народъ, онъ безропотно, до идіотизма, снесъ на себѣ рѣжущее ярмо: царствованіе Павла I, Николая I. Понятно, что освободивши народъ, пошатнувъ въ его головѣ принципъ царской и помѣщичьей непогрѣшимости, расширивъ его потребности, нужно быть страшно осторожнымъ и останавливаться на пути реформъ — дѣло чрезвычайно опасное. Исторія намъ подсказываетъ страшныя вещи: всѣ чудовищные ужасы происходили тамъ, гдѣ тупое правительство, спустивши плотины, раскаявалось и старалось слабенькими рученками задержать бѣшенное теченіе, оно уносило жалкихъ идіотовъ и выбрасывало ихъ потомъ избитыхъ, окровавленныхъ, исковерканныхъ бурнымъ теченіемъ. Нечаевъ разсчитывалъ, съ помощью кружковъ, направить взбунтовавшіяся силы народа; въ своихъ и чужихъ прокламаціяхъ онъ обрекаетъ смерти все гнетущее, начиная съ благолѣпнаго монарха,— котораго онъ приберегалъ pour la bonne bouche, для мучительной и страшной казни въ глазахъ народа— его министровъ, третье отдѣленіе и кончая аристократіей, дворянствомъ, купечествомъ; всѣ несочувствующіе радикальному перевороту должны были быть безпощадно уничтожены. Читая процессъ, трудно войти въ экзальтированное, болѣзненное положеніе Нечаева и подсудимыхъ; трудно допустить, что онъ вѣрилъ, что онъ—крохотный атомикъ, могъ бы направить поднявшіяся милліонныя массы, среди которыхъ Нечаевы тонутъ, какъ капля, попавшая въ разъяренный океанъ! Неужели ему не пришло въ голову, что герои народныхъ революцій неслышно растутъ въ самомъ сердцѣ народа, что никто изъ насъ не угадаетъ: какія размѣры примутъ эти предводители массъ, въ чемъ будутъ состоять желанія народа и на чемъ остановится онъ?

Давать народу программы дѣйствій, во время переворачивающихъ все вверхъ дномъ революцій—романтическая, дѣт-

ская наивность: революція—крайнее возбужденіе, если трудно угадать какое направленіе примутъ массы, во время нормальнаго движенія, то какая же безумная прихоть угадать, какъ будутъ дѣйствовать возбужденные до бѣшенства милліоны людей! Пусть Нечаевъ для опыта попробуетъ угадать въ какую сторону побѣжитъ и на что наткнется человѣкъ въ бѣлой горячкѣ. Знай онъ народъ, онъ прежде всего сомнѣвался бы, находится ли его жизнь въ большей или меньшей опасности, чѣмъ тѣхъ извергов, обрызганныхъ народною кровью, которыхъ онъ приговорилъ къ жестокой казни! Народъ, во время революцій, часто щадитъ своихъ палачей и рветъ на куски великихъ фанатиковъ свободы, готовыхъ за нее отдать по каплѣ свою кровь, это горько, очень горько, но это такъ. Въ прокламаціяхъ и правилахъ нѣтъ намека на то, какой бы міръ воцарился на мѣсто разрушеннаго, перерѣзаннаго, стараго міра. Нечаевъ, черезъ чуръ наивно сваливаетъ дѣло созиданія на голову несчастнаго, неподготовленнаго народа; рабство и невѣжество не создадутъ разумнаго соціальнаго строя, для этого нужна умственная и нравственная подготовка, упорная и горячая пропаганда среди народа. Растоптать власть, смѣшать ея кровь съ грязью, еще не значитъ ее вполнѣ, навсегда уничтожить; онъ хотѣлъ съ своими микроскопическими сплетками однимъ ударомъ разрушить, въѣвшіеся въ 80 милл. предразсудки, безобразныя отношенія, невѣжество и чудовищную ложь; онъ забылъ, что такіе могущественные фокусъ-покусы существуютъ только на страницахъ библіи, гдѣ по повелѣнію деспота Еговы хаосъ и мракъ мгновенно превратились въ свѣтъ.

На бумагѣ перерѣзать людей не трудно, быть тираномъ только въ проэктахъ не такъ мерзко, какъ быть имъ въ дѣйствительности; всякій мыслящій человѣкъ вѣритъ всею душою, что если правительство остановится на пути реформъ, то революціи неизбѣжны, но ихъ сфабрикуютъ не Нечаевы, а та грозная сила недовольныхъ, проснувшихся отъ летаргіи массъ, гдѣ Нечаевы имѣютъ значеніе ноля съ минусомъ.

Нечаевъ, пропагандируя свѣтлыя убѣжденія, могъ бы принести большую пользу народу, но это было бы слишкомъ мало для поднятія его къ возстанію. Тайныя общества, въ главѣ которыхъ стоятъ Каракозовы и Нечаевы, показываютъ, что есть уголки въ Россіи, гдѣ бродитъ неспокойная, жаждущая радикальныхъ реформъ сила, она можетъ разростись, разпустить свои корни, если царь и правительство не перестанутъ быть кровавымъ палачемъ, стихійною силою, которая

безсмысленно разитъ все на пути и правое и виноватое. Обнаруженное тайное общество интересно съ психической стороны: оно ясно показываетъ, на сколько успѣло вырости и очеловѣчиться общество, оно напомнило царю и правительству, что пора безнаказанности прошла, и замучивать молодежь по каторгамъ и казематамъ удивительно опасно.— Если царь, съ непостижимымъ тупоуміемъ, будетъ опираться на такую нѣжно идеальную личность, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ и на такое современно гуманное учрежденіе, какъ третье отдѣленіе—Каракозовы неизбѣжны, они будутъ появляться какъ фатумы въ древнихъ трагедіяхъ. Наше время и безъ революцій умудрится добиться до многаго. Во времена Юлія Цезаря, когда личность императора была обвѣяна миѳическою божественностью, а большинство вѣрило, что разгнѣванное божество пошлетъ сонмы ангеловъ, съ пылающими мѣчами мести, въ защиту своего помазанника, тогда въ то невозвратимое, старое, злое время вѣка рожали Брутовъ и Кассіевъ, но и ихъ преслѣдовалъ императорскій призракъ; наше время разоблачило императорскій миѳъ: темная божественность на вѣки испарилась и остался одинъ жалкенькій трупъ, полный червей и вони; теперь слово императоръ получило роковое, для носящихъ этотъ титулъ, значеніе.

Теперь царская корона равноспильна клейму каторжника. Такія личности какъ Березовскій, Каракозовъ показываютъ, что цари, поставивши себя внѣ закона, внѣ отвѣтственности, не съумѣли и не съумѣютъ себя оградить отъ убійцъ, отъ мстителей, которые, рискуя жизнью, мстятъ за униженныя человѣческія права, за царскія преступленія; этотъ безгласный судъ страшнѣе гласнаго, этотъ судъ непзбѣженъ и онъ наставитъ царей на путь истины. Цари очаровательно наивны, они не могутъ разжевать ту полынь, что если имъ можно, безпощадно звѣрски карать мнимыя преступленія, то, въ свою очередь, не нужно свершать дѣйствительныхъ, тяжкихъ преступленій, чтобы не подвергнуться той же расправѣ—какъ аукнется такъ и откликнется. Такіе суды надъ царями, отъ которыхъ ихъ не убережетъ цѣлая армія изъ полицій, только тогда перестанутъ быть логичными, когда цари докажутъ, что они непогрѣшимы, докажутъ, что они не люди, въ качествѣ же простыхъ смертныхъ, они должны жестоко побаиваться, если за ними водятся безчисленные грѣхи; давши свободу народу, нужно широко и быстро идти впередъ, если царь и правительство остановятся, революціи и мелкія кровавыя реакціи неизбѣжны; мы не возьмемъ на себя смѣлости опредѣлить точно годъ революціи, какъ это

сдѣлалъ Нечаевъ, но мы вѣримъ, что она явится и поразитъ своею неожиданностью; пусть правительство перестанетъ дѣтски вѣрить въ пушки, Сибирь, Петропавловскую крѣпость, въ разфранченную гвардію; въ тяжкія минуты за деньги купленная любовь обнаружится; мнимо вѣрная, царская стража перейдетъ на сторону замученныхъ страдальцевъ, своихъ кровныхъ братьевъ, они сердечно не связаны съ фантастическими дворцами, безумными, животными оргіями, они кровнѣе связаны съ жалкими хатами, занесенными снѣжными мятелями и тѣмъ несчастнымъ, нагимъ людомъ, который, стеная, копошится въ грязи и навозѣ этихъ хатъ; матери, отцы, братья, сестры, все родное по духу и плоти охраняющимъ войскамъ, въ жалкихъ хатахъ, а не въ роскошныхъ дворцахъ; грядущее покажетъ, что они съумѣютъ, не смотря на обезличивающую солдатчину и нескончаемую деморализацію ихъ, отличить правду отъ лжи; истины свободы и общаго блага чрезвычайно просты и ослѣпительно ясны, тутъ не нужно созидать геніальныхъ софизмовъ, какъ въ уголовномъ правѣ.

II.

Большая часть публики, слѣдящая за процессомъ, была поражена прокламаціями и правилами; мы не выписываемъ прокламацій, потому что въ правилахъ всѣ они приведены къ одному знаменателю; правила — продуктъ долгаго, упорнаго, невыносимаго ожесточенія, они наслаивались вѣками, въ холодномъ мракѣ крѣпостей, подъ лязганіе цѣпей. Нѣтъ ни одной націи, которая не выронила бы въ эти правила или слезы отчаянія, или безумнаго, желчнаго гнѣва; отъ нихъ пахнетъ гнилымъ холодомъ римской башни св. Ангела, тлѣномъ венеціанскихъ тюрьмъ австрійскаго владычества, ямами русскихъ и австрійскихъ крѣпостей. Я ихъ выписываю, чтобы показать, что слезы и кровь невинныхъ не пропадаютъ безслѣдно, что почва, орошенная такою жидкостью, рано или поздно, произведетъ чудовищную Немезиду, которая вверхъ дномъ перевернетъ міръ и заплатитъ долгъ сторицею.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

1) Революціонеръ — человѣкъ обреченный, у него нѣтъ своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени, все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью — революціей.

2) Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ, а на дѣлѣ разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами и приличіями, общепринятыми условіями и нравственностью этого міра, онъ для него врагъ безпощадный, и если бы онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

3) Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ, онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія! для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, медицину; для этого изучаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій общественнаго, настоящаго строя... цѣль же одна: наискорѣйшее разрушеніе этого поганаго строя.

4) Онъ презираетъ общественное мнѣніе, онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность; нравственность для него все то, что способствуетъ торжеству революціи, безнравственно и преступно все, что мѣшаетъ ей.

5) Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно образованнаго общества, онъ и отъ нихъ не долженъ знать пощады, между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая борьба на жизнь и смерть, онъ долженъ пріучать себя выдерживать пытки.

6) Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ, всѣ изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть въ немъ задавлены единою, холодною страстью революціонернаго дѣла; для него существуетъ одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе — успѣхъ революціи; денно и нощно у него должна быть одна мысль, одна цѣль — безпощадное разрушеніе, стремясь хладнокровно и неумолимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

7) Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность, увлеченіе, она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе; революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ разсчетомъ, всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

8) Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціоннымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ; мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ тому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

9) О солидарности и говорить нечего, въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи революціонеры стоятъ на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти должны всѣ крупныя дѣла по возможности обсуждать вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана, каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

10) У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разряда, то есть не совсѣмъ посвященныхъ,

на нихъ онъ долженъ смотрѣть какъ на часть общаго революціонернаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе, онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу, на себя онъ смотритъ какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціонернаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ, безъ согласія всего товарищества, вполнѣ посвященныхъ, распоряжаться не можетъ.

11) Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціонернаго дѣла, потому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ съ одной стороны, а съ другой — трату революціонерныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношеніе революціонера къ обществу.

12) Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе какъ единодушно.

13) Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый образованный міръ, и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее и скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего нибудь жаль въ этомъ мірѣ, если онъ можетъ остановиться передъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру. Всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если въ немъ есть родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если онѣ могутъ остановить его руку.

14) Съ цѣлію безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и часто даже долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть; революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, литературный, въ третье отдѣленіе и даже въ зимній дворецъ.

15) Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1) категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть; да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціонернаго дѣла, такъ чтобы предъидущіе номера убрались прежде послѣдующихъ.

16) При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышереченнаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемою имъ въ товариществѣ или въ народѣ; это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть отчасти и полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта, должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціонернаго дѣла; и такъ прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонерной организаціи, а также внезапная, насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство, лишивъ его умныхъ и энергическихъ дѣятелей, потрясти его силу.

17) Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даютъ только временно жизнь, чтобы они, рядомъ звѣрскихъ поступковъ, довели народъ до неотвратимаго бунта.

18) Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высоко поставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силою; надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями, опу-

тать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами; ихъ власть, богатство, вліяніе и сила дѣлаются такимъ образомъ неистощимою сокровищницею и сильною помощью для разныхъ предпріятій.

19) Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками, съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ до нѣльзя, такъ чтобы возвратъ былъ для нихъ невозможенъ и ихъ руками мутить государство.

20) Пятая категорія: доктринеры, конспираторы - революціонеры, всѣ праздноглаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ; ихъ надо безпрестанно только и тянуть впередъ въ практичныя, головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

21) Шестая категорія — женщины, которыхъ нужно раздѣлить на три главныхъ разряда: однѣ — пустыя, безсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться какъ третьей и четвертой категоріей мужчинъ; другія—горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго, безстрашнаго, фактическаго, революціонернаго пониманія; наконецъ, женщины совсѣмъ наши, т. е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу, мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношенія товарищества къ народу.

22) У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастія народа, то есть чернорабочаго люда, но убѣжденіе въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастія возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію тѣхъ бѣдъ и золъ, которыя должны вывести наконецъ народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

23) Подъ революціей товарищество разумѣетъ не регламентированное, по западному классическому образцу, движеніе, которое всегда останавливается передъ собственностью и передъ традиціей общественнаго порядка въ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы и замѣщенія ея другою, и старались создать такъ называемое революціонерное государство. Спасительной для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи, порядки и классы въ Россіи.

24) Товарищество поэтому не намѣрено навязывать какую бы то ни было организацію сверху, будущая организація, безъ сомнѣнія, выработается изъ народнаго движенія и жизни, но это дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло — безпощадное разрушеніе.

25) Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы, не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ; противъ дворянства, чиновничества, гильдейскаго міра, противъ кулака міроѣда. Соединимся съ лихимъ, разбойничьимъ міромъ, съ этимъ единственнымъ и истиннымъ революціонеромъ въ Россіи.

26) Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу, вотъ вся наша организація, конспирація и задача.“

Составители этого катихизиса не люди дѣла, а величайшіе въ мірѣ романтики и идеалисты; іезуитскій катихизисъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, превращается въ мистическій бредъ, въ напрасно испорченнный лоскутъ бумаги; я разберу всю благородную основу этихъ правилъ и всю ихъ крайнюю непрактичность. Тайныя общества съ такими разрушительными замашками — грустное явленіе, они не удавались и не удадутся; такіе колоссальные проэкты заканчивались тѣмъ, что тайное общество, не успѣвши собраться въ крошечную кучку, уже ловилось какимъ нибудь малюсенькимъ шпіончикомъ; единодушія никогда не бывало въ этихъ кружкахъ. Требованія тайнаго общества такъ суровы, такъ громадны, что выдержать ихъ могутъ, не надорвавшись, только колоссальныя личности въ родѣ г. Рахметова, обыкновеннымъ — это не подъ силу; съ расширеніемъ тайнаго общества увеличивалась разногласица, обнаруживались неодинаковыя стремленія, всѣ человѣческія слабости: (съ революціонерной точки зрѣнія) любовь, дружба, жалость, великодушіе, недостатокъ энергіи, отчаяніе, апатія, робость, неспособность разстаться съ средствами къ жизни выплывали наружу; стремленіе къ индивидуальности превращаетъ подобныя тайныя общества въ карточные домики, способные рухнуть отъ слабенькаго полицейскаго дуновенія. Чтобы убивать всѣхъ злобныхъ людей, эксплуатировать на разные лады аристократовъ, дворянство, купечество, выпытывать изъ нихъ всѣ ихъ тайны, нужно создать партію могущественнѣе той, которой хотятъ пользоваться и которую хотятъ уничтожить. Неужели тайное общество можетъ набрать въ свою среду милліоны людей и быть увѣреннымъ, что никто изъ цѣлаго милліона не нарушитъ суровыхъ, неумолимыхъ условій и не выдастъ на голову все тайное общество? Нужно, чтобы партія революціонеровъ владѣла волшебною палочкою, по мановеніи которой аристократы начали бы съ восторгомъ выворачивать свои карманы передъ карманщиками-революціонерами, начали бы имъ навязывать свои грязненькія и чистенькія тайны; я глубоко увѣренъ, что гг. аристократы скорѣе повывернутъ карманы гг. революціонерамъ: они великіе практики по этой части. Отъ прикосновенія этой дивной палочки всѣ конспираторы, доктринеры, либералы, всѣ праздноглаголющіе бросились бы въ головоломныя предпріятія, въ самый водоворотъ революціи, рискуя жизнью, средствами, жертвуя родственными и семейными чувствами; бездушныя, пустыя женщины обрѣли бы мгновенно небывалыя души, повысыпали бы изъ себя всѣ сальненькія тайны, послѣ чего стали бы сундуками, переполненными ассигнаціями для гг. революціонеровъ; жен-

щины умныя, горячія, но не революціонерки, тотчасъ же бы превратились въ ярыхъ революціонерокъ, побросали бы своихъ мужей, отцовъ, матерей, дѣтей, родныхъ, а свою жизнь и состояніе принесли бы въ дань революціонерному дѣлу; безъ волшебной палочки свершить это очень и очень трудно. Революціонеръ въ духѣ этихъ правилъ — іезуитъ общаго блага, тутъ то же ожесточеніе, та же нетерпимость, кровожадная жестокость, ярый фанатизмъ, та же основная формула, что цѣль оправдываетъ средства, съ тою разницею, что іезуиты стремились къ застою и мраку, тутъ же, — съ помощію деспотической тиранніи, къ свѣту; для насъ, людей, не насладившихся каторгою, не вкусившихъ комфорта петропавловской крѣпости, такое ожесточеніе кажется дикимъ. Въ каждой строкѣ правилъ сквозитъ деспотизмъ, посяганіе на свободу личности въ духѣ абсолютнаго монархизма, претензія на непогрѣшимость, которая черезъ чуръ дорого обошлась несчастному человѣчеству; революціонерный катихизисъ волшебно превращаетъ людей въ гайки, винты, рычаги, котлы революціонерной машины; они не берутъ въ разсчетъ, что человѣкъ можетъ служить общему дѣлу въ тысячѣ различныхъ видовъ и чѣмъ болѣе онъ руководствуется свободно вытекающимъ изъ него внутреннимъ убѣжденіемъ, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Правила съ царскою развязностью обрекаютъ смерти сотни тысячъ людей, тѣхъ людей, которые такъ же виноваты, что они рабы, консерваторы, какъ и крапива, которая рядомъ выросла съ розами. Въ правилахъ упоеніе разрушеніемъ доходитъ до фантастическихъ размѣровъ: они не разбираютъ, что тысячи людей, ими приговоренныхъ, родились отъ рабовъ и выросли средь рабства; что ихъ цари и правительства деморализировали съ изумительнымъ постоянствомъ цѣлые вѣка; что они завербовали ихъ прочно, поставивши ихъ жизнь, счастье въ зависимость отъ себя; что пожертвовать своею жизнью, средствами, семействомъ для служенія свободѣ, нужно быть необыкновеннымъ человѣкомъ; тогда какъ масса вся поголовно состоитъ изъ людской мелочи, которая не въ состояніи противиться силѣ жизни. Правила повелѣваютъ людямъ вышвырнуть изъ себя, какъ хламъ негодный, чувство горячей любви, юношескаго увлеченія, жалости, великодушія; они проповѣдуютъ революціонерный аскетизмъ; босоногіе капуцины вѣрили, что истязуя тѣло, они очистятъ духъ, но исковеркавши тѣло, они исковеркали и духъ, продуктъ этого тѣла. Для меня дики и непонятны мѣры, продиктованныя революціонерною тиранніей, которая старается оправдать лужи человѣческой крови благими цѣлями; къ счастью людей правила не владѣютъ чудо-

дѣйственнымъ свойствомъ: превращать людей въ кровожадныхъ скотовъ! буквально вѣрныхъ этимъ правиламъ людей весьма немного, такіе Мараты революціи — болѣзненное, исключительное явленіе; такіе люди должны страдать невыносимою мукою душевной дисгармоніи между долгомъ, предписаннымъ правилами и добрыми инстинктами своей природы. Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ слѣпо вѣрили въ возможность въ нѣсколько мѣсяцевъ истребить гильотиною весь гнилой, ветхій міръ до основанія; король погибъ на плахѣ, но новый извергъ взошелъ по кровавымъ ступенямъ на тронъ; вмѣсто отсѣченныхъ головъ, какъ у лернейской гидры, выросли новыя, болѣе страшныя, съ печатью мести и вражды; такая ошибка простительна колоссальнымъ героямъ 93 года, которые явились въ безумное, ужасное время, когда народъ въ первый разъ мстилъ за тысячелѣтнее издѣваніе надъ собой; мы поняли ошибку прошлаго, взвѣсили результаты кровавой борьбы; наше время должно выдумать что нибудь помягче тайной инквизиціи, варѳоломеевской ночи; мелкія, кровавыя реакціи, моментальные взрывы не обезпечиваютъ большинства, они показываютъ не силу, а безсиліе; во время такихъ реакцій народъ похожъ на человѣка, который, не зная, что ему дѣлать, съ отчаянія кусается и дерется. Если народъ дѣйствуетъ не глубоко сознательно, если онъ съ удовольствіемъ выдерживаетъ на своей мощной спинѣ разнаго рода эквилибристовъ, его благосостояніе принадлежитъ далекому будущему; я увѣренъ, что путемъ кровавой борьбы — не такъ скоро, какъ многіе думаютъ — люди завоюютъ себѣ миръ и счастье; ожесточеніе будетъ расти, неумѣніе всего взвѣсить и предвидѣть будетъ обнаруживаться на каждомъ шагу, а свѣтлое, непонятое будущее отодвигаться въ темную даль. Только путемъ пропаганды свѣтлыхъ убѣжденій въ самомъ обширномъ и гибкомъ значеніи этого слова можно добиться всего; нужно всѣми силами, тайно и открыто развивать большинство, подымать его нравственный и умственный уровень, пользуясь стачками, конгрессами, собраніями, выборами; нужно, не щадя силъ и жизни, проводить въ народныя массы разумныя, честныя убѣжденія; горячимъ, ѣдкимъ словомъ миѳы превращать въ жалкихъ, ненужныхъ маріонетокъ; съ либеральныхъ шарлатановъ нужно сдернуть маскирующее ихъ покрывало и выставить ихъ во всей мерзкой, отталкивающей наготѣ. Нашъ критическій вѣкъ, разрушивъ на животныхъ инстинктахъ основанное государство, создалъ новое государство, въ программу котораго не входятъ неограниченно ворующіе, неограниченно давящіе монархи, поѣданіе одного государства другимъ, цензуры, тюрьмы, каторги,

религіозныя и политическія преслѣдованія; это новое царство не фантастическій міръ, а строго реальный; онъ основанъ на личной пользѣ, основная формула этого строя: всякій для другихъ и въ то же время всякій невольно для себя; экономическій вопросъ сталъ роковымъ, безотлагательнымъ вопросомъ настоящаго; требованія наслажденія и довольства за трудъ стало насущною потребностью не однихъ развитыхъ единицъ, но и сознавшихъ въ себѣ человѣка массъ; къ этому государственному строю стремится все разумное, все способное честно и смѣло взглянуть на дѣйствительность, отбросивъ съ отвращеніемъ и презрѣніемъ кучи софизмовъ, выработанныхъ сытымъ человѣчествомъ. Новые люди не щадятъ своихъ силъ для осуществленія новаго міра; они, не блѣднѣя, глядятъ въ черное будущее, которое въ слѣпомъ ужасѣ грозитъ имъ терновыми вѣнцами, снѣгами Сибири, дырами крѣпостей, ненавистью того общества, которое такъ безпечно покоится, такъ безумно наслаждается, торгуя человѣчьимъ мясомъ, кровавыми, непересыхающими слезами. Призрачно не то государство, гдѣ торжествуетъ свобода, величайшая справедливость въ раздѣлѣ труда, благъ и наслажденій; но чудовищно призраченъ тотъ міръ, гдѣ подавлены всѣ естественныя, человѣческія права, гдѣ необузданно жадно пьетъ чашу наслажденій микроскопическое и недостойное наслажденія меньшинство, а милліонныя массы, давшія имъ жизнь, счастіе, богатство, облизываютъ свои запекшіяся, пересохшія, окровавленныя губы. Новый государственный строй, глухо рвущійся изъ отживающаго, дряхлаго строя, наполнитъ здоровою и обильною пищею тѣ милліоны желудковъ, которые тысячи лѣтъ оставались ненаполненными; за трудъ онъ заплатитъ довольствомъ и наслажденіемъ, которыя въ старомъ мірѣ были обѣщаны попами въ какомъ-то безпочвенномъ, никѣмъ не изслѣдованномъ мірѣ; государственные законы въ немъ сойдутъ на минимумъ и будутъ охранять не хищниковъ и воровъ, а слабаго отъ эксплуатаціи сильнаго, простака отъ ловкаго мошенника; наука и искусства, разработываемыя не милліонною долею человѣчества, а крупною его частью, прольютъ свои богатства на все чѣловѣчество; женщина перестанетъ быть аппаратомъ для одной только чувственности, она выйдетъ изъ подъ опеки браковъ и изъ подъ звѣрскаго гнета мужчинъ, тысячи лѣтъ придавленныя, непроизводительно замиравшія, мощныя силы ея вырвутся наружу и обогатятъ міръ; религію поповъ, залившую землю кровью, борьбою сектъ, тайною инквизиціею, варварскою нетерпимостью, обокравшую человѣчество для того, чтобы капиталы, добытые изъ его пота, преобразить въ ни къ чему

негодные храмы и монастыри, чтобы осыпать сокровищами картинки, изображающія фантастическіе сюжеты; которая, вмѣсто того, чтобы дать просторъ здоровой критикѣ, развила въ человѣчествѣ гнусную способность пассивно вѣрить въ ерунду, не смѣя ее анализировать и наполнила мозги человѣчества болѣзненными галлюцинаціями, затормозивъ его на тысячи лѣтъ; эту религію хаоса и муки замѣнитъ религія разума и величайшей справедливости для всѣхъ людей, безъ исключенія, раскрывающая полный просторъ критическому разуму и всѣмъ святымъ стремленіямъ ко благу всего человѣчества. Этотъ государственный строй воплощается въ федеративной демократической республикѣ, гдѣ подъ фирмою одного государства будутъ жить и мощно, самостоятельно развиваться сотни государствъ, сообразуясь только съ физическими условіями, ихъ окружающими и собственными стремленіями къ большей и большей свободѣ и обоюдной пользѣ. Мысль, умѣющая глубоко понять идею величайшей справедливости, свободы и блага — страшная сила, она грознѣе небесныхъ бурь несетъ въ міръ разрушеніе; сила слова породила христіанство, охватившее полміра; свободные, гуманные принципы нашего вѣка могли же родить Прудона, Фурье, Овена, Луи Блана и тысячи людей, готовыхъ пожертвовать всѣмъ для осуществленія своихъ стремленій. Радикальныя идеи вращаются во всей ихъ глубинѣ и ширинѣ пока среди единицъ, нужно сдѣлать ихъ достояніемъ массъ. Но относясь критически къ разрушительнымъ стремленіямъ этихъ правилъ, доказывая ихъ непримѣнимость, я еще разъ повторяю, что основа ихъ велика и свята; истина, какъ свѣтлый родникъ, бьетъ на самомъ днѣ этого ожесточеннаго ученія; въ основѣ ихъ лежитъ та недвижная, стоящая первая на очереди истина, что всѣмъ одинаково нужно трудиться, ѣсть питательную пищу, одинаково дышать свѣжимъ воздухомъ въ здоровыхъ и удобныхъ жилищахъ и наслаждаться всѣми благами; передъ этою незыблемою, какъ міръ, аксіомою цѣлыя горы философскихъ трактатовъ и утонченныхъ софизмовъ о правѣ разлетаются, какъ пухъ, отъ дыханія урагана; сквозь ожесточеніе этихъ правилъ проглядываетъ мысль, что государство — заговоръ меньшинства противъ большинства, въ этомъ логически мыслящій человѣкъ сомнѣваться ни на одну минуту не можетъ; деспотическое государство, нѣтъ сомнѣнія, болѣе, чѣмъ другое, держится на дикомъ насиліи, подкупѣ; оно можетъ существовать до поры, до времени, оберегаемое пушками и подкупными, умственно и нравственно извращенными солдатами. Государство пережило себя, является два вопроса: чѣмъ можетъ оправдать свое существова-

ніе не только худшее, но и самое лучшее современное государство? чѣмъ можетъ защитить себя отъ неминуемой гибели? На первый вопросъ представители государства могутъ отвѣтить: „Все наше великое право на существованіе заключается въ томъ, что насъ пока еще всѣхъ не передушили.“ На второй вопросъ они ничего не могутъ отвѣтить; если они вздумаютъ запкнуться о таинственныхъ человѣческихъ правахъ, всеохраняющемъ законѣ, о справедливости ко всѣмъ людямъ, о служеніи народу, о возможности спасти его, то мертвые расхохочутся.

III.

„Задумали подорвать Кесаря,
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.“

Является вопросъ: можно ли изречь карательный приговоръ надъ осужденными по дѣлу Нечаева, которые перерѣзали государство только на бумагѣ, которые участвовали въ убійствѣ Иванова, вынужденные чувствомъ крайняго самохраненія, мыслью, что дѣло общаго блага можетъ рухнуть, если ихъ выдастъ Ивановъ, все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они читали прокламаціи и составляли крошечные кружки, совершенно безопасные для цѣлаго государства? на это положительно можно отвѣчать: нѣтъ! они погибли невинно, какъ тысячи политическихъ жертвъ, замученныхъ до нихъ! они не виноваты, какъ не виновата моль, которая завелась въ мѣхѣ, висящемъ въ сырости; виноваты не Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ, а виноваты, страшно виноваты тѣ зловѣщія, давящія силы, эксплуатирующія все живое! Правительство душитъ честныхъ людей, загораживаетъ имъ пути къ честной дѣятельности, поневолѣ, они конвульсивно начинаютъ отстаивать свое существованіе! чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе отпоръ; требовать логики и гуманности отъ человѣка умирающаго съ голоду, мудрено! сытый, онъ не раздавитъ мухи, голодный, онъ высосетъ изъ роднаго брата кровь и смѣясь сожретъ его мясо. Правительство само завариваетъ жгучую, ядовитую микстуру и корчитъ кисленькія гримасы, когда приходится ее выпить. Тамъ, гдѣ мирный протестъ насилію и злу заканчивается ссылкой, безъ суда, на каторжную работу, тамъ Каракозовы, Нечаевы становятся болѣе, чѣмъ понятны; то, что кажется уродливымъ

въ государствахъ свободныхъ, то является совершенно нормальнымъ въ государствахъ рабскихъ. Многіе изъ наивныхъ могутъ замѣтить, что подобныя тайныя общества, удавшись, могутъ потрясти общество, что если допустить безнаказанность подобныхъ дѣйствій, общество и отдѣльная личность не обезпечены; я уже доказывалъ, что удаться они не могутъ; перевороты, потрясающіе, но въ то же время и обновляющіе общество, возникаютъ не изъ Нечаевыхъ, а изъ уродливо сложившейся жизни; вы ихъ не предотвратите, какъ бы ни были варварски жестоки ваши преслѣдованія; преслѣдованія никогда никого не застращивали и не застращаютъ, но всегда возбуждали и возбуждаютъ еще болѣе сильное ожесточеніе. Идеи—огонь, чѣмъ глуше и невидимѣе горитъ онъ, тѣмъ онъ страшнѣе; неужели нужно доказывать, что и при теперешнемъ государственномъ порядкѣ, ни общество, ни отдѣльная личность не обезпечены; обезпечены хищные звѣри: царская фамилія, генералы, жандармы, подлые фискалы, кровожадное третье отдѣленіе, свора мосекъ, продавшихъ свой человѣческій образъ за золотую игрушку и милліоны нулей, все же, носящее человѣческій образъ, безобразно не обезпечено; безукоризненно честная дѣятельность у насъ миѳъ, честный человѣкъ у насъ Блонденъ, ходящій въ мѣшкѣ по канату надъ стосаженною пропастью, наша честность секретная, замаскированная, обнаружить ее вполнѣ значитъ попасть въ черныя щели петропавловской крѣпости, или сдѣлать моціонъ въ 12 тысячъ верстъ, въ кандалахъ, безъ платья, при 40 градусномъ морозѣ въ Сибирь, по той вытоптанной милліонами жертвъ широкой дорогѣ, смоченной кровью и пропитанной до центра земли горючими слезами, которая получила мрачную кличку въ народѣ: „проторенная цѣпями.“ Блѣдныя, страшныя тѣни погибшихъ потребуютъ къ суду виновныхъ и ужасный то будетъ день! Судъ апокалипсиса будетъ нѣжною ласкою возлюбленной въ сравненіи съ нимъ.

Неужели можно заикнуться, не свершая тяжкаго преступленія, что обезпечена народная масса, т. е. другими словами самая суть государства, то чудовищное большинство, на которое чудеса цивилизаціи, даже нечаянно, не выронили ни одной живительной капли, та истощенная, жаждущая почва, которую безжалостно топчетъ слѣпой абсолютизмъ, изъ которой вытянуты всѣ жизненныя силы? Народъ задыхается въ безвыходности, его грабятъ всѣ, съ него, съ чувствомъ высочайшей законности, сдираютъ послѣдніе клочья кожи; его страдальческій потъ непостижимо быстро превращается въ сказочные дворцы и языческую роскошь; онъ видитъ надъ

собою право, но только лютое право, право сильнаго, словомъ, блаженствуетъ, жируетъ вся та гниль и мерзость, которая не имѣетъ права на жизнь и наслажденіе, и копошится въ грязи раздавленное все святое, великое. Государство балансируетъ на головѣ, ему необходимо стать на ноги, иначе оно рискуетъ задохнуться отъ апоплексіи. Такой извращенный порядокъ въ себѣ самомъ несетъ зародышъ неминуемой гибели, онъ рухнетъ отъ собственнаго чудовищнаго безсмыслія. Подсудимые хотѣли свергнуть не существующій порядокъ дѣлъ, а безпорядокъ дѣлъ; съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть на ихъ мнимое преступленіе; ихъ ожесточеніе — продуктъ царскаго самодурства, не говоря уже о томъ, что стремленія ихъ были чисты и прекрасны; въ свободномъ государствѣ, гдѣ существуетъ свобода пропаганды, право сходокъ и ассоціаціи, такіе люди были бы глубоко прекрасными и полезными дѣятелями, всякій изъ нихъ съ отвращеніемъ взглянулъ бы на жестокости, наполняющія правила; сатанинскія потребности разрушенія немыслимы тамъ, гдѣ есть выходъ болѣе мирный и разумный, онѣ вырабатываются насиліемъ и произволомъ.

IV.

Тайное общество, составленное Нечаевымъ, сколокъ съ заговора Бабефа съ тою разницею, что у того было много сообщниковъ, у Нечаева же ихъ очень мало. Это споръ о правахъ. Масса голодающая, обездоленная, униженная, обойденная на пиру жизни, требуетъ законныхъ и естественныхъ правъ своихъ. Этотъ споръ принимаетъ безумно ужасный характеръ въ государствахъ деспотическихъ и мирный въ государствахъ свободныхъ. Въ Англіи громадная организація рабочихъ, не стѣсненная правительствомъ, ведетъ тихую, но непоколебимую борьбу на жизнь и смерть съ фабрикантами, они входятъ въ свои права медленно, но съ неотразимою силою законовъ природы; эти Муціи Сцеволы рабочаго міра ведутъ борьбу съ такимъ непостижимымъ смиреніемъ, мужествомъ и безконечнымъ терпѣніемъ, что вызываютъ невольный восторгъ; все глубже и глубже уясняя себѣ сущность своего положенія и всѣ средства къ выходу изъ него, они добьются общаго избирательнаго права и заставятъ правительство вмѣшаться въ дѣло трудящагося народа и помочь ему своимъ кредитомъ въ созданіи тѣхъ безчисленныхъ, производительныхъ, рабочихъ ассоціацій и деревенскихъ общинъ,

въ которыхъ рабочій міръ пользовался бы всѣми продуктами своего труда, а не терзался пытками Тантала, видя, какъ плоды, созданные имъ, улетучиваются въ бездонные карманы эксплуататоровъ; все болѣе и болѣе увеличивая свое благосостояніе, онъ укорачивалъ бы часы физическаго труда, и увеличивалъ часы умственнаго; эти могущественныя ассоціаціи, сплотившись въ одну исполинскую силу, раздавятъ самонадѣянную, крошечную кучку все себѣ захватившихъ барышниковъ; единица стушуется передъ массою, перестанетъ ее истязать и коверкать; эта величайшая, неснившаяся міру революція свершится, не проливъ ни одной капли крови, безъ пожаровъ, дикихъ воплей толпы голодной, стоновъ, убійствъ, скрежета зубовнаго; она побѣдитъ неестественный строй одною сплою святой идеи, созрѣвшей въ большинствѣ, и тогда, незамѣтно, тихо, вымрутъ лиліи, которыя не занимались никакой работою и, не смотря на это, были одѣты, какъ Соломонъ, во всемъ блескѣ своей роскоши; завянутъ лирическіе восторги. Народъ, удовлетворенный во всѣхъ своихъ потребностяхъ, безъ злобы и шума разрушитъ уцѣлѣвшіе остатки деспотической гнили; онъ ужасною цѣною крови и слезъ узналъ ей цѣну, онъ знаетъ, что она сначала была въ союзѣ съ дворянами, землевладѣльцами, потомъ съ буржуазіей и въ вѣчномъ, послѣдовательномъ заговорѣ противъ него. Новыя формы будутъ непоколебимы, старымъ возвратъ будетъ невозможенъ: трупъ не оживитъ никакая сила; эта реакція будетъ глубоко обдуманная, она выработается во время долгой, послѣдовательной борьбы и не обрывками массъ, а цѣлою массою, тутъ пріобрѣтется общность понятій, желѣзное убѣжденіе въ полной негодности стараго; нѣтъ той силы въ мірѣ, которая устояла бы противъ такой сплотившейся, неизмѣримой силы, передъ нею все, безпрекословно, склонится; протестъ и новыя посяганія возбудятъ не злость, а смѣхъ Титана надъ усиліями гнома. Совсѣмъ другое свершается тамъ, гдѣ подавлено народное образованіе, гдѣ живую мысль охраняютъ евнухи, гдѣ печатаются объѣдки и огрызки мысли, гдѣ буржуазія, въ союзѣ съ императорскою властью, опутала паутиною всѣ выходы къ спасенію: тамъ завоеваніе правъ свершается судорожнымъ путемъ. Полюбуйтесь коммуною Парижа, пылающими дворцами, картинными галереями, кровью залитыми улицами, все обречено огню и смерти, ничему нѣтъ пощады; эстетическія игрушки, мраморныя статуи красоты развѣяны прахомъ, забыты розы, праздныя, соловьиныя невѣсты; опьяненному справедливою местью народу не дороги тѣ бездѣлушки цивилизаціи, которыя созданы изъ его мяса и пота; подавленный во всѣхъ своихъ мирныхъ

порывахъ восемнадцатилѣтней тираніей, онъ не можетъ вести правильной борьбы, онъ ее ведетъ съ безумнымъ, конвульсивнымъ ожесточеніемъ, и эти ужасы, обезсиливающіе націю и не улучшающіе быстро общаго благосостоянія, будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока полная свобода водворится во Франціи.

V.

„У него жъ все орелъ на знамени,
Духъ святой явился въ видѣ голубя,
А орелъ птица кровожадная.“

Рѣчи подсудимыхъ, которыя я не выписываю, думая, что каждый грамотный человѣкъ читалъ ихъ и глубоко запомнилъ ихъ, показываютъ ясно, что осужденные участвовали въ тайномъ обществѣ, вынужденные царскимъ произволомъ; переберите всѣ рѣчи, и чѣмъ глубже вы вглядитесь въ ихъ внутренній смыслъ, тѣмъ болѣе вы замѣтите всюду разлитый желчный, скорбный протестъ, неспособность помириться съ мерзостью и подлостью жизни. Что заставило Успенскаго броситься, съ закружившеюся головою, въ тайное общество? на это одинъ отвѣтъ: полная безвыходность; онъ разсказываетъ, съ твердостью и искренностью, что неправда, безобразіе людскихъ отношеній и произволъ, ссылающій, безъ суда, лучшихъ и способнѣйшихъ молодыхъ людей на каторгу, возбудили въ немъ ожесточеніе, страшную желчь и заставили его участвовать въ тайномъ обществѣ; онъ указываетъ на то, что на его глазахъ сослали сто пятьдесятъ человѣкъ невинныхъ, и въ ихъ числѣ была его родная сестра, слабый, беззащитный ребенокъ; онъ ярко выдвигаетъ передъ публикою тѣ черныя средневѣковыя злодѣйства, которыя не снились публикѣ въ горячечныхъ сновидѣніяхъ; публика, въ первый разъ, въ залѣ судебной палаты услышала тѣ рвущіе за душу стоны, увидѣла тѣ горючія, кровавыя слезы, которыя беззвучно тонули въ тишинѣ далекой, страшной Сибири. Нестерпимое впечатлѣніе производитъ безвыходность этихъ несчастныхъ; что дѣлать имъ въ той странѣ, гдѣ остаться серьезно честнымъ, полезнымъ человѣкомъ равносильно смерти въ протухлой лужѣ, или Сибири; гдѣ слово радикалъ — синонимъ слову воръ и разбойникъ? Неужели администраторы такъ младенчески наивны, что воображаютъ, что человѣкъ можетъ безъ протеста отдать свое тѣло и душу на растер-

заніе? такая идіотская кротость показала бы въ человѣкѣ не живое существо, а каменную глыбу.

Дементьева въ своей рѣчи глубоко сознательно выговариваетъ потребности многихъ женщинъ; либеральные судьи ожесточенно допрашиваютъ ее и осуждаютъ за то, что она требуетъ слѣдующихъ, ужасныхъ беззаконій: чтобы вѣчнымъ паріямъ, русскимъ женщинамъ, дали возможность трудиться, чтобы ихъ допустили въ университеты, чтобы ихъ не пожирала полиція и высшая администрація за то, что онѣ хотятъ вырваться изъ душнаго невѣжества, за то, что онѣ предпочитаютъ увлеченіе наукою и современными, великими вопросами увлеченію гвардейскими и армейскими офицериками, миленькими штацкими, попойками у Излера и танцклассами у Марцинкевича; ее съ инквизиторскою злобою караютъ за то, что она, рискуя состояніемъ и чуть не жизнью, хотѣла оправдать передъ обществомъ студентовъ, добивающихся, съ непостижимымъ терпѣніемъ, крайне необходимыхъ реформъ: права сходокъ и права распоряжаться собственною кассою, и которыхъ обоврала и опакостила наша, пользующаяся уваженіемъ жандармовъ и фискаловъ, литературная мерзость... Колоссально либерально то правительство, подъ сѣнію котораго все это считается тяжкимъ преступленіемъ!...

Я не привожу содержанія остальныхъ рѣчей, всѣ онѣ —обвинительные акты современнаго порядка вещей, въ нихъ тѣ же мотивы, та же скорбь и то же справедливое негодованіе! Невольно возникаютъ тяжелые вопросы: неужели судьи, машины въ рукахъ безпощаднаго, звѣрскаго закона, не поняли всю святость того дѣла, за которое эти несчастные пожертвовали своими молодыми силами, будущими упованіями? они заблуждались, думая, что имъ въ одинъ мигъ удастся свершить великое дѣло вѣковъ—переродить и обновить старый, злой міръ, но это святыя заблужденія сердца, карать которыя болѣе, чѣмъ преступно; пусть вспомнятъ, что они стремились завоевывать не ордена, отличія, богатства, славу, они стремились завоевать существованіе народа и свое существованіе, защитить бѣдную, отовсюду притѣсненную народную и свою частную жизнь; мѣры ихъ были непрактичны, но экзальтированное и исключительное положеніе, въ которомъ они находились, совершенно извиняетъ ихъ. Участіе въ убійствѣ Иванова становится не преступленіемъ, когда узнаешь, что они всею душею вѣрили, что гибель одного спасетъ милліоны терпящихъ нужду; бывши свидѣтелями убійства, они были такъ далеки отъ него, такъ мало ему сочувствовали, что оно совершенно теряетъ преступный характеръ; кровожадности въ нихъ не заподо-

зритъ самый злѣйшій врагъ ихъ. Маленькая, но великая своей свободою Швейцарія давно практически разрѣшила вопросъ, что такое политическое убійство: Вильгельмъ Телль убилъ Геслера и въ честь убійцы, удачно убившаго тирана, (потому что за этимъ послѣдовало народное освобожденіе) народный судъ воздвигъ памятникъ, который оказался тверже Наполеонова столба; голова убійцы окружена сіяніемъ, покрыта лавровымъ вѣнкомъ, старикъ и ребенокъ благоговѣйно произносятъ его прекрасное имя; путешественники, даже изъ русскихъ, очищенные, царскіе холопы, безтрепетно, не кипятясь, взираютъ на памятникъ, воздвигнутый судомъ народнымъ. Не убей на повалъ Телль Геслера, Геслеръ холодно сгноплъ бы его въ крѣпостномъ подземельи, будущіе Геслеры, медленно пытая на мелкомъ огнѣ цѣлое государство, убивая и заѣдая каждый день тысячи жизней, съ чувствомъ высокой правоты, предали бы имя Вильгельма Телля проклятію, царскія шавки объ немъ взвизжали бы, какъ о черномъ убійцѣ; совѣтую читателю поглубже вдуматься, на досугѣ, въ этотъ незамысловатый, жизненный фактъ. Сдѣлаю еще ссылку на сочиненіе „О свободѣ“ Джона Стюарта Милля, вотъ что говоритъ онъ о тираноубійствѣ: „вопросъ этотъ былъ постоянно предметомъ изслѣдованія моралистовъ; что убійство частнымъ человѣкомъ преступника, который, ставъ выше законовъ, тѣмъ самымъ поставилъ себя внѣ возможности быть наказаннымъ законами,—такое убійство было признано всѣми народами и многими лучшими и мудрѣйшими людьми не за преступленіе, но за выраженіе самой экзальтированной добродѣтели.“ Пусть читатель продолжитъ эту мысль до конца, можетъ быть, это заставитъ его на многое въ сей жизни взглянуть совершенно другими глазами, если только мой читатель не изъ свѣтобоязненныхъ. Неужели скорбныя рѣчи подсудимыхъ не повернули все вверхъ дномъ въ головахъ судей, если въ нихъ тлѣетъ хоть искра человѣческой души? Неужели скрытая въ радикальныхъ стремленіяхъ подсудимыхъ логика не потревожила тѣхъ завѣтныхъ уголковъ въ головахъ судей, гдѣ хранятся софизмы о правѣ? Не думаю, чтобы публика не разобрала, что подсудимые имѣли неизмѣримо болѣе права судить тѣ дикія силы, по милости которыхъ въ конвульсивныхъ страданіяхъ гибнетъ все живое, чѣмъ дикія силы ихъ. Неужели не облилось кровью сердце у каждаго порядочнаго человѣка при услышаніи звѣрскаго, канибальскаго приговора надъ осужденными? Этотъ приговоръ напоминаетъ время Нерона и Геліогобала, когда христіанъ за ихъ радикальное, святое ученіе выбрасывали на растерзаніе голоднымъ тиграмъ и львамъ.

Чтобы это сравненіе показалось блѣднымъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ чудовищною дѣйствительностью, я напомню читателю, что Успенскаго приговорили на 15-лѣтнюю каторжную работу, а Прыжова на 12 лѣтъ въ крѣпости, а потомъ, послѣ этого, на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Этотъ приговоръ произнесенъ въ 1871 году, онъ одобренъ и закрѣпленъ всемилостивѣйшимъ, добродѣтельнымъ монархомъ, который глубоко пунктуально исповѣдуетъ христіанскую религію и усердно поклоняется Іисусу, тому безумному чудаку (съ государственной точки зрѣнія), который, истекая кровью, изнывая отъ мукъ, молился на крестѣ за враговъ своихъ; если бы религіозный монархъ велѣлъ бы живыхъ Успенскаго и Прыжова сжарить, а послѣ апетитно скушалъ бы ихъ съ своимъ семействомъ и свитою, его поступокъ былъ бы идеально нѣжнымъ, фантастически прекраснымъ въ сравненіи съ этимъ приговоромъ. И не окаменѣли мозги у тѣхъ людоѣдовъ, составителей уголовнаго кодекса, которые прибавили къ 15 лѣтней каторгѣ вѣчное поселеніе! Неужели этимъ наивнымъ мерзавцамъ не пришла въ голову та аксіома, что если бы подсудимые владѣли силою Самсона, то и тогда они превратились бы въ изъѣденный трупъ, послѣ такого коротенькаго заключенія? Страшна судьба несчастныхъ, молодыхъ людей! ихъ, надломленныхъ допрашиваніемъ въ третьемъ отдѣленіи и двухъ годовымъ заключеніемъ въ крѣпости, слабыхъ физически, громадно впечатлительныхъ къ малѣйшему оскорбленію, обрекли на 15-тилѣтнія плети, палки, полупудовые кандалы и работу до растяженія жилъ, при 40° холодѣ въ Сибири. Судьямъ не пришло въ голову, что, изрекая этотъ приговоръ, они разыгриваютъ ужасную роль дикаго Ирокеза, они топчутъ ногами убитаго, плюютъ въ лицо мертвому! Почтенные читатели, если вы будете читать тѣ страшныя книжки, гдѣ разсказывается о томъ, какъ на удаленныхъ отъ цивилизаціи, неприступныхъ островахъ Тихаго океана злобныя, отвратительныя чудовища, носящія человѣческій образъ, поймавъ путешественника, обухомъ разбиваютъ ему голову, а послѣ жрутъ, съ адскимъ хохотомъ, его мозгъ и мясо, запивая его теплою кровью, то будьте послѣдовательны, не ужасайтесь, не ахайте, это сладенькія сантиментальности въ сравненіи съ дѣйствительностью, которая у васъ вертится передъ глазами и передъ которой вы ползаете и пресмыкаетесь до истощенія нравственныхъ силъ, до паралича мозга; привыкайте обобщать ваши мысли и проникать поглубже въ предметы, ставшіе черезъ чуръ обыденными, но черезъ это не теряющіе ни одного атома своего зловѣщаго значенія. Людоѣдство процвѣтаетъ не на од-

нихъ неприступныхъ, дикихъ островахъ Тихаго океана, оно замаскированное, но черезъ это еще болѣе кровожадное, ожесточенное, утонченное, пикантное, пышно процвѣтаетъ въ нашемъ цивилизованномъ русскомъ государствѣ. Но пусть не забудетъ правительство, что каторги, казематы, кандалы, пытки, не задушатъ живаго протеста; безчеловѣчныя мѣры создадутъ болѣе страшные и вѣрнѣе направленные заговоры: муки создаютъ героевъ; соціализмъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—очищенное отъ чудесъ, темной божественности, загробныхъ наградъ, лжи и грязи, христіанство; эту новую религію не затопчутъ и не задушатъ никакія силы, ея зачатки не могли задушить языческіе цезари, „есть заклинаніе, которое сильнѣе ружей и золота, есть слова, вызывающія мертвыхъ изъ гробовъ и посылающія живыхъ на смерть, слова, превращающія карликовъ въ великановъ и низвергающія великановъ въ прахъ.“

VI.

Рѣчи защитниковъ, Урусова, Спасовича, и Арсеньева, носятъ крайне возможный въ Россіи, честный характеръ; они дошли до той математической линіи, перейдя которую на волосъ, они рисковали вмѣсто защитниковъ попасть въ число подсудимыхъ; нужно удивляться адвокатской способности этихъ господъ балансировать на тонкомъ, какъ остріе меча, мостикѣ, перекинутомъ черезъ клокочущій адъ, о которомъ говорится въ коранѣ, и не упасть въ бездну. Такое удивительное самообладаніе пріобрѣтается долгою практикою. Многіе изъ честно мыслящихъ людей послѣ приговора надъ подсудимыми иронически спрашивали: какое значеніе имѣли рѣчи адвокатовъ для подсудимыхъ? онѣ ни на волосъ не отвратили отъ нихъ ужасной участи, на одинъ атомъ не смягчили чудовищнаго приговора надъ ними; въ гнусной, кровожадной комедійкѣ, носившей громкое названіе гласнаго суда, все было заранѣе опредѣлено высшею властью, убійцами изъ подъ угла; не даромъ были исключены присяжные! за нелицепріятныхъ судей правительство не боялось: оно знало, что данный имъ ножъ, они, отъ излишняго усердія, еще болѣе отточутъ, но за присяжныхъ оно могло очень бояться, среди холоповъ могли совершенно неожиданно сыскаться люди, которыхъ мудрено было бы застращать!... Рѣчи адвокатовъ, странно и грустно выговорить, не имѣли ровно никакого значенія для подсудимыхъ и огромное нравственное, воспи-

тательное значеніе для публики; горячія, свободныя рѣчи облетѣли всю Россію. Идеи любви, всепрощенія, протестъ противъ дикаго произвола, жестокаго закона судей, рѣзко, бурно, сильно были высказаны и не въ запрещенныхъ статьяхъ, а съ разрѣшенія правительства, во всеуслышаніе, въ публичномъ мѣстѣ. Много зловѣщихъ тайнъ, о которыхъ только догадывалась непосвященная публика, выплыло наружу при полномъ освѣщеніи; не только все честное, воспріимчивое, молодое, лихорадочно содрогнулось при чтеніи этихъ рѣчей, но даже и въ чугунныхъ черепахъ забродили странныя, враждебныя японскому императору мысли. Рѣчи адвокатовъ имѣютъ громадное значеніе, какъ запрещенныя зажигательныя статьи, пущенныя правительствомъ въ обращеніе въ публику.

Рѣчь Урусова носитъ теплый, сердечный характеръ; онъ былъ поставленъ въ качествѣ защитника въ критическое положеніе. Какъ передовому, честному человѣку, ему нужно было говорить на прямикъ, но онъ сознавалъ ясно, что высказываніе на прямикъ приведетъ прямо въ Петропавловскую крѣпость; пожертвовать своею полезною жизнью тамъ, гдѣ такое пожертвованіе никому не принесло бы пользы и гдѣ такой героическій поступокъ канулъ бы въ бездонный омутъ, въ которомъ погребено много великихъ думъ и великихъ дѣлъ, было бы въ высшей степени не практично, отрѣшиться же отъ истины онъ не рѣшился. Въ рѣчи Урусова вы подмѣчаете полное оправданіе Успенскаго, но эта свѣтлая основная мысль замаскирована діалектическими тонкостями; Урусовъ съ желчью указываетъ на гнусные, злодѣйскіе аресты, которымъ были подвергнуты 150 человѣкъ и въ томъ числѣ невинный ребенокъ Надежда Успенская; онъ указываетъ г. прокурору, какимъ образомъ скромный, тихій, склонный къ мирнымъ реформамъ Успенскій, волнуемый болѣзненною желчью и негодованіемъ, переходитъ послѣ этихъ возмутительныхъ арестовъ на сторону Нечаева; онъ ясно намекаетъ, приводя цитаты изъ Гизо, что политическое преступленіе — мнѣ, что самое благое дѣло въ какомъ нибудь государствѣ считается тяжкимъ преступленіемъ; онъ ссылается на германскій кодексъ и, сравнивая наказанія за одинаковый поступокъ, очень рельефно выказываетъ все варварство и звѣрство нашихъ законовъ; онъ очень ясно кладетъ границу между заговоромъ и тайнымъ обществомъ; защищая Успенскаго, какъ участника въ убійствѣ Иванова, онъ проводитъ ту мысль, что тайное общество въ борьбѣ противъ государства вооружается его прерогативами, что убійство одного лица, производящее отвратительное впечатлѣніе съ нрав-

ственной точки зрѣнія, съ государственной точки зрѣнія не болѣе, какъ вычеркиваніе статистической единицы, если она оказывается вредною; продолженіе этой мысли ведетъ къ слѣдующему скромному выводу: если вы, гг. судьи, не разрывали на куски царя за то, что онъ изъ подлой трусости ссылалъ на каторгу тысячи невинныхъ людей и изъ личной прихоти посылалъ войска на бойню, то имѣете ли вы право убійство Иванова, совершенное въ виду спасенія большинства, считать преступленіемъ? Я не стану останавливаться на внѣшнихъ красотахъ рѣчи Урусова, на его тонкихъ сарказмахъ, обращенныхъ на личность будущаго полнаго генерала прокурора Половцева; разбирая его рѣчь, приходишь къ тому умозаключенію, что Урусовъ свершилъ все возможное и не обманулъ тѣхъ надеждъ, которыя возложило на него наше передовое общество.

Рѣчь Спасовича, защищающая Кузнецова, могла произвести эфектъ только на тѣхъ господъ, которые увлекаются блестящею внѣшностью, разбирать ее было бы дѣломъ утомительнымъ; это красивенькая бездѣлушка, изящная, не лишенная по временамъ очень глубокихъ мыслей беллетрическая статья, но отнюдь не серьезная, пламенная защита; въ этой рѣчи Спасовичъ мило балагуритъ, съ необыкновенною развязностью дѣлится съ публикою своими взглядами на дѣло; онъ критически относится къ правиламъ, старается à propos охарактеризировать личность Нечаева, онъ забываетъ, что это дѣло очень трудное: Нечаева не беретъ обоюдоострый мечъ анализа, онъ возродившійся Рахметовъ, то есть мечущійся по Россіи революціонерный принципъ; за революціонерными ширмами такъ глубоко скрывается его индивидуальность, каждый его поступокъ такъ вѣренъ буквально революціонерному катихизису, что Спасовичъ напрасно терялъ время въ догадкахъ. Далѣе Спасовичъ даетъ родительское и весьма доброе и умное наставленіе о томъ, какъ слѣдовало Нечаеву поступить съ Ивановымъ, онъ втискиваетъ въ защитительную рѣчь много интересныхъ подробностей, забористыхъ мыслей и фразъ, критически разбираетъ стихотвореніе „Студенту,“ приписываемое Огареву, весьма небрежно относится къ его литературной дѣятельности, весьма снисходительно причисляетъ его къ поэтамъ средней руки, показывая этимъ ясно, что онъ крайне поверхностный дилетантъ литературы, и заставляетъ сильно заподозрить, что онъ или не читалъ такихъ произведеній, какъ „Разсказъ этапнаго офицера,“ „Ночь,“ Съ того берега,“ „Марія Магдалина“ и десятки другихъ произведеній, принадлежащихъ Огареву, или же не имѣетъ ровно никакого критическаго чутья. Кузнецовъ

на волосъ не выигралъ отъ того, что одинъ изъ первыхъ адвокатовъ защищалъ его; защита же Ткачева и Томиловой носитъ менѣе эфектный, но болѣе серьезный характеръ; въ этихъ рѣчахъ вы слышите смѣлаго, энергическаго, честнаго защитника, мощныя, глубокія, благородныя мысли рвутся со дна взволнованной души. Говорятъ, что на публику оставили сильное впечатлѣніе слова Спасовича, обращенныя къ камнямъ, засѣдающимъ въ видѣ судьевъ; потрясающимъ душу голосомъ онъ произнесъ: „Пощадите эти молодыя, свѣжія силы!“ Но эти слова исчезли, какъ звукъ въ пустынѣ, пощада свѣжихъ, юныхъ силъ выразилась въ двадцатилѣтней каторгѣ. Спасовичъ разбиваетъ прокурора по пунктамъ; читая рѣчь, чрезвычайно живо представляешь себѣ переконфуженную мордочку г. прокурора, этого поганенькаго, москообразнаго лакея, который съ ехидною злобою старается изъ мухи сдѣлать слона, чтобы получить деньжонки или крестикъ за облизываніе высшей власти; желаніе подслужиться въ этомъ гражданинѣ русской имперіи было такъ необузданно, что онъ готовъ былъ съ охотою пожертвовать для этого жизнью всѣхъ подсудимыхъ; этотъ тайный инквизиторъ, говоря о выстрѣлѣ Каракозова, выражается такимъ японски мусульманскимъ языкомъ: „послѣ покушенія на священнѣйшую особу нашего императора, на жизнь столь священную для цѣлаго государства.“ Эта мизерная молюска, воспитанная въ духѣ филаретовскаго катихизиса и исторіи Кайданова, не взяла въ разсчетъ, что за этимъ дѣломъ слѣдила вся читающая Европа и что его фанатически угодливыя, іезуитскія, жестокія обвиненія подсудимыхъ наложатъ на всю его будущую дѣятельность черное пятно, что русская публика догадается, какое гаденькое arrière pensée копошилось въ его жестяномъ черепѣ; впрочемъ, для такихъ субъектовъ мнѣнія честныхъ людей неизмѣримо менѣе имѣютъ значенія крошечнаго ордена, которымъ перетянуты ихъ шеи. Прокуроръ—царскій парій, неизлечимый вѣрноподданный, его кровь и мозгъ пропитались вакхическимъ лакействомъ; люди этой категоріи въ качествѣ судей представляютъ изъ себя копію съ палачей третьяго отдѣленія, говорить объ нихъ долго — вредно: они возбуждаютъ черезъ-чуръ болѣзненное отдѣленіе желчи.

Рѣчь Арсеньева болѣе всѣхъ носитъ характеръ защиты; его рѣчь не блеститъ цвѣтами радуги, въ ней мало розъ и шипящихъ змѣй, но за то очень много дѣла; его рѣчь, не смотря на глубочайшій анализъ мелочей, производитъ потрясающее впечатлѣніе: онъ заглядываетъ въ самую глубь души Прыжова; онъ обаятельно горячо и въ высшей степени по-

слѣдовательно разоблачаетъ всю его жизнь, всю его прекрасную дѣятельность и наконецъ болѣзнезный исходъ его жизни; личность Прыжова глубоко врѣзывается въ мозгъ, онъ очерченъ художественно вѣрно. Очерчивая Прыжова до мельчайшихъ подробностей, г. Арсеньевъ производитъ мучительно гнетущее душу впечатлѣніе, невыносимо жаль становится этой личности, вышедшей изъ нашего бѣднаго народа; этотъ мученикъ шелъ всю жизнь тяжкимъ путемъ, его путь не освѣщало горячее, ласковое солнышко; надъ его несчастной головой всю его жизнь носились безразсвѣтныя сумерки и чѣмъ далѣе шелъ онъ, тѣмъ темнѣе становилось у него на душѣ и темнѣе вокругъ. Этотъ тернистый путь вѣчнаго не по душѣ труда, вѣчной нужды и вѣчной безвыходности, превратилъ несчетное число сильныхъ и свѣтлыхъ личностей въ трупъ; пройти этотъ путь подобно Прыжову и сохранить въ себѣ молодость, впечатлительность, вѣру въ свѣтлое грядущее, доходящую до самоотверженія любовь къ народу, надо быть не обыденнымъ человѣкомъ, а титаномъ, котораго вполнѣ оцѣнитъ только будущее. Рѣчь Арсеньева заканчивается вылившеюся изъ сердечной глубины фразою: „Господа судьи, какъ бы ни былъ снисходителенъ вашъ приговоръ, онъ будетъ стоять выше дѣйствительной вины Прыжова.“ Когда я прочитывалъ эти знаменательныя строки, что-то суровое, страшное поднялось въ моей душѣ, мнѣ съ отчетливою ясностью вспомнились послѣднія слова Прыжова: „Господа, я знаю, что я послѣдній разъ въ моей жизни говорю въ присутствіи общества; я любилъ глубоко народъ и готовъ былъ для него пожертвовать своею жизнью, насъ разсудитъ будущее, можетъ быть оно пойметъ тѣ роковыя обстоятельства, которыя непонятны теперь; въ послѣдній разъ, господа судьи, я вамъ вспомню грустныя слова Гете: „гибли жертвы не бычьи и не телячьи, а гибли, страшно сказать, жертвы все человѣчьи.“ Мы повторимъ за г. Прыжовымъ, что не только страшно сказать, но и подумать, что гибли и гибнутъ жертвы все человѣчьи. Время — великій міровой критикъ; оно все оцѣнитъ, все пойметъ, все вспомнитъ, за все заплатитъ сторицею; оно оцѣнитъ Прыжова и подсудимыхъ, оцѣнитъ судей, правительство и глубоко оцѣнитъ добродѣтельнаго, Комисаровымъ спасеннаго, императора!

Берлинъ.— 1871 г.

Нечаевъ

„Самсонъ порабощенный, ослѣпленный
Есть и у насъ въ странѣ. Онъ силъ лишенъ
И цѣпь на немъ. Но горе! если онъ
Подниметъ руки въ скорби изступленной,
И пошатнетъ, кляня свой тяжкій плѣнъ,
Столбы и основанья вашихъ стѣнъ—
И безобразной грудой рухнутъ своды...“

I.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ, что Нечаевъ вытребованъ русскимъ правительствомъ изъ Швейцаріи, и его, закованнаго съ ногъ до головы въ цѣпи, провезли въ Петербургъ, и что скоро онъ будетъ судимъ въ Московскомъ окружномъ судѣ. Какимъ путемъ было опровергнуто его политическое преступленіе—публикѣ не извѣстно; какимъ образомъ, неслыханно дерзко, было нарушено международное право—такъ же неизвѣстно; въ нашемъ либеральномъ отечествѣ всѣ возмутительныя, разбойничьи низости облечены покровомъ тайны и тишины; трудно сказать, кто сдернетъ этотъ покровъ: революція ли протянетъ кровавую десницу и презрительно сдернетъ покрывало, безпощадно раздавивъ злыхъ паразитовъ, притаившихся въ его складкахъ; или правительство, вынужденное непобѣдимою силою времени, само разоблачитъ себя, обнаживъ заразительную, протухшую гангрену, которую анатомическій ножъ, холодно и спокойно, долженъ будетъ вырѣзать съ корнями, для спасенія огромнаго царства.

8 Января окружной судъ разбиралъ Нечаевское дѣло;

носились разнообразные слухи: одни говорили, что Нечаевъ задыхался отъ гнѣва и желчи, не признавая суда надъ собою, другіе—что онъ дрожалъ отъ страха, произносилъ мелодраматическіе монологи, чуть не паясничалъ. Одно удивительно странно, что публика видѣла что-то унизительное въ томъ, что Нечаевъ поблѣднѣлъ при выслушаніи приговора на 20-лѣтнюю каторгу. Если бы сама публика обладала мужествомъ и терпѣніемъ Муція Сцеволы, и тогда это показалось бы до чрезвычайности дикимъ! По этимъ отрывочнымъ мнѣніямъ можно было бы заподозрить публику въ самомъ жестокомъ звѣрствѣ, на самомъ дѣлѣ это показываетъ наивную, безсердечную глупость, полное неумѣніе войти въ ужасное положеніе подсудимаго; ей кажется пустячками приговоръ на предсмертную, мучительную агонію, которая должна будетъ длиться 20 лѣтъ! такой приговоръ долженъ омертвить самаго безстрашнаго, отчаянно мужественнаго человѣка; въ Нечаевѣ, что почти невѣроятно, онъ возбудилъ холодную злость. Дѣло, напечатанное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ,“ безъ различныхъ прикрасъ со стороны достойнаго редактора, разсѣяло пошлыя сплетни; Нечаевъ остался тою же желѣзною личностью, тѣмъ же фанатикомъ, іезуитомъ свободы, какимъ онъ вырисовывается въ показаніяхъ подсудимыхъ и въ особенности у Успенскаго; если бы онъ надѣялся на спасеніе, онъ съ злымъ, внутреннимъ смѣхомъ старался бы вывернуться изъ бѣды; задуманное дѣло составляло для него жизнь, мнѣнія судей и публики, какъ бы они враждебны ни были—временными и ничтожными непріятностями. Насильно взятый изъ Швейцаріи, онъ почувствовалъ ясно, что спасенія нѣтъ и не зачѣмъ скрывать желчную ненависть къ существующему порядку; выданный противъ всѣхъ правъ, онъ совершенно справедливо не призналъ суда надъ собою, слѣдовательно, онъ очень послѣдовательно отказался отъ защитниковъ и отвѣтовъ; малѣйшій отвѣтъ на вопросъ противурѣчилъ бы смыслу того убѣжденія, что судъ надъ нимъ —незаконное, вопіющее дѣло; онъ остался самимъ собою до послѣдней минуты. На первый вопросъ предсѣдателя: онъ ли Сергѣй Генадьевичъ Нечаевъ? онъ громко отвѣчалъ:

„Прежде чѣмъ отвѣчать, я заявляю, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины.

Предсѣдатель. — Подождите объяснять (горько соленыя пилюли нашъ вѣрноподданническій желудокъ не переноситъ), вы преданы судебною палатою (и высшимъ ареопагомъ— не для суда, а для растерзанія и сожранія) суду московскаго окружнаго суда; окружной судъ на основаніи 549-й ст.

Устава Уголовнаго судопроизводства (изъ помойной ямы всегда можно, по мѣрѣ надобности, вытащить подходящую статью) не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности этого дѣла и обязанъ исполнить указъ московской судебной палаты. Если же вы считаете распоряженіе судебной палаты о преданіи васъ суду окружнаго суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе (вчинить искъ) въ кассаціонной жалобѣ сенату. Затѣмъ я (выпотрошилъ изъ себя всю мою предсѣдательскую, бездонную мудрость) считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ (также и тебѣ, мой добрый другъ, совѣтую считать его рѣшеннымъ), предлагаю вамъ къ нему не возвращаться.

Но не смотря на всю несокрушимость доводовъ, коварный подсудимый ихъ въ грошъ не ставитъ и снова продолжаетъ:

Нечаевъ (сильно возвысивъ голосъ, надорванный пытками): Г. предсѣдатель! я эмигрантъ, подданнымъ русскаго императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія (по приказанію предсѣдателя, который уже началъ обнаруживать при словѣ императоръ первыя желудочныя схватки на предсѣдательскомъ креслѣ, его уводятъ, онъ еще громче продолжаетъ), я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе (дверь затворяется).

На второй вопросъ предсѣдателя, желаетъ ли онъ воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей (онъ имѣлъ дерзость громкимъ голосомъ отвѣчать):

Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня ровно никакого значенія (удушаемый предчувствіями предсѣдатель спѣшитъ повелѣть вывести подсудимаго изъ залы, въ дверяхъ онъ кричитъ). Рабомъ вашего проклятаго деспота я быть пересталъ, да здравствуетъ земскій соборъ! (предсѣдателя снова схватываетъ, прокуроръ чувствуетъ ясно приближеніе перваго серьезнаго припадка, грозящаго судейскому креслу*).

Послѣ гнусной рѣчи прокурора, проникнутой клеветою, предсѣдатель снова спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ чего нибудь сказать въ свое оправданіе, Нечаевъ громко отвѣчалъ:

Я считаю унизительнымъ для моего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій, повторяю то, что сказалъ графу Левашеву: правительство можетъ у меня отнять жизнь, но честь останется при мнѣ.

Послѣ произнесенія чудовищнаго приговора на 20 лѣтнюю каторгу, на вопросъ предсѣдателя: „доволенъ ли онъ судомъ?“ Нечаевъ ангельски нѣжно отвѣчалъ палачамъ — инквизиторамъ: „Это Шемякинъ судъ.“ Это все равно, если бы не-

*) Это не сальная острота, а радужная дѣйствительность. Хорошіе знакомые предсѣдателя и прокурора передавали мнѣ, что они (мужи доблестные) сами сознавались, что они трепетали за послѣдствія желудочныхъ, нестерпимыхъ схватокъ, которыя происходили отъ патріотическаго волненія при святотатственныхъ словахъ противъ владыки.

виннаго человѣка, растянувъ на сковородѣ, начали поджаривать въ маслѣ, по временамъ вытягивая изъ него жилы и отрѣзывая со всѣхъ сторонъ тоненькіе куски поджареннаго мяса и при этомъ его, учтиво, всякій разъ спрашивали бы: доволенъ ли ты, братъ мой, что мы кушаемъ твое мясо съ превеликимъ апетитомъ?

Выходя изъ залы, на вѣки прощаясь съ судомъ и обществомъ, онъ громко произнесъ:

Да здравствуетъ земскій соборъ! долой деспотизмъ!

Почтеннѣйшій читатель, если тебѣ эта фраза покажется слишкомъ напыщенной, не спѣши приговоромъ; много восторженныхъ фразъ, наводящихъ улыбку, щемили сердца палачей, когда ихъ произносили въ дыму и пламени костровъ; эта фраза напыщенной покажется тому, кто носится по улицамъ въ лондо на десятитысячныхъ рысакахъ, обдавая вонючею грязью оборванныхъ, трясущихся отъ голода и холода, бѣдняковъ,—тому, кто, умильно улыбаясь и поддакивая старикамъ и молодежи, въ тихомолку давитъ и очень давитъ народъ,—тому, кто въ роскошныхъ квартирахъ, за стакановъ замороженнаго шампанскаго, съ гаванской сигарой во рту, для вящаго варенія испорченнаго желудка, либеральничаетъ, оглядываясь по сторонамъ, о благѣ народа; но не кажется она смѣшна тому, у кого она вырвалась со дна души, передъ погребеніемъ заживо, какъ послѣдняя свѣтлая надежда и какъ послѣднее суровое проклятіе. Эта фраза потрясающа въ устахъ Нечаева, который приговоренъ на пожизненное сгниваніе въ Сибири; его политическое заблужденіе наказано 20 годами каторги, гдѣ люди изнываютъ въ безпредѣльныхъ пыткахъ, подъ ударами батоговъ, растягивая себѣ жилы въ кровавомъ трудѣ, при 40° морозѣ, отъ котораго мерзнетъ дыханіе, протирая изможденное, высохшее тѣло заржавыми, полупудовыми кандалами; но кромѣ этого, мы догадываемся, что онъ много перенесъ отъ взятія его въ Швейцаріи до появленія его на судѣ; объ этихъ адскихъ, нравственныхъ пыткахъ черезъ чуръ ясно намекаютъ слова Нечаева, послѣ приведенныхъ предсѣдателемъ императорскихъ, патетически пошленькихъ, низко лживыхъ фразишекъ: „да торжествуетъ въ судахъ правда, да торжествуетъ милость!“ Нечаевъ заткнулъ медоточивыя уста предсѣдателя сальною, вонючею тряпкою—онъ прервалъ его словами: „А меня билъ жандармскій офицеръ!“ Къ сожалѣнію, Нечаевъ не сказалъ имени этого отвратительнаго жандармскаго патріота. Вотъ какимъ униженіямъ, и безконечно свирѣпымъ жестокостямъ подвергаютъ политическихъ подсудимыхъ при

конфиденціальныхъ допросахъ! Но довольно объ этихъ ужасахъ, мы ими сыты по горло! Правительство вытягиваетъ жилы у политическихъ преступниковъ, зубами рветъ ихъ мясо, съ неутолимою жаждою высасываетъ изъ нихъ послѣднія капли крови; а само, чтобы поддержать выгодный только для себя государственный строй, замариваетъ милліоны людей голодомъ, холодомъ, невѣжествомъ, обираетъ народъ до костей непосильными налогами, безжалостно наказываетъ за малѣйшее отступленіе отъ варварскихъ, въ угоду и ограду себѣ, сфабрикованныхъ законовъ, и за все это царь — глава заговора противъ государства, убійца, покрытый кровью безчисленныхъ жертвъ, со всѣмъ своимъ безчисленнымъ исчадіемъ, наслаждается до пресыщенія несчетными милліонами, оргіями поганизма, холопскимъ облизываніемъ его особы. Но довольно раскапывать дворцовую, отхожую яму, гдѣ посмѣшаны до послѣднихъ предѣловъ всѣ понятія о чести и справедливости, перейдемъ къ обвинительнымъ рѣчамъ прокурора и предсѣдателя. Обвинительная власть, представительница судейской правды и милости, была очень не тонко предупреждена, что если Нечаеву будетъ дано малѣйшее снисхожденіе, то предсѣдатель и прокуроръ улетучатся въ горніи обители; но предупрежденія были напрасны, высшая власть не съумѣла измѣрить всего знойно необузданнаго патріотизма прокурора и предсѣдателя; они проявили въ своихъ рѣчахъ такія канибальскіе инстинкты, что, мнѣ кажется, неожиданно превзошли ожиданія высшаго начальства. Прокуроръ съ необыкновеннымъ паѳосомъ исковеркалъ все дѣло на жандармскій ладъ, его рѣчь расползлась по двумъ громаднымъ страницамъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ онъ въ ней бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы съузить и безъ того крошечныя, заказныя, казенныя рамочки; общими фразишками, страшно противурѣча показанію подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу, онъ старается доказать, что Нечаевъ убилъ Иванова, рискуя собственною жизнью и четырехъ товарищей, руководясь антипатіею; въ одномъ мѣстѣ онъ даже чуть не приписываетъ подсудимымъ желаніе ограбить Иванова, но спохватясь, что такое обвиненіе превзошло всѣ ожиданія высшаго начальства, онъ замямливаетъ столь полное правды обвиненіе! и сваливаетъ его на ничтожную ссору съ Ивановымъ; вся сущность дѣла, съ грубо подьяческою находчивостью, замята и заговорена. Рѣчи предсѣдателя проникнуты такимъ неслыханнымъ въ судахъ тупоуміемъ и враньемъ, что стоятъ выше критики. Я приписываю все это адскому состоянію его желудка и штановъ; его смѣлая, свободная мысль, никакъ не могла умудриться перепрыгнуть черезъ полицейскую палку! осо-

бенно рѣзко выдаются только два его опроверженія нечаевскихъ словъ, онѣ такъ восхитительно глупы, что я ихъ выписываю, какъ нѣчто чрезвычайное, вполнѣ достойное перейти въ область скандаловъ и анекдотовъ, онъ говоритъ:

„Если Нечаевъ считалъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда свершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ быть судимъ.“

Второе опроверженіе слѣдующее:

„Всякое самостоятельное государство судитъ лицъ, свершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они даже были иностранцы.

Напрасно Нечаевъ не остался въ Россіи, свершивъ убійство! Изъ словъ предсѣдателя ясно видно, что въ Россіи лелѣютъ, во дворцѣ пригрѣваютъ политическихъ преступниковъ. Нечаеву стоило только доказать, что онъ политическій преступникъ и его тотчасъ же бы сдѣлали гофмейстеромъ двора, или—въ знакъ глубокаго благоговѣнія—начальникомъ третьяго отдѣленія. Но фраза, что каждое самостоятельное государство судитъ, даже иностранцевъ, своимъ судомъ, ясно показываетъ, что или предсѣдатель изъ любви къ шутовству корчилъ изъ себя, очень удачно, кретина, или же предсѣдатель московскаго окружнаго суда гордо на своихъ плечахъ носитъ, въ компаніи съ г. прокуроромъ, не голову, а кадушку съ царскимъ пометомъ. Совершенно справедливо, судья мудрый и правдивый, Соломонъ окружнаго московскаго суда! Иностранцы судятся по законамъ того государства, гдѣ они свершили преступленіе, но я не вижу тутъ никакой, самой даже отдаленной связи съ Нечаевымъ: его вытащили силою изъ Швейцаріи, его судила не Швейцарія, въ которую онъ эмигрировалъ и которая не признаетъ политическихъ преступленій, а Россія, насильно привезшая его къ себѣ, нарушившая международное право!

Гг. присяжные, согрѣтые нѣжно журчащимъ краснорѣчіемъ прокурора и подогрѣтые увѣщаніями жандармовъ и полиціи, рѣшили, что онъ виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія. Выводъ очень сложный изъ этой несложной фразы: пытки тантала въ продолженіи 20 лѣтъ, а послѣ вѣчное поселеніе въ Сибири! Это отвратительное, умышленное, заранѣе состряпанное искаженіе правды, гнусная клевета на человѣка беззащитнаго, носили названіе гласнаго суда! Въ Имперіи нѣтъ ничего неприкосновеннаго, она играетъ во все, и въ судъ, и земство, и выборы, и очень безцеремонно играетъ... тасуетъ людьми, ихъ священными правами, какъ деревянными шашками. Это былъ не гласный судъ, а гласный днев-

ой разбой, при нѣмой публикѣ; 20 лѣтняя каторга необыкновенно гармонируетъ съ словами монарха: „да торжествуетъ правда въ судахъ, да торжествуетъ милость!“ Приговоръ переполненъ справедливостью и милостью!

II.

Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.

Трудно сомнѣваться, что Нечаевъ—политическій преступникъ, человѣкъ идеи, для котораго свобода и народное благо составляютъ сущность жизни; если это такъ, то его страданія за святую идею ужаснѣе въ милліоны разъ распятія! Шпіонъ, дорого обошедшійся русскому правительству, посланный за нимъ въ Швейцарію, тихо вползъ въ его душу; онъ опуталъ его съ ловкостью полицейской ищейки и не выпустилъ до тѣхъ поръ, пока его, закованнаго съ ногъ до головы въ цѣпи, не отправили съ тѣмъ же самымъ шпіономъ, разыгравшимъ очень удачно роль радикала и эмигранта, въ Петербургъ; путь позора былъ страшно длиненъ отъ Женевы до Петербурга. Въ Петербургѣ, при допросѣ, его подвергли лютымъ пыткамъ; находясь въ Москвѣ, въ заключеніи, онъ вспоминалъ объ нихъ и задыхался, осыпая бѣшенными проклятіями своихъ тиранющихъ во мракѣ палачей; изъ его показанія, въ окружномъ судѣ, видно, что его билъ жандармскій офицеръ; только мерзавецъ не пойметъ, что оплеуха жандармскаго патріота ужаснѣе жаренія на медленномъ огнѣ и выматыванія жилъ! Униженіе за униженіемъ, мука за мукою щедро сыпались на его беззащитную, несчастную голову; на судѣ онъ долженъ былъ, не смѣя произнести слова, выслушать, въ обвинительныхъ рѣчахъ прокурора и предсѣдателя, безпощадную клевету на себя; передъ громаднымъ собраніемъ людей, его обвинили какъ чернаго убійцу, изъ ненависти удавившаго человѣка; даже слово политическое, тайное общество, не было упомянуто прокуроромъ! Опозореннаго, раздавленнаго, его холодно, съ чувствомъ правоты, приговорили къ 20 лѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири; его провезли по всему городу на черныхъ погребальныхъ дрогахъ, похожихъ на висѣлицу; связаннаго, съ доской на груди, на которой были написаны крупными буквами слова: „за убійство,“ надъ нимъ прочли приговоръ на московской голгоѳѣ.

Послѣ прочтенія приговора, въ публикѣ распространился слухъ: что вмѣсто Сибири, его, чтобы скорѣе замучить, отправятъ въ Алексѣевскій равелинъ; тамъ, въ круглой, черной дырѣ, его, кипящаго избыткомъ жизни, заморятъ голодомъ, холодомъ и утонченными муками; лишенный свѣта, малѣйшей защиты, окруженный холодными извергами, оскорбляемый униженіями, побоями, онъ быстро сгоритъ отъ чахотки или въ огнѣ нервной горячки. Онъ тихо замретъ во мракѣ своей норы, какъ огонекъ, блудящій въ болотѣ, вынося, пока будутъ силы, ужасныя муки; онъ будетъ ясно сознавать—и печально страшно будетъ это сознаніе — что для него нѣтъ спасенія, что его проклятія безплодны; что жалобные, раздирающіе стоны, горячія мольбы о состраданіи не пролетятъ сквозь саженныя, гранитныя стѣны; а горячія слезы уйдутъ въ камни, насквозь пропитанные слезами и кровью прежнихъ безчисленныхъ жертвъ; подъ конецъ, онъ поймете—и ужасно будетъ это пониманіе! — что его, самодовольно, сгноитъ въ тюремномъ колодцѣ та безпощадная, свирѣпая, дикая сила, которая безтрепетно засосала тысячи жертвъ и для которой еще не наступила пора полнаго отомщенія. Но, можетъ быть, его предсмертныя муки озаритъ слабая надежда, что послѣ долгихъ лѣтъ, когда безслѣдно разложится его спущенный въ яму трупъ, по всей Россіи, какъ торжественный звонъ колокольный, раздастся звукъ порванныхъ цѣпей и затерзанный, несчастный народъ воспрянетъ изъ хаоса и муки къ новой, великой, богатой, чудно свѣтлой жизни; можетъ быть, сгорая отъ нечеловѣческихъ мукъ, въ давящемъ бреду бѣлой горячки, передъ нимъ бурно пронесутся свободные сны!... Можетъ быть передъ тѣмъ, какъ разбить, съ отчаянія безграничнаго, свою страдальческую голову о гранитныя стѣны, онъ будетъ утѣшать себя, что кровавыя слезы не текутъ даромъ, что великими страданіями, наконецъ, завоюется общая свобода и общее счастье, и наступитъ тотъ день, которымъ грезили мученики свободы, когда народъ взвѣситъ свое страданіе и великое страданіе за него страдавшихъ и окружитъ ихъ головы позднимъ сіяніемъ; что наконецъ прійдетъ тотъ желанный часъ, когда вѣчное, народное проклятіе прогремитъ надъ головою изверговъ!... но это все только можетъ быть!... Дорогою цѣною царь и правительство покупаютъ себѣ сладкій покой, они неустанно сѣютъ и сѣютъ сѣмя, и можетъ быть они доживутъ до ужаснаго дня жатвы!...

Москва.— 1872 г.

Привалъ арестантовъ

(Картина Якоби)

„Вотъ оно страданіе истинное, страшное, безъ котурнъ, безъ ходуль, безъ драпировки, безъ фразъ."
(Бѣлинскій)

...„И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова „я братъ твой" и закрывалъ себя рукой бѣдный, молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья."

Реальная живопись, отбросившая въ сторону мадоннъ съ сверхъестественнымъ выраженіемъ на челѣ, умирающаго Спасителя съ точно такимъ же выраженіемъ, и прочіе въ бозѣ почившіе, замысловатые сюжеты, начинаетъ вливать новую, свѣжую струю въ жизнь; она становится великимъ орудіемъ пропаганды свободныхъ идей; она начинаетъ говорить горячо уму и сердцу, и въ тихомолку, вкрадчиво, подсказывать самыя зловѣщія, буйныя мысли; художники, выступившіе на этотъ путь, становятся не жалкими, безплодными, изолированными отъ дѣйствительной жизни мечтателями, переливателями изъ пустого въ порожнее, лакеями роскоши и тунеядства, а дѣйствительно полезными, сильными дѣятелями. Въ Москвѣ въ 1872 году была выставлена на выставкѣ картинъ, на Дмитровкѣ, замѣчательная по мысли и исполненію картина Якоби: „Привалъ арестантовъ"; она рѣзко бросалась въ глаза среди найневиннѣйшихъ и однообразнѣйшихъ морскихъ пейзажиковъ съ разбитыми суднами и спасительными лодками генерала живописи—Айвазовскаго,—картинъ, съ превеликимъ стараніемъ изображающихъ Ерусалимъ въ лиловомъ, ночномъ туманѣ и затѣмъ весенніе, осенніе, ночные и дневные пере-

ливы, зеленѣющія долины, золотистыя нивы, лѣса съ лужами стоячей воды и протоптанными тропинками. Картина Якоби изображаетъ мрачный сюжетъ: арестанты, гонимые на каторгу, расположились приваломъ; они лежатъ и сидятъ (къ счастью ихъ) на заледенѣлой грязи; жены арестантовъ съ зелеными, изможденными голодомъ, холодомъ и страданіями лицами, съежившись какъ-то уродливо, прячутся въ дырявыя рубища, прижимая къ себѣ дѣтей; видно, что эти дѣти начали болѣзненно тянуться въ ростъ отъ чудовищнаго, непосильнаго горя и суровой нужды; ихъ широко раскрытые глаза, окруженные тѣнями, глядятъ дико, съ выраженіемъ боли и испуга; много на ихъ долю перепало холода, голода, побоевъ и мало тепла, хлѣба и нѣжной ласки! Одинъ арестантъ, огромный, рыжій, стянулъ съ себя на холодѣ сапоги и съ гримасой нестерпимой боли разсматриваетъ на ногѣ глубокую, гноящуюся, кровавую рану, натертую полупудовыми кандалами. Но весь фокусъ картины сосредоточивается на человѣкѣ, лежащемъ на дрогахъ; неуклюжія колеса этого орудія пытки завязли по ступицу въ застывающую грязь. На дрогахъ лежитъ среднихъ лѣтъ мужчина, въ потасканной солдатской шинелишкѣ, онъ умираетъ. Умирающій не сродни группѣ арестантовъ, онъ слишкомъ тонокъ, слишкомъ нѣженъ, слишкомъ физически слабъ и богатъ нервною силою, слишкомъ бѣлы его руки; не вынесъ онъ нечеловѣческихъ пытокъ и погибаетъ на дорогѣ, счастливый тѣмъ, что ему не придется болѣе переносить пытокъ; это человѣкъ не изъ народа, но безконечно любящій его, умирающій за него — политическій заговорщикъ. На его огромномъ, умномъ лбѣ лежитъ ясная печать близкой смерти, онъ бѣлъ и ясенъ, какъ у мертвеца; его спазматически раскрытые, померкшіе глаза, лишенные всякаго выраженія, ужасны; такое полное отсутствіе выраженія поглощаетъ въ себѣ самыя страшнѣйшія выраженія всевозможныхъ лютыхъ мукъ; этотъ застывшій взглядъ застывающаго мученика устремленъ на небо; мутныя, свинцовыя тучи обложили весь горизонтъ, повисли надъ землею, какъ крышка надъ гробомъ. Рѣзко выдѣляясь на небѣ, стая свободныхъ, бѣлыхъ лебедей несется изъ сумрачнаго, ледянаго сѣвера къ теплому, солнечному югу; они летятъ на встрѣчу арестантамъ; видно, шумно и быстръ ихъ полетъ. Офицеръ, провожающій конвой, рябой, красный, съ симпатическимъ выраженіемъ палача Петропавловской крѣпости, пресерьезно отправляетъ около умирающаго обязанность отсутствующаго врача; съ выраженіемъ необыкновенной тупости онъ щупаетъ его затихающій пульсъ. Ноги умирающаго покрыты грязною рогожею, на ней блеститъ

ней отъ мороза; изъ подъ рогожи торчатъ огромные сапоги, новые, не по ногамъ, съ новыми кандалами, болѣе тяжелыми, чѣмъ тѣло умирающаго; это послѣднее христіански милосердное, задушевно-нѣжное вниманіе русскаго правительства къ политическому преступнику! ихъ стащутъ съ него только тогда, когда уже они совершенно перестанутъ безпокоить его; одна рука застывающаго человѣка, тонкая, мертвенно бѣлая, упала, обезсиленная, съ дрогъ; на одномъ пальцѣ блеститъ кольцо съ изумрудомъ — можетъ быть, это память отъ неперенесшей разлуки, умершей въ ужасныхъ страданіяхъ, покинутой жены — кольцо стаскиваетъ съ пальца неуклюжій арестантъ, съ косматою головою медвѣдя; притаившись подъ дрогами, онъ съ большимъ участіемъ слѣдитъ за послѣдними проявленіями жизни... свиснутая рука не обнаруживаетъ движенія, она повисла, какъ плеть...

Такая картина въ неумершей душѣ пробудитъ много тяжелыхъ, скорбныхъ, опасныхъ мыслей; отъ нея очень покоробитъ сантиментальнаго болтуна - либеральчика, который дальше своего носа ничего не умѣлъ разглядѣть, а подавно прочувствовать! Пусть читатель не забываетъ, что художникъ приподнялъ только на волосъ то покрывало, за которымъ таится та жизнь ужаса, до которой не подымется самое знойное, романтическое воображеніе. Художники еще не касались до ликующей народной жизни и прочихъ веселенькихъ и свѣтленькихъ атрибутовъ нашей цивилизаціи! Такіе улыбающіеся сюжеты изъ нашего домашняго государственнаго быта нужно было бы выставлять на всемірныхъ выставкахъ, пусть бы полюбовался міръ на наше житье-бытье свободное, развеселое, на реформы широкія, либеральныя!... Пора художникамъ перестать тѣшить худосочныхъ романтиковъ, умаслять ихъ сладко-прѣсныя души! пора имъ плюнуть на то опившееся, обожравшееся, умственно обрюзгшее, привилегированное меньшинство, которое требуетъ отъ искусства изящества, чистенькой красоты, примиренія съ жизнью! назначеніе передовыхъ людей: не примирять непримиримое!

Могутъ ли быть честными людьми генералы?

На этотъ нескромный вопросъ я отвѣчу съ сокрушеннымъ сердцемъ: нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ! Они могли бы быть честными тамъ, гдѣ честность и прямота считались бы драгоцѣнными качествами; неужели нужно говорить, что у насъ это черезъ чуръ гибельныя качества? они могли бы быть честны тамъ, гдѣ они преклоняли бы гордую голову передъ однимъ гуманнымъ и разумнымъ закономъ, а не передъ тысячью идоловъ и передъ самымъ страшнымъ изъ нихъ — произволомъ. Генеральскій чинъ—сокровище, таящееся въ глубокомъ, узкомъ и мрачномъ подземельи; желающій достать сокровище, долженъ, извиваясь въ тысячу погибелей, проползти извилистые ходы, ведущіе къ нему. Чтобы сдѣлаться генераломъ, нужно быть бараномъ передъ начальникомъ и вепремъ, рыкающимъ передъ подчиненнымъ; нужно сто разъ мѣнять шкуру, прежде чѣмъ эта излинявшая, негодная шкура облачится въ красные панталоны, нечеловѣческій сюртукъ съ шутовскими эполетами; и сотни разъ продать и перепродать свою, сдѣлавшуюся отъ частыхъ переходовъ изъ рукъ въ руки негодною ни для какого употребленія, голову, чтобы вздѣть на нее съ гордостью каску съ разноцвѣтнымъ тюрбаномъ. Стадо такихъ шалуновъ очень напоминаетъ вигвамъ краснокожихъ съ разноцвѣтными перьями на головѣ.

Въ маленькомъ чинѣ будущій генералъ долженъ лисить, ежиться, принижаться, тѣснить солдатъ; онъ не смѣетъ думать питать дерзновенныхъ, свободныхъ мыслей, если онъ заикнется объ нихъ, его раздавятъ, какъ крохотнаго, земляного червячка; повышаясь въ чинахъ, онъ долженъ сохранять во всей святой неприкосновенности — иначе ему не быть генераломъ—прежній молчащій, ползущій, передъ всѣми принижающійся, молчалинскій типъ; жизнь его должна быть

бѣднѣе жизни паразитной инфузоріи; стремясь къ обѣтованному генеральскому чину и сопряженному съ нимъ кругленькому пенсіону, къ жирнымъ, внушающимъ страхъ городовымъ и отставнымъ подъячимъ, эполетамъ, онъ долженъ глубоко и безпощадно зарыть въ себѣ, какъ хламъ негодный, свое человѣческое достоинство, молодость, энергію, юныя мечты, надежды, горячіе, свободные сны, все расширяющее и обновляющее душу, словомъ, все, что ставитъ человѣка выше послѣдняго животнаго; всякій призракъ собственныхъ убѣжденій долженъ испариться изъ него, иначе не бытъ ему генераломъ! Каждый самый крошечный шагъ впередъ на генеральскомъ пути сопряженъ съ утратою на вѣки честнаго принципа. Генералы — шашки въ рукахъ гнетущаго правительства; достигая этого чина, они становятся мрачными дѣятелями, палачами осужденнаго на смерть государства; они вступаютъ въ злую ассоціацію русскихъ правителей. Государь и правительство случайно и незаконно, путемъ насилія, завладѣвши милліонами, дикими, ни на чемъ не основанными преимуществами, баснословными правами, должны или сказать грустное addio сказочнымъ, безчисленнымъ дворцамъ, разнообразнымъ до безпредѣльныхъ размѣровъ физическимъ удовольствіямъ, страсти повелѣвать, угнетать, ломать, душить, или должны іезуитскими способами опутать тяжелою, темною паутиною все государство; система набрасыванія паутины вся цѣликомъ основана на обширномъ подкупѣ и на свирѣпомъ подавленіи свободной мысли; ненормальное, болѣзненное явленіе, они должны себя поддерживать возбуждающими ядами; не возбуждая сами по себѣ любви, они ее должны насильно выдавливать подкупомъ. Генералы голубые, лиловые, пѣгіе, красные, коричневые, министры, сенаторы, губернаторы, тайные и явные, дѣйствительные и недѣйствительные статскіе совѣтники, инквизиторы третьяго отдѣленія, крупные чиновники, получая отъ государя громадные пенсіоны, должны невольнымъ образомъ втянуться въ помойную яму, все пожирающую, все эксплуатирующую ассоціацію; заливши имъ глотки золотомъ, давши имъ матеріальныя блага въ видѣ огромныхъ квартиръ, роскошныхъ обѣдовъ, онъ взамѣнъ у нихъ беретъ мозгъ и распоряжается съ этимъ эластическимъ матеріаломъ, какъ съ движимою собственностью; продавшіе мозгъ граждане, столбы отечества, распространяютъ съ бурнымъ патріотизмомъ деморализацію по всѣмъ направленіямъ обширнаго царства. Генералы назначаются въ директора, они гасители, душители; они радѣютъ о воспитаніи, имъ отдается каждый годъ на избіеніе десятки тысячъ дѣтей; они обязаны добиться, чтобы ни

одинъ лучъ не запалъ въ юную, воспріимчивую душу; они должны состряпать изъ нихъ жалкихъ прихвостней, годныхъ только для вылизыванія. Подъ ихъ надзоромъ наука и честь съеживаются до безобразныхъ размѣровъ, но за то лакейство, обезличиваніе, гнусная подлость въ необходимыхъ размѣрахъ тщательно и неусыпно поддерживаются. Учитель, не согласившійся тотчасъ же окунуться съ головою въ ретирадную яму, выбрасывается изъ нея, какъ существо, недостойное вкусить амброзіи. Тяжелая рука произвола налегла всею грубою тяжестью на университетское образованіе, и надъ нимъ тяготѣютъ тайные и явные шпіоны и палачи! Ученыя программы, пройдя черезъ оффиціально хищныя лапы хранителей престола, дѣлаются негоднымъ, занаважнвающимъ мозгъ, мусоромъ; образованіе плодитъ гусеницъ, жрущихъ въ народѣ его живыя силы, подавляющихъ въ немъ трезвые порывы. Населеніе Россіи, незнающее грамоты, болѣе подаетъ надежды на порабощеніе деспотизма, чѣмъ большинство эксъ-холоповъ, кончившихъ курсъ по нашимъ учебнымъ заведеніямъ: у него мозгъ не заговоренъ рабскими софизмами. Всѣ реформы нашихъ правителей обольстительны на первый, поверхностный взглядъ, это — шоколадикъ съ сладенькими бисквитами, но не вкусный, здоровый обѣдъ, способный поддержать жизнь; реформы носятъ крайне узкій, эгоистическій характеръ, ни одна реформа не соприкасается съ деспотами, не подрывается подъ ихъ безплодное и роскошное существованіе. Суды похожи на суды только тогда, когда дѣло касается общества (и то благо, и то добро!); дохните на высшую власть, и ваше дыханіе будетъ судиться судомъ таинственнымъ, импровизированнымъ, остервенѣлый ареопагъ замучаетъ васъ втихомолку въ дыркахъ петропавловской крѣпости! Государь и сопряженное съ нимъ правительство не дадутъ никогда добровольно свободной прессы; ихъ эгоизмъ скорѣе будетъ душить всю умственную жизнь государства, чѣмъ разрѣшить ее! свободное слово мгновенно подорветъ ихъ злое, нелѣпое существованіе, они могутъ существовать на развалинахъ государства, на его изъѣденномъ трупѣ; они мысль, какъ сивуху, отдали на откупъ генераламъ! Цензоры за деньги, выграбленныя изъ дыряваго кармана страждущаго народа, душатъ мысль, преслѣдуютъ ее на тысячу ладовъ, мертвятъ ее въ зародышѣ; они пропускаютъ только то, что въ состояніи затормозить массы: они знаютъ, что стиснутая мысль, освободившись, яростно набросится на главныхъ виновниковъ зла; критическому ножу подвергнется сначала то, что больнѣе рѣжетъ глаза; первый, страшный ударъ, нѣтъ сомнѣнія, обрушится на царя и приближенную ему сволочь. Одни ры-

цари полиціи и отставные канцеляристы, чтецы „Московскихъ Вѣдомостей," могутъ утверждать, что свободу, полную свободу, выговорятъ уста деспота, вѣчно замкнутыя для этого слова. Свобода, это царская могила, она подымется, вынужденная силою гнета, грозная и страшная, изъ глубины доведеннаго до отчаянія народа; заря свободы будетъ кровавая, она наведетъ трепетъ на міръ; она — неизбѣжный исходъ, подготовленный тиранами, они готовятъ черезъ края льющуюся чашу яда для своихъ дѣтей. Мерзкія улитки! они увѣряютъ умственно ими развращенную массу, что свободу дать рано, что ее нужно давать послѣдовательно и медленно, — іезуитское отвиливаніе пахнетъ кровью и чиновничьимъ плутовствомъ — стараясь надувать другихъ, они надуютъ въ концѣ концовъ самихъ себя. Неестественное, безобразное ярмо они накидываютъ на шею неподготовленнаго народа и вовсе не считаютъ это неестественнымъ, ужаснымъ дѣломъ; свободу же, понятную всѣмъ, принадлежащую всѣмъ по праву, святую, желанную, не хотятъ дать! къ ней подготовляютъ эксплуатаціей, стѣсненіями, тюрьмами, пытками, цѣпями, Сибирью, всѣми кривдами и неправдами! Совершенно справедливо: пичкая народъ такою разнообразно восхитительною пищею, вы его доведете до такого пресыщенія ею, что, вспоминая объ ней, его будетъ рвать кровью. Вглядитесь поглубже въ исторію Россіи съ водвореніемъ Романовыхъ, и вы увидите, что національный типъ мельчаетъ, цезаризмъ усиливается; цѣною погибающаго народа расплывается и укрѣпляется власть, царское брюхо все болѣе и болѣе ростетъ, все болѣе и болѣе становится ненасытнымъ, народное же — совсѣмъ подвело. Петръ I считалъ каждую копѣйку, истраченную на себя и прихлебателей, Александръ II не считаетъ милліоновъ, уплывающихъ въ карманы балетчицъ; эксплуатація ростетъ, ширится и подвигаетъ государство къ ужасной развязкѣ.

Во время Екатерины II свободный кликъ пронесся по югу Россіи, слова: „земля и вольница" подняли цѣлыя сонмища проснувшагося отъ страшныхъ грезъ народа; оскорбленныя человѣческія права выразились въ русскомъ Маратѣ—Пугачевѣ. Къ призраку Петра III придрался раздавленный народъ, онъ попробовалъ съ себя стряхнуть не въ моготу рѣжущій горло собачій ошейникъ. Призракъ, зовущій къ мщенію, требующій безчисленныхъ жертвъ, перепугалъ до смертельнаго испуга плантаторовъ и деспотиковъ; священные троны дрогнули и испуганная власть съежилась, какъ бабочка на булавочкѣ. Демократъ-Пугачевъ распорядился бы съ землею и людьми безконечно лучше, чѣмъ либерально-мудрая

Екатерина—„qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense“—и раздаривающая сотни тысячъ людей своимъ ненасытнымъ любовникамъ за тщетное удовлетвореніе своего ненасытнаго тѣла! При Пугачевѣ былъ бы сытъ и воленъ народъ, при Екатеринѣ онъ жадно ѣлъ листья, жолуди и перегнившую солому въ то время, когда Потемкинъ и Зубовы на цѣлые милліоны обворовывали государственное казначейство; онъ не ѣздилъ бы по Россіи въ сопровожденіи фантастическаго, страшно дорогаго штата, передъ нимъ не выростали бы волшебныя декораціи идиллической, ликующей, поющей сельской жизни; его не встрѣчали бы одѣтые на казенный счетъ старцы въ атласныхъ кафтанахъ съ выученнымъ счастьемъ на лицѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ отвратительно злой поддѣлки подъ счастье не стоналъ бы народъ, задавленный мелкими феодалами - помѣщиками, не кряхтѣлъ бы онъ подъ ударами плетей, нищеты и невѣжества!

Самозванецъ, грубый неучъ, казакъ - Пугачевъ обѣщалъ народу и далъ ему во время своего краткаго владычества вольность, землю, безпрепятственное пользованіе лѣсами, водами и лугами. Императрица, съ помощью тайнаго убійства своего мужа взошедшая на престолъ, закрѣпила своею щедрою, правосудною, самодержавною десницею плети, пытки, кровожадное рабство, безграничныя права тирановъ - помѣщиковъ. Пугачевъ силою святыхъ, великихъ словъ: „вольница и земля,“ которыя составляли и составляютъ сущность всѣхъ народныхъ мечтаній, поднялъ народъ по всей Россіи, какъ магическимъ жезломъ; безчисленныя войска выростали у него сказочно изъ земли и безпорядочныя, вооруженныя дрекольями толпы разбивали на голову орловъ Екатерины. Законная императрица силою штыковъ и пушекъ снова уложила народъ въ тотъ тѣсный, свинцовый гробъ, который получила въ наслѣдство отъ самодержавія. Человѣкъ, чуть было въ XVIII в., ранѣе французской революціи, не освободившій весь русскій народъ и водворившій среди него экономическій строй, которымъ теперь грезитъ все передовое въ Европѣ, былъ искалѣченъ пытками, четвертованъ на площади; имя суроваго самозванца было предано проклятію и недавно только начало выясняться во всей грандіозной величинѣ при помощи тщательныхъ и безпристрастныхъ историческихъ разслѣдованій; за произнесеніе только имени страшнаго человѣка черезъ много лѣтъ послѣ его казни запоровали безжалостно плетьми, рѣзали уши, руки, ноги и ссылали въ Сибирь. Екатерина, чуть было совсѣмъ нераздавившая русскій народъ, сковавшая его новыми, еще болѣе тяжелыми цѣпями, прославлена была,

даже при жизни, по всему міру мудрою, великою императрицею, спасительницею своего отечества; та же самая спасительница отечества въ свободное отъ государственныхъ попеченій время весьма весело и остроумно переписывалась съ Вольтеромъ, назначила пенсіонъ Дидро, пописывала колкія статейки противъ взяточниковъ, хихикала надъ глупыми русскими женщинами; страдая нимфоманіею, поучала ихъ высокой нравственности; говорила вскользь о благонравіи, благолѣпіи, о свободѣ слова, и за то же бѣдное свободное слово съ великимъ царственнымъ достоинствомъ сослала въ Сибирь необольщеннаго жалкою внѣшностью Радищева.....

. . . . . .

Римъ.— 1873 г.

Размышленіе по поводу казни Стюарта I

„Вотъ уже три часа какъ мы толкуемъ о королѣ. Республиканцы ли мы? Нѣтъ, мы рабы!“
(Слова Кутона во время процесса надъ Людовикомъ XVI.)

Желчное чувство пробуждается въ душѣ, когда читаешь процессъ Карла Стюарта I и казнь надъ нимъ.

Большая часть историковъ впадаетъ въ разсыропливаніе, въ поэтическое холопство; съ какими мельчайшими подробностями, отеческою любовью, женственною нѣжностью они описываютъ страданіе короля, его кроткія слова, его трогательное прощаніе съ своими малютками; съ какою суровою холодностью относятся къ могучему Кромвелю. Подобострастіе этихъ слезливыхъ и замѣчательно дряблыхъ историковъ походитъ на лизаніе той палки, которая ихъ безжалостно и нестерпимо больно и безконечно долго била; полюбуйтесь описаніемъ: Карлъ сидитъ въ тюрьмѣ, укрѣпляется въ вѣрѣ, превращается въ пошлаго ханжу изъ жестокаго тирана; цѣлые дни хныкаетъ; ему позволяютъ видѣться съ дѣтьми, онъ жарко лобзаетъ птенцовъ, даетъ мудрые совѣты имъ; и все это такъ трогательно, что послѣ Кромвель будто бы замѣчаетъ, что лучше и жалостнѣе сцены онъ не видалъ всю свою жизнь — повидимому, онъ не былъ знакомъ ни съ одною деревенскою хижиною веселой, старой Англіи — далѣе злосчастный Стюартъ по ночамъ слышитъ стукъ молотовъ и топоровъ, усердно работающихъ надъ эшафотомъ, но это не мѣшаетъ ему сладко дрыхнуть. Во время его шествія на казнь ему плюютъ въ глаза, но онъ, вспоминая Спасителя (очень грустно, что онъ его никогда не вспоминалъ на тронѣ

во время своей тираноманіи!), съ кротостью переноситъ это, одинъ изъ толпы молится за него, за что солдатъ ударяетъ по головѣ молящагося, упрекая его въ подломъ холопствѣ; король кротко замѣчаетъ, что наказаніе строго за поступокъ. Его историки сравниваютъ съ Спасителемъ (очень много общаго у необузданнаго деспота съ великимъ провозвѣстникомъ любви и равенства!). Шествіе на плаху свершаетъ король въ роскошной одеждѣ (что очень напоминаетъ полунагаго Спасителя, изнемогающаго подъ тяжестью собственнаго креста!), онъ говоритъ приближеннымъ, что отъ вѣнца тлѣннаго онъ переходитъ къ вѣнцу нетлѣнному, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печалей (другими словами—ни королей, ни эшафотовъ); эту отрепанную руладу напѣвали милліонъ разъ взводимые на эшафотъ; преоригинальное путешествіе затѣвалъ король! небо, готовящееся воспринять его въ свое бездонное лоно, преравнодушно смотрѣло на его гибель, оно объ немъ такъ же много безпокоилось, какъ и о мошкахъ, гибнущихъ послѣ дождя! Голову отрубилъ замаскированный палачъ и показалъ ее народу со словами: „это голова измѣнника,“ это былъ послѣдній куплетъ маленькаго историческаго водевильчика. Многіе историки указываютъ какъ на знаменательный фактъ, что народъ безмолвствовалъ; это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, это показало бы только то, что безмолвствующій народъ еще долго не будетъ свободенъ, что его забитое воображеніе боится призраковъ, что надъ жалкой головой короля еще не совсѣмъ исчезъ ореолъ. Указываютъ на то, что во время приговора надъ королемъ при чтеніи фразы: что это свершается по волѣ народа, нѣкая леди Ферфаксъ закричала, что не было и десятой части народа въ этомъ желаніи; но этого сентиментальнаго вздора не было: народъ самъ горячо жаждалъ смерти короля. Онъ не могъ слышать стука топоровъ надъ эшафотомъ, потому что былъ переведенъ въ Сенджемскій дворецъ, далеко отстоящій отъ мѣста плахи. Но углубляясь въ разсказы о казненномъ монархѣ, историки не стараются поглубже разъяснить: какимъ образомъ казненный Стюартъ довелъ терпѣливый, всепрощающій народъ до такого исхода? они очень вскользь упоминаютъ о его ужасныхъ преслѣдованіяхъ народной религіи, надувательствахъ, его безчеловѣчной тираніи, мотовствѣ, холодномъ презрѣніи къ волѣ и нуждамъ народа. Чтобы познакомиться съ безконечнымъ, святымъ терпѣніемъ народа, надо только пролистать исторію; чѣмъ болѣе вы ее узнаете, тѣмъ все болѣе и болѣе становится невѣроятнымъ его христіанское смиреніе, терпѣніе; но предѣлы есть во всемъ, даже и въ народномъ терпѣніи!...

II.

„Пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница.
(Барбье)

Теперь я постараюсь набросать суровую, грозную картину, она освѣщена заревомъ пылающихъ, инквизиціонныхъ костровъ; въ началѣ статьи мы видѣли гибель царя отъ руки народа — но къ сожалѣнію, исторія насчитываетъ удивительно микроскопическое число царей, погибнувшихъ отъ руки народа — гибли они немучительною смертью и всегда за собственные, тяжкіе грѣхи или еще большіе грѣхи своихъ отцовъ; судъ народа надъ царемъ имѣлъ оправданіе въ ужасахъ, которые вытерпливалъ народъ отъ царя. Теперь полюбуйтесь гибелью народа отъ руки царя: не слезами, а кровью должны плакать историки, вспоминая лютыя издѣванія надъ людьми! самыя ужасныя издѣванія начинались послѣ того, когда народъ, раскрывши объятія, со слезами и криками радости, принималъ монарха. Вспомните инквизицію, въ одной только Испаніи, въ одно царствованіе Филиппа II, она погубила 72,000 человѣкъ по страшнымъ подваламъ Торквемада, въ подземельяхъ, среди пытокъ и въ пламени костровъ.

Жертвы сжигались живыми, на медленномъ огнѣ; когда тѣло тлѣло въ огнѣ, когда страдальцы задыхались въ дыму собственныхъ костровъ, изъ роскошной ложи глядѣлъ король и любовался пытками; на казнь несчастныхъ провожали попы, съ крестами, хоругвями. Вспомните всю несмѣтную массу войнъ, которыя начинали короли, движимые интрижками, ненавистью одинъ къ другому; народъ во всѣхъ подобныхъ перепалкахъ былъ chair à canon. Но когда, въ рѣдкихъ случаяхъ, народъ умолялъ щадить его жизнь и средства, на него высылались мрачные злодѣи; они являлись, какъ чума, въ недовольную страну; зажигались костры, воздвигались эшафоты, пускались въ ходъ страшныя орудія пытки; если же городъ не сдавался, предчувствуя страшный конецъ, его осаждали, не жалѣя людей и средствъ; но когда послѣ борьбы входили въ него, то рѣзали дѣтей, насиловали женщинъ, а послѣ, ради невинной забавы, ихъ груди и животы прока-

лывали штыками; городъ затапливали кровью и ограбливали до тла; оторванные члены, выпотрошенныя внутренности, разбитые черепа, съ вывалившимся мозгомъ, были вѣчными эпилогами нескончаемыхъ драмъ. Малѣйшій протестъ народа противъ царя, который душилъ, давилъ, грабилъ, поддерживалъ для своихъ финансовыхъ затѣй мракъ и невѣжество въ народѣ, который издѣвался надъ его правомъ, имуществомъ, всѣмъ дорогимъ и близкимъ ему, назывался крамолою. Кровожадность и ненасытность этой хищной породы была фантастически-изумительна! умирали изверги, напутствуемые поповскими благословеніями, окруженные сотнями докторовъ, плачущими придворными; умершихъ насильственною смертью, можно перечесть по пальцамъ. Людовикъ XVI погибъ мгновенно подъ ножомъ гильотины, а Даміенъ, черкнувшій ножемъ Людовика XV, умиралъ часъ; ему жгли руку на сѣрномъ огнѣ, а послѣ щипцами начали вырывать мясо, а во внутрь ранъ заливали разстопленный свинецъ; на немъ, какъ щетина на дикобразѣ, поднялись волосы и онъ, задыхаясь въ конвульсивномъ хохотѣ, кричалъ: „еще, еще!“ Испустилъ онъ духъ только тогда, когда у него, растянутаго въ разныя стороны лошадьми, начали отрываться ноги; взошелъ онъ на эшафотъ черноволосымъ атлетомъ, голова, показанная толпѣ, была сѣдая и изрѣзанная старческими морщинами. Вспомните казнь одной протестантки: члены ея молола машина, а передъ глазами у нея держали ея груднаго ребенка, къ груди прилила скорбь и молоко, оно закапало съ обнаженной, пылающей отъ чудовищныхъ мукъ груди, а ребенокъ жадно тянулся къ материнскому молоку. Не думайте, что эти казни были рѣдки, отнюдь нѣтъ, въ нихъ играли короли, это были водевильчики; но рядомъ съ водевильчиками были и драмы: вспомните герцога Альбу, какой широкій, кровавый слѣдъ онъ оставилъ за собою во Фландріи; прочтите исторію этого дикаго, страшнаго времени, и я ручаюсь вамъ, что если вы холоднѣе полярнаго льда, изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы и отъ ужаса сожмется сердце. Припомните походъ на Альбигойцевъ, гдѣ югъ Франціи былъ превращенъ въ пустыню, гдѣ была замучена, задушена, искоренена лучшая раса людей въ цѣлой Европѣ, передовая по своему развитію, самая богатая по промышленности и за то только, что это населеніе осмѣлилось усомниться въ неприкосновенной святости римскаго духовенства и свободно толковать библію! А Карлъ IX, давшій сигналъ на рѣзню, которая покрыла чернымъ покрываломъ это смутное время; когда душили протестантовъ, а наемные убійцы рѣзали Колиньи, когда подъ звонъ колоколовъ справлялась кровавая

свадьба, король кричалъ: „tuez, tuez!“ А русская исторія, съ ея геліогобалами, съ ея Павломъ, незабвеннымъ Николаемъ!... Но лучше прекратимъ этотъ гнетущій душу перечень бѣшенныхъ остервенѣній и бѣшенныхъ низостей; кто хочетъ быть по горло сытъ ужасами, пусть глубоко изучитъ исторію, отъ нея несетъ кровью, дымомъ костровъ, вся она —лютое издѣваніе единицы надъ массами, апоѳеоза насилія; тьма вѣтхозавѣтной ночи витаетъ надъ нею до XVIII вѣка, тутъ тьму начинаютъ прорѣзывать лучи слабаго свѣта.

И у историковъ хватаетъ смѣлости и совѣсти рыдать надъ казнью царька, надъ крошечнымъ фактикомъ, исчезающимъ передъ милліонами жертвъ, и удивляться ужасамъ революціи! Историки совершенно забываютъ, что революціи не причины, а слѣдствія, логическій, послѣдовательный исходъ дикаго безобразничанья надъ человѣкомъ; ее выпытываютъ сотни лѣтъ изъ народа, ее пламенно жаждутъ; первые революціонеры — неограниченные монархи и короли. Попираніе правъ свободы, состоянія, необходимо должны были привести къ революціи; чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе отпоръ. Революціи, не смотря на массы жертвъ, внушаютъ радостное чувство: чувствуешь, что народъ расправляетъ, спутанные гнилыми тряпками, гигантскіе члены; сгнетенная сила взрываетъ гранитныя скалы; шагая черезъ трупы, народъ идетъ къ свѣту, жертвъ много, но за то, на короткое время, мысль приходитъ въ бурное броженіе; много животрепещущихъ, великихъ вопросовъ встаютъ передъ народомъ, требуя рѣшенія; идеи движутъ массами, страшно быстро ими всасываются, задавленныя грубою силою, онѣ уходятъ внутрь народовъ, горятъ подъ пепломъ, но до первой искры...

Издѣваніе царей и духовенства привели къ тому, что народъ, опьяненный местью, растопталъ своихъ палачей, онъ былъ негуманенъ, но и его палачи не отличались особенною гуманностью! Могу васъ увѣрить, сердобольные историки, что если вы внимательно вглядитесь въ исторію, то увидите, что революціи, приводящія васъ въ трепетъ, далеко не такъ ужасны, какъ дѣйствія абсолютныхъ монарховъ и непогрѣшимыхъ папъ; если вы постараетесь собрать въ кучу всю массу зла, сдѣланную царями, папами и духовенствомъ, то передъ нею революціонерный терроръ покажется временемъ, въ которомъ на землѣ царили ангелы, съ оливковыми вѣтвями мира и съ небесною благодатью на челѣ; васъ вводитъ въ ошибку то, что первая французская революція, за одинъ разъ, подвела итоги прошедшему, тогда, какъ прошедшее свершало зло съ паузами, разбросанно, но за то эти мучительныя операціи продолжались вѣка. Помните, что прогрессъ,

о которомъ вы распинаетесь, возможенъ только при полномъ расширеніи правъ массъ и ограниченіи права жалкихъ единицъ; неограниченный монархъ, опирающійся на привилегированныя сословія и широкій прогрессъ — двѣ крайнія противуположности.

Можетъ быть всѣ эти аханія, благоговѣйныя позы передъ эшафотами, на которыхъ сложили головы тираны, происходятъ отъ непривычки къ такому явленію? Къ воплямъ народнымъ, его безумнымъ страданіямъ, казнямъ, бойнямъ, мы черезъ чуръ привыкли; они намъ не рѣжутъ глазъ, не давятъ мозгъ; мы на нихъ смотримъ черезъ чуръ повседневно; время установило спокойный, сухой, почти филистерскій взглядъ на подобные ужасы.

Но многіе мнѣ укажутъ, что я въ моей статьѣ грѣшу противъ новаго, философскаго взгляда на исторію, который никого не обвиняетъ, никого не хвалитъ, а только безпристрастно взвѣшиваетъ событія; я нахожу, что подобный философскій взглядъ имѣетъ въ себѣ тотъ капитальный недостатокъ, что онъ чрезвычайно усыпляетъ.

III.

„О, великій дуракъ останется вамъ всегда покорнымъ; всегда будетъ развлекать вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками..... Каждый день въ угоду вамъ показывать старые фокусы, балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлять сотни тысячъ солдатъ топтать ему брюхо... Но не боитесь ли вы, что когда нибудь его утомятъ эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя вашихъ солдатъ или, расшутившись не въ мѣру, придавитъ ваши собственныя головы мизинцемъ такъ, что мозгъ брызнетъ до самыхъ звѣздъ?..... Нѣтъ, не бойтесь, я только шучу...“

(Генрихъ Гейне)

Отчего Россія въ глазахъ Европы такъ безнадежна? отчего лучшіе умы, мечтая о всеобщемъ народномъ братствѣ, исключаютъ ее изъ общаго братства? Привилегированному, умственно развращенному меньшинству, покоющемуся въ летаргіи, только и грезится власть; у него есть таинственный сфинксъ, черезъ который государство еще долго не расправитъ своихъ исполинскихъ членовъ, сфинксъ этотъ — царь; пусть вспомнятъ о сценахъ, происходившихъ въ Москвѣ по-

слѣ 4 Апрѣля, выстрѣла Каракозова, какою мутною волною вылилось татарское раболѣпіе! Пусть вспомнятъ, какъ московское купечество опивалось, обжиралось по поводу этого ничтожнаго случая, какъ эти халуи — царскіе пуделя, издѣвались надъ бѣдными студентами за то, что они не участвовали въ лакейскихъ порывахъ. А адресы, посланные отъ городовъ, напичканные до рвоты вѣрноподданническими подлизываніями, божескими поклоненіями монарху! Театры, въ которыхъ все представленіе заключалось въ томъ, что толпа актеровъ во всю глотку вопила: „Боже царя храни,“ а публика жалкая, несчастная крѣпостная, стояла во фронтѣ; такого вѣрноподданническаго пятна не смоютъ цѣлые океаны! Такое злостное идолопоклонство уравнивало публику съ дикарями острововъ Фиджи; а распѣваніе того же патріотическаго гимна у себя по домамъ! гдѣ многія, любезно вѣрныя царю семейства, состоящія изъ любезно шаловливыхъ ливретокъ, собирались въ кружокъ и благоговѣйно затягивали хоромъ: „Боже царя храни,“ эту переложенную на русскіе нравы Марсельезу. Много, удивительно много фантастически причудливыхъ вакханалій, кваснаго патріотизма, были разыграны по всѣмъ уголкамъ Россіи; нѣкоторые подвиги классическаго холопства и кретинизма были до того ужасны, что походятъ на сказку.

Когда Муравьевъ въ застѣнкахъ пыталъ Каракозова и сотни молодыхъ людей, многія почтенныя личности, изъ партіи либеральчиковъ, опьяненные оргіями патріотизма, шептали: „О Муравьевъ съумѣетъ допросить!“ пусть вспомнятъ либеральчики эти страшныя слова и пусть отравятъ они ихъ послѣдній часъ! такія слова ужасны не только въ устахъ христіанина XIX вѣка, но и въ устахъ средневѣковаго палача; какъ дѣтски наивенъ, въ сравненіи съ этими словами крикъ толпы іудейской: „распни, распни его!“ И они произносили ихъ въ то время, когда сотни лучшихъ, молодыхъ людей томились, обливаясь жгучими слезами, въ черныхъ, заплесневѣлыхъ дырахъ крѣпостей, одинокіе, беззащитные, осыпаемые униженіями и побоями! когда у сотенъ изъ нихъ были въ перспективѣ десятилѣтніе, полупудовые кандалы и пытки тантала въ ледяной Сибири! когда многіе изъ нихъ, пожираемые огнемъ горячки, въ бреду, метались на полу крѣпостныхъ щелей, а тысячи семействъ въ Россіи рыдали до надрыва груди, не зная гдѣ искать своихъ потерянныхъ, несчастныхъ дѣтей! когда многіе изъ нихъ отдавали послѣдній, трудовой грошъ жандармамъ, чтобы издали полюбоваться стѣнами Петропавловской крѣпости, которая оказалась черезъ чуръ тѣсна для осужденныхъ! Пусть толпы жертвъ

молодыхъ, блѣдныхъ, замученныхъ, изнуренныхъ, рвущіе сердца образы, рыдающихъ, осиротѣвшихъ матерей, предстанутъ, болѣзненно ярко, въ предсмертныхъ грезахъ либеральчиковъ и пусть отравятъ они ихъ послѣдній часъ!...

Смѣшно и дико выговорить, что въ 1865 году выстрѣлъ въ царя навелъ ужасъ даже на либеральчиковъ; на этотъ поступокъ взглянули какъ на святотатство, o tempora! o mores! Въ Европѣ, со времени первой французской революціи, личность императора стала столь священной въ глазахъ народа, что эту личность нужно, во время самыхъ невинныхъ прогулокъ, охранять громадною сѣтью шпіоновъ и полицейскихъ. До выстрѣла Каракозова необузданное холопство, подкуривая самодѣльнымъ фиміамчикомъ, вопило, что только поляки могутъ имѣть злой умыселъ на царя, что это слово, въ силу какихъ-то бездонно-таинственныхъ данныхъ, священно для русской націи; выстрѣлъ Каракозова и связанное съ нимъ тайное общество разсѣяли иллюзію; но патріоты не унялись, они возопили: „Каракозовъ дѣйствительно русскій, но только сумасшедшій,“ правительство, желая подкрѣпить эту мысль въ обществѣ, сначала запытало сумасшедшаго, а потомъ повѣсило сумасшедшаго.

А даваемая въ провинціяхъ драма „Иванъ Сусанинъ,“ гдѣ Сусанинъ весьма торжественно объявляетъ, что онъ скорѣе околѣетъ, какъ подлая шавка, чѣмъ позволитъ убить царя; въ драмѣ являются благоденствующіе поселяне, обожающіе царя и добрыхъ помѣщиковъ,—поляки, ненавидящіе царя и помѣщиковъ, но за это ихъ, цѣлую сотню, можетъ избить одна добрая поселянка, обуреваемая патріотическими чувствами. Въ послѣднемъ дѣйствіи драмы изображенъ костромскій лѣсъ (гдѣ съ искони вѣковъ водились царскіе спасители), съ падающимъ снѣгомъ, по большей части, приготовляемымъ изъ полицейскихъ книгъ, въ которыхъ записывали безпаспортныхъ бродягъ и запоронныхъ розгами. Чепуха ростетъ съ каждою терціею и доростаетъ до апогеи въ концѣ пьесы, гдѣ Сусанинъ умираетъ, поддерживаемый крестьянами и мелетъ нандлиннѣйшіе монологи, черезъ чуръ благозвучные даже въ устахъ какого нибудь современнаго поэта — Богоявленскаго; онъ видитъ разверстое небо, Бога съ такою же бородою, какъ у него,— ангеловъ, похожихъ на жандармовъ и ясно видитъ какъ вся эта безпардонная компанія протягиваетъ къ нему съ неба руки и какъ послѣ его имя начинаетъ разгуливать изъ потомства въ потомство. Но дикая болтовня заканчивается тѣмъ, что Сусанинъ начинаетъ жестоко и непозволительно долго дригать ногами и къ великому удовольствію державшихъ его массивное тѣло посе-

лянъ, умираетъ за домъ Романовыхъ. Бѣдный Сусанинъ не предчувствовалъ, что этотъ славный домъ Романовыхъ совершенно прервется и начнется славный домъ, безфамильныхъ чухонцевъ изъ деревни Котлы. А духи á la Комисаровъ, и пожалованіе сего достойнаго мужа въ дворянское званіе, лукуловскіе обѣды во дворцѣ, гдѣ несчастный Комисаровъ чуть было не задохся въ душныхъ объятіяхъ генераловъ-патріотовъ (за огромное жалованіе). Спаситель отечества потѣлъ, падалъ безчисленное число разъ въ обморокъ, не смотря на свои костромскіе нервы, и чуть не умеръ отъ поноса на одномъ изъ этихъ обѣдовъ, желудокъ и сердце невынесли высокой государственной сферы. Дворянство и купечество, очень скуповатые на жертвы въ пользу бѣдныхъ студентовъ, больницъ и школъ, широко разщедрились, собравъ большую сумму для Комисарова. И вся эта грязная масса балаганныхъ сценъ разыгралась черезъ то, что человѣкъ совершенно нечаянно помѣшалъ выстрѣлу, сдѣлалъ то, за что нигдѣ въ мірѣ не даютъ подачекъ, въ такомъ случаѣ, всѣмъ честнымъ людямъ слѣдуетъ назначить громадный пенсіонъ за то, что они не воры и не подлецы, но къ сожалѣнію у насъ наоборотъ: честные задыхаются въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а прихвостни, блюдолизы, продавшіе свободу, честь, человѣческія стремленія, годные для царской подстилки, дышатъ полною грудью въ благорастворенныхъ воздухахъ.

• Россія теперь нюхаетъ Комисарова, преображеннаго въ дешевые духи, но она скоро узритъ кофточки, подштаники, носки á la Комисаровъ. Анекдотическая случайность: вошли въ моду красныя рубашки á la Гарибальди и духи á la Комисаровъ! Какое злое стеченіе именъ: Гарибальди и Комисаровъ! во Франціи Орсини, въ Россіи Комисаровъ! Всѣ эти убогенькія, подленькія сцены напоминаютъ наше недавнее прошлое, гдѣ, по случаю отъѣзда помѣщика, немилосердно бичевавшаго своихъ крестьянъ, собирались забитые мужички и пригорюнившись голосили: „Да, на кого же ты насъ сердешный оставишь, на кого покинешь?“ Всѣ эти сцены жалки, но онѣ возбуждаютъ злое чувство: чувствуешь, что произволъ пока еще крѣпокъ; этими дикими выходками, позорящими человѣческое достоинство, общество дало знать царю, что гнусное настоящее и гнуснѣйшее прошлое ему по вкусу, что оно съ удовольствіемъ останется преданной царской лягавой, если этого только пожелаетъ царь-батюшка. Но лучъ надежды на спасеніе свѣтится въ томъ, что въ позорныхъ овацiяхъ не участвовалъ народъ деревень, онъ почесалъ затылокъ и пропустилъ апатично сквозь уши новость, которая такъ взбудоражила касту дворянъ и касту купече-

ства. Только такіе великіе историки, какъ Смарагдовъ и Устряловъ могутъ сладко лепетать, что самодержавіе вытекаетъ свободно изъ исторической жизни русскаго народа, а не навязано ему на его гибель силою штыковъ и пушекъ. Прислушайтесь къ народнымъ былинамъ, легендамъ, пѣснямъ и вы нигдѣ не услышите именъ великихъ царей-опекуновъ человѣчества; у націи есть свои благодѣтели, она идетъ въ разрѣзъ съ историками; люди заклейменные историками названіями кровавыхъ чудовищъ, для народа — святые угодники, герои, мученики: вспомните Разина, Пугачева, героевъ гайдамачины; годины мрака для него — годины свѣта; нѣтъ сомнѣнія, что народъ правъ: въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ и ненавидитъ всѣ привилегированныя сословія. Въ прошломъ вѣкѣ особенно сильно царила въ народныхъ умахъ мысль, что въ судный день, когда народъ будетъ по своему расправляться съ извергами, сосущими изъ него живые соки, онъ будетъ ихъ разбирать по рукамъ и да хранятъ того всемогущіе Богп, у кого онѣ окажутся бѣлыми! Владѣтели этихъ лилейныхъ ручекъ, въ силу закона возмездія, будутъ безжалостно звѣрски уничтожены; пугачевщина привела эту зловѣщую мысль въ исполненіе: обезумѣвшія отъ страданія народныя массы страшно отомстили бѣлоручкамъ, они съ дикимъ хохотомъ, при свѣтѣ пожаровъ, жгли ихъ на мелкомъ огнѣ; помѣщиковъ вѣшали за дѣторолные члены, сдирали съ нихъ живыхъ кожу, а послѣ солили; начиняли порохомъ животы беременныхъ женщинъ и поджигали; бросали копьями въ самый жаркій огонь ихъ невинныхъ дѣтей, неистово приговаривая: „горп, горп, проклятое отродье.“ Мы забыли ужасы и снова забыли народъ, но время идетъ; онъ снова напомнитъ о себѣ, но теперь къ этому народу пристанетъ все образованное, молодое, сильное; у Пугачева одинъ Шванович былъ изъ благородныхъ, писавшій ему бумаги на иностранныхъ языкахъ, у новаго Пугачева имъ не будетъ числа; Пугачевъ остановился передъ готовыми сдаться столицами, онъ испугался призрака царскаго и опустилъ поднятую руку; новый Пугачевъ будетъ знать, куда направить всю силу народнаго гнѣва и ни на терцію не задумается передъ дворцомъ. Народъ искренно вѣрилъ, навѣрное и теперь вѣритъ—потому что его матеріальное положеніе не на много улучшилось—что для того, чтобы пройти на томъ свѣтѣ огненную гору, надо набрать цѣлый мѣхъ панской, еврейской, польской крови, съ примѣсью царской, поливая гору этимъ драгоцѣннымъ снадобьемъ, онъ могъ, не обжегшись, попасть прямехонько въ рай. Чудовищная гроза, прошумѣвшая надъ нами въ XVIII вѣкѣ, прошумитъ и въ XIX.

У народа, затерзаннаго царями, есть дума мощная и злая, она ночуетъ съ нимъ въ жалкой, дымной хатѣ, летаетъ надъ нимъ, когда, тяжело склонясь на соху, онъ пашетъ въ жаркій, душный день сухую, тощую землю; провожаетъ она пилигримовъ въ далекій Іерусалимъ и возвращается съ ними обратно; эту думу роковую, полную кровавыхъ послѣдствій, не подмѣтятъ сонмища шпіоновъ третьяго отдѣленія, ни батальоны солдатъ, разставленные по деревнямъ, ни жандармскіе полковники, ни попы; эту народную грезу не уничтожатъ никакія адскія машины, вы ее выгоните въ дверь, а она войдетъ въ окошко. Забитость, невѣжество ненадежны, они умѣютъ выкидывать чудовищные фокусы и очень неожиданно, вспомните страшные историческіе примѣры; невѣжество и умственное рабство въ милліонъ разъ опаснѣе свободы и образованія; исторія никому и ничего не прощаетъ...

Бѣглыя Замѣтки

„Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья;
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить — отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь...“

(*Монологи* Огарева.)

I.

Многіе толкуютъ, разбираютъ, окунаются по самую маковку въ современныя событія, изнемогаютъ отъ восторга, любуясь на либеральныя нововведенія послѣдовательнаго правительства; сотнями выходятъ статьи, прямехонько направленныя въ макушки мировыхъ судей, мировыхъ посредниковъ; о предметахъ же серьезныхъ, со смертію Писарева, говорятъ слишкомъ невнятно, слишкомъ рѣдко, черезъ чуръ соображаясь съ цензурою. О воспитаніи толкуютъ много, но рѣшился ли кто намекнуть, что его нужно измѣнить очень рѣзко и совершенно выкинуть нѣкоторые предметы, предо-

ставивъ ими заниматься только тѣмъ, которые сами пожелаютъ этого? Начнемъ съ самаго нелѣпаго и вреднаго предмета — Закона Божьяго: этимъ предметомъ пастыри больше чѣмъ классическими языками притупляютъ и обезсмысливаютъ воспитанниковъ и воспитанницъ; рядомъ съ лекціею естественныхъ наукъ, гдѣ даже въ институтахъ учитель говоритъ о невозможности существованія матеріи безъ силы, о законахъ природы, и рядомъ, доброму священику шестнадцатилѣтняя дѣвица, покрытая угрями отъ ранняго закипанія чувственности, повѣствуетъ съ младенческою наивностью о Евѣ, коварно соблазненной яблочкомъ, о строптивомъ змѣискусителѣ всего рода человѣческаго, о прогнаніи по шеѣ изъ рая Адама и Евы, прикрывающихъ себѣ лопухомъ потерянную невинность (кулачную расправу свершаетъ держиморда небеснаго царства — архангелъ Гавріилъ), о Пентефрихѣ — злой женщинѣ, погубившей цѣломудреннаго Іосифа. Потомъ разсказываетъ попъ о ковчегѣ, плавающемъ по водамъ затопленнаго міра, о Ильѣ пророкѣ, безъ паспорта и прогоновъ укатившемъ на небо, о брани Бога съ Израильтянами, которымъ въ пустынѣ сильно захотѣлось мяса, о страшномъ любителѣ еврейскаго мяса — мѣдномъ змѣѣ. Никто изъ русскихъ не заподозритъ анекдотичности въ этихъ фразахъ; но многіе могутъ замѣтить, что это свершается въ глухихъ, удаленныхъ отъ свѣта провинціяхъ, безмозглыми, грубыми попами; но пусть не забываютъ, что населеніе преобладаетъ въ провинціяхъ, а не въ столицахъ; наконецъ, почему же эту безобразную морфолафію суждено выслушивать несчастнымъ провинціальнымъ дѣтямъ? это—будущіе общественные дѣятели. Наконецъ, когда встрѣчающіеся въ столицахъ попы начинаютъ философствовать объ этомъ предметѣ, дѣло выходитъ еще хуже, въ результатѣ получается такой сумбуръ, что волосы на головѣ подымаются. Полюбуйтесь катихизисомъ Филарета — мудростью мудростей! содержаніе его нелѣпѣе (если это только возможно) самого ветхаго завѣта; священикъ на лекціи катихизиса высчитываетъ по пальцамъ непостижимые для ангеловъ атрибуты Бога; о Іисусѣ пастырь говоритъ, какъ о царскомъ холопѣ, который только тѣмъ и занимался, что подслуживался къ высшей власти, что все ученіе этого великаго революціонера состояло въ хлопотахъ и нѣжныхъ заботахъ о монархахъ, въ почтительномъ повиновеніи имъ и въ кроткомъ, идиллическомъ довольствѣ всѣмъ окружающимъ; казненъ онъ былъ за частыя ссоры съ сребролюбивыми жидами; что онъ гнусно шарлатанилъ, т. е. выгонялъ сонмище бѣсенятъ изъ чрева, одержимыхъ злымъ духомъ, воскрешалъ вонючихъ мертвецовъ, а послѣ смерти

улетѣлъ черезъ океанъ азота и кислорода, куда? неизвѣстно! И ни разу никто изъ нихъ не рискнулъ намекнуть о настоящемъ смыслѣ его ученья; было бы странно пресмыкающейся шавкѣ-попу разсказывать о свободѣ, равенствѣ, уничтоженіи государей, уничтоженіи собственности, полноправности народа, словомъ, объ идеяхъ, составляющихъ сущность ученія Спасителя! Наконецъ, зазнайся попъ до такой высокой степени, ему законапатили бы ротъ и во мракѣ ночи отправили бы въ тѣ блаженныя страны, куда Макаръ телятъ гоняетъ... Мало того, что преподаваніе этого предмета притупляетъ ребенка, но кромѣ этого оно развиваетъ въ немъ безсмысленную нелогичность; онъ съ дѣтства пріучается къ тупому поддакиванію всякой нелѣпости; онъ дѣлается автоматомъ, самъ не замѣчая этого; малѣйшій же протестъ противъ хаоса религіозныхъ софизмовъ можетъ погубить его; постепенно онъ опошливается до того. что начинаетъ равнодушно смотрѣть на издѣваніе надъ его мозгомъ, онъ начинаетъ считать это правомъ, онъ и такъ въ каждомъ предметѣ, кромѣ закона Божьяго, видитъ сухость, нелѣпость, нелогичность. Воспитаніе еще въ школѣ уничтожаетъ въ ребенкѣ драгоцѣнное качество: протестъ противъ всего дикаго, неразумнаго; онъ готовится и наконецъ дѣлается тою жалкою овцою, которую такъ любятъ и цѣнятъ государь и правительство; на такихъ ручныхъ стадахъ незыблемо покоится престолъ русскій. Послѣ же выхода воспитанникъ тотчасъ же забываетъ и катихизисъ и ветхій завѣтъ; сдѣлайте вопросъ изъ закона Божія первому попавшемуся воспитаннику — исключая поповъ и семинарнстовъ — окончившему только что курсъ, и, какъ дважды два, онъ не помнитъ ни одного слова изъ пройденнаго; но забывая пройденное, онъ все таки не въ состояніи отрѣшиться отъ хаоса, который засѣлъ въ его головѣ; здоровую логику онъ въ большинствѣ случаевъ теряетъ на всю жизнь. Университетъ отрѣшаетъ отъ этой нелѣпицы только очень немногихъ. Поражаетъ своею странностью и наивностью доводъ: „помилуйте (говорятъ они), вы хотите уничтожить народную религію, вы знаете любовь народа къ предразсудкамъ, вы знаете, что у народа отнять религію — это пробудить въ немъ всѣ недобрые инстинкты, онъ теперь только и сдерживается раемъ, адомъ.“ Начнемъ съ того, что получающіе воспитаніе въ заведеніяхъ составляютъ песчинку въ народной массѣ, которая на голову забита невѣжествомъ и предразсудками, потому что на нихъ только можетъ покоиться незыблемо священный престолъ русскій. Народу одинаково извѣстны научныя открытія физики, химіи, физіологіи, какъ и тексты катихизиса; но правительство весьма основа-

тельно догадывается, что вся масса молодежи, не затерзанная воспитаніемъ, можетъ тихо распространять трезвыя убѣжденія въ народѣ; оно боится, что изъ сильныхъ артерій они перейдутъ незамѣтно въ волосные сосуды. Народное же образованіе, о которомъ такъ вдохновенно витійствуютъ просвѣтители — безобразно лживая фраза: чистка царскихъ ватерклозетовъ дороже обходится, чѣмъ народное образованіе въ 84 милліонномъ государствѣ. Если народное образованіе когда нибудь широко распространится въ Россіи, оно будетъ полезно только тогда, когда надъ нимъ не будетъ тяготѣть опекающее правительство, а надъ книгами, посвященными народному чтенію — инквизиціонные законы о печати. Образованіе только тогда быстро двинется, когда будетъ данъ полный просторъ всякой свѣжей реформѣ, когда воспитаніемъ займется само общество, не справляясь съ императорскимъ вкусомъ, когда можно будетъ проводить мысли, какъ бы онѣ ни казались крайне либеральными для царскихъ камердинеровъ; безъ этого воспитаніе будетъ давать только чины и большое жалованіе. Плоды стѣсненнаго воспитанія уже давно обнаружились въ Россіи: изъ всей массы кончившихъ курсъ только меньшинство сохраняетъ человѣческій образъ до могилы, остальная же масса тотчасъ же, безъ особенной борьбы, стушевывается съ гуртомъ лакеевъ, которые „гремя цѣпями, согнувши спину,“ ползаютъ у трона царя.

Многіе воображаютъ русскій народъ религіознымъ. Какая призрачная фраза! Если религія — собраніе чудовищныхъ нелѣпостей и предразсудковъ, то всѣ народы очень религіозны. Покорность судьбѣ, терпѣніе безграничное — отвратительныя стороны свѣтлаго евангельскаго ученія, это восхитительныя качества, если онѣ встрѣчаются у барановъ, по той простой причинѣ, что стричь строптиваго барана весьма неудобно доброму пастуху, въ людяхъ же это гибельныя качества!....

У русскаго народа Богъ — становой, который на каждомъ шагу ему пакоститъ, а иногда въ рѣдкость посылаетъ благополучіе въ видѣ урожая пшеницы или ржи на истощенной помѣщичьей землѣ. А тамъ, гдѣ-то вдали онъ воображаетъ колоссальнаго чорта, очень чисто облизаннаго и благовиднаго, окруженнаго гаденькими, подленькими, кровожадными чертенятами съ хвостиками, которыми они очень забавно и неутомимо лавируютъ для утѣхи большаго чорта; самъ чортъ и чортики большіе лакомки до человѣчьяго мяса, имъ каждый день великолѣпно зажариваютъ и подаютъ за столъ лучшихъ, честныхъ грѣшниковъ; также онъ вѣритъ въ вѣдьмъ съ длинными, влачащимися по землѣ волосами, которыя верхомъ, на метлѣ, улетаютъ черезъ трубы для ноч-

ныхъ скитаній; но къ сожалѣнію, такихъ роскошныхъ лазеекъ для вѣдьмъ не существуетъ: въ большинствѣ русскихъ хатъ дымъ проходитъ черезъ хату, наполнивъ благоухающій воздухъ новыми благоуханіями и выходитъ въ дверь. Въ рай онъ плохо вѣритъ, ему трудно такъ напречь свою фантазію, чтобы вообразить себѣ радости и наслажденія, о которыхъ онъ не имѣетъ ровно никакого понятія; въ адъ онъ вѣритъ: вся его жизнь — мрачный адъ, нѣтъ недостатка въ огнѣ неугасимомъ, въ чертяхъ. Страшная, непокрытая его бѣдность нагло глядитъ и въ разбитомъ двухвершковомъ, заледенѣломъ окнѣ, и въ лучинѣ, въ грязи жалкихъ, смрадныхъ хатъ, жалкой, пустой пищѣ; звучитъ она въ его безконечно тоскливыхъ, рвущихъ душу пѣсняхъ; кому обязанъ народъ всѣмъ этимъ, не трудно догадаться и ребенку, но наступитъ судъ!... Будущее Россіи — темная туча, несущаяся съ ураганомъ и полная страшныхъ молній. Не довѣряйтесь покорности народа! во время Людовика XVI онъ казался такимъ забитымъ, что многіе мудрые администраторы думали, что существующій порядокъ переживетъ вѣчныя звѣзды, не у многихъ чутье слышало всюду разжиженное, не въ мѣру скопившееся электричество. Народъ день и ночь занятый мускульной работой, потомъ кровавымъ добывающій себѣ кусокъ черстваго, пополамъ съ мякиною хлѣба и не имѣющій тѣни понятія о наслажденіяхъ въ жизни, глухо и тупо проходитъ свою жизнь; за него наслаждается крохотное, ограбившее его меньшинство, на досугѣ оно выдумываетъ наслажденіе за наслажденіемъ и выдумываетъ такъ, что и фантазія начинаетъ изнемогать и не удовлетворять ненасытнымъ желаніямъ; а идущій тернистою тропою народъ думаетъ и додумывается, какое бы ему наслажденіе придумать для себя; и выдумаетъ онъ не оперы съ ложами въ 300 рублей, не подаваніе голыхъ, увитыхъ розами камелій на серебряныхъ блюдахъ, не дворцы въ альамбрскомъ вкусѣ, онъ придумаетъ месть и съ неслыханнымъ, чудовищнымъ опьяненіемъ насладится ею; какъ злой сонъ, исчезнете вы съ дворцами, виллами, оргіями. Вы ему не даете свободы, воздуха, хлѣба, онъ возьметъ ихъ у васъ силою; а теперь ему нѣкогда заниматься катихизисомъ и философствовать о всеблагомъ Богѣ, который благъ только для васъ однихъ; если вы подъ страхомъ смерти запретите законъ Божій, онъ не замѣтитъ этого; могу васъ увѣрить, что онъ гораздо болѣе всеблагаго Бога боится исправниковъ и ружей солдатъ.

II.

„Пусть истребляетъ время
Дѣла героевъ...
Пускай оно монархіи сметаетъ
Съ лица земли, одну во слѣдъ другой.“
(*Сарданапалъ* Байрона.)

Перейдемъ къ исторіи: преподаваніе ея заключается въ томъ, что воспитанники насилуютъ свой мозгъ надъ изученіемъ такихъ мѣстъ въ исторіи, которыя стоятъ, чтобы ихъ съ отвращеніемъ забыли. Въ русскихъ источникахъ вы видите необузданный деспотизмъ царей и, что гаже всего, подмѣчаете желаніе историка оправдать грязное, злое самодурство, желаніе доказать, что животное варварство имѣетъ оправданіе въ окружающей жизни, что и въ прочихъ государствахъ продѣлывались тѣ же фокусы и мучительныя операціи надъ народомъ. Вы изучаете подробно физіономію каждаго монарха, цвѣтъ его многочисленныхъ штановъ и исподняго платья, всѣ гадости, сальности и подлости двора; народъ же неслышенъ, онъ — царевна, покоющаяся въ волшебномъ снѣ, въ волшебномъ замкѣ; вы не видите ни его внутренней жизни, ни обычаевъ, ни задушевныхъ вѣрованій, ни характеристики властей, ни ихъ обращенія съ нимъ; вы не видите его постепеннаго возвышенія рядомъ съ паденіемъ, его участія въ той массѣ событій, которыя такъ тщательно описаны; дѣло идетъ безъ церемоніи, легче: хотѣлъ царь сработать историческое великое событіе, дунулъ, плюнулъ и по щучьему велѣнію все уже готово. О всеобщей исторіи и говорить нечего! Всѣ мощные, благородные порывы, стремительныя реакціи въ народѣ заклеймены названіями: „терроръ и анархія,“ „жажда крови и смутъ“ (какъ будто есть много охотниковъ до крови!) и знаменитымъ по своей подлости и глупости изреченіемъ: „недовольство малымъ“; нравоучительнѣе всего то, что эта игривая фраза произносится въ замѣчательно роскошныхъ салонахъ тѣми старенькими шалунами, которые получаютъ или отъ правительства пенсіончики въ 10-ки тысячъ, или тѣ же суммы съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, разбросанныхъ по огромному пространству россійскаго государства. Но многіе могутъ замѣтить: „развѣ нѣтъ великихъ историковъ — Гервинуса, Шлоссера, Дрепера,

Карлейля, Мишле, Бокля и проч.," но этими источниками наслаждаются немногіе, лучшіе источники не переведены, а если переведены, то испещрены точками, болѣе таинственными, чѣмъ іероглифы на вавилонскихъ развалинахъ. Смѣлое преподаваніе исторіи пока ограничивается Шульгинымъ и грандіозно либеральнымъ Устряловымъ; встрѣчаются исключенія, но онѣ пропрыскиваютъ такъ рѣдко, что о нихъ не стоитъ говорить...

III.

„Дьяволамъ рай, ангеламъ адъ!
(*Скорбь вавилонская.* Гейне.)

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Пусть полюбуется бдительное правительство на каторгу, она носитъ ужасный характеръ! Блюстители правосудія еще не очеловѣчились на столько, чтобы признать ту истину: „что виноватыхъ нѣтъ," преступникъ—больной членъ больного общества; извращенная общественная жизнь, упорная, наслѣдственная передача дурныхъ сторонъ характера вырабатываютъ преступленіе; оно подготовляется тысячами очень трудно уловимыхъ, мелочныхъ причинъ, въ которыхъ свершившій преступленіе играетъ совершенно пассивную роль; уже не говоря о томъ, что громадное число преступниковъ — прямо больные люди, нуждающіеся въ хорошемъ врачѣ - психіатрѣ. Чѣмъ ненормальнѣе сложилась общественная жизнь, тѣмъ болѣе она родитъ преступленій: „le coupable n'est pas celui, qui fait le pêchè, mais celui, qui tait l'ombre." Если мы люди, а не дикіе звѣри — за неимѣніемъ возможности быстро измѣнить сферу, вырабатывающую преступленіе — мы должны удалить преступника, предоставивъ ему крайне возможную свободу, пріучая его къ труду и всѣми мягкими средствами стараясь перевоспитать его; что же дѣлаетъ правосудіе? оно чудовищно издѣвается надъ преступникомъ, инквизиторски истязуетъ его; постоянныя, фантастическія жестокости приводятъ къ тому, что воры превращаются въ убійцъ, мелкіе мошенники —въ крупныхъ. Каторга несчастныхъ и безъ того испорченныхъ людей развращаетъ до такой степени, что оттуда они выходятъ кровожадными звѣрями, съ волчьими билетами. И это происходитъ теперь, когда люди до изнеможенія силъ, до

надрыва толкуютъ, вопятъ о нравственнѣйшихъ поступкахъ, да о гуманнѣйшихъ дѣйствіяхъ! Большая часть преступниковъ отправляется на каторгу безъ тщательнаго разслѣдованія, безъ глубокаго вниканія въ тѣ безчисленныя причины, которыя руководили преступника; до настоящей минуты мы не имѣемъ хорошихъ экспертовъ-врачей, нужныхъ для освидѣтельствованія преступника. Поверхностное, казенное вниканіе въ жизнь подсудимаго началось такъ недавно, а каторга существуетъ вѣка; милліоны жертвъ погибли, замученныя въ страшной Сибири, и эти милліоны жизней имѣли тѣ же права на жизнь, какъ и члены высокопоставленнаго правительства! На какомъ основаніи люди разрѣшили себѣ свершать ужасныя преступленія надъ свершившими преступленіе, называя это воздаяніе сторицею—правосудіемъ? Это—вопросы болѣе глубокіе, чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются въ Филаретовскомъ катихизисѣ; но тутъ я говорю о жестокости къ жертвамъ уродливо сложившейся жизни, но пусть не забудетъ царь и правительство (какъ это не забудетъ исторія) издѣванія надъ студентами и молодежью, которые отправлялись на каторгу за то только, что сочувствовали честнымъ убѣжденіямъ, а иные даже за то, что имѣли запрещенныя сочиненія; мало того, что имъ не давали мыслить, ихъ еще ссылали за это! Этого чернаго пятна не смоютъ никакія очистительныя жертвы; неужели царь считалъ ихъ преступниками? если они преступники, потому что высказывали свободныя убѣжденія, которыя въ лучшихъ государствахъ Европы получили право гражданства, то какіе же колоссальные преступники царь и правительство, которые преслѣдуютъ все свободное, душатъ въ народѣ его живыя силы, пакостятъ ему на милліоны ладовъ и за это проглатываютъ милліоны, добываемые изъ крови пытаемаго ими народа!!.. А ссылка господъ, проповѣдующихъ коммунистическія идеи, только проповѣдующихъ, но не отымающихъ имуществъ!... Какую же чудовищную кару нужно для васъ изобрѣсть, царь и правительство?.. въ какую преисподнюю прикажете васъ швырнуть за то, что вы въ свою пользу конфискуете чужія имущества и ограбливаете для своихъ бездонныхъ прихотей до нитки 84 милліонное государство?

Вы сходны съ коммунистами въ одной только чертѣ: вы не признаете чужой собственности, въ остальномъ — вы чудовищно расходитесь; коммунисты не признаютъ собственности, добытой слезами и кровью ближняго; неправильно присвоенныя земныя блага они хотятъ раздѣлить между всѣми людьми; они проповѣдываютъ равенство состояній; они выговариваютъ себѣ не роскошь, не грязныя оргіи, не колос-

альные, необитаемые, безчисленные дворцы, а только теплый, сухой уголъ да обезпеченный кусокъ хлѣба; вы же стаскиваете у государства все, что можно взять животною силою! вы неслыханнымъ образомъ присвоиваете себѣ чужое и за вашъ своеобразный коммунизмъ вы сидите во дворцахъ, а глава коммунизма на тронѣ! Исчадія ваши, еще въ пеленкахъ увѣшанные тѣми знаками отличій, которыми обвѣшиваютъ въ бояхъ посѣдѣлыхъ генераловъ, получаютъ такіе пенсіоны, имѣютъ такіе колоссальные удѣлы, которые были бы достаточны, чтобы прокормить, обогрѣть и воспитать милліоны трясущихся отъ холода, голода дѣтей! Родня царя и онъ самъ проживаютъ столько, что можно было бы на эти деньги выстроить тысячи университетовъ и набить рты до пресыщенія милліонамъ терпящихъ нужду. И всѣ эти деньги проживаются на устройство дворцовъ въ квадратную милю, для камерлакеевъ и эксконюховъ, на фонтаны, парки, сказочные балы, обѣды, путешествія по Европѣ и Россіи. И въ то время, когда вы, убійцы и воры, безумно наслаждаетесь, честные, прекрасные люди задыхаются въ норахъ Сибири и крѣпостныхъ подземельяхъ, истерзанные, изувѣченные! Вы ихъ клеймите названіями преступниковъ, а будущее окружитъ ихъ головы сіяніемъ, имена ихъ будутъ произноситься съ благоговѣніемъ; вашъ же часъ пробьетъ, имена ваши и вашего проклятаго помета будутъ произноситься съ омерзеніемъ и проклятіями! Самые страшные воры и разбойники, на которыхъ обрушивается вся тяжесть вашихъ безчеловѣческихъ законовъ — праведники въ сравненіи съ вами, извергами, сосущими жизнь изъ всего живаго! Страшно становится за васъ, когда ближе приглядишься къ тому порядку вещей, который васъ поддерживаетъ.

IV.

Гадкое, дикое время переживаетъ литература; всюду громко раздаются рабскіе голоса; мизерная робость, сдержанность сквозитъ всюду; всѣ мрачно толкуютъ о смутномъ времени, о томъ, что въ послѣднее время черезъ чуръ разлиберальничались, что пора, очень пора успокоиться: „пошалила малая дѣточка и довольно, надо почивать, а то устанешь и завтра головенка будетъ болѣть“; всюду начинаетъ пропрыскивать взглядикъ, что мы и такъ наслаждаемся безграничною свободою, и исканіе большей свободы — дерзкое, заносчивое вольнодумство; недовольство казенно-полицейской

свободой приведетъ къ анархіи; если существуетъ пакостное правительство, то оно имѣетъ разумныя основанія на существованіе; существуютъ жестокости, горячечный произволъ, нелѣпости, ужасающія несправедливости, то они имѣютъ на это плодородную почву; что необразованной массѣ дать широкое государственное устройство, это значитъ въ конецъ деморализпровать ее, только собачій ошейникъ и плеть могутъ спасти народъ и привести его къ полной свободѣ, а ужасы же рано или поздно сами собою неожиданно исчезнутъ. Они восклицаютъ: „Неспокойные, но въ то же время милые и любезные народы, ради всего святаго успокойтесь! Чѣмъ человѣкъ менѣе желаетъ пищи и свободы, чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ онъ подставляетъ свою шкуру для сдиранія своему папашѣ — императору, тѣмъ онъ счастливѣе; попробуйте идти другою, страшною дорогою и польются широкія рѣки крови, воздвигнутся безчисленные эшафоты, наступитъ глубоко огорчающее насъ царство террора; этотъ терроръ шагъ за шагомъ приведетъ васъ къ страшной гибели, легко можетъ быть, вы даже сдѣлаетесь отцеубійцами, т. е. оторвете какую нибудь ужасающею машиною голову монарху — отцу вашему, а послѣ головы всему его прекрасному, честному семейству. Только въ очень постепенныхъ, презентованныхъ высшимъ начальствомъ улучшеніяхъ и есть счастье; конечно, ваше развитіе будетъ продолжаться сотни тысячъ лѣтъ, но за то безъ малѣйшихъ волненій, а это чего нибудь да стоитъ!“

Жалкіе, забитые, забытые, несчастные люди! Несправедливость, преслѣдованіе въ васъ всего живаго, вѣчныя колодки на вашихъ ногахъ, обращеніе съ вами взрослыми, какъ съ утробными младенцами, вамъ сдѣлаютъ въ милліоны разъ болѣе вреда, чѣмъ все перевертывающія вверхъ дномъ революціи. Вспомните, что терпя все, что вы терпите, вы скоро и неизбѣжно прійдете къ роковой развязкѣ; роковые удары посыпятся на ваши головы тогда, когда ваши желанія будутъ поголовно задавлены, а не тогда, когда имъ данъ будетъ полный просторъ. Ребенокъ, ни разу не дохнувшій свѣжимъ воздухомъ, жадно начнетъ впивать его: ни вредъ, ни самая смерть не остановятъ сильнаго порыва; закованному въ цѣпяхъ, свобода кажется райскимъ сновидѣніемъ. Революціи, дышащія злодѣйствами, происходили въ то время, когда масса стряхивала съ своихъ плечъ невыносимыя лохмотья; сбрасываніе было такъ стремительно, что съ лохмотьями они отрывали отъ себя мясо съ кровью. Гдѣ существуютъ небесно-лазурные жандармы, легіоны шпіоновъ и безграмотныхъ доносчиковъ третьяго отдѣленія, сенаторы, инкви-

зиторы, кретины-попы, воры-чиновники, генералы-патріоты — во время войны, когда солдаты ѣли хлѣбъ съ червями, наживающіе себѣ милліоны — моськи благоговѣйно облизывающія царскія подметки, цари-воры и тираны, населяющіе Сибирь политическими преступниками и превращающіе для народа все государство въ Сибирь? Гдѣ все это расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ въ государствахъ свободныхъ или опочивающихъ подъ сѣнію монархизма? Наша представительная литература раскушиваетъ соловьиные язычки, упивается сладкимъ букетомъ нѣжныхъ винъ, любуется каплею росы на днѣ раскрытаго, благоуханнаго цвѣтка; вся кипучая общественная дѣятельность вертится на замысловатой, никому непонятной, исключая семействъ авторовъ, полемикѣ, да на рѣшеніи колоссальныхъ вопросовъ: „восторженный ли характеръ у героини Тургеневскаго романа „Наканунѣ," мраченъ и грандіозенъ ли характеръ у героя, похожъ ли на человѣка или на чорта Волоховъ—косматый герой „Обрыва," продуктъ косматой фантазіи господина бывшаго цензора и современнаго либерала — Гончарова; а если кто нибудь, нарушивъ литературныя приличія, начинаетъ заявлять неудовольствіе, о!... тогда начинаютъ щедро сыпаться сурово-обвинительные акты, доносы; къ нему дерзновенному патетически взываютъ: „Вы непослѣдовательны, молодой человѣкъ, вы черезъ чуръ многаго и сразу хотите, вы революціонеръ! вы кончите скоро... (подразумѣвается нѣчто поразительно мрачное) если у васъ есть умъ, развѣ не на что направить его? каждый день выходятъ романы чрезвычайно любопытные, захватывающіе до дна современность; копошущіеся въ цвѣточныхъ, медовыхъ чашечкахъ поэты-лирики, по прежнему, чирикаютъ о блѣдной лунѣ, розахъ, соловьяхъ, перелетныхъ ласточкахъ, мелкихъ пташечкахъ; они воспѣваютъ, съ прежнимъ вдохновеннымъ пыломъ, вспаханныя страданіями сердца, осенніе, весенніе, ночные и дневные переливы; по прежнему, сладострастно волнуясь, лепечутъ о ночныхъ, душныхъ, жгучихъ объятіяхъ, упоительныхъ, мятежныхъ персяхъ, ароматическихъ сѣдалищахъ; дубы, березы, ракиты, золотистыя нивы не перестаютъ призывать ихъ въ свое лоно и усыплять своимъ мелодическимъ шопотомъ. Психея, Афродита, Аполлонъ, Киприда, амуры и граціи столь же любезно, какъ и прежде, слезаютъ съ лучезарнаго Олимпа въ Щигры и Новухоперскъ, чтобы вызволить поэта, въ случаѣ отчаяннаго недостатка риѳмъ. Выходятъ кучами популярныя, естественныя сочиненія, гдѣ на каждой страницѣ изъ уваженія къ народной религіи, произносятся фразы: „Десница Творца," „цѣлесообразность," „разумное управленіе вселенной," „видны

пальцы, ногти и штаны творящаго Бога," „ступня Бога," „переходъ изъ небытья въ бытье и обратно: изъ бытья въ небытье." — Въ газетахъ печатаются сцены, происходящія въ квартирахъ мировыхъ судей весьма юмористическія; извѣстія о томъ, что въ провинціальныхъ школахъ, частенько попариваютъ розочками злонравныхъ малютокъ; узнаете, что провинціальныя школы не составляютъ пріятнаго исключенія: розочками исправно сѣкутъ и по щекамъ бьютъ и въ столицахъ, но между столичными экзекуторами и кормителями оплеухами, на недосягаемой высотѣ рѣзко высятся: Леонтьевъ и Катковъ—современные Гречъ и Булгаринъ, содержатели классическаго лицея. Пощечины они считаютъ острою, ароматическою приправою, sauce à l'anglaise къ классическому образованію, это глубоко классическое занятіе не смущаетъ ихъ древнеклассическихъ душъ; узнаете, что такой-то окружной судъ и земское собраніе зазнались и опрометчиво перешли предѣлы жандармской свободы, подаренной благолѣпнымъ монархомъ. Печатаются путешествія монарха съ такими цвѣтистыми, вылившимися со дна патріотической души замѣчаніями: „когда императоръ въѣхалъ въ городъ Кіевъ, солнце, упрямо скрывавшееся за тучами, вдругъ неожиданно вышло и съ наслажденіемъ озарило ликующій народъ, умиленно взирающій на своего монарха; жители Кіева были сильно обрадованы, замѣтя слѣды полноты на лицѣ императора-освободителя; на многихъ глазахъ виднѣлись слезы, какъ бы безмолвно молящія Творца о ниспосланіи всѣхъ благъ на главу его помазанника." Полнота на лицѣ освободителя была одутлость отъ жестокаго и продолжительнаго пьянства. Колоссальнымъ шрифтомъ публикуются поздравленія вѣрноподданныхъ съ тѣмъ, что, къ великой радости государства, отъ одного изъ заводчиковъ многоплодливой и безчисленной царской семьи, родилась тля, которой немедленно требуется отпустить, изъ уцѣлѣвшаго жизненнаго сока подданныхъ нѣсколько сотъ тысячъ ежегоднаго содержанія; передъ тѣмъ какъ свершить эту операцію, попы во всѣхъ церквахъ курятъ ѳиміамомъ и возсылаютъ къ щедрымъ небесамъ благодарственныя молебны. Печатаются благоутробные рескрипты, всемилостивѣйшія пожалованія и разнообразныя благоволѣнія; въ нѣкоторыхъ же газетахъ, какъ напр. въ „Голосѣ," свободный духъ выростаетъ до титаническихъ размѣровъ, фельетонистъ, скорчившись, какъ козявочка на булавочкѣ, заявляетъ, что дескать очень было бы желательно, чтобы увеличили свободу печатнаго слова для восхваленія дѣйствій правительственныхъ и для возможности посильнѣе выругать пишущихъ недозволенныя сочиненія, кощунственно направленныя про-

тивъ кроткаго и мирнаго либерализма монарха... если же вамъ этого мало, давайте поспоримте о Пушкинѣ."

V.

Если бы литература, вмѣсто того, чтобы услаждать себя и другихъ пикантными сладостями и утонченными ароматами, неотступно начала бы преслѣдовать правительство требованіями, которыя таились бы и въ серьезныхъ статьяхъ и романахъ, и въ невинныхъ комедіяхъ, и повѣстяхъ; если бы этотъ голосъ былъ постояненъ, неутомимъ, — то думаю, что правительство, не смотря на всю его бездонную глупость, узкость и подлый консерватизмъ, вынуждено было бы наконецъ понять тѣ мысли, которыя по своей простотѣ и ясности могутъ быть понятны новорожденному младенцу. Первое требованіе, самое невинное, должно состоять въ слѣдующемъ: пусть оно сложитъ безобразную, средневѣковую ферулу съ печатнаго слова. Неужели нужно доказывать, что смерть или по крайней мѣрѣ отставка драконовъ, стерегущихъ печатное слово, чудодѣйственнымъ образомъ подѣйствуетъ на рабскіе, занавоженные умишки? — что это единственное радикальное средство противъ ужасающихъ неправдъ, повсемѣстныхъ угнетѣній, бѣшеннаго, слѣпаго произвола, тайно ссылающаго на муки бѣдную молодежь? Скажите, что освободивъ крестьянъ отъ податнаго состоянія, государю и правительству остается освободить нашъ разумъ отъ податнаго состоянія, наши силы сгораютъ въ глухой, тайной борьбѣ; прижатіе нашей мысли неизмѣримо опаснѣе полной ея свободы; пусть не забудутъ вѣками добытую истину, что люди никогда не простятъ безчеловѣчныхъ издѣваній надъ собою; давя нашъ мозгъ, они добьются молчанія, но молчаніе это будетъ зловѣщее, оно перешло и будетъ переходить въ тайную пропаганду и тайныя общества; они сами заставляютъ глубоко ненавидѣть себя! Величайшія революціонерныя движенія вытекали изъ величайшаго подавленія человѣческихъ правъ. Развить и воспитать ребенка очень трудно, браться же воспитывать на свой ладъ 83 мил. массу людей — безумная дерзость!

Развитіе возможно только тогда, когда Россія будетъ предоставлена самой себѣ; окруженная инквизиторами и убогими старухами-няньками, она долго, очень долго не распра-

витъ своихъ мощныхъ членовъ; все хорошее будетъ внѣшнее, внутри же будетъ и вѣтхо и гнило. Америка, Англія, Швейцарія быстро развиваются, не смотря на всѣ промахи самоуправленія; сравните ихъ прогрессъ съ нашимъ черепашьимъ движеніемъ, и это слабое движеніе обнаружилось вслѣдствіе ослабленія тяжкихъ цѣпей, въ которыя было заковано громадное государство. Законамъ о печати мы обязаны тѣмъ, что большинство не умѣетъ послѣдовательно связать двухъ мыслей; всюду тупая недоговоренность, гнусная ложь; мы допустить себѣ не можемъ, что всякую мысль надо высказывать до конца, мы обрываемся въ началѣ пути и наивно вѣруемъ, что мы великіе либералы; всюду, что ни слово, то противорѣчіе; терзаютъ за самую наивную мысль, а сами валяются у ногъ Спасителя, который гремѣлъ анафемою противъ троновъ, собственности и умеръ въ ужасныхъ мукахъ за широкія, свободныя убѣжденія, за бѣдный угнетенный народъ. Развѣ было бы возможно, чтобы человѣкъ, у котораго есть атомъ незаросшаго плѣсенью человѣческаго мозга, могъ допустить, что мысль можно стѣснять? мысль, которая не должна надъ собою видѣть призрака стѣсненія! Изъ всѣхъ варварствъ, самое лютое — порабощеніе разума; развѣ не расплылись бы чудеса, сверхъестественныя глупости и всякаго рода бредни, если бы можно было на наготу разсказать въ чемъ дѣло? Нынѣче узнаютъ двое истину, черезъ годъ тысячи. „Зло свойственное запрещенію выражать мысль въ томъ и состоитъ, что этимъ обкрадываютъ человѣчество, будущія поколѣнія такъ же, какъ и настоящія, тѣхъ, которые не согласны съ мнѣніемъ болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые поддерживаютъ его. Если запрещенное мнѣніе справедливо, люди лишились возможности замѣнить ложь истиной, если оно несправедливо, они утратили (что всегда составляетъ великое благо) возможность яснѣе понять и живѣе прочувствовать истину, возможность, которую дало бы столкновеніе истины съ ложью.“ Всѣ революціонерные mauvais pas происходили отъ подавленія мысли; скованная мысль не могла выработать вполнѣ истинныхъ и безпристрастныхъ убѣжденій. Стѣсненіе нашего слова напоминаетъ шлемъ, который употребляла въ Венеціи священная инквизиція при допросахъ невинныхъ; онъ былъ полонъ гвоздей и завинчивался по волѣ палачей; усердные служители кроткаго христіанства, поборники всеобщей любви и терпимости, завинчивали его иногда такъ, что гвозди начинали раскалывать черепъ.

VI.

„Не ужасаютъ ли васъ порой эти рабскія фигуры, пресмыкающіяся у вашихъ ногъ съ подлостью героической, а что если они хитрятъ? Этотъ несносный кривляка такъ идіотски консервативный, такъ рабски покорный, не переодѣтый ли это Брутъ? Не снятся ли вамъ по ночамъ сны, предостерегающіе васъ противъ малѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ червяковъ, извивающихся у вашихъ ногъ днемъ?“

(Генрихъ Гейне)

Мы только тогда двинемся впередъ, когда пропоемъ похоронную пѣсню малѣйшему насилію и произволу, и, какъ ни плохи будутъ наши первыя начинанія—начинающій учиться, всегда начинаетъ съ ошибокъ — но онѣ во всякомъ случаѣ будутъ неизмѣримо лучше, чѣмъ благодѣтельныя учрежденія, вышедшія изъ подъ монаршаго, опекающаго надзора. Рано или поздно у правительства вырвутъ, одинъ за однимъ, неправильно присвоенные атрибуты; наше время у Бога отняло громы и другіе замысловатые фокусъ-покусы, но дожидаться этого времени, очень неблагоразумно: когда масса принимается за это занятіе сама, тутъ можно ожидать переходъ за предѣлы скромности и церемонности, тутъ сильно пахнетъ тою невинною, красною жидкостью, которая всегда разливалась морями, при разговорахъ кроткаго народа съ кроткимъ правительствомъ. Прошло то незабвенное для монарховъ время, гдѣ они, упившись до безумія собственною тиранією, говорили: „l'état c'est moi.“ Нашъ скептическій вѣкъ перетасовалъ шахматы, роли переменились: прежде была ничто масса, теперь — ничто цари. Царь и поддерживающее его правительство — форма, но форма воняющая могилой; теперь выдвинулись другія формы государственнаго строя и ихъ могучая сила подавила старую, отвратительную гниль; кумиръ сталъ простымъ деревяннымъ чурбаномъ, годнымъ на дрова. Умно то правительство, которое не дожидаетъ той свѣтлой минуты, когда его заживо зароютъ въ землю, которое во время

умѣетъ уловить моментъ, когда пора быстро отодвигаться и стушевываться, и это стушевываніе иногда очень и очень практично.

За нѣсколько лѣтъ до казни изящно-красивой Маріи Антуанеты и ея узколобаго супруга—Людовика XVI, народъ имъ кричалъ „виватъ"; они, какъ бабочки, весело порхали въ роскошныхъ версальскихъ садахъ, упиваясь запахомъ розъ, подъ шумъ фонтановъ и льстиво сладкихъ рѣчей, при обольстительномъ, мечтательномъ свѣтѣ луны. Но багрово-черная туча быстро ползла и заволокла мечтательный свѣтъ; сверкнули страшныя молніи, запылали поэтическіе замки, опустѣли разрушенные дворцы; а за нѣсколько минутъ все невинно порхало, бѣшенно рѣзвилось, безумно наслаждалось; немногіе — по общему мнѣнію безумцы — предугадывали грозу...

Только при заревѣ пылающихъ дворцовъ и замковъ, начали смутно догадываться въ чемъ дѣло...

Одесса.— 1868 г.

Процессъ Павленкова

(Напечатанный во второй книгѣ Писарева)

„Братья, пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный, ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой...
Мы стоимъ, не слыша зова
И ликуя звѣрски золъ
Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ."

I.

Многіе напряженно слѣдили за процессомъ Павленкова, съ нетерпѣніемъ ожидали выхода II части Писарева, задержанной этимъ процессомъ; наконецъ, она появилась съ напечатаннымъ въ ней удивительнѣйшимъ процессомъ: Павленкова; до выхода, многіе грустно спрашивали: „чѣмъ кончится лютое, дикое издѣваніе надъ несчастнымъ Павленковымъ? Неужели не побѣдятъ свѣжіе люди, разсыпанные по нашей длиннѣйшей и широчайшей Россіи?"

Судъ надъ Павленковымъ начинается рѣчью предсѣдателя, до того безсвязной и ничтожной, что о ней не стоитъ упоминать; за нимъ выступилъ господинъ прокуроръ Тизенгаузенъ; съ фельдфебельскимъ тупоуміемъ и безцеремоностью онъ начинаетъ тасовать статьи Писарева; ему велѣно ви-

дѣть, онъ желаетъ видѣть и наконецъ, онъ уже очень ясно видитъ въ статьѣ „Русскій Донкихотъ“ издѣваніе надъ народной религіей (народъ такъ усердно слѣдитъ за современной литературой!), а въ статьѣ „Бѣдная русская мысль,“— издѣваніе надъ Петромъ и монархическою властью; приводитъ дерзновенныя слова Писарева: „что если бы Шакловитый убилъ Петра, то этимъ особеннаго вреда не сдѣлалъ бы Россіи.“ Іезуитская софистика кончается тѣмъ, что во всемъ этомъ прокуроръ видитъ нарушеніе благопристойности; онъ считаетъ необходимымъ запретить эти статьи, а самаго Павленкова присудить къ штрафу; въ концѣ концовъ, онъ выговариваетъ слѣдующую, поучительную для юристовъ тираду: „Свобода печатнаго слова, какъ и всякая иная законно и разумно понимаемая свобода, должна прежде всего основываться на уваженіи свободы другихъ, на уваженіи чужаго мнѣнія, убѣжденія и вѣрованія (какъ бы они подлы, грязны и нелѣпы ни были), на твердомъ сознаніи лежащей на каждомъ обязанности не говорить и не дѣлать ничего, что могло оскорбить бы другого“; этими словами всѣ уста вѣрноподданныхъ запечатываются пятью казенными печатями. Слова прокурора не только оскорбляютъ мои чувства, но возбуждаютъ тошноту и самое невыносимое отвращеніе; слова Писарева тоже оскорбляютъ прокурора... Натанъ мудрый, Тизенгаузенъ! О разрѣши мнѣ жизни загадку!... Рѣчи этой позавидовалъ бы самый благовоспитанный католическій іезуитъ. Наивный сподвижникъ полицейской свободы! Вы не только не уважаете мнѣній Писарева, но вы такъ послѣдовательны, что его, редактора, присуждаете къ штрафамъ и арестамъ! Въ какое свѣтлое пространство испарились ваши взгляды о уваженіи чужихъ мнѣній, чужой свободы? Нѣтъ, царскій послушникъ! вы должны навсегда отказаться отъ разумной рѣчи; защищая то, что вы защищаете, логичнымъ быть нельзя, какъ не печально это, но вы внутри души сами сознаете, что это аксіома.

Что бы быть благопристойнымъ, нужно было бы провести ту правдивую мысль: что если бы Шакловитый убилъ Петра, тьма вѣтхозавѣтной ночи витала бы надъ Россіей и яркое солнце засвѣтило бы надъ нею только тогда, когда на престолъ усѣлся бы Николай I, — монархъ лучезарный и незабвенный!

Защитительная рѣчь Павленкова растираетъ прокурора-Тизенгаузена въ грязи; рѣчь его жива, согрѣта душевнымъ жаромъ и необычайною силою убѣжденія; она сверкаетъ, какъ молніями, сарказмами, но не смотря на всю горечь и соль, она нѣжна, какъ отвѣтъ г. прокурору.

II.

„Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ.“

Бѣдный Писаревъ! въ то время, когда черви, тихо ползая въ твоемъ мозгу, жрутъ его, надъ продуктами твоего мозга работаютъ другіе черви, гораздо прожорливѣе подземныхъ. Воришки честныхъ мыслей! вы чувствуете, что почва, казавшаяся крѣпкою, неожиданно поползла изъ подъ вашихъ ногъ; новое желѣзное племя вызвало васъ на смертельную борьбу, и въ концѣ концовъ вы будете непремѣнно побѣждены.

Статья Писарева оскорбляетъ благопристойность (мандаринское слово); неблагопристойно, проводя научную мысль, сказать, что Шакловитый, убивъ Петра, не погубилъ бы этимъ націи! Неблагопристойность заключается въ томъ, что Писаревъ потревожилъ полтораста лѣтъ уже сгнившаго монарха изъ дома Романовыхъ! прикосновеніе къ трупу Петра оскорбляетъ вѣрноподданническія чувства, чувства возвышенно благородныя, сладко камердинскія! Прокурорская свобода должна уважать чужія мнѣнія, вѣрованія (логика святыхъ пастырей). Было время, когда процвѣтала инквизиція, крѣпостное палачество, возставать противъ нихъ было очень неблагопристойно; развѣ застѣнки, шпіонство, замучиваніе молодыхъ людей за свободную мысль по крѣпостямъ и безобразныя, чудовищныя аномаліи не имѣютъ своихъ поклонниковъ, своихъ защитниковъ? Литература должна разсуждать „о благости провидѣнія, о слезѣ преподобнаго Елеозара, о скитахъ на аѳонскихъ горахъ, о монархахъ—кроткихъ блюстителяхъ тишины и великаго преуспѣванія подданныхъ, о соленыхъ огурцахъ, рыжикахъ въ сметанѣ, пирогахъ съ налимьими печенками,“ переходъ же за предѣлы широчайшихъ границъ есть дерзкое попираніе чужой свободы, кощунство надъ чужими вѣрованіями!

Прокуроръ говоритъ о свободѣ слова такъ, какъ будто съ его устъ это слово въ первый разъ вспорхнуло на нашей планетѣ; Америка, Англія, Швейцарія, Бельгія, допустивши свободное слово, забыли его оговорить эластическою благо-

пристойностью, они не догадывались, что въ этой области свершитъ великое открытіе г. Тизенгаузенъ. Теперь откройте намъ, г. прокуроръ! считаете ли вы нарушеніемъ благопристойности, нарушеніемъ чужой, разумно понимаемой свободы то, что государь и правительство преслѣдуютъ каторгами, цѣпями, тюрьмами, крѣпостями, штрафами и арестами всякую живую мысль, правдивое слово? или въ Россіи нѣтъ слова безъ двоякаго значенія? дикій сумасшедшій произволъ — благопристойность, намекъ на мысль человѣческую — нарушеніе благопристойности. Вскользь упоминается въ статьѣ, что Павленковъ является въ судъ изъ крѣпости, такъ вотъ куда приводитъ прокурорская благопристойность и разумно понимаемая, чужая свобода!..

III.

Отщелканный Павленковымъ и рѣшеніемъ судебной палаты въ пользу Павленкова, прокуроръ посылаетъ доносъ въ высшіе клозеты нашего государства; съ особенною, рабскою ядовитостью онъ ударяетъ на словахъ, что Писаревъ ни во что ставитъ убійство монарха, онъ намекаетъ на 4 Апрѣля — онъ знаетъ, какъ поддѣлаться къ высшей власти, онъ знаетъ ея ахиллесову пятку — все простятъ вамъ, даже посяганіе на царя небеснаго, но не простятъ вамъ тѣни прикосновенія ко дворцамъ, къ ворующимъ милліоны царямъ земнымъ, къ ореолу, носящемуся надъ ничтожной, пустой, пьяной головой.

Не дочитавъ процесса, я чувствовалъ, что честное рѣшеніе судебной палаты будетъ отвергнуто, „бѣдную русскую мысль“ не выдадутъ читающей публикѣ, никакая сила логики, сила здраваго смысла не уломаютъ произвола; аргусы зорко стерегутъ свое достояніе и — монарха. Бѣдныя головы! они хотятъ тушить искру, а сами раздуваютъ пожаръ! Мысль о Шакловитомъ проскользнула въ умѣ читателя, ее бы не замѣтили: будь Писаревъ идоломъ развитой, читающей публики, и тогда нѣтъ возможности запомнить каждое слово, а въ особенности такъ мало значущее! теперь же эти слова прогремѣли всюду, прокуроръ на всю Россію прокричалъ ихъ. Они хотѣли уничтожить Писарева, но вышло совсѣмъ другое, — они энергично хлопотали въ его пользу, черезъ нихъ эти статьи пріобрѣтутъ еще большую популярность; воръ —

плохой счетчикъ, они стараются схоронить „бѣдную русскую мысль“ и въ то же время печатаютъ во II части сочиненій Писарева процессъ Павленкова, который зловѣщимъ образомъ знакомитъ со статьею Писарева, и съ Тизенгаузеномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что репутція Тизенгаузена въ глазахъ лучшей, развитой публики будетъ твердо упрочена!...

Въ одномъ мѣстѣ процесса, страница 21-ая, Павленковъ говоритъ: „Писаревъ настойчиво утверждаетъ, что въ сущности правители, какъ отдѣльныя единицы, не могутъ принести народу ни вреда, ни пользы; то и другое будетъ слишкомъ скоро переходяще“; съ своей стороны онъ добавляетъ, что такъ можно смотрѣть съ громаднаго отдаленія. Онъ правъ, для этого нужно подняться на ту общую, философскую точку зрѣнія, гдѣ человѣкъ освобождается отъ всѣхъ земныхъ оковъ и вліяній и возвышается на столько, что разомъ обозрѣваетъ весь міръ; съ этой высоты можно увидѣть, что народы идутъ очень медленно, но съ неотразимою силою впередъ, завоевывая себѣ свободу и счастье; зигзаги, повороты назадъ съ этой страшной высоты не видны; кажется, что народы не копошатся въ крови и грязи, а стройно движутся впередъ. Смотря же на вещи ближе, мы невольно поражаемся тѣмъ зломъ, которое свершаютъ безпрепятственно единицы; сотня тысячъ солдатъ, въ конецъ деморализированная царемъ, вооруженная пушками, можетъ надолго задержать нормальное теченіе народной жизни; пушки и ружья могутъ въ раздробь тушить народныя вспышки; имѣя на заднемъ фонѣ пушку, единица можетъ ободрать до питки 80 милліонное царство для его же гибели. Много, страшно много вреда можетъ сдѣлать единица массамъ; Флеровскій очень правильно сказалъ: „самый лютый звѣрь можетъ сожрать только нѣсколькихъ слабыхъ животныхъ, тогда какъ Шахъ-Надиръ однимъ мановеніемъ бровей можетъ залить кровью цѣлыя богатыя провинціи, смѣшать съ пылью сотни тысячъ человѣческихъ жизней.“ Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ есть предѣлы, наступаютъ ужасные дни разсчета и тираны расплачиваются за свои грѣхи и грѣхи отцовъ. Мы не должны неглижировать единицами, самые злѣйшіе удары должны сыпаться на ихъ головы, иначе жизнь цѣлыхъ сильныхъ поколѣній будетъ заѣдена даромъ; вспомните нашего Николая Надировича I, шаха незабвеннаго.

Напечатанный процессъ Павленкова варомъ обваритъ нашихъ вседовольныхъ патріотиковъ - либеральчиковъ, они въ послѣднее время черезъ чуръ наивно любовались реформами правительства, нахально поповски кадили абсолютному монархизму; ошпаренные, они подожмутъ свои вымокшія крылья...

Эта статья была написана въ 1870 году, въ 1872 году свершились дѣянія, напоминающія Батыевы времена: нѣсколько сочиненій были сожжены, новая инквизиція, вызванная къ жизни Александромъ II, справляетъ ауто-да-фе. Филиппъ II Испанскій въ 1572 году жегъ еретиковъ и полупомѣшанныхъ старухъ, черезъ триста лѣтъ (какъ колоссальны шаги прогресса!), въ 1872 году Александръ II Россійскій жжетъ величественно-божественныя сочиненія Лассаля и грозитъ тою же роковою, мучительною смертью всѣмъ сочиненіямъ умныхъ людей. Да царствуетъ Александръ II и да царитъ литературное ауто-да-фе!

Но пусть не забудетъ Александръ II всесжигатель — существуетъ аксіома: что идеи въ огнѣ не горятъ; если бы императоры временъ реформаціи проникнись этою мыслью, милліоны человѣческихъ жизней были бы спасены, они наслаждались бы жизнью не въ дыму собственныхъ костровъ, а у себя по домамъ. Идеи сами — огонь, который ни мечъ не рубитъ, ни вода не гаситъ; идеи можно на время придавить, но уничтожить ихъ всепобѣдное распространеніе не удалось еще ни одному изъ монарховъ — величайшимъ искусникамъ по этой части. Волосные каналы, по которымъ расходится огонь идей, иногда во время гоненій становятся невидимыми даже для изощренныхъ ирокезскихъ очей милліоновъ жандармовъ, шпіоновъ и полицейскихъ; вспомните, какъ гонимое христіанство ушло подъ землю въ римскія катакомбы; чѣмъ невидимѣе горитъ этотъ огонь, тѣмъ страшнѣе и жгучѣе; это пламя чистаго водорода, пламя это такъ сильно, что въ немъ расплавится царская корона такъ же быстро, какъ въ обыкновенномъ огнѣ — олово.....

Одинъ въ полѣ не воинъ

(Романъ Шпильгагена)

„Одинъ въ полѣ не воинъ“—лучшій романъ Шпильгагена ни въ одномъ изъ своихъ романовъ онъ не подымается на ту высоту мысли, какъ въ своемъ героѣ Лео; горячая пропаганда свободныхъ идей дышетъ въ каждой строчкѣ этого романа; глубоко вѣрно очерченъ имъ безхарактерный, водянистый романтикъ-король, стадо придворныхъ аристократовъ, жизненныя силы которыхъ выливаются въ утонченныхъ интригахъ и которые разнообразятъ жизнь шампанскимъ, пивомъ среди бѣснующихся развратницъ. Онъ очень ловко сдернулъ маску съ нищихъ духомъ либеральчиковъ, которые умильно чирикаютъ свободныя фразы, никогда не договаривая ихъ до конца. Романъ необыкновенно богатъ частностями, но я не стану останавливаться на нихъ, я пожалѣю тебя, читатель: тебя и твоихъ предковъ жестоко мучила критика, глагольствуя безъ конца о художественныхъ красотахъ и дополняя все это громадными выписками; я не великій сердцевѣдецъ и никакъ не могу рѣшиться указывать на тончайшія противорѣчія въ характерахъ, которыми биткомъ набиты романы; всякій читающій измѣряетъ ихъ жизненную правдивость, руководствуясь своимъ личнымъ опытомъ и наблюденіями, а если кто не можетъ самостоятельно рѣшить этихъ вопросовъ, то жалѣть и кипятиться объ этомъ нечего: для такихъ личностей всѣ жидкія разглагольствованія имѣютъ значеніе ожесточенной стрѣльбы по воздуху. На десяткахъ страницъ всхлипывая, трепеща, изнывая, сгорая, выгорая, волнуясь, ослабѣвая, щедро сыпля восклицательными и вопросительными знаками, разсуждать о чрезвычайныхъ, непостижимыхъ, дивныхъ мѣстахъ романа, необыкновенныхъ выдержкахъ харак-

тера, драматическихъ положеніяхъ, неуловимыхъ, только сердцемъ и чутьемъ понимаемыхъ психическихъ тонкостяхъ—занятіе крайне безплодное и столько же утомительное для критика, какъ и для читателя. Романъ очень неудобная, продолговатая, сложная форма для высказыванія идей; дающихъ обиліе мыслей романовъ чрезвычайно мало, въ большинствѣ случаевъ они крадутъ много времени и сравнительно съ затратою времени даютъ мало. Ясно, что дѣло критика не повторять разъ уже прочитанныя мѣста, а освѣщать ихъ, выясняя ихъ вольную и невольную мысль, ихъ роковую связь съ жизнью; чѣмъ глубже захватываетъ романъ болѣзненное явленіе жизни, тѣмъ интереснѣе онъ становится для критика. Перечнемъ очень художественныхъ мѣстъ я не принесу пользы читателю, но я принесу ему пользу, когда, выйдя изъ рамокъ романа, продолжу и доведу до конца мысль автора; если подмѣчу всѣ притаившіяся въ глубинѣ романа черты, разъясняющія извѣстное, печальное жизненное явленіе. Назначеніе честнаго и умнаго писателя не обольщать насъ пѣніемъ и музыкою сферъ, а разоблачать передъ нами, срывая повязки, гнойныя язвы нашего больнаго вѣка; намъ нужна изнанка нашей мнимо цивилизованной жизни. Я очень часто встрѣчалъ людей, способныхъ глубоко оцѣнить художественныя красоты, и не смотря на все разнообразіе моихъ жизненныхъ встрѣчъ, я, къ сожалѣнію, встрѣтилъ черезъ чуръ мало послѣдовательно и безстрашно мыслящихъ людей.

Герой романа — Лео Гутманъ, сынъ больнаго, нервнаго, ничѣмъ недовольнаго деревенскаго учителя, въ ранней молодости былъ отданъ своимъ покровителемъ барономъ Тухгеймомъ на воспитаніе пастору Урбану; нечаянно онъ встрѣчается тамъ съ приходскимъ учителемъ, революціонеромъ — Туски; эта встрѣча направляетъ мощныя силы очень способнаго юноши къ великой цѣли; это былъ толчекъ, измѣнившій всю жизнь Лео. Туски воспитывалъ лихорадочно впечатлительнаго юношу въ тишинѣ мрачнаго, дремучаго лѣса, подъ гулъ водопадовъ, среди голыхъ, обожженныхъ солнцемъ пустынь, гдѣ каждый камень страшно говорилъ о томъ прошломъ, когда крестьяне съ ревомъ и дикимъ хохотомъ жгли замки феодаловъ и умирали героями въ борьбѣ за человѣческія права; онъ не щадилъ его натянутыхъ, какъ струны, нервовъ, и западали глубоко мысли въ мозгъ юноши; кровавые призраки жгли и терзали его въ безмолвіи безсонныхъ ночей. Пасторъ Урбанъ, его другой оффиціальный воспитатель, двуличный негодяй, холодный эгоистъ, воспитывалъ его въ очень затхлыхъ комнатахъ и внушалъ ему смрадныя мы-

сли; онъ вкрадчиво говорилъ: „Законъ господства сильнаго и умнаго надъ слабымъ и глупымъ предопредѣленъ свыше (замѣчательно человѣчное предопредѣленіе!) и будетъ поддерживаться всѣми надежнѣйшими и вѣрнѣйшими средствами, которыми располагаютъ мудрые люди всѣхъ временъ.“ Эта духовная пища слишкомъ припахивала теплою, еще несвернувшеюся человѣческою кровью, и Лео съ ужасомъ отвернулся отъ сладко-лепечущаго изверга и все горячѣе привязывался къ Тускѣ. Сестра барона Тухгейма, увидѣвши Туски, испуганно говоритъ: „это человѣкъ изъ камня“; она не ошибалась: у этого человѣка окаменѣвало сердце, когда онъ видѣлъ передъ собою аристократа, и это твердое, какъ гранитъ, сердце, не дрогнувшее при заревѣ возбужденныхъ имъ пожаровъ, таяло, какъ воскъ, отъ огня, соприкасаясь съ несчастнымъ народомъ! Лео прозрѣлъ подъ обаяніемъ его живой, страстной, любящей рѣчи; онъ иначе взглянулъ на окружающій его міръ. „Онъ повстрѣчалъ старика, задыхающагося подъ большою вязанкою дровъ; сквозь окна хижинъ онъ увидѣлъ внѣшнюю обстановку бѣдняковъ и все это была нищета, уродливая нищета. Здѣсь за прялкою онъ разглядѣлъ при свѣтѣ тусклаго огарка бѣдную вдову, которая прежде ему встрѣчалась въ церкви, а теперь морщинистыми руками тянущую изъ прядева нитку; тамъ многочисленное семейство, размѣстясь вокругъ стола, ѣло скудный ужинъ, состоящій изъ хлѣба и соли; въ третьей хижинѣ мужъ перебранивался съ женою, а двое полунагихъ дѣтенышей кричали изъ всей мочи при этой семейной неурядицѣ.“ Мучительно сжималось у Лео сердце, все глубже и глубже задумываясь, онъ шепталъ: „Вѣдь это тоже люди, а всѣ они не въ примѣръ несчастнѣе тебя, что же ты жалуешься на свою долю, развѣ ты одинъ рожденъ для нужды и страданья?“ Послѣ смерти отца онъ переходитъ жить къ дядѣ — Фрицу Гутману; пытливо и мрачно глядѣвшій мальчикъ не сходится съ товарищами; ростетъ онъ вмѣстѣ съ оригинальной, пылкой дѣвочкой — Сильвіей; они вѣчно ссорятся и не замѣчаютъ поразительнаго сходства своихъ характеровъ. Очень умная, огненная, красивая дѣвочка — Сильвія возбуждаетъ въ немъ скорѣе чувство ненависти, чѣмъ любви. Въ Тухгеймѣ вспыхиваютъ волненія, возбужденныя Тускою, начинаются пожары; Лео, замѣшанный въ эту исторію, принужденъ съ Туски бѣжать за границу; черезъ много лѣтъ онъ возвращается на родину мощнымъ бойцомъ за человѣческія права; онъ поднялся высоко надъ человѣческимъ муравейникомъ; онъ пріѣхалъ въ столицу съ жаждою плодотворной дѣятельности; онъ распрощался съ Туски и хочетъ реализи-

ровать свои радикальныя идеи на родимой почвѣ. Въ обществѣ у своего прежняго покровителя, барона Тухгейма, онъ встрѣчается съ взрослой Сильвіей, которая изнемогаетъ въ чадной атмосферѣ столичнаго, аристократическаго общества; ей рѣжутъ глаза мошки, кружащіяся въ солнечной пыли; ей надоѣдаютъ до рвоты однообразная общественная трескотня, заученныя, перетертыя, сладенькія фразишки, пикантныя манеры и каламбурцы, бездонная, всеобщая пустота и будничность интересовъ; среди этихъ несложныхъ маріонетокъ, заведенныхъ органчиковъ, она встрѣчаетъ Лео и поражается происшедшею въ немъ перемѣною; она чутьемъ слышитъ въ немъ изъ рамокъ вышедшаго человѣка; она жадно прислушивается къ его энергической, свободной, величавой рѣчи; начинаетъ слѣдить съ возрастающимъ вниманіемъ за его бѣшенной борьбой съ возставшимъ противъ него обществомъ и... начинаетъ горячо любить его и его идеи. Открытая борьба съ обществомъ и дворцомъ кончается тѣмъ, что Лео попадаетъ въ тюрьму. Сильвія, узнавъ объ его арестѣ, рѣшается на отчаянное средство: во дворцѣ живетъ ея родная тетка — Сара, любовница умершаго министра и воспитательница короля, которая убѣжала изъ родимой деревушки, порвавъ сношенія съ родными, и пустилась искать счастья въ столицѣ; счастье завело ее во дворецъ. Падая все глубже и глубже, она изъ воспитательницы короля дѣлается его сводницею; она раздобываетъ для него красивыя женскія тѣла, и это лакомое, нѣжное мясо спускаетъ по очень дорогой цѣнѣ. Сильвія, не подозрѣвая истины, идетъ къ теткѣ и застаетъ у ней короля; дряблый селадонишка король поддается на ея горячія просьбы объ освобожденіи Лео. Для любимаго человѣка и для осуществленія его великой идеи она жертвуетъ всѣмъ: она бросаетъ отца, живетъ въ омутѣ дворцовой жизни; черезъ нее Лео изъ тюрьмы попадаетъ во дворецъ; король, пораженный его страшной энергіей, умомъ, самоотверженнымъ служеніемъ идеѣ, поддается его вліянію. Лео начинаетъ быстро подыматься, онъ дѣлается другомъ короля; новый маркизъ Поза надѣется свершить радикальную реформу королевскою силою, но чѣмъ шире становятся планы, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя одинокимъ. Онъ начинаетъ вѣрить, что его единичной силы достаточно для борьбы съ громадною массою людей, благосостояніе и эпикурейская жизнь которыхъ поддерживается ветхимъ строемъ; онъ не слушаетъ мрачныхъ предостереженій Сильвіи и безтрепетно взираетъ на съ каждымъ часомъ все густѣющіе ряды его враговъ; сытая часть государства начинаетъ очень основательно въ немъ видѣть страшнаго противника и удесяте-

ряетъ и безъ того сложныя интриги. Этотъ скользкій путь ведетъ его къ страшнымъ жертвамъ; онъ непоколебимо идетъ къ осуществленію своей идеи, онъ дышетъ и живетъ ею, она заставляетъ его забыть о личныхъ чувствахъ, о сильныхъ потребностяхъ личнаго счастья, ему некогда мечтать объ немъ; онъ подавленъ громадностью замысловъ и говоритъ, что слово счастье выдумано дураками; онъ на яву и во снѣ мечтаетъ о томъ, чтобы воздвигнуть колоссальный храмъ и послѣ съ наслажденіемъ погибнуть. Запутываясь все болѣе и болѣе, онъ рѣшается отвернуться отъ безконечно любящей его Сильвіи и становится женихомъ ледяной глыбы—Жозефы, ничтожной аристократки, дочери приближеннаго короля, генерала Тухгейма, чтобы, породнившись съ чистокровными аристократами, сильнѣе окрѣпнуть въ своей позиціи и сдѣлать ихъ орудіями своей идеи. Сильвія съ ужасомъ видитъ, что ея пророкъ маретъ святую идею отвратительными средствами; она не можетъ ему простить неразборчивости средствъ, потому что видитъ зорче его всю безплодность этихъ усилій; она предчувствуетъ его неминуемое паденіе и ясно сознаетъ, что подъ нимъ уплываетъ почва; она не можетъ ему простить страшнаго лицемѣрія съ нею; за ея великія жертвы, за жизнь, растраченную для него, онъ отплатилъ ей тѣмъ, что даже не открылъ ей своихъ замысловъ; она глубоко вѣрила въ его нравственную чистоту и отвергла его, когда увидѣла его женихомъ мраморной куклы — Жозефы, мертвецомъ для нея и идеи; разбитая, уничтоженная, она идетъ къ покинутому ею отцу и находитъ его остывшій трупъ подъ бѣлою простынею. Несчастная, прекрасная дѣвушка, не испытавшая счастья взаимной любви, разбитая, съ угасшими надеждами, пустымъ, безразсвѣтнымъ будущимъ, рѣшается въ минуту безвыходности на самоубійство... черезъ нѣсколько часовъ ея трупъ вытаскиваетъ изъ воды Лео, вскорѣ и самъ онъ, кругомъ запутанный дворцовыми интригами, погибаетъ на дуэли.

Лео хотѣлъ съ помощью короля и окружающей его окаменѣлой рутины перевернуть весь общественный строй съ головы на ноги; онъ забылъ, что король, ставшій во главѣ его движенія, переставалъ быть королемъ, онъ становился по общественнымъ понятіямъ крамольникомъ, т. е. вождемъ народа. Король и вождь народный—два діаметрально противоположныя понятія, взаимно другъ друга парализирующія. Король на тронѣ мыслимъ до той минуты, пока онъ врагъ народа и ярый представитель ассоціаціи грабителей и кровожадныхъ варваровъ, которая считаетъ народъ, составляющій государство, пушечнымъ мясомъ; разъ король или царь

выйдутъ изъ этихъ тысячелѣтіями очерченныхъ рамокъ, его такъ же задушатъ, замучаютъ, какъ и всякаго агитатора, вышедшаго изъ народа. Глубокая ошибка Лео—что онъ началъ сверху, когда ему было нужно начать снизу; онъ съ желѣзной почвы перескочилъ на гнилую ниточку, протянутую въ воздухѣ и началъ бѣшенно балансировать на ней, и очень естественно сломалъ себѣ шею. Въ массахъ скрыты неисчерпаемыя залежи силы; величайшія реформы созрѣвали въ ея нѣдрахъ, а не чудесно творились королями. Всю свою чудовищную энергію Лео долженъ былъ затратить на разработку грубыхъ, самородныхъ, колоссальныхъ, народныхъ силъ; результаты этой работы незамѣтны только для очень близорукихъ, они тихо, незамѣтно зрѣютъ, и черезъ чуръ замѣтно разрѣшаются въ событіяхъ.

Лео, проникнувъ во дворецъ, затѣялъ страшную игру, онъ удвоивалъ, утроивалъ, несмѣтной горой навалилъ куши и слѣпо вѣруя, что цѣль окупитъ средства, поставилъ на карту свою честь. Тускн, революціонеръ до мозга костей, въ своей послѣдней съ нимъ встрѣчѣ, говоритъ ему: „сбрось съ себя чужую одежду, въ которую ты нарядился для того, чтобы, пробравшись въ лагерь нашихъ враговъ, всюду распространить убійства и опустошенія, покажи себя въ своемъ настоящемъ видѣ; люди подобные тебѣ выходятъ изъ заблужденій болѣе сильными, чѣмъ печальнѣе были заблужденія.“ Лео ринулся съ своей идеей во дворецъ и погибъ, запутанный его золотыми цѣпями. Существовалъ ли въ цѣломъ мірѣ дворецъ, начиная съ дворцовъ Фараоновъ, Калифовъ и кончая современнымъ дворцомъ, въ которомъ могла бы пустить корни широкая идея народнаго блага, за которую Лео готовъ былъ отдать по каплѣ свою кровь? Зачѣмъ онъ съ такою рѣшительностью окунулся въ этотъ омутъ грязи и разврата? Его засосала эта вязкая смрадная яма; онъ хотѣлъ построить пирамиду изъ грязи, онъ хотѣлъ свои святыя идеи провести въ жизнь, опираясь на кучи гнусныхъ сводницъ, мелкихъ, злыхъ интригановъ, воровъ, убійцъ изъ подъ угла, холоповъ и извивающихся гадинъ. Этотъ снаружи выполированный вертепъ уступалъ ему, сознавая свое безсиліе, шагъ за шагомъ; и съ каждымъ его шагомъ къ королю у хранителей трона росла и росла злоба; они притаившись во мракѣ, оттачивали свои зубы и когти, и какъ стая голодныхъ звѣрей щелкали зубами, дожидая добычи; жертва не устояла сбоку дряблаго романтика-короля, и они сожрали ее. Пусть мнѣ укажетъ исторія цѣлаго міра, за десять тысячъ лѣтъ, гдѣ тотъ фантастическій царь, который бы съ презрѣніемъ отшвырнулъ отъ себя, какъ хламъ мишурный, кровавые мил-

ліоны, выпытанные изъ народа? презрительно отпихнулъ ногою ползающихъ и лижущихъ его гадинъ? котораго бы нестерпимо тошнило отъ фиглярнаго лакейства и платоническаго раболѣпія? который не сгнанвалъ по крѣпостнымъ подваламъ честныхъ людей, а опираясь на нихъ, какъ на гранитную твердыню, до послѣдняго дыханія жизни боролся, не щадя жизненныхъ силъ, съ врагами всеобщаго блага? Пусть мнѣ укажетъ даже исторія легендъ на царя ангела-хранителя хижинъ, а не дворцовъ?... Сомнительная легенда говоритъ, что 1872 года назадъ былъ человѣкъ съ великими стремленіями ко всеобщему благу, но надпись гласящая, что онъ царь іудейскій, была прибита надъ его головою, когда самъ онъ въ терновомъ вѣнцѣ, пригвожденный ко кресту, умиралъ, истерзанный, оплеванный и осмѣянный.

Москва.— 1872 г.

Геркулесовскій подвигъ

РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

по части обузданія ста злонравныхъ русскихъ женщинъ въ г. Цюрихѣ

(Марта 1873 г.)

„Славься мудрый нашъ властитель
Славься царь освободитель!“

I.

Русскія студентки въ Цюрихѣ. — Приводимъ текстъ, напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ правительственнаго сообщенія, о коемъ вчера насъ извѣстилъ телеграфъ.

„Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились заграницу для слушанія лекцій въ Цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченно, но въ послѣдніе два года начало быстро возростать и въ настоящее время въ Цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства стали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія; одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонерной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи въ средѣ

русской молодежи обоего пола; образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ: „славянское, соціально-демократическое общество," „центральный, революціонерный, славянскій комитетъ," „славянская и русская секціи Интернаціональнаго общества" открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонерный характеръ: „Пугачевскій бунтъ," „французская революція 70 года,"— вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ даже такихъ, которыя не понимаютъ по немѣцки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе.

„Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искуственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

„Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда нибудь въ Россію, будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: „какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины"?

„Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительной русской молодежи; оно знаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

„Правительство всегда съ сочувствіемъ относилось къ потребностямъ высшаго образованія для женщинъ, являющимся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи, учрежденные, особые, педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университета въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской Медико-хирургической Академіи учрежденъ въ видѣ опыта на четыре года особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего въ настоящее время высочайше повелѣно представить проэктъ учрежденія высшихъ женскихъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ по мѣрѣ изысканія средствъ и въ другихъ университетскихъ городахъ.

Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускаютъ женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, ничего не имѣющими съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями, всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два, три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

„Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и Политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 74 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе.

„Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого либо означеннымъ ограниченіямъ.“

Съ боязливою осторожностью ботаника, который, найдя драгоцѣнное и рѣдкое растеніе, боится уронить съ него малѣйшую пылинку, которую онъ послѣ тщательно разсмотритъ въ микроскопъ, для обогащенія науки, я принимаюсь за разборъ дивныхъ строкъ, вынесенныхъ жирнымъ правительственнымъ мозгомъ; я боюсь упустить малѣйшую черточку въ рукописи, каждое слово которой будетъ сіять потомству кроткимъ блескомъ; но невыразимо странно, что эти величественно глубокомысленныя, грандіозно свободныя мысли напечатаны на скверной газетной бумагѣ; имъ гораздо болѣе шло быть начертанными на папирусѣ, пальмовыхъ листьяхъ, на Египетскихъ обелискахъ; отъ нихъ пахнетъ царскими муміями, несетъ тлѣномъ, сыростью еивскихъ катакомбъ. Прочитывая мудрыя строки, невольно уносишься воображеніемъ въ исторію легендъ, въ то богатое благими дѣяніями время, когда избивались египетскіе младенцы, распинались на крестахъ плѣнные.

Опекающее насъ правительство высказываетъ ту мысль,

что за послѣдніе два года число студентокъ въ цюрихскомъ университетѣ стало быстро увеличиваться; оно не хочетъ понять, что это явленіе—черезъ чуръ обыкновенное въ цѣломъ мірѣ; начиная съ газа, желѣзныхъ дорогъ и кончая общимъ образованіемъ, которыя вначалѣ распространялись съ страшною медленностью, всюду встрѣчая рутинный отпоръ, а послѣ съ непмовѣрною, наверстывающею быстротою. Испуганно все созерцая изъ своего мрачнаго далека, получая пусмы гнусныхъ сплетень отъ желающихъ блеснуть кипучею дѣятельностью шпіоновъ, правительство узрѣло въ жаждѣ знанія жажду революціонерныхъ бурь; тайныя агитаціи, коммунисты, красные революціонеры запестрѣли передъ его глазами, до головокруженія; монарху, спившемуся до чертиковъ, начали мерещиться пистолетныя дула, страшныя, тайныя общества; нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія распоряженія превратятъ грезы въ очень злую дѣйствительность. Съ милымъ, допотопнымъ невѣжествомъ оно говоритъ о томъ, что въ русской библіотекѣ въ Цюрихѣ читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонерный характеръ: „Пугачевскій бунтъ“ „Революція 70 года. „Русскому правительству много было бы пріятнѣе, если бы въ Цюрихѣ читались лекціи: о „Божественномъ царскомъ помазаніи,“ о „преподобномъ Фотіи,“ „Краеугольномъ камнѣ вѣры,“ „Слезѣ благоутробнаго Елеозара,“ о Иванѣ Сусанинѣ, Комиссаровѣ, о пустынно-жительскомъ житьѣ аѳонскаго монаха Сысой Псовича; если такъ, то правительству слѣдуетъ вычеркнуть изъ программъ всѣхъ учебныхъ заведеній русскую исторію и всеобщую исторію: какъ русская исторія обильна самозванцами, такъ и исторія Европы полна кровавыхъ и мирныхъ революцій, которыя по очереди или разомъ, съ небольшими затишьями, разыгривались и разыгриваются во всѣхъ государствахъ Европы; безъ этого паденія ветхихъ формъ и возниканія новыхъ немыслима Исторія. Можетъ быть русское правительство считаетъ, что исторія государства Россійскаго вся исчерпывается царствованіемъ Павла Петровича, Николая Павловича и пр., не много остается русскому монарху, чтобы превратиться въ полнаго византійскаго владыку!

Далѣе, русское правительство своимъ духовнымъ, ясновидящимъ окомъ прозрѣло такіе жизненные факты, которые подсмотрѣть простымъ, матеріальнымъ окомъ, не представляется никакой возможности; правительство ударилось въ спиритуализмъ.

„Другія увлекаются коммунистическими ученіями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ

нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ; недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ и презрѣнію честныхъ людей."

Отъ этихъ строкъ удивительно воняетъ Катковымъ и Леонтьевымъ. Вѣчно душа и угнетая свободу, вѣчно творя одну безобразную низость за другою, правительство еще никогда не становило себя въ такое позорное, шутовское положеніе, какъ въ этихъ обвиненіяхъ; трудно подавить желчный смѣхъ и лихорадочную злобу, принимаясь за разборъ этой возмутительной до рвоты ерунды. Откуда знаетъ эта жалкая свора кретиновъ, стоящихъ во главѣ нашего государства, что дѣвушки, увлекаясь коммунистическими идеями свободной любви, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ? Отчего „Правительственный Вѣстникъ" не выставилъ имена тѣхъ наемныхъ фискаловъ, которые тайкомъ, для избѣжанія побоевъ, шлялись по квартирамъ, подслушивая, вывѣдывая бабьи сплетни? Если забвеніе замысловатыхъ, основныхъ началъ нравственности и цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ свершается не публично, а тайно, по домамъ, то кто смѣетъ вопить въ газетахъ о предполагаемыхъ фактахъ, какъ о дѣйствительныхъ? Вся эта масса уродливо глупыхъ обвиненій обрушена на головы беззащитныхъ личностей; подлыя враки вполнѣ пользуются правомъ дикой, животной силы. Пусть правительство умудрится счесть публичные дома въ своихъ цѣломудренныхъ столицахъ, пусть полюбуется въ замочную скважину на закулисную сторону браковъ, благословленныхъ православною церковью; да кстати, не забудетъ попристальнѣе вглядѣться въ свою дворцовую нравственность, въ свое царственное цѣломудріе, и я заранѣе увѣряю высоконравственное русское правительство, что оно подъ кровомъ благочинія, тишины и обрядности увидитъ такія бездны низости, притворства, тайнаго скотскаго разврата, забвенія всѣхъ человѣческихъ правъ, такую массу свирѣпыхъ, холодныхъ убійствъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ, что у него долженъ будетъ отгнить языкъ, читающій мораль!

Покрытая сифилистическими, гноящимися язвами и гангренами, густо набѣленная и раскрашенная публичная тварь трещитъ напыщенными монологами о цѣломудріи, свирѣпо караетъ невинный порывъ молодости, это болѣе, чѣмъ возмутительное зрѣлище! Изъ какихъ благородныхъ и досто-

вѣрныхъ источниковъ правительство узнало о недовольствѣ мирныхъ гражданъ и квартирныхъ хозяекъ русскими студентками? Отчего правительство не обнародовало имена тѣхъ скромныхъ, но великихъ психіатровъ, которые такъ быстро постигли всѣ прелести квартирныхъ хозяекъ города Цюриха, что пришли къ умозаключенію, что недовольство ихъ можетъ служить обвиненіемъ противъ русскихъ женщинъ? Правительство усвоило замашку Каткова и Леонтьева, которые, обслюнявливая бѣшенною слюною, огаживая своимъ мерзкимъ прикосновеніемъ политическихъ эмигрантовъ и найдя все это недостаточнымъ, тотчасъ же обвиняли ихъ, что они не платятъ за квартиру долговъ и что ихъ отовсюду выгоняютъ; понятно, что такія рыцарски благородныя обвиненія въ газетахъ прикрываются инкогнитомъ; большею частью литераторы, занимающіеся этимъ ремесломъ, живутъ на казенный счетъ и на огромномъ разстояніи отъ обвиняемыхъ, по той весьма основательной причинѣ, что вблизи такихъ субъектовъ бьютъ хлыстомъ по физіономіямъ. Откуда узнало всевѣдующее правительство о томъ, что нѣкоторыя дѣвушки изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая занимается вытравливаніемъ зародыша? Развѣ цюрихскія студентки, предающіяся столь богопротивнымъ занятіямъ, предлагали свои услуги царскому, многоплодливому семейству? Если нѣтъ, то до какой бездонной подлости можетъ дойти наглая, газетная клевета, если ее выговариваютъ злые идіоты — всю жизнь грубою, неумѣлою рукой, безъ знанія, вытравляющіе зародыши свободы и образованія! Правительству не мѣшаетъ запретить химію: она изучаетъ яды; можетъ быть, студенты, занимаясь ею, выдумываютъ тотъ неуловимый для глазъ и грубаго изслѣдованія ядъ, отъ котораго въ одну прекрасную ночь, какъ клопы и тараканы, перемрутъ члены царской семьи и столбы правительственные. Правительство боится остановиться на вопросѣ: какое поколѣніе могутъ выростить такія женщины? Только одному русскому правительству трудно угадать, какое поколѣніе выростятъ образованныя, честныя, гуманныя и свободныя женщины; но еще легче видѣть, что возростили тѣ съ искони вѣковъ замученныя и задавленныя паріи, которыя умѣли только одѣваться и раздѣваться, жрать и рожать. У правительства не коснѣетъ языкъ произнести о томъ, что оно съ сочувствіемъ относилось къ высшему образованію; оно упоминаетъ о жалкихъ курсахъ въ Москвѣ, гдѣ чортъ знаетъ, какъ читаютъ, придерживаясь классическаго образца, нѣсколько предметовъ въ объемѣ средняго училища, заранѣе помѣченные для этого профессора; оно заявляетъ съ уморительнымъ тупоуміемъ,

что у насъ есть такія высшія школы, изъ которыхъ дѣвушки выходятъ акушерками; учебныя заведенія, сплюснутыя въ казенныхъ и поповскихъ лапахъ, со всѣхъ сторонъ огаженныя и общипанныя, оно противупоставляетъ цюрихскому университету, гдѣ наука и ея ученіе свободны безъ границъ, гдѣ рядомъ съ нею свободно вращаются въ средѣ молодежи широчайшія идеи, выработанныя передовымъ человѣчествомъ и гдѣ ими бываютъ недовольны только однѣ квартирныя хозяйки, думая, что идеи эти подрываютъ меблированныя комнаты. Вся эта чудовищная масса юродства, газетной клеветы заканчивается разбойническими словами:

„Правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя къ январю будущаго 74 года будутъ продолжать слушать лекціи въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе.“

Эти слова доблестно замыкаютъ все предъидущее; въ переводѣ они означаютъ: „намъ надоѣло утомительное, черепашье движеніе впередъ; мы находимъ, что гораздо веселѣе, практичнѣе и легче пятиться назадъ и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ пріятнѣе; мы надорвали нашъ чудный мозгъ, придумывая реформы такъ, чтобы въ концѣ съумѣть ихъ парализировать однимъ незначительнымъ, но поразительно сильнымъ: „но“ и проч. Мы дали микроскопическія права женщинѣ, надѣясь, что мы будемъ имѣть дѣло съ куаферскими вывѣсками, но къ великому нашему отеческому сожалѣнію, нѣкоторыя, неспокойныя, преждевременно и непозволительно развившіяся личности, жадно воспользовались краткимъ освобожденіемъ. Намъ хочется спать и видѣть только блаженныя, радужныя сновидѣнія; свобода, даваемая подданнымъ, возбуждаетъ безпокойные, гадкіе и даже страшные сны; дорожа сладостнымъ оцѣпенѣніемъ, мы поспѣшили тамъ, гдѣ есть еще наша сила, употребить всѣ зависящія отъ насъ мѣры; мы знаемъ, что цюрихскія студентки большей частью бѣдныя дѣвушки, которыя тяжкимъ трудомъ, накопивъ скудныя деньги, уѣзжаютъ трудиться въ иностранные университеты съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи быть полезными на родинѣ и для того, чтобы хотя нѣсколько обезпечить себѣ независимое положеніе; мы догадались, что отнятіе у нихъ насущнаго хлѣба и ожиданіе безконечныхъ преслѣдованій полиціи на ихъ прелестной родинѣ можетъ на нихъ слегка подѣйствовать. Тѣхъ, которыя, не понявъ задней мысли реформы, осмѣлились воспользоваться

образованіемъ, мы накажемъ тѣмъ, что многимъ изъ нихъ, перешедшимъ на третій и четвертый курсъ, прійдется вернуться назадъ или имѣть въ перспективѣ за умственный трудъ голодную смерть, а пожалуй и казематы; деньги ими такъ трудно накопленныя и безсонныя ночи труда пропадутъ даромъ. Этотъ холодный, варварскій грабежъ съ высоконравственной, государственной точки зрѣнія, необходимъ для обузданія ста непокорныхъ дѣвицъ. Чтобы выйти чистенькими изъ ретирадной ямы, мы оклеветали ихъ въ газетахъ передъ всѣмъ обществомъ; въ силу высокихъ основныхъ началъ нравственности, мы имѣемъ полное право оплевать и очернить нашихъ вѣрноподданныхъ и они не смѣютъ пикнуть въ свою защиту. Урокъ этотъ послужитъ намъ и имъ въ пользу; если мы впредь дадимъ какія нибудь права женщинѣ, то съумѣемъ это сдѣлать такъ искусно и остроумно, что ими онѣ ни на секунду не воспользуются."

И у самыхъ закоснѣлыхъ убійцъ есть своя философія.

II.

„Народъ
Есть почва добрая, въ ней скрыто много силы
Въ ней сѣмя истины безплодно не умретъ,
Лишь былъ бы сѣятель. Той силѣ нѣтъ могилы."
(*Кіая* Барбье.)

Намъ остается еще оцѣнить одну правительственную фразу, особенно заслуживающую объясненія: „политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе; сходки и борьба партій довершаютъ остальное и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь." Очень трудно честной молодежи увлекаться такой дѣйствительностью, какъ застѣнки, Петропавловская крѣпость, третье отдѣленіе, обираніе народа и необузданный произволъ! Очень и очень желали бы мы, чтобы русское правительство считало нашу пропаганду безплоднымъ, искусственнымъ волненіемъ; если бы это было такъ—мы безопасно оставались бы у себя на родинѣ, намъ не пришлось бы бѣжать за границу, для высказыванія задушевныхъ убѣжденій! Если пропаганда — стрѣльба по воздуху, то это невинное занятіе даже поощряется въ самыхъ злѣйшихъ, деспотическихъ государствахъ. Нѣтъ, Сибирь, полная затерзанныхъ

мучениковъ, Петропавловская крѣпость, набитая свободною молодежью, бѣшенныя неистовства полиціи по всей ширинѣ и длинѣ Россіи, въ преслѣдованіи всякой крошечной, либеральной идейки, іезуитскія, свѣтскія и духовныя цензуры, ауто-да-фе изъ книгъ Лассаля, громадное число эмигрантовъ говорятъ противное! Слѣпой ужасъ шаткости своего фальшиваго, искусственнаго положенія сквозитъ въ каждомъ вашемъ дѣйствіи, прячется за каждою вашею запретительною статьею; вы чувствуете, что ваши часы сочтены; вы не можете болѣе существовать безъ пѣшекъ — солдатъ, пушекъ и скроенной по вашему образцу полиціи; вы инстинктивно сознаете, что свободное ученіе рушитъ ваши самыя искуснѣйшія и крѣпчайшія заставы, что нѣтъ той силы, которая могла бы съ нимъ бороться, нѣтъ тѣхъ глазъ, которые могли бы уловить его распространеніе; истина, не смотря на всю необузданность вашихъ гоненій, съ всепобѣдною силою завоевываетъ пространство. Самые безпощадные ваши враги, подъ личиною смиренія и консерватизма, стоятъ около васъ, отъ нихъ вы скоро начнете задыхаться въ просторныхъ дворцахъ.

Наше ученіе не—ваше, вы не знакомы съ истиной, и никогда не поймете ея страстнаго, чарующаго обоянія. Замучивая втихомолку несчастныхъ, молодыхъ людей, вы не разъ встрѣчали героическую твердость убѣжденій, не разъ видѣли, какъ затерзанные, молодые люди предпочитали смерть, чудовыя кандалы, страшную каторгу измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ! Не разъ въ вашихъ грезахъ вамъ видѣлись блѣдныя лица, глядящія на васъ съ ужасомъ и презрѣніемъ! Недалеко то будущее, когда брошенное тайною пропагандою сѣмя отродится пышною жатвою; кипучая работа сильныхъ поколѣній не пропадаетъ даромъ. Если существуетъ въ мірѣ прогрессъ, вы неминуемо погибнете, а страшныя для васъ идеи восторжествуютъ. Цѣною неустанной пропаганды въ массахъ выработаются тѣ широкія понятія, которыя на вѣки подрѣжутъ ваше, несовмѣстимое съ здравымъ смысломъ, дикое, подлое существованіе. Наступитъ тотъ часъ, когда искусственное, безплодное волненіе станетъ для васъ страшною дѣйствительностью, и ужасный будетъ для васъ тотъ часъ!..

Практическіе и Непрактическіе люди

I.

... „Неужели боги, эти небесные англичане, равнодушно созерцаютъ это изъ своего лазурнаго шатра, или какъ мы ненавидимъ обезьяну за то, что она болѣе всѣхъ похожа на насъ и оскорбляетъ нашу гордость, такъ и боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію; поэтому, чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его боги всякаго рода невзгодами и наконецъ губятъ, тогда какъ маленькихъ скотоподобныхъ милосердно щадятъ..."

Названіе честный человѣкъ до нашего времени еще не утеряло относительнаго значенія, оно профанируется невымосимо часто; большія и малыя общества, разнокалиберные кружки варьируютъ на слово честь съ замысловатымъ, комическимъ разнообразіемъ. Не стану впадать въ нескончаемыя опредѣленія честнаго, свѣтскаго человѣка, честнаго купца, честнаго администратора, политическаго дѣятеля; кто гонится за веселенькимъ юморомъ, тотъ можетъ вдоволь наостриться, вдавшись для потѣхи публики — которая любитъ отъ души хохотать сама надъ собою—въ психологію каждаго изъ этихъ представителей корпорацій. Въ послѣднее время беллетристика силилась изобразить честнаго человѣка, но эта тема оказалась очень головоломною; при столкновеніяхъ героя съ

извѣстными жизненными явленіями, выплывала, приплюснутая свѣтскими и духовными цензурами, головка самого автора; честь, прихрамывая, спотыкаясь, въ концѣ концовъ превращалась въ безчестіе; авторъ начиналъ кроить ее, растягивать, урѣзывать и совершенно неожиданно проваливался на серединѣ романа. Жизнь послѣдняго времени стала богаче честными людьми; рядомъ съ безчисленною мелюзгою, она дала, скупая на такіе подарки, прекрасныхъ личностей; они разбросаны всюду по Европѣ — глухимъ деревенскимъ хлѣвамъ русскаго государства, а болѣе всего, нѣтъ сомнѣнія, въ Сибири; они рѣдки, они — соль земли; путь ихъ тернистый и мрачный, но сами они ярче солнечнаго сіянія. Они много страдаютъ въ жизни за тотъ ужасный недостатокъ, что они слишкомъ честны и хороши, а мы слишкомъ подлы и гадки; они напоминаютъ тотъ колоссальный образъ, о которомъ пророчествовали вдохновенные іудейскіе пророки, они писали: „воспрянетъ онъ какъ тростинка слабая, какъ отпрыскъ земли жаждущій; покрытый безчестіемъ, покинутый людьми, онъ станетъ для всѣхъ предметомъ отвращенія, будетъ поруганъ и униженъ, язвимъ онъ будетъ за грѣхи наши и за беззаконія наши и, не смотря на муки, онъ не отвернетъ устъ своихъ; какъ агнецъ онъ допуститъ вести себя на закланіе, могила его будетъ считаться могилою злодѣя, а смерть — смертью беззаконника.“ Предсказанія, что очень рѣдко бываетъ, сбылись: явился честный человѣкъ, но оплеванный, истерзанный, опозоренный, онъ истекъ кровью на крестѣ. Іисусы нашего времени умираютъ менѣе эфектно, болѣе конфиденціально; ихъ распинаютъ и высасываютъ изъ нихъ жизнь въ продолженіи долгихъ, очень долгихъ лѣтъ; они угасаютъ тихо, въ нихъ поддерживаютъ жизнь, какъ тлѣющій огонекъ поддерживали весталки, чтобы продлить ужасныя муки; ихъ святое, безконечное страданіе не многимъ извѣстно; они окружены не Евангелистами, благоговѣйно ловящими каждый звукъ ихъ, а тюремщиками и безсловесными палачами; исторія ихъ иногда долетаетъ до слуха публики; испуганно она прочитываетъ страшныя, кровавыя, скорбныя страницы и долго послѣ косится по сторонамъ, какъ будто за угломъ притаился убійца. Жизнь даетъ этимъ избранникамъ муки, а смерть—многимъ изъ нихъ—забвеніе, это потрясающій фактъ!... но черезъ это они намъ еще дороже. Постараюсь набросать слабый абрисъ этого типа: рожаются они по большей части очень сильными физически, чувствительность ихъ въ юношескомъ возрастѣ невѣроятная, воспріимчивость болѣзненная; жертвуютъ они собою на каждомъ шагу, безъ усилія, скромно, чуть незастѣнчиво; учатся

они плохо, подлое безобразничаніе надъ свѣжимъ мозгомъ, которое на языкѣ педагоговъ называется воспитаніемъ, для нихъ невыносимо, судить ихъ мы не можемъ: отвращеніе ихъ неизмѣримо сильнѣе нашего, слѣдовательно, побѣдить его въ столько же разъ труднѣе. Ихъ глубоко занимаетъ окружающая ихъ жизнь; блѣдные, они сидятъ задумавшись надъ ея дикими несообразностями, которыя скользятъ мимо насъ незамѣченныя; мозгъ ихъ тонко наблюдаетъ и жарко переработываетъ тѣ факты жизни, которые мы привыкли, въ наивности душевной, считать обыденными, для насъ они обыкновенны, для нихъ необыкновенны; отъ безустаннаго напряженія мозга, они заболѣваютъ нервными горячками и, нѣтъ сомнѣнія, часто умираютъ.

Различныя заведенія на пути подобныхъ личностей — подводные камни; не разбившись объ одно остріе, они распариваютъ себѣ грудь о другое; происходитъ этотъ фактъ отъ черезъ-чуръ неравномѣрнаго распредѣленія подлости: на долю однихъ ея выпало неизмѣримо много, на долю другихъ—почти ничего, столкновеніе это очень опасно для послѣднихъ. Многіе изъ нихъ погибаютъ, сгорая огнемъ безплоднымъ, но за то съ какою мощною силою развиваются они, попавъ на свою почву! Университетъ, честныя книги, случайныя встрѣчи даютъ направленіе ихъ колоссальнымъ силамъ; выступивъ на свѣтлый путь, они не сворачиваютъ съ него до послѣдняго дыханія жизни; они глубоко, мощно думаютъ и за ихъ трудъ имъ дается великое прозрѣніе, слѣпота исчезаетъ и они начинаютъ понимать до боли ясно все окружающее; они одолѣваютъ загадочное ученіе—умѣть отличать ложь отъ истины. Ложь, богатую противорѣчіями, они разыщутъ вездѣ, подъ царской и поповской мантіей, чиновничьимъ и военнымъ мундиромъ, подъ фракомъ; истина ихъ не похожа на ту вертлявую, надутую ложь, силящуюся казаться истиной, которую мы тискаемъ, безъ разбора, въ узенькія, крошечныя клѣточки съ безчисленными перегородочками, около которой мы кружимся, играя въ жмурки; ихъ взгляды, не смотря на необыкновенную простоту, престранно дѣйствуютъ на нашъ развитой мозгъ, они жгутъ, кусаютъ. Люди такого закала — „сердца изъ золота и стали,“ стоятъ одинокими, они ничего не хотятъ, ни славы, ни отличія, ни денегъ, ни могущества, имъ дороже жизни осуществленіе благихъ стремленій; осуществись онѣ, они безъ боли стушуются, надѣнутъ какія угодно вериги. Они отрицаютъ то, передъ чѣмъ большинство низко извивается, и въ то же время признаютъ то, что отрицаемо почти всѣми, они нѣжно, безъ натяжки, самоотверженно любятъ людей; не стоитъ и гово-

рить—такъ это ясно—что они блѣднѣютъ отъ ужаса и омерзенія при словѣ царь. Они презираютъ касты, не признаютъ собственности съ отвращеніемъ смотрятъ на карающій уголовный законъ, не признаютъ религіи поповъ и сверхъестественныхъ глупостей. Они не похожи на современныхъ христіанъ, но — на первыхъ христіанскихъ апостоловъ, слышавшихъ ученіе Іисуса изъ его собственныхъ устъ. Людямъ, которымъ спится покойно, живется весело въ свиномъ хлѣвѣ, для которыхъ нѣтъ ничего высокаго въ мірѣ, подобные люди покажутся утопистами, чуть не сумасшедшими; люди съ добрымъ сердцемъ и яснымъ умомъ отнесутся къ нимъ съ глубокимъ благоговѣніемъ: это наши святые; призрачны не они, но міръ, который считаетъ правду и справедливость призраками, а гнусную ложь—дѣйствительностью; сумасшедшіе не они, а тотъ притонъ воровъ, злодѣевъ и мошенниковъ, гдѣ они заклеймены сумасшедшими. Мелка и жалка та жизнь, среди которой они являются рѣдко; они идутъ на проломъ, не умѣютъ ни съузиться, ни умалиться; въ нихъ горитъ неугасимымъ огнемъ безграничная любовь ко всѣмъ людямъ; убѣжденія ихъ непоколебимы, потому что не лживы; эти крестоносцы борятся за свои принципы съ невѣдомою намъ, непонятною для насъ страстностью; смерть для нихъ—торжество; имъ нѣтъ дѣла, что ихъ мало, а зла слишкомъ много; нѣсколько часовъ великой, незапятнанной жизни дороже имъ сотенъ лѣтъ копошащагося въ цвѣточной пыли насѣкомаго; ихъ дѣятельность, не смотря на краткость, громадно благотворна. Фанатическая любовь къ истинѣ, страшное напряженіе нервныхъ силъ отъ ожиданія близкаго мученическаго вѣнца придаютъ имъ сказочное очарованіе; каждое ихъ слово глубоко волнуетъ душу; спящіе тревожно и навсегда просыпаются отъ ихъ прикосновенія; они вливаютъ огненную энергію въ упавшихъ духомъ и беззащитныхъ, возбуждаютъ мощныя надежды въ несчастныхъ. Что встрѣчаютъ эти вѣстники свѣта въ жизни и какъ кончаютъ они, это не безъизвѣстно малому ребенку. Я закончу мой первый типъ честнаго человѣка грустными, надгробными стихами, посвященными одному изъ нихъ:

„Природа мать! когда бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала бъ міру
Заглохла бъ нива жизни“...

II.

„Не плачь надъ ними мученица мать!
Но говори имъ съ молодости ранней—
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣе,
Прекраснѣе терноваго вѣнца...“

Есть и другой типъ честнаго человѣка, болѣе скромный, болѣе часто встрѣчающійся. Темпераменты этихъ людей спокойнѣе, въ ихъ крови менѣе остроты, зноя; они менѣе пропагандисты, у нихъ болѣе сдержанности. Университетъ, книги, случайныя встрѣчи пробуждаютъ въ нихъ великія природныя силы; жажда дѣлъ у нихъ громадная, но они умѣютъ выжидать, уступать; укорачиваніе прекрасныхъ порывовъ имъ достается не дешево, ихъ физическая природа истощается отъ натуги, даже въ молодости они становятся очень раздражительными и ядовитыми въ рѣчахъ; ложь жизни ихъ возмущаетъ до дна души, въ пониманіи ее они не уступаютъ первому типу; изъ всевозможныхъ дѣятельностей они выбираютъ только такую, гдѣ менѣе всего имъ приходится сталкиваться съ деспотическою властью; канцеляріи и военной службы, гдѣ требуютъ отъ человѣка, въ силу высочайшихъ, административныхъ капризовъ, чтобы онъ сдѣлался или воромъ, или убійцею, они не выносятъ; уступчивость ихъ такъ далеко не простирается; если они дѣлаютъ уступку, то только тогда, когда имѣютъ впереди выигрышъ дѣла. Всюду сталкиваясь съ людьми, они на все молодое, свѣжее имѣютъ огромное вліяніе; они невольно заражаютъ своимъ кипучимъ, возвышеннымъ жаромъ, умѣютъ натолкнуть на выходъ тѣхъ несчастныхъ, которые, чтобы вырваться изъ омута жизни, нуждаются въ толчкѣ. Они не способны унизиться ни передъ какою властью; посяганіе на ихъ личность, легкое какъ дуновеніе, тяжеле для нихъ свинцовыхъ горъ; они мужественны и безстрашны какъ древніе пророки — если имъ не удастся вѣчное зануздываніе себя — и они столкнутся въ застѣнкахъ третьяго отдѣленія, глазъ на глазъ съ палачами. Масштабъ для измѣренія всѣхъ жизненныхъ явленій у нихъ колоссальный; они не боятся истины, какою бы горечью она

ни отзывалась, какихъ бы жертвъ отъ человѣка ни требовала; они не выносятъ свѣтобоязненнаго либерализма, который скорючивается отъ палки полицейскаго; они съ жалостью смотрятъ на тѣхъ либеральчиковъ, которыми кишитъ жизнь и которыхъ развитіе мысли до конца приводитъ въ малодушное смущеніе: — у нихъ хватаетъ духа вызвать нагую истину, но когда она явится передъ ними въ терновомъ вѣнцѣ, окровавленная, они униженно молятъ о пощадѣ, трясь отъ ужаса. Поддѣть ихъ половинными мѣрами, крошечными реформишками, на которыя такъ радостно ловится большинство, невозможно; ихъ вѣчно жаждущую, радикальную натуру напоить нѣсколькими подслащенными каплями очень трудно; они умираютъ недовольные, какъ бы много въ жизни они ни свершили; нѣкоторыхъ изъ нихъ спасаетъ теплая вѣра въ близкое, свѣтлое грядущее, безъ этой вѣры они задыхаются въ гнѣвѣ и желчи, если предупредительное правительство не успѣетъ такъ комфортабельно устроить ихъ жизнь, чтобы они задохнулись въ казаметѣ или въ промерзлой щели на каторгѣ. Страдаютъ они много, кончаютъ плохо, если не успѣваютъ бѣжать изъ отечества или умереть въ молодости отъ коверканія организма, въ виду неуступчивости общему мнѣнію, а въ виду большаго блага. Такіе люди попадая на литературное поприще, бѣжавъ за границу, гдѣ свободное слово снимаетъ съ человѣка оковы, даетъ просторъ честнымъ думамъ, попадая въ эту ясную, крѣпкую атмосферу, они входятъ въ апогею своего могущества; каждое слово ихъ статей дышетъ внутреннимъ, сердечнымъ огнемъ, какъ цвѣтистой чешуей ядовитой змѣи, переливаетъ сарказмами; истину они высказываютъ безтрепетно, поразительно просто и ясно. Долго они не выживаютъ: лихорадочная дѣятельность, борьба за мысль, огромная воспріимчивость въ одинаковой степени прекраснаго и дурнаго сводятъ ихъ въ раннюю могилу; они сгораютъ отъ внутренняго огня, какъ горящій уголь въ чистомъ кислородѣ; слѣдъ ихъ въ литературѣ и жизни широкій и ясный; ихъ слова оставляютъ жало въ душѣ, они—неуловимы только для близорукихъ глазъ—расширяютъ умственный горизонтъ массъ, подталкиваютъ на горячую борьбу; подъ ихъ побѣдное знамя становится все молодое и сильное. Борьба за истину отъ увеличенія ея поклонниковъ становится успѣшнѣе, ряды густѣютъ и сплачиваются въ ту страшную, безграничную силу, которая ранѣе, чѣмъ ожидаютъ, завоюетъ дряблый, дрянной, грязный, на изнанку сшитый языческій міръ. Для недогадливыхъ читателей я долженъ сказать, что я выбралъ рѣзкихъ представителей въ каждомъ изъ этихъ очерковъ.

III.

Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу; если существующій порядокъ хорошъ, то есть удобенъ для всѣхъ, тогда практичность — великое достоинство; если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дрябльхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются обстоятельствамъ, „судьбѣ," или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи или бываютъ восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ золотая посредственность, люди мелко плавающіе, съ удивленіемъ и непріязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ.....

Вы хвалите то, что вамъ по плечу, а по плечу вамъ то, что кажется мизерно утопистамъ, то есть людямъ смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Если бы вы жили во времена Галилея, вы были бы въ числѣ его судей; въ наше—вы ограничитесь тѣмъ, что назовете С.-Симона сумасшедшимъ."

(Писаревъ)

Я закончу мою статью типомъ практическаго человѣка, какъ это слово понимаетъ общество; типомъ популярнымъ, всюду царящимъ; современный намъ міръ—ихъ міръ. Практическій человѣкъ—вседовольный, всеблаженный, вездѣсущій; онъ одаренъ тѣми же качествами, которыя приписаны Богу въ Филаретовскомъ катехизисѣ. Практическіе люди утопаютъ въ навозныхъ эмпиреяхъ; трудно перечесть ихъ щедро вознаграждаемыя добродѣтели: — уступчивость японца, распарывающаго себѣ брюхо по волѣ начальника, изумительная эластичность совѣсти и мягкая уживчивость со всякимъ временообразовавшимся взглядикомъ, платоническая любовь къ высшему начальству, безкорыстное и корыстное извиваніе передъ нимъ, мусульманское раболѣпіе передъ именемъ императора, подчиненіе всѣмъ условіямъ жизни, не глядя на условія, никогда не посягая на нихъ и проч., и проч. Они пользуются вполнѣ минутою, служатъ минутѣ и забываются

вполнѣ черезъ минуту. На нихъ, какъ манна небесная, сыплются: звѣзды, чины, кресты, временныя вознагражденія, пожизненные пенсіоны; эти ржавыя гайки въ надтреснутомъ государственномъ механизмѣ занимаютъ высшія общественныя мѣста. Они сами себѣ улыбаются, и имъ улыбаются жизнь и люди; имъ съ глубокою симпатіею жмутъ руки, имъ кланяются, ихъ благодарятъ; имъ въ ихъ собственныхъ святилищахъ подкуриваютъ дешевенькими ѳиміамчиками; имъ даже приписываютъ полезность; они чудные администраторы, ученые профессора, рѣдкіе хозяева-помѣщики, почтенные земскіе служители, дѣльные чиновники, благонамѣренные литераторы. Они душатъ, тѣснятъ, тормозятъ, каждый по мѣрѣ силъ и большею частью безсознательно; они даже любвеобильны, но только всѣ ихъ чувства цѣликомъ пзливаются на ихъ почтенныя семейства. Непрактическіе люди любятъ людей, практическіе—своихъ дѣтей; они пьютъ медъ, непрактическіе люди—отраву; защищаютъ они себя и современный имъ строй съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства, самодовольно и чрезвычайно своеобразно; взгляды ихъ отличаются гранитною неподвижностью и долговѣчностью: тысячи лѣтъ назадъ, слово въ слово такъ защищались ихъ практическіе предки; тысячи лѣтъ протекли для нихъ даромъ, не прибавивъ и не убавивъ ни одного доказательства, не изощривъ ихъ логики. Самыя выдающіяся слова и фразы ихъ доказательствъ: „историческая опытность,“ „мирное развитіе подданныхъ подъ сѣнію государства,“ „нужно дать привыкнуть,“ „сразу ничего нельзя,“ „одни вы ничего не сдѣлаете,“ „вспомните страшные историческіе примѣры,“ „все это прекрасныя утопіи,“ „терроръ,“ „свирѣпая чернь,“ „гибель изящныхъ искусствъ,“ „революція,“ „анархія,“ „порядокъ и благосостояніе,“ „развитіе промышленности.“ Потрудитесь развить эти краткія, отрывочныя фразы, обставьте ихъ красивыми словами и вы увидите, что это то бѣличье колесо, въ которомъ вертятся всѣ доказательства практическихъ людей, вся ихъ мудрая опытность.

Удивительнѣйшій фокусъ-покусъ, чудную игру природы представляетъ изъ себя практическій человѣкъ!

„...Боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію, поэтому чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его Боги всякаго рода невзгодами и наконецъ губятъ, тогда какъ маленькихъ, скотоподобныхъ милосердно щадятъ!...“

Замѣтка о Гоголѣ

Я не берусь разбирать Гоголя: Бѣлинскій такъ исчерпалъ его красоты, такъ глубоко вѣрно понялъ сущность его таланта, словомъ такъ разносторонне и много сказалъ о немъ, что мнѣ остается „боязненно умолкнуть"; но я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ люди съ умомъ и талантомъ часто впадаютъ въ такія неизмѣримыя пренсподни ограниченности и узкости, что невольно становишься въ тупикъ; я разберу нѣсколько страницъ изъ мертвыхъ душъ, полныхъ дикаго лиризма и бѣшеннаго патріотизма. Гоголь любуется страшнымъ просторомъ Россіи, грозно обхваченный могучимъ пространствомъ, онъ восклицаетъ: „Что пророчитъ необъятный просторъ, здѣсь ли въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца! здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройдтись ему!"

Все что такъ увлекаетъ Гоголя, въ силу логики, должно производить горкія, мрачныя мысли: ничего особенно свѣтлаго не пророчитъ незаселенный людьми просторъ; это показываетъ не силу государства, а его незрѣлость и слабость; это пророчитъ тугой, медленный прогрессъ; сила не въ пространствѣ, а въ людяхъ: Сахара необъятнѣе и шире Россіи, но ни одному самому ярому поэту не прійдетъ въ голову видѣть великій прогрессъ въ ея пустомъ и мертвомъ пространствѣ. Раздолье и ширь безъ конца были бы по душѣ Ерусланамъ Лазаревичамъ, да соловьямъ-разбойникамъ; для богатырей мысли не нужно отводить сотни тысячъ десятинъ необработанной земли, безъ людей.

Безпредѣльная мысль развертывается не въ киргизскихъ

степяхъ, льяносахъ и помпасахъ Америки, а въ тѣсныхъ пространствахъ, гдѣ душно сплотились люди; въ раздольныхъ степяхъ Россіи носится прозаически буйный, голосисто-заунывный вѣтеръ; колышетъ онъ не тучныя нивы, съ колосистымъ хлѣбомъ, а степной, сѣдой ковыль; ничто не веселитъ и не радуетъ взора. Гоголь увлекается тѣмъ, что по всей ширинѣ и длинѣ Россіи несется тоскливая, раздольная пѣсня; это не пѣсни, а заунывныя жалобы, стоны несчастнаго, замученнаго народа; такія пѣсни тѣснятъ грудь и ничего не пробуждаютъ свѣтлаго. Далѣе Гоголь въ сонамбулизмѣ вдохновенія бормочетъ безобразныя рѣчи: „Не такъ ли ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься, дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все остается и остается позади; остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель, не молнія ли это, сброшеная съ неба? что значитъ это наводящее ужасъ движенье и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣту коняхъ? Эхъ кони, кони, что за кони! вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ, чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху,—и мчится вся вдохновленная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторанивaются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.“

Этотъ диѳирамбъ прогрессу былъ пропѣтъ нашимъ талантливымъ писателемъ во время царствованія Николая I незабвеннаго!... Слова: „что значитъ это наводящее ужасъ движеніе?“ очень бы шло замѣнить — „что значитъ это наводящая ужасъ всероссійская, поголовная порка?“ Этимъ вопросомъ совершенно исчерпывался бы весь прогрессъ Николаевскаго царствованія.

Трудно повѣрить, что эта гомерическая ерунда, безтолковый, горячечный бредъ приводилъ въ восторгъ и приводитъ теперь многихъ неглупыхъ людей; онъ даже увлекъ своею красивою формою глубокаго и трезваго мыслителя — Бѣлинскаго. Николаевская Русь, полная Коробочекъ, во всѣхъ отношеніяхъ пріятныхъ дамъ, Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичей, Маниловыхъ, Пироговыхъ, Чичиковыхъ, квартальныхъ, казнящихъ на ногтѣ вшей, какъ необгонимая тройка несется; передъ этой идеальной Русью, вытянувшись въ струнку, безъ шапокъ, благовѣйно, какъ городовые передъ

губернаторомъ стоятъ остальныя государства. Русь съ ея крѣпостнымъ правомъ, чиновничествомъ, бѣшеннымъ абсолютизмомъ, лѣсами розокъ и палокъ несется съ дымомъ и пламенемъ черезъ пропасти, гремящіе мосты; оставшіяся назади государства испуганно лепечутъ: „не молнія ли это, сброшенная съ неба?“ а Русь, какъ заслышала съ вышины камаринскаго, еще буйнѣе и шибче понеслась. Гоголь, въ конецъ перепуганный, наконецъ рѣшается самъ спросить ее: „Да куда же ты, матушка, такъ разносишься?“ а она, одурѣвшая, какъ жеребенокъ въ первый разъ выпущенный на лугъ, на свободу, ничего не отвѣчаетъ, а несется и несется, задравши хвостъ. Америка и Англія, косясь, униженно сторонются отъ страшнаго урагана русскаго прогресса, который мчится такъ, что спицы въ колесѣ прогресса превратились въ свѣтлые круги и вѣтромъ становится разорванный въ куски воздухъ.

И что дико и странно, что такой нахально пьяный патріотизмъ проявился въ человѣкѣ, который, смѣясь сквозь слезы, вывелъ, съ „крѣпкою силою неумолимаго рѣзца,“ „всю потрясающую тину мелочей, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ,“ которыми кишала и кишитъ наша Русь. У русскихъ, даже у самыхъ умныхъ и талантливыхъ, очень рѣдко всѣ функціи мозга работаютъ въ стройномъ порядкѣ; самъ Гоголь эту мысль прекрасно выразилъ, сказавъ: „на Руси устроено такъ: иной Русскій въ Бога не вѣритъ, а вѣритъ въ то, что онъ умретъ, если у него зачешется переносица; въ медицину не вѣритъ, а лечится у бабы, которая лечитъ пришептываніями и приплевками.“ Та же дикая несообразность просвѣчиваетъ и въ самомъ Гоголѣ; рядомъ съ странницами, гдѣ онъ съ глубочайшею правдивостью рисуетъ жизнь пустую, дикую, грязную, безъ отпечатка прогресса и рядомъ та же отставшая Русь, какъ Илья Пророкъ, богатырски проносится на огненной колесницѣ мимо великихъ цивилизацій и несется за нею, не догоняя, разорванный въ куски воздухъ.

Замѣтка о Писаревѣ

Ни одинъ писатель, исключая Чернышевскаго, не провелъ такъ много широкихъ, сильныхъ, плодотворныхъ идей въ наше читающее общество, какъ Писаревъ; онъ умеръ очень рано, — нѣтъ сомнѣнія, что ему предстояла великая будущность; но трудно, почти невозможно вообразить, что, оставшись живымъ, онъ избѣжалъ бы роковой участи, не пощадившей у насъ ни одного честнаго писателя; его непремѣнно затиранило бы въ застѣнкахъ крѣпости или каторгѣ, въ самую цвѣтущую пору его дѣятельности, наше о благѣ вѣрноподданныхъ неусыпно пекущееся правительство.

Писаревъ горячо слѣдилъ за западною мыслью, онъ былъ превосходный общественный агентъ мысли; ни одно разумное произведеніе не ускользнуло отъ него ни въ нашей, ни въ иностранной литературѣ; свѣтлый мыслитель и рѣдкій популяризаторъ, онъ свѣжо, бойко, остроумно, понятно для ребенка передавалъ свою мысль; честному, широко свободному направленію онъ не измѣнилъ нигдѣ, а такою послѣдовательностью мысли отличались очень и очень немногіе изъ русскихъ писателей.

Съ непостижимымъ искусствомъ онъ проводилъ зловѣщія мысли, но заигрываніе съ дубоватой цензурой, неутомимое лавированіе средь очень опасныхъ цензурныхъ отмелей принесли ему много вреда; мысль его часто заговорена очень длинными отступленіями.

Огромная придирчивость ко всякому личному чувству, порыву, стараніе быть трезвымъ въ мысли отняли у Писарева много природной, кипучей страстности, свойственной

такимъ натурамъ; отъ этого его статьи не носятъ того потрясающаго характера, который носили статьи энциклопедистовъ XVIII вѣка и современныхъ писателей: Прудона, Луи Блана, Лассаля, Гейне, Бернѣ. Онъ не писалъ сокомъ своихъ нервовъ и кровью своего сердца, его слово не горитъ внутреннимъ огнемъ, въ немъ мало той страстной задушевности, которая придаетъ такое повальное очарованіе писателю; слова, выговоренныя такимъ образомъ, оставляютъ жало въ душѣ. Добролюбовъ, не смотря на менѣе сильное умственное развитіе, теплѣ и глубже подѣйствовалъ на современное ему общество; онъ былъ сосредоточеннѣе, горячѣе и симпатичнѣе Писарева; его идеи ему доставались еще тяжеле и выливались онѣ на бумагу, окрыленныя и обвѣянныя жизнью. Въ блестящемъ, остроумномъ смѣхѣ Писарева вы слышите умнаго забіяку мальчика, ради эфекта передъ товарищами отщелкивающаго дурака учителя; въ Добролюбовскомъ скорбномъ смѣхѣ — незримыя міру слезы.

Но странно, что Писаревъ съ особенною нѣжностью относится къ Базарову, это его enfant terrible; онъ останавливается на немъ съ любовью и очень часто безконечно варьируетъ на него, перескакиваетъ на него чрезвычайно неожиданно во многихъ статьяхъ; его любовь къ Базарову напоминаетъ любовь бабушки къ испорченному внучку. Кажущійся представитель молодаго поколѣнія, Базаровъ, отъ пятъ и до послѣдняго атома мозга натянутъ и неестественъ; Тургеневъ пыжился что-то изобразить въ немъ, напутствуемый въ своихъ психическихъ изысканіяхъ Катковымъ и Леонтьевымъ, но, къ сожалѣнію, ничего не изобразилъ; не справившись съ нимъ, онъ столкнулъ его ранѣе срока въ могилу—а могила очень молчалива—и именно въ то время, когда вы ждете, чтобы передъ вами выяснились способности и задача жизни героя. Молодой Базаровъ, односторонній реалистъ, долженъ былъ обнаружить свои способности въ осязаемыхъ фактахъ. Базаровъ, трезвый умъ и логика котораго очаровываютъ Писарева, соглашается стрѣляться изъ за глупости съ Павломъ Петровичемъ; поступокъ отзывается такимъ пошленькимъ романтизмомъ, что былъ бы по плечу коварнымъ героямъ Марлинскаго; гдѣ же тутъ реальное направленіе? Старый романтикъ вызываетъ его на дуэль; человѣкъ, цѣнящій жизнь, которую онъ можетъ посвятить на пользу людямъ, разсудилъ бы, что назначеніе человѣка не стрѣляться съ героями Февалей и Сю изъ за каждаго неосторожнаго звука, а работать мощно головою и руками, что дуэль — кровожадный вандализмъ, уцѣлѣвшій въ средѣ армейскихъ прапорщиковъ и конногвардейцевъ, но имъ это

простительно: ихъ жизнь по содержанію равна сну блохи и потеря одного изъ нихъ не составляетъ ровно никакой потери для общества, и, наконецъ, эти юные царскіе стражи ничего не ждутъ отъ жизни, за исключеніемъ кровавыхъ ростбифовъ и безкровныхъ камелій. Базаровъ серьезно разыгрываетъ эту драматическую пошлость; онъ стрѣляетъ въ человѣка, и послѣ, въ силу великой логики, подаетъ ему помощь; странно, что эта всеотрицающая мумія необыкновенно пошло самолюбива, отчего отрицаніе не коснулось этого завѣтнаго и темнаго уголка его мозга? Послѣ вызова на дуэль ему не мѣшало бы улизнуть, вѣдь жизнь дороже предразсудка, что стыдно бѣжать отъ одержимаго бѣлой горячкой, который, чтобы избавиться отъ васъ, готовъ убить васъ; отъ такого Браво*) и рыцарь убѣжалъ бы. Отсутствіе всякаго молодаго увлеченія отталкиваетъ отъ него Одинцову, которая невольно задаетъ себѣ вопросъ: что будетъ дѣлать она съ этою живою, отлично устроенною машиною, съ засушеннымъ гербаріемъ? Базаровъ кладетъ безцеремонное табо на чудную природу, музыку, поэзію; все стоящее внѣ чрезвычайной полезности безпощадно имъ отринуто; такое повальное отрицаніе отзывается старческимъ чиновничье-дѣловымъ тупоуміемъ. Если бы Базаровъ разсчитывалъ за сухую, научную, отшельническую жизнь насладиться въ небесномъ царствѣ безграничнымъ блаженствомъ, я бы извинилъ ему такой умственный аскетизмъ; но такъ какъ онъ глубоко вѣритъ, что изъ него лопухъ выростетъ, то это кажется удивительно страннымъ. Въ силу физіологіи и гигіены необходимо разнообразіе жизни, необходимъ отдыхъ и свѣтлыя, потрясающія минуты; наслажденіе природою, музыкою, ароматомъ цвѣтовъ, поэтическою книгою, живой бесѣдою, пѣніемъ соловья, душистою, теплою, майскою ночью, такія удовольствія наполняютъ теплотою и жизнью вашъ засыхающій организмъ; посвящая имъ часы вашего отдыха, вы ни у кого ничего не отымаете, не заѣдаете чужой жизни, не разрушаете чужаго счастья. Человѣкъ рядомъ съ работой мысли долженъ ловить въ жизни тѣ счастливыя минуты, которыя онъ можетъ поймать, окруженный извѣстною жизнью; добровольно отказаться отъ всего этого — обратиться въ босоногаго капуцина науки.

Въ Базаровѣ мы не видимъ ни открывателя новыхъ научныхъ истинъ, ни человѣка страстно преданнаго идеѣ всеобщаго блага, ни даже особенно полезнаго дѣятеля; онъ

*) Наемный убійца въ Венеціи во времена республики.

рѣзко отдѣляется отъ всего его окружающаго, но это невеликая заслуга—въ низкой комнатѣ и среди карликовъ средняго роста человѣкъ покажется гигантомъ; онъ копошится, заброшенный въ жалкую среду, въ ней онъ и умираетъ; умираетъ онъ твердо и спокойно, но способность твердо и спокойно умирать не объясняетъ ничего: твердо иногда умираютъ генералы, а больше всего солдаты; геройская смерть намъ не въ диковинку и въ старомъ поколѣніи. Но многіе могутъ сказать, что онъ трудился и что этого довольно, чтобы его уважать; его можно и должно уважать, но позироваться передъ нимъ, трещать монологами, приводя его какъ лучшаго представителя сильнаго, молодаго поколѣнія—занятіе отнюдь не реальное.

Писаревъ очень часто Базарова противопоставляетъ Рудину; увлекаясь Базаровымъ, онъ критически относится къ Рудину; Рудинъ возбуждаетъ глубокое участіе. У Тургенева есть дикое противорѣчіе: онъ выдаетъ его человѣкомъ, любящимъ головою, а не сердцемъ; онъ у него робѣетъ отъ столкновенія съ дѣйствительностью—передъ пылкою, рѣшительною Натальею, передъ ея женихомъ; бросается на дѣятельность и тотчасъ же отшатывается отъ нея, и тотъ же человѣкъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ на парижскихъ барикадахъ! Плохо вяжется его жизнь съ этимъ необыкновеннымъ концомъ.

Смерть за святыню убѣжденій—великій пробный камень; она показываетъ, что Рудинъ сросся съ высокимъ призваніемъ пророка мученика; тутъ виденъ не робкій, отшатывающійся передъ крошечными препятствіями человѣкъ, а великій, энергическій дѣятель, умирающій за непримѣнимыя у себя дома убѣжденія; фразеры оканчиваютъ свою нулевую жизнь въ душныхъ деревенскихъ вертепикахъ, на теплыхъ перинахъ; тѣ, проповѣдуя свободныя убѣжденія, пресмыкаются, отрощая себѣ животы и откладывая массы жира въ мозгъ; у тѣхъ разладъ слова и жизни поразительный, тѣ не увлекаютъ своимъ краснорѣчіемъ. Поддѣлаться подъ искренность и задушевность очень трудно; вы можете легко передразнить голосъ великаго актера, но могущественное обаяніе его игры, его силы душевной вы не передразните.

Рудинъ производитъ потрясающее впечатлѣніе своею фразою; если это такъ, то безплодное значеніе фразы теряется, она становится дѣломъ, и это вѣрный признакъ, что онъ глубоко вѣрилъ въ то, что говорилъ, и слово его не звукъ пустой, а мощная сила, которая преобразилась бы въ великія дѣла при иначе сложившейся жизни; это не Тенетниковъ, прозябающій въ омутѣ деревенскомъ, замышляющій со-

чиненіе о Россіи, которое должно охватить ее со всѣхъ сторонъ, и кончающій грызеніемъ пера и усиленнымъ апетитомъ — увалень Обломовъ съ пошленькими стремленьицами и водевильнымъ концомъ жизни.... Смерть Рудина дѣлаетъ его фразерство страшно полновѣснымъ; онъ передѣлался на послѣдней страницѣ романа въ титана, который

„Смертью своей показалъ,
Что въ немъ сердце не робкое билось,
Что умѣлъ онъ любить.“

Рудинъ — эгоистъ въ благородномъ смыслѣ этого слова; онъ цѣнитъ свои мощныя, душевныя силы, онъ уважаетъ въ себѣ человѣка; не выносилъ онъ мелкой службы рядомъ съ ничтожными, безличными, будничными тварями, потому что глубоко сознавалъ, что онъ годенъ на великую и плодотворную дѣятельность, что онъ родился нѣсколькими столѣтіями ранѣе; ему жаль своихъ силъ, онъ страдательно мечется отъ одной мелочи жизни къ другой и очень естественно не удовлетворяется ни одною изъ нихъ... Навѣрное, ни Писаревъ, ни Добролюбовъ съ ихъ силами не удовлетворились бы дѣятельностью честнаго и благонамѣреннаго квартальнаго, добраго пѣхотнаго маіора, трудолюбиваго учителя провинціальной гимназіи. Добролюбовъ и Писаревъ часто съ желчнымъ состраданіемъ относились къ тѣмъ призрачнымъ субъектамъ, которые съ дѣтства до самаго гроба, опустивши покорно несчастныя головы, идутъ по указочкѣ гнуснаго формализма, жизнь которыхъ жиденько и умѣренно тянется, сжатая и руководимая чужими, неумѣлыми руками; такіе, воняющіе гнилью, автоматики, отличающіеся по службѣ, вслѣдствіе глубочайшаго отсутствія всякаго личнаго убѣжденія и необычайной эластичности позвоночнаго столба, готовы по приказанію начальства украсть и пожертвовать, спасти и изрѣзать въ куски человѣка, дать ему пищу и сожрать его, дѣйствуя чисто механически; они уживаются при всякой жизненной обстановкѣ и напоминаютъ собою тѣхъ красныхъ инфузорій, находимыхъ на снѣжныхъ вершинахъ, которыя выживаютъ тамъ, гдѣ замираетъ всякая жизнь. Неужели эти волки въ овечьихъ шкурахъ, приносящіе мнимую пользу и дѣйствительный, страшный вредъ, могутъ служить примѣромъ для Рудина? Вспомните, что Рудины явились въ Николаевское царствованіе, гдѣ для честнаго человѣка заперты были семью печатями всѣ дѣятельности, всѣ выходы; честному гражданину предоставлялось на выборъ или самому пороть или ложиться подъ розги...

Рудины въ такія славныя, свободныя времена, вынося страшные, незаслуженные удары судьбы, должны были скитаться, всюду проповѣдуя свои мысли, выливаться въ скорбныхъ словахъ.

Многіе могутъ сказать: „отчего онъ не въ Россіи погибъ за свои широкіе принципы?“ Но такія требованія, не смотря на то, что они раздаются даже и теперь, всегда останутся великою, жалкою глупостью; карлики всегда злобно завидуютъ исполинамъ. Неужели нужно тратить слова, доказывая, что выступи онъ открыто, то при первомъ образованіи звука на кончикѣ языка его живымъ бы съѣла полиція, а Николай Незабвенный подписалъ бы: „быть по сему.“ Вспомните общество Петрашевскаго... Онъ былъ бы наивнѣе бабочки, кружащейся надъ огнемъ...

Дѣятельность Рудина тождественна дѣятельности Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева; ни Добролюбовъ, ни Писаревъ нигдѣ не служили; вся ихъ жизнь прошла въ пропагандѣ свѣтлыхъ убѣжденій, въ горячемъ и неутомимомъ преслѣдованіи зла, и это великое дѣло дѣлалось не съ помощью мышцъ, а съ помощью Рудинскаго слова. Рудинъ имѣетъ громадное значеніе: всюду, куда ни забрасывала его скитальческая жизнь, онъ огненнымъ словомъ пробуждалъ спящихъ, онъ воскрешалъ начинающихъ тлѣномъ пахнуть деревенскихъ лазарей; его слово пробуждаетъ въ Натальи ея дремлющія, богатыя силы, онъ даетъ толчекъ Батистову; такіе люди, какъ онъ, избранные; они вливаютъ въ массы живыя силы, свѣжіе соки; они — зоря, предвѣщающая яркій день; черезъ нихъ переходятъ въ сознаніе общества истины; они явленіе законное, появленіе ихъ кроется въ самомъ сердцѣ Россіи; это свѣтлые ключи, бьющіе въ глубинѣ земли и рвущіеся наружу; изъ этихъ невидимыхъ, бурно шумящихъ источниковъ сливаются громадныя, многоводныя, могучія рѣки, несущіяся въ моря. Трудно, страшно трудно сказать, какая дѣятельность изъ всѣхъ дѣятельностей полезнѣе всего для обширнаго, разсѣяннаго государства. Молчащіе Базаровы на мѣстѣ въ абсолютно свободномъ государствѣ; у насъ же необходимы будутъ Рудины даже тогда, когда спадутъ каторжные кандалы съ печатнаго слова; они внесутъ свѣтъ туда, куда оно никогда не проникнетъ; они помогутъ тѣмъ, для которыхъ мало печатнаго слова, которые жаждутъ живаго человѣка съ потрясающимъ словомъ. Рудины сѣютъ сѣмя, изъ котораго тихо, невидимо для глазъ, выростаетъ тотъ питательный, дающій здоровье и силы плодъ, которымъ должны питаться массы; оцѣнить, взвѣсить эту неосязаемую работу труднѣе, чѣмъ физическую. Если Рудинъ фразеръ, то, идя

послѣдовательно, придешь къ тому грустному выводу, что Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ—фразеры; придется растоптать всѣ великія литературныя имена, всѣхъ, безъ исключенія, титановъ слова. Іисусъ является жалкимъ фразеромъ; онъ не занималъ никакой должности, не шилъ обуви, не работалъ поденщикомъ, не обработывалъ земли; онъ всю жизнь проповѣдывалъ высокія мысли, на площадяхъ онъ говорилъ только слова и слова, погибъ онъ тоже со знаменемъ духовной свободы на іерусалимскихъ барикадахъ.

Добролюбовъ

„Вѣчный врагъ всего живаго,
Тупоуменъ, дикъ и золъ,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчетъ произволъ.

***

И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба.
. . . . . .
. . . . . .

***

Жаждой правды изнывая,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла,
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла...“

I.

Въ нашей литературѣ не много бойцевъ сильныхъ, непоколебимыхъ, умершихъ въ бою; крупно и рѣзко изъ всей массы писателей, критически относящихся ко всему пошлому и злому, выдѣляются личности: Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева; есть еще имена, которые рѣзче и оконченнѣе проводили свои идеи, но эти люди находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ для своихъ идей; они были окружены другою свѣтлою атмосферою, да и другими средствами для своихъ грозныхъ обличеній. Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ были поставлены въ не совсѣмъ благопріятную обстановку для своей дѣятельности;

трудно полною грудью дышать въ собачьей пещерѣ—современной имъ и намъ жизни. Жизнь всегда кишала и кишитъ ничтожными, жиденькими на расправу людишками, которые думаютъ, но, къ сожалѣнію, никогда не додумываютъ; не будь молодаго поколѣнія, съ жадностью воспринимающаго всякую идею, полную новизны, честности и борьбы со зломъ, не будь этой выкупающей стороны, никакихъ бы силъ не хватило, плечи Атланта не вынесли бы этого страшно тяжелаго міра ничтожества, несочувствія, злобы и пустоты. Девизъ всей огненной, безпощадной, неустанной дѣятельности Бѣлинскаго — слова спартанской матери къ сыну, надѣвая щитъ, она говорила: „или съ нимъ, или на немъ"; какъ ни грустно, а дѣятельность Бѣлинскаго кончилась не торжествующимъ возвращеніемъ назадъ, „не съ нимъ, а на немъ." Добролюбовъ, защищаясь до послѣднихъ силъ, со всѣмъ отчаяніемъ храбрости, палъ покрытый щитомъ. Оба гладіатора мысли сошли съ своей арены въ пустую могилу, изнеможенные, усталые, съ болѣзненно сжатою грудью и не въ старости, а въ годахъ, когда мысль еще глубже зрѣетъ въ сердечной глубинѣ и человѣкъ еще горячѣе сростается съ своимъ мученическимъ призваніемъ. Стальной мозгъ и стальныя нервы не вынесли бы постояннаго напряженія, безостановочной, мелкой борьбы, милліоновъ острыхъ, отравленныхъ булавокъ, которыя тихо, чуть слышно вползали въ живое мясо. Трагическою простотою звучатъ слова Добролюбова:

„Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебя благословляю,
Шествуй тою же стезею."

Эта лебединая пѣсня дышетъ скорбною простотою, въ ней Добролюбовъ подымается до поэтической простоты первыхъ христіанскихъ мучениковъ; онъ умираетъ оттого, что честенъ, но онъ спокоенъ душею и благославляетъ идти этимъ свѣтлымъ путемъ всякаго, въ комъ зрѣетъ душа человѣка. Христіане въ когтяхъ разъяреннаго льва шептали слова любви и прощенія врагамъ. Свѣтлый путь, завѣщанный Добролюбовымъ, привелъ Чернышевскаго въ Сибирь; въ холодѣ и мракѣ Сибири погибнутъ его великія силы на благое. Безконечно ужасна та жизнь, среди которой могутъ

вырваться такія погребальныя строки; хороша та обстановка, гдѣ изнуренный, изувѣченный жизнью человѣкъ говоритъ, что онъ умираетъ оттого, что онъ былъ честенъ! Какой живой урокъ тѣмъ манюсенькимъ либеральчикамъ, которые думаютъ, что пропаганда честныхъ убѣжденій легка, что это можно дѣлать, какъ вино пить, или какъ женщину обнимать. Нѣтъ, путь безъ свертковъ, безъ оборачиваній назадъ куда не легокъ! Это путь къ кладу, гдѣ со всѣхъ сторонъ гремятъ страшныя заклинанія, а по бокамъ возникаютъ чудовищные, отвратительные образы, оглянешься и пропалъ... Этимъ путемъ начинали идти многіе, но немногіе до конца доходили; иныхъ жесткость и колючесть этого пути ужаснула, иныхъ обольстительные призраки втянули въ свои призрачныя объятія, иныхъ страшная даль испугала. Во всей дѣятельности Добролюбова проглядываетъ довольно крупная черта, не будь ея и давно бы Добролюбовъ попалъ:

„Въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.“

Его спасло постоянное и осторожное лавированіе средь страшныхъ и острыхъ какъ иголки скалъ; безъ этого лавированія, замаскировыванія своихъ идей не могъ существовать писатель, подобный Добролюбову; не развѣй онъ въ себѣ глубоко утонченной діалектики, ему пришлось бы бѣжать изъ Россіи и не удалось бы ему принести той пользы, которую онъ принесъ, оставаясь въ ней. Но не всякій умѣетъ читать, не всякій умѣетъ разбросанныя, тщательно закутанныя идеи понять.

Разбирая сочиненія Добролюбова, можно положительно сказать, что онъ вовсе не былъ изъ робкихъ; если бъ онъ это считалъ болѣе полезнымъ, онъ съумѣлъ бы провести свои идеи такъ, что у сѣдыхъ, сморщенныхъ министровъ и сенаторовъ—лакеевъ гнета и изувѣрства, морозъ продралъ бы отъ пятъ и до сѣдой, плѣшивой, пустой макушки; но одинъ такой порывъ, и его не стало бъ... Солнечный лучъ пробилъ всюду нависшія, свинцовыя тучи, сверкнулъ мощнымъ, горячимъ свѣтомъ!... и снова давящія тучи и безразсвѣтныя сумерки... Начни рѣшительно—погибель немедленная—борьба прикрытая, но конецъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же; дикая жизнь разыграла надъ нимъ роль палача съ тою разницею, что идя медленнымъ путемъ, чтобы больше излить изъ себя мучительно накипѣвшаго, онъ день за днемъ отдавалъ свои силы, свою жизнь; окружающая жизнь, если не сразу, то медленно и послѣдовательно, все таки пожирала

его плоть и кровь, пока жизнь стала невозможна. Гейне говоритъ, что политическую идею слѣдуетъ обходить, какъ бѣшенную собаку; Добролюбовъ поступалъ иначе: онъ не обѣгалъ ее, онъ какъ индѣйскій фокусникъ игралъ кинжалами, не боясь проколоть себѣ обнаженную грудь; онъ умѣлъ концы хоронить; при своей безукоризненной, твердой какъ сталь логикѣ, онъ долженъ былъ или недоговаривать мысли до конца, или же презрительно заигрывая съ нашей подслѣповатой и дубоватой цензурой, подсовывать ей, ею же запрещенныя мысли. Вспомните процессъ Даламбера, заключительную страницу этой статьи, все дѣло — въ подтасовкѣ лицъ и событій, чтобы провести задушевную мысль. Прочтите критическую статью о Бокѣ „о здоровомъ и больномъ человѣкѣ“; строго онъ доводитъ ученіе о силѣ и матеріи до полнаго отрицанія души, какъ нѣчто отдѣльно существующее, а это важный пунктъ, затемняющій головы многихъ,— стихи „Благодѣтель,“ гдѣ глубоко и остроумно онъ возстаетъ противъ вѣры въ Бога, какъ въ личность, всюду вмѣшивающуюся и отъ которой зависятъ счастье и невзгоды цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Прочтите критическую оцѣнку событій надъ г-жею Артамоновой, т. е. ея изцѣленіе Николаемъ чудотворцемъ; какъ бы поступилъ другой, поставленный на его мѣсто? Прочтя, что эту монументальную дребедень подписали четыре статскихъ совѣтника и доктора (охъ ужъ эти статскіе и тайные совѣтники), каждый разразился бы пылающими эпиграммами противъ такого кретинизма; глубокое самообладаніе и тутъ не покидаетъ Добролюбова; онъ сознается очень мягко, что событіе не такъ важно, какъ интересно то, что подъ него подписались такіе и такіе-то субъекты; онъ отдаетъ ихъ на судъ публикѣ, другими словами—говоритъ: „Добродѣтельные сограждане полюбуйтесь, вотъ вамъ пышные плоды университетскаго образованія!... вотъ вамъ реальное направленіе медиковъ! Одного не достаетъ—назначить профессора Рклицкаго (имя котораго сіяетъ лучезарнымъ блескомъ въ удостовѣреніи чудесъ, свершившихся надъ г-жею Артомоновой) еще профессоромъ физики и физіологіи и заставить его читать лекціи о матеріи и силѣ.

Прочтите „Когда же придетъ настоящій день?“ Какою подавляющею душу тоскою отзывается эта статья въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что могучія силы у насъ сгораютъ въ безплодной, пока еще, мелкой борьбѣ и какъ вдохновенно онъ пророчествуетъ явленіе сильныхъ дѣятелей въ скоромъ будущемъ; вспомните заключительныя слова о Тургеневскомъ „Наканунѣ“: „Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! и во

всякомъ скучаѣ канунъ не далекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая нибудь ночь раздѣляетъ ихъ.“ Въ этой статьѣ и во многихъ другихъ онъ не разъ повторялъ, что у насъ открытой борьбы быть не можетъ, иначе капутъ!... Да, это правда, всякому человѣку въ Россіи, въ нешуточномъ значеніи этого слова, можно быть только по секрету, шопотомъ и то не на долго; разъ столкнулся съ дѣйствительностью, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, сказалъ ей правду и наступаетъ переходъ въ другую жизнь, не въ полную смерть, а въ ту пытку на медленномъ огнѣ, которая неизмѣримо хуже смерти.

Прочтите статью о сочиненіяхъ Марка Вовчка, гдѣ онъ разбираетъ Ефима „Въ купеческой дочкѣ,“ личность дѣйствительно могучую, мстительную, ужасную и посмотрите, какъ онъ зловѣще, пророчески смотритъ на проявленіе подобныхъ людей въ народныхъ массахъ съ такими безконечными силами на злое; его увлеченіе переходитъ границы,— подобная личность исключительна—онъ не былъ знакомъ съ жизнью крестьянина, развращеннаго тысячелѣтнимъ рабствомъ, онъ съ воловьимъ терпѣніемъ влачилъ ярмо; не будь эта личность исключительная, развѣ былъ бы возможенъ на минуту такой фантастически ужасный порядокъ вещей? Развѣ такіе гордые, неодолимые, ни передъ чѣмъ не преклоняющіеся люди, какъ Ефимъ, выдержали бы на своихъ плечахъ невыносимую тяжесть палача-царя и палачей-помѣщиковъ? А статья „О правилахъ жизни Дымана,“ что онъ сулитъ тому, кто логично пойдетъ тою стезею, которая его въ раннюю могилу свела; сколько веселенькихъ пейзажиковъ повстрѣчаетъ на своемъ пути подобная личность; какой мрачный конецъ ждетъ такого мученика мысли, но не смотря на это, вездѣ у него сквозитъ мысль: „всякій долженъ бороться со зломъ настолько, насколько хватитъ силъ, неустанно, до самой могилы.“ Въ XVIII вѣкѣ наплывъ идей уничтожилъ ужасающія пытки въ судахъ; идеи погасили костры фанатизма, расшатали государственный строй въ цѣлой Европѣ, сверху до низу, и влили тотъ невидимый огонь въ жизнь, который скоро вспыхнетъ страшнымъ, всемірнымъ пожаромъ и въ этомъ очистительномъ огнѣ погибнетъ болѣе чѣмъ нелѣпый, болѣе чѣмъ безумный, современный намъ государственный строй.

II.

„И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба.“

Во всей дѣятельности Добролюбова живымъ ключемъ бьетъ горячая, глубокая любовь къ людямъ; всѣ идеи, обнаруживающія эти чувства, у него чрезвычайно закончены. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой любви, я долженъ сказать, какъ я понимаю любовь къ человѣчеству; ее до этихъ поръ, послѣ безчисленныхъ объясненій, смѣшиваютъ съ любовью къ своему родному, насколько это позволяютъ географическія границы, и даже эта односторонняя поддѣлка подъ любовь выражалась въ жалкихъ формахъ и принесла вредъ народу.

Нѣкоторые наивные дѣти не перестаютъ думать, что любить народъ—значитъ: стоя на ходуляхъ, позироваться передъ нимъ, по питейнымъ домамъ обниматься съ нимъ, интимничать съ нимъ, называть его нѣжнѣйшими эпитетами, кокетничать съ нимъ, выводя его въ дрябленькихъ повѣстяхъ —которыя во вѣки вѣковъ не дойдутъ до него — титаномъ, который однимъ протираніемъ заспанныхъ очей производитъ всемірное землетрясеніе; такая любовь—профанація любви; подобная галиматья не вливаетъ ни одной свѣжей, трезвой мысли въ массы, не дѣлаетъ, рѣжущій горло, собачій ошейникъ болѣе слабымъ. Статьи и повѣсти, лисящія къ народу, дѣлали ему вредъ; правительство дремало, убаюкиваемое сладкою вѣрою въ могущество народное; нѣтъ сомнѣнія, что его радовало это могущество съ финансовой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія неистощимыхъ податей. И въ это самое время, когда народу пѣли восторженные гимны, онъ задыхался въ гнетѣ, непокрытой нищетѣ и невѣжествѣ, умиралъ нравственно и умственно, перерождаясь въ нѣкоторыхъ глухихъ деревенскихъ вертепахъ въ кретиновъ и орангъ-утанговъ.

Любовь ко всему отечественному пахнетъ географическими перегородочками, казенными таможнями; чувство это тогда могущественно, когда оно не знаетъ заставъ и распространяется на все человѣчество; любовь ко всему человѣ-

честву не похожа на любовь одного человѣка къ другому, вытекающая изъ взаимныхъ симпатій, вѣрованій, могущая существовать только при полномъ умственномъ и нравственномъ равенствѣ.

Мы любимъ людей неразборчивою любовью en masse, не смотря на все различіе образованія, стремленій, надеждъ, не смотря на бездонную пропасть, лежащую между человѣкомъ, ни передъ чѣмъ не клонящимъ головы и копошащимся рабомъ и несчастнымъ невѣждою. Странное это чувство! оно загорается въ груди у ребенка и постепенно разгораясь, внѣдряясь все глубже, оно ложится съ человѣкомъ въ могилу. Любовь эта чутка къ человѣческимъ радостямъ, но она безконечно чувствительнѣе къ человѣческому горю. Болѣзненно отзываются въ нашей душѣ: скорбный вопль голоднаго пролетарія, несущійся изъ заросшихъ плѣсенью, холодныхъ, мрачныхъ подваловъ Лондона; хриплое стенаніе рудокоповъ, работающихъ изъ за куска хлѣба, среди вѣчной ночи, въ опасныхъ подземельяхъ; звонъ тяжелыхъ цѣпей каторжниковъ —печальныхъ жертвъ уродливой жизни, вытягивающихъ себѣ жилы при 40° морозѣ въ Сибири; кровавыя слезы, проливаемыя въ той же Сибири — мученикамъ свободы. Унылая, въ стонъ переходящая пѣснь пахаря, когда заросшею мозолями рукою, онъ за истощенною, голодною клячею тащитъ плугъ, дерущій истощенную, жалкую землю; жалобный лепетъ полунагихъ, голодныхъ дѣтей, у которыхъ впереди до самой могилы безплодный трудъ и безплодное горе; плачь матерей, у которыхъ отняли дѣтей и вышвырнули ихъ, какъ вонючую падлу на съѣденіе дикой войнѣ; истерическіе вопли пронзенныхъ пулями, исковерканныхъ разрывными гранатами; глухія проклятія убѣгающихъ отъ царей переселенцевъ, переплывающихъ океаны на зараженныхъ кораблях; унылое воркованіе негритянки, у которой еще теперь на ея родинѣ отымаютъ дѣтей на продажу. Горючія непересыхающія слезы покорно склонившей усталую головку труженицы-швеи; безмолвная грусть дѣвушки, сходящей въ могилу съ разбитою жизнью и неудовлетворенными стремленіями къ освобожденію. Безвыходность индѣйца, раздавленнаго промышленнымъ геніемъ англичанина, и еще болѣе тяжкая безвыходность всего честнаго и прекраснаго въ нашемъ любезномъ отечествѣ; баснословное вымираніе кроткихъ, способныхъ племенъ на островахъ Тихаго океана отъ соприкосновенія съ цивилизованными христіанами. Всѣ безчисленныя страданія несчастнаго человѣчества невольно рвутъ нашу душу и вызываютъ горячее состраданіе. Вопли голодающихъ, стоны придавленныхъ, лязгъ цѣпей, скрежетъ зубовъ, рыданія раздa-

ются не въ одномъ нашемъ печальномъ отечествѣ, а по всему земному шару, во всю его ширину, отъ полюса и до полюса. Эта эпидемія не знаетъ преградъ; морозы ее не убиваютъ, бури не сдуваютъ, не пріостанавливаютъ бдительныя таможни; передъ нею безсильна медицина и даже христіанство, сзывающее со всѣхъ концовъ земли всѣхъ нуждающихся и обремененныхъ для тихаго успокоенія; она царски могущественна и также звѣрски глухо безжалостна; замираетъ она тамъ, гдѣ замираетъ эхо человѣческой жизни; неизвѣстно, какія мрачныя силы породили ее и когда она исчезнетъ. Человѣческій умъ открылъ способы узнавать вѣсъ и объемъ невидимыхъ глазу звѣздъ; очень много изъ области таинственнаго перестало быть для него тайною; онъ измѣрилъ землю и измѣряетъ небо, но онъ не съумѣлъ и никогда не съумѣетъ измѣрить свое безграничное, пережитое и переживаемое горе; не свѣсилъ и не свѣситъ свой кровавый потъ, вѣчныя слезы и вѣчно даромъ текущую кровь!...

Любовь, не сжатая тѣсными заборчиками, выработываетъ тѣхъ, непросящихъ пощады, великихъ бойцовъ, которые съ знаменемъ свободы въ рукахъ, отбросивъ предразсудокъ національности, погибаютъ на барикадахъ Парижа, въ красной рубашкѣ Гарибальдійца, и которые одинаково горячо защищаютъ всѣхъ безъ исключенія людей, въ силу того всеобъемлющаго принципа, что все несправедливое должно встрѣчать отпоръ. Но пусть читатель не сдѣлаетъ ложнаго вывода, что я ставлю состраданіе къ австралійскому парію на одну степень съ состраданіемъ русскаго къ русскимъ; перечнемъ страданій я хотѣлъ показать, что люди, любящіе человѣчество въ извѣстныхъ границахъ, горячая любовь которыхъ можетъ неожиданно оборваться въ Ейдкуненѣ, что такіе шалуны-патріотики, если вникнуть въ ихъ любовные порывы, окажутся безсердечными болтунами, очень подозрительно любящими свое отечество; не любя горячо всѣхъ людей, нельзя ихъ любить въ извѣстныхъ рамочкахъ. Если человѣческое страданіе скорбно волнуетъ мою душу, то я не въ состояніи утерять эту способность чувствовать, перешагнувъ географическую линейку; но самую сильную любовь и самое сильное состраданіе невольно возбуждаетъ родина: я съ нею связанъ языкомъ, моими индивидуальными особенностями и, наконецъ, она, моя бѣдная родина, несчастнѣе всѣхъ на европейскомъ континентѣ; она только недавно освободилась изъ позорнаго рабства, но корни его еще не перегнили въ русской землѣ. Нигдѣ такъ не подавленъ и не обезсмысленъ человѣкъ, какъ въ Россіи; нигдѣ рука дикаго произвола не

загребаетъ столько невинныхъ жертвъ, какъ въ нашемъ нѣмомъ отечествѣ; это отечество, несознательно, цѣною труда и лишеній дало мнѣ, принадлежащему къ обезпеченному меньшинству, возможность безбѣднаго, независимаго существованія; у кого есть искра человѣческой души изъ этого меньшинства, долженъ „зажить долгъ“ порабощенному народу, онъ долженъ честно служить ему; наше время выдвинуло много задачъ, исполнивъ которыя мы доблестно уплатимъ долгъ вскормившему насъ народу.

Глубокую любовь питалъ Добролюбовъ ко всѣмъ бѣднымъ, угнетеннымъ, обойденнымъ жизнью; онъ подымалъ первый голосъ въ защиту слабаго и притѣсненнаго; умирая, онъ завѣщалъ идти этою стезею каждому. Добролюбовъ, критикуя сочиненія Соллогуба, впадаетъ въ крайность; въ глубоко увлекающейся статьѣ Бѣлинскаго „Тарантасъ“ онъ видитъ иронію, словомъ дѣлаетъ tour de force, чтобы растоптать Соллогуба; все дѣло въ томъ, что Соллогубъ былъ аристократикъ, ни одною строкою не выказавшій сочувствія къ несчастнымъ; во всѣхъ его романахъ вы видите дрянненькую салонную жизнь, которую онъ по временамъ яро бичуетъ, но она не стопла даже пучка свѣжихъ розокъ. И это дѣлалось въ то время, когда народъ задыхался въ рабствѣ и начиналъ уже во многихъ мѣстахъ жечь помѣщиковъ; въ то время, когда безчисленные, глубокіе, живые вопросы стояли на очереди; это невольно заставляетъ Добролюбова глубоко презирать его. Также вспомните его строгій отзывъ о Пушкинѣ, который, имѣя такой громадный талантъ, такъ бѣдно подѣйствовалъ имъ на общество, излившись въ сладко нѣжныхъ звукахъ; жалко такихъ людей; держи эти временные идолы въ своихъ рукахъ истину, будь она доступна имъ со всею полнотою, сколько бы они свѣтлаго могли провести въ общество, облекши честную, великую мысль въ дивныя формы; нѣтъ, иначе распорядились наши поэты - эпикурейцы: Пушкинъ былъ Поганини своего времени; онъ владѣлъ тайною божественной музыки, его поэзія—таинственная, прекрасная греза, прелестные арабески, гирлянды пестрыхъ, красивыхъ, пахучихъ цвѣтовъ; но поблекнутъ розы, сладкое обояніе звуковъ исчезнетъ и наступитъ вѣчное забвеніе; отъ него не спасутъ никакіе нерукотворные памятники, къ нему заростетъ непроходимо народная тропа. Намъ дорогъ тотъ, кто не даетъ дремать мысли, кто волнуетъ ее, тревожитъ, заставляетъ мучиться; нѣжные звуки, раздражая нервы, утомляютъ, возбуждаютъ, но толчка впередъ не даютъ, а это главное; всякая честная, свободная, серьезная мысль будитъ человѣка, заставляетъ его мучительно задумываться

надъ окружающею жизнію и надъ собою, а этого недоставало Пушкину: эгоизмъ, довольство окружающимъ были у него огромны; запрещенныя его стихотворенія были неясныя, мимолетныя стремленія къ свѣту; но ихъ такъ немного, такъ онѣ бѣдны мыслью, такъ безтолково неясны, что не стоятъ упоминанія; три четверти изъ нихъ — сальности, въ духѣ Баркова... а тутъ еще примѣшался камергерскій мундиръ!... Не золотые — позорные мундиры выпадали у насъ на долю честныхъ писателей, а терновые вѣнцы и полупудовыя желѣзныя цѣпи! Онъ служилъ изолированному искусству и служеніе это было такъ же мизерно, какъ служеніе поповъ Богу; очи великаго Пушкина не были такъ зорки, какъ очи испуганной орлицы; языкъ его не былъ жало мудрыя змѣи, а сердце—горящій уголь; онъ не жегъ сердца людей, а пріятно щекоталъ нервы и мозжечекъ; онъ плодилъ лирическіе восторги и помѣщиковъ Маниловыхъ; отъ его слова не стыла кровь въ жилахъ, не пробуждался испуганно отъ опьяняющихъ грезъ палачъ; помѣщики могли имъ наслаждаться безтрепетно, они могли имъ зачитываться и въ то же время мѣнять дѣвокъ на борзыхъ щенковъ, запарывать до смерти своихъ лакеевъ, вытягивать ставшій ребромъ послѣдній грошъ у раздавленнаго крестьянина. Паѳосъ Пушкина, столь необузданно воспѣтый Бѣлинскимъ, могъ идти весьма дружелюбно рука въ руку съ крѣпостнымъ палачествомъ, бѣшеннымъ деспотизмомъ, трусливою, глупою низостью.

Многіе защитники Пушкина произносятъ глубокомысленную фразу: „Пушкина нельзя выбросить изъ исторіи развитія нашего общества, имъ жило общество 40 годовъ“; это все равно, что кто нибудь сказалъ бы: „шампанское вдовы Клико, бывшее особенно въ модѣ въ такихъ-то годахъ, нельзя выбросить изъ исторіи умственнаго развитія нашего общества“; какъ ни крайне покажется такое сравненіе, оно справедливо; развѣ шампанское не возбуждало въ пирующихъ 40 и даже 50 годовъ возвышенныхъ и въ то же время и невиннѣйшихъ мечтаній, блестящихъ остротъ, бездонныхъ философскихъ преній? Жалки были тѣ болтуны, которые жили такъ долго красивыми галлюцинаціями; жалки тѣ паразиты, которые набиваніе своего брюха и половое раздраженіе возводили въ сознательную, человѣческую жизнь. Съ современнымъ, дѣйствительно честнымъ и великимъ писателемъ не уживутся въ ладу дрябленькіе романтики; они или трусливо съежатся передъ его мощнымъ, отрицающимъ словомъ, или же глубоко возненавидятъ его, втихомолку отплевываясь и открещиваясь отъ него, какъ бы ни была дивно художественна форма его созданій. Современный намъ чест-

ный писатель безстрашно произноситъ: „Кто не за меня, тотъ противъ меня“; кумовства и примиренія тутъ быть не можетъ; ни въ своихъ произведеніяхъ, ни въ своей жизни онъ не умѣетъ склонять головы ни передъ общимъ кумиромъ, ни передъ частными кумириками; честнымъ и широко развитымъ человѣкомъ онъ остается всегда, тогда какъ Пушкинъ и прочіе той же категоріи поэты дѣлаются получестными и полуразвитыми только во время рѣдкихъ и краткихъ святыхъ минутъ вдохновенія, когда ихъ слишкомъ не въ моготу расшевелитъ божественный глаголъ; въ остальное слишкомъ продолжительное время ихъ жизни они—безалаберные, безхарактерные лакеишки, а по сознанію самаго Пушкина:— они ничтожнѣе самаго ничтожества, другими словами—такая дрянь, что и вообразить трудно.....

А Гоголь, начавшій враждою съ дѣйствительностью и кончившій гнуснымъ холопствомъ, поповскою религіозностью, старушечьимъ ханжествомъ, и сколько такихъ! Это наши литературные великаны!..

Многіе скажутъ, что вліяніе Добролюбова отразилось только на молодежи; тѣмъ лучше для молодежи и тѣмъ хуже для тѣхъ почтенныхъ старцевъ—молюсокъ канцеляріи, апостоловъ оффиціальной серьезности. Но рано или поздно его идеи живительною волною вольются въ жизнь, прокрадутся въ такіе темные, жестяные черепа, гдѣ царилъ абсолютный мракъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ проглядываетъ его глубоко любящая, глубоко гуманная и вѣчно борющаяся личность; вспомните „Темное царство,“ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ,“ критику на Полежаева и большую часть его статей, и вы увидите, какъ разнообразны были формы борьбы; она не затихаетъ нигдѣ и всюду много, очень много логики; вопросъ осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, высмотрѣны всѣ черточки, затемняющія бѣлый фонъ, и только послѣ глубокаго анализированія онъ берется за предметъ; навѣрное, изъ читавшихъ его, каждый помнитъ его привычку всегда сначала говорить: „что многіе, можетъ быть, посмотрятъ такъ“ или „многимъ это покажется такъ“ и когда уже разсмотрѣны всѣ могущія возникнуть противорѣчія, тогда только начинается твердое и ясное выговариваніе мысли. У него не найдете такихъ противорѣчій, какъ у Бѣлинскаго, который рядомъ съ задушевными, широкими статьями пишетъ такую грязную статейку, какъ „Бородинская годовщина,“ гдѣ онъ поетъ гимнъ императорамъ, приводя монологи изъ Ричарда, котораго онъ не понялъ. Шекспиръ въ Ричардѣ II выводитъ короля XIV вѣка, минувшихъ, невозвратныхъ дней, вѣрующаго искренно, что рука изъ костей и крови, прикоснувшись къ

коронѣ, свершаетъ безумное святотатство; что ангелы, пылающіе гнѣвомъ, съ огненными мечами мести, явятся къ его услугамъ, и вся Англія обагрится кровью, превратится въ кладбище за такое дерзкое посяганіе на величавое тѣло короля; сходя на судъ, онъ говоритъ: „Я Фаэтонъ — сынъ солнца, несправившійся съ бѣшеннымн, огненными конями.“ Монологи его передъ судомъ Болинброка ужасны своею глубочайшею искренностью; въ его словахъ клокочетъ гнѣвъ боговъ олимпійскихъ, блестятъ пропитанные слезами и ядомъ сарказмы, необузданная вѣра въ свое божественное, ненарушимое могущество; онъ собственными слезами смываетъ помазаніе, собственными руками отдаетъ корону, собственнымъ дыханіемъ разрѣшаетъ отъ всѣхъ обязанностей и уставовъ; въ темницѣ, развѣнчанный, истерзанный, онъ остается до послѣдняго дыханія жизни королемъ отъ головы до пятокъ; онъ говоритъ своему убійцѣ Экстону: „твоя жестокая рука обагрила землю короля его королевскою кровью.“ Но заблужденія живутъ не вѣчно; въ одинъ прекрасный полдень палачъ показалъ англійскому народу окровавленную голову короля Карла Стюарта I со словами: „это голова измѣнника“. Послѣ этого достопамятнаго дня, Ричарды II отошли въ область тѣней, стали глупою сказкою; ударъ топора разсѣялъ дикую тысячелѣтнюю иллюзію, народъ и короли очень сильно усомнилились въ божественномъ помазаніи. Такіе императорскіе призраки могли существовать и не быть смѣшными только въ такое призрачное время. Папы, вѣрующіе въ свое грозное, непогрѣшимое могущество, уцѣлѣли только въ портретахъ Рафаэля, въ палаццо Урфици во Флоренціи, а короли —въ трагедіяхъ Шекспира,—въ наше время это дикій анахронизмъ; типъ подобныхъ царей и папъ отложился въ слои, чтобы уже никогда не воскреснуть къ жизни; эти ихтіозавры были взбѣсившіеся фанатики, недостатокъ которыхъ состоялъ въ томъ, что они стояли въ уровень съ своимъ временемъ, которое грязнуло и киснуло въ варварствѣ и наибезобразнѣйшихъ предразсудкахъ. Современные цари и папы прямо ловкіе карманщики, отчаянные жулики; они дрожатъ за свое существованіе, они знаютъ себѣ цѣну, они даже скверные актеры, но кажутся хорошими, потому что публика черезъ чуръ глупа и невзыскательна. Шекспиръ, какъ величайшій психіатръ, вывелъ Ричарда II. Бѣлинскій съ легкой руки подтасовалъ къ нему вообще императора. Если бы онъ послѣ съ отвращеніемъ не относился къ этой статьѣ, она запятнала бы всю его литературную дѣятельность, заставила заподозрить въ немъ неумѣющаго связать двухъ мыслей человѣка или же навела на мысль, что онъ написалъ ее въ

сумасшедшемъ домѣ, во время самаго злостнаго припадка временнаго сумашествія. У Добролюбова нѣтъ такихъ промаховъ. Не знаю, чѣмъ бы кончилъ Добролюбовъ, поживши долѣе; можетъ быть, ему стало бы не въ мочь постоянное укорачиваніе своихъ порывовъ и онъ развернулъ бы на вольномъ, ясномъ просторѣ гигантскимъ размахомъ свои мощныя орлиныя крылья; онъ умеръ очень и очень рано; онъ съузилъ себя для пользы другихъ, самъ надѣлъ на себя желѣзныя вериги, которыя съ терпѣніемъ первыхъ христіанъ не снималъ всю жизнь; такая горькая жертва пойдетъ ему въ великую заслугу.

Нѣкоторые упрекаютъ его въ недостаточности точныхъ взглядовъ на искусство, приводя въ примѣръ Бѣлинскаго, который часто любилъ останавливаться на такихъ опредѣленіяхъ; но это его достоинство, а отнюдь не недостатокъ. Критика, идя впередъ, непремѣнно должна была оставить за собою это покушеніе вдвинуть искусство въ вѣчно недвижныя рамки; темная философія Гегеля должна была уступить мѣсто новой эмпирической философіи, построенной на опытѣ и наблюденіи, которая опирается на естественныя науки и немыслима безъ нихъ. Бѣлинскій часто бывалъ теменъ, пускаясь въ таинственныя отвлеченности; онъ становился пророкомъ, выѣзжающимъ на огненности и неточности своихъ опредѣленій. Добролюбовъ ближе стоялъ къ дѣйствительности, опредѣленія его были проще, яснѣе и вовсе не лишены глубины; утонченное же пониманіе всего хорошаго и свѣтлаго, глубочайшее увлеченіе всѣмъ хорошимъ у него были огромны; вспомните критику на „Наканунѣ,“ гдѣ, увлекаясь лучшими мѣстами романа, онъ впадаетъ въ такую яркую, блестящую чудными переливами поэзію, что далеко оставляетъ за собою Тургенева съ его поэтическими красотами. Говоря о стихотвореніяхъ Языкова, онъ указываетъ съ иронією на то, что всѣ поэты Пушкинской школы куда-то стремились, въ какую-то блаженную страну, „тамъ за далью непогоды.“ Стремленіе къ этой блаженной странѣ до Пушкина, во время Пушкина, словомъ, во всѣ времена, а въ особенности душныя, было любимою мечтою поэтовъ, всѣхъ бойцовъ мысли. Одно изъ лучшихъ, задушевныхъ стихотвореній Добролюбова производитъ мучительное впечатлѣніе своимъ отчаяннымъ стремленіемъ къ этой блаженной странѣ, „за далью непогоды.“

„Бурнаго моря сердитыя волны
Что такъ влечетъ меня къ вамъ?
Я вѣдь не брошусь отвагою полный
На встрѣчу сердитымъ волнамъ?
Грудью могучей, сильной рукою

Не разсѣку я волны,
Не поплыву искать подъ грозою
Обѣтованной страны...
Край мой желанный, любимый мной свято
Тамъ, гдѣ волна улеглась
Тамъ далеко, гдѣ спускаясь куда-то,
Море уходитъ изъ глазъ,
Мнѣ не доплыть до страны той счастливой
Средь этихъ яростныхъ волнъ...
Что же стою я, босцъ боязливый,
Жаднымъ волненіемъ полнъ?
Такъ бы и кинулся въ ярое море
Въ бой бы съ волнами вступилъ...
Кажется въ этомъ самомъ просторѣ
Взялъ бы отваги и силъ...“

Несчастные русскіе, посвятившіе себя на упорную борьбу со зломъ, не доплывали до страны той счастливой; большею частью они доплывали до Петропавловской крѣпости, да до страшной Сибири. „Такъ ведущее насъ провидѣніе указало.“ Это была обѣтованная страна для лучшихъ русскихъ; въ глуши Сибири затихала борьба и замолкали проклятія. Самъ Добролюбовъ остановился у берега, жаднымъ волненіемъ полнъ; борясь всю свою грустную жизнь съ цѣлымъ моремъ золъ, неправдъ, угнетеній, онъ успокоился въ холодѣ и тишинѣ своей ранней могилы; благо, что умеръ на собственной постелѣ, а не былъ съѣденъ заживо крысами въ Петропавловскомъ подвалѣ! Окружающая ихъ жизнь не походила на разъяренное море, а на мертвый штиль въ океанѣ:—солнце палитъ нестерпимо ярко, лучи жгутъ, кругомъ душно, воздухъ и океанъ застыли, ни тучки въ небѣ, ни легкаго дуновенія на цѣломъ океанѣ; кажется, ничего нѣтъ, но руки матросовъ опускаются въ отчаяніи; паруса повисли, какъ бѣлые саваны; все гніетъ; послѣднія, живительныя капли воды испаряются, смерть идетъ отовсюду медленно, но неотразимо; жертвамъ нѣкуда бѣжать, нѣкуда рвануться. Буря —борьба; чѣмъ страшнѣе ураганъ, тѣмъ могучѣе становится человѣкъ въ борьбѣ съ нимъ; тутъ же нѣтъ жизни, силы кипятъ, а дѣть ихъ нѣкуда, приложить не къ чему...

Сказки Лабуле

„Чудилось мнѣ, что я слышу давно поза-
Старыя, милыя сказки, [бытыя сказки,
Тѣ, что когда-то ребенкомъ
Слушалъ съ другими дѣтьми,
Когда въ лѣтній вечеръ [ступенькахъ
Мы передъ домомъ, на каменныхъ сидя
Къ тихимъ разсказамъ склоняли
Дѣтское чуткое сердце
И пытливые, умные глазки...
А взрослыя дѣвушки въ домѣ,
Подлѣ душистыхъ, цвѣточныхъ горшковъ
У окошекъ сидѣли,
И лица цвѣтущія ихъ
Смѣялись луной освѣщенныя."

(*Сумерки*—Генриха Гейне)

I.

Какимъ дикимъ, разнообразнымъ хламомъ полна дѣтская литература; она кишитъ пошленькими сказочками, безсмысленными прибауточками, семинарскою моралью. Грустно, что есть люди, посвятившіе себя на систематическое забиваніе дѣтскихъ головъ; неужели онѣ на самомъ дѣлѣ у нихъ такія жалкія, что ихъ можно безжалостно нашинковывать узенькими воззрѣньицами, наивными пошлостями? Въ особенности огромное число расплодилось въ послѣдніе годы; книженки плодились, какъ молюски, и такъ же бѣдны были жизнію, какъ молюски; самая ничтожная ихъ часть успѣла выглянуть на свѣтъ, не погибнувъ; собственная крохотность

была виною ихъ мгновенной гибели, ихъ ничто не спасало: ни золотые Вольфовскіе переплеты, ни превосходная бумага, ни громкія, ярыя объявленія, патетическіе возгласы, словомъ, никакіе блестящіе, внѣшніе атрибуты; даже сказокъ Перо — о которыхъ Вольфъ безчинствовалъ во всѣхъ газетахъ, зазывая на покупку книги, какъ прикащикъ Ножевой линіи — не спасетъ Тургеневское предисловіе, въ которомъ просвѣчиваетъ поощренное Вольфомъ самообожаніе авторитетика, желающаго ничтожную книгу спасти такимъ же ничтожнымъ предисловіемъ, гдѣ онъ старается — но черезъ чуръ плохо—доказать, что фантастическое необходимо въ дѣтскомъ возрастѣ, что это само собою пройдетъ современемъ; нѣтъ, оно не такъ легко проходитъ, какъ кажется г. Тургеневу; не даромъ правительство не выпускаетъ и не выпуститъ изъ своихъ рукъ воспитаніе будущихъ гражданъ! Оно увѣрено, что дѣти, въ которыхъ взлелѣиваютъ вѣрноподданническія чувства, которымъ преподаютъ разнаго рода безсмыслицу, въ большинствѣ случаевъ останутся на всю жизнь рабами и недоумками. Часто самыя могучія усилія разума не могутъ отрѣшить человѣка отъ дикихъ предразсудковъ, нашептанныхъ ему нянюшками и разнаго рода гувернантками въ годы наивнаго дѣтства. Ни одинъ психологъ не пришелъ еще къ выводу, что есть возрастъ, нуждающійся, какъ въ маннѣ небесной, въ ерундѣ. Но кромѣ громаднаго вреда умственнаго, фантастическіе разсказы приносятъ вредъ физическій: большинство дѣтей не выдерживаетъ вѣчно натянутаго состоянія нервовъ, постояннаго чувства страха и напряженія воображенія, они заболѣваютъ нервными горячками и смертельными воспаленіями мозга.

Какія свѣтлыя чувства можетъ возбудить въ дѣтяхъ разсказъ о „Синей бородѣ“? Его завязка и развязка въ крови и насиліи, въ остервенѣломъ злѣ, которое ничѣмъ не оправдывается, ничѣмъ не руководствуется.

А разсказъ о томъ, какъ великанъ - людоѣдъ по ошибкѣ обрѣзалъ вмѣсто головъ чужихъ дѣтей головы своимъ дѣтямъ, — о томъ, какъ волкъ ни за что ни про что проглотилъ невинную, красную шапочку; много ли помогутъ этимъ кровожаднымъ пошлостямъ приложенные къ нимъ рисунки Доре, дѣйствительно превосходные, но въ то же время дѣлающіе книгу колоссальной цѣны (8 руб.)? Полное собраніе сочиненій Тургенева дешевле. Стоили ли такіе сюжеты старанья художнически изображать ихъ? Кромѣ этого въ сказкахъ всюду просвѣчиваютъ низенькія, гаденькія черты; отъ нихъ пахнетъ императорскою Франціею. Высшее счастье въ сказочкахъ заключается въ томъ, что въ дѣвушку влюбляется

принцъ; все дѣйствіе вертится на баснословной роскоши, всюду вытекаетъ выводъ, что въ этомъ и есть смыслъ жизни. Неужели у истины мало красоты, мало фантастичности, величія, неподражаемаго разнообразія? Къ чему эти жалкія отступленія отъ нея? Какая сказка по своей фантастичности сравнится съ кругосвѣтнымъ путешествіемъ Магелана, съ путешествіемъ Колумба? Неужели фантастическія повѣсти Гофмана могутъ быть на минуту сравниваемы съ кипящими живою жизнью романами Диккенса, Теккерея, Гринвуда? Неужели ребенку нужно врать глупости потому только, что онъ малъ, и затѣмъ, чтобы послѣ всѣми силами стараться разубѣдить его въ собственномъ враньѣ? Ребенокъ и безъ вашихъ стараній замѣтитъ ложь, которой полна жизнь; дѣтскій, незабитый мозгъ часто яснѣе родителей понимаетъ нелѣпость, ихъ „отчего и почему“ бываютъ очень замысловаты; я былъ часто свидѣтелемъ, какъ эти роковые вопросы ставили въ поразительно глупое положеніе добрую мамашу, старающуюся уяснить ребенку бездонно таинственную дребедень священнаго писанія; увѣряю васъ, что они гораздо логичнѣе и умнѣе многихъ профессоровъ богословіи, не исключая Юркевича и многихъ знаменитыхъ педагоговъ.

Есть и другія сказочки; мораль ихъ глубока, какъ синее море и сюжетъ не фантастиченъ. Читая ихъ, вы позаимствуете изъ нихъ бездну прекрасныхъ и пикантныхъ мыслей, напр.: что маленькому Карлу слѣдуетъ проситься на маленькій горшечекъ, но отнюдь не свершать необходимыхъ отправленій въ только что сшитые нанковые штанишки, иначе его за это накажетъ довольно строго подсматривающій изподтишка, съ неба, Боженька. Что строптивые дѣти, не умѣющіе обращаться съ перочиннымъ ножичкомъ, купленнымъ мѣстнымъ добрымъ пастыремъ — Іосафатомъ, могутъ имъ обрѣзать себѣ палецъ; что рѣзвая Каролинхенъ, бѣгающая около топящихся печей и не слушающая доброй, глухой, старой бабушки, вдругъ разомъ сгорѣла за это и отъ нея ничего не осталось, кромѣ двухъ крошечныхъ ботиночекъ и горочки золы; ботиночки, подобно сказочной саламандрѣ, не сгораютъ потому, что нужно же напомнить остальнымъ злонравнымъ малюткамъ о глубоко горестной участи, постигшей злосчастную Каролинхенъ, которая такъ наивно была наказана за непослушаніе, что немножечко вся сгорѣла.

Прилагаются рисунки, гдѣ подъ большою яблонью, увѣшанною пунцовыми яблочками, сидитъ благонравный и благолѣпный Порфирій и прилежно читаетъ ветхій завѣтъ, вдали виднѣется опрятная хижина; сбоку хижины, гораздо болѣе хижины, рисуется добрый, деревенскій пасторъ въ шляпѣ,

похожей на огромный лопухъ, съ тросточкою; еще болѣе вдали—мирно рѣзвятся маленькіе птенцы; въ доказательство ихъ душевнаго благополучія издатель не поскупился дешевой красной краской и вымазалъ ихъ лица, макушки и панталоны; около дѣтей также вымазанныя красною краскою, какъ выраженіе душевнаго благополучія, пасутся кругленькія, сытыя овечки, умильно глядящія на птенцовъ — своихъ братьевъ. Есть еще картинки, но черезъ чуръ мрачныя; въ нихъ караются различные дѣтскіе пороки, какъ напр.: сосаніе передняго пальчика, нежеланіе ѣсть супъ... На картинкѣ изображенъ круглякъ съ пузочкомъ, сосущій, какъ капитанъ трубочку, передній пальчикъ; къ нему разлетается съ изумительнымъ свирѣпствомъ остроносая личность, похожая на католическаго іезуита, съ громадными ножницами, съ неизмѣннымъ намѣреніемъ отрѣзать передній пальчикъ. О томъ же, какая участь постигаетъ малютокъ, неглижирующихъ супами, сказать страшно!...

Распредѣленіе наказаній у сказочниковъ такъ разумно, что напоминаетъ своею мягкостью наказанія грѣшниковъ въ аду. Но бросимъ жалкіе выкидыши дряблой фантазіи и перейдемъ къ прекраснымъ сказкамъ Лабуле. Чудная мысль согрѣваетъ и освѣщаетъ эти разсказы, отъ нихъ вѣетъ задумчивою поэзіею, милою нѣжностью; вспомните сказку „Абдалахъ.“ Сюжетъ ея простъ: отъ скряги богача родились два мальчика; одинъ, вслѣдствіе мрачныхъ предсказаній, отданъ на воспитаніе къ свободнымъ бедуинамъ; другой воспитывается дома; тутъ борятся два начала: въ одномъ прекрасное—стремленіемъ котораго всю жизнь есть умаливаніе эгоизма; въ другомъ все большее и большее впаданіе въ него; въ этомъ яркомъ противорѣчіи и состоитъ вся сказка; шуточности тутъ нѣтъ, весь разсказъ проникнутъ глубиною и мыслію. Одинъ изъ этихъ дѣтей, вольный сынъ пустыни, характеръ, который только и могъ выработаться среди безпредѣльной пустыни, гдѣ нѣтъ притѣснителей, на краю которой испуганно останавливались цезари. Густосинія небеса пустыни не темнитъ ни одно перистое облачко, ничто не заститъ горячаго солнца; по ночамъ въ глубокихъ, яркихъ небесахъ, какъ полуночныя лампады горятъ вѣчныя звѣзды; полгода пустыня дышетъ зноемъ, полгода въ ней царитъ весна. Въ пустынномъ оазисѣ, среди фантастически величавой природы, въ тѣни тихо вѣющихъ пальмъ, обвѣваемый ласкающимъ воздухомъ, выростаетъ юноша, чистый, прекрасный, мучительно отдавшійся свѣтлымъ стремленьямъ; онѣ зрѣютъ въ немъ безъ его воли, волнуютъ его въ жаркихъ сновидѣніяхъ, манятъ его въ таинственную даль; онъ ищетъ всю жизнь

трилистника о четырехъ листьяхъ. Алегорическое названіе скрываетъ тотъ смыслъ, что высшая задача человѣка: стремиться къ совершенству; для величайшаго изъ людей совершенство—фантастическій трехлистникъ о четырехъ листьяхъ. Провожая караванъ, онъ часто слышитъ тихими лунными ночами прекрасные, полные мысли разсказы; они западаютъ въ его душу и переработываются въ ней. Читая, вы видите, какъ все чище и чище становится юноша; неимовѣрными усиліями онъ выкапываетъ въ пустынѣ колодезь; все противится ему, близкій другъ устаетъ подавать ему помощь; изнеможенный смертельною борьбою, онъ наконецъ видитъ воду подземнаго ключа; свѣжій родникъ забилъ съ могучею силою и напоилъ жадную почву, закипѣла кругомъ жизнь; всѣ благословляютъ сына пустыни, который купилъ чуть не цѣною жизни общее счастье.

Это первый шагъ, но онъ все далѣе и далѣе пролагаетъ путь, и только могила останавливаетъ движеніе впередъ. Умирая въ огненномъ вихрѣ пустыни, онъ впадаетъ въ волшебный сонъ; въ поэтическомъ снѣ набросана смѣлою рукою картина восточнаго рая.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобной книги никогда не издастъ книжный барышникъ Вольфъ. Каждый честный критикъ долженъ остерегать публику отъ издателей, подобныхъ Вольфу; много дрянныхъ, безтолково неполныхъ, отрывочныхъ книгъ было издано имъ подъ громкими названіями, и очень много собралъ онъ съ публики, совершенно даромъ, денегъ.

II.

Въ сказкѣ „Азисъ и Азиса“ характеръ мусульманки Азисы такъ благороденъ, такъ полонъ христіанскаго самоотверженія, что лучшія наши женщины могли бы ей позавидовать. Разсказъ „раба Блондина“ дышетъ глубокою грустью; когда читаешь его, въ взволнованной душѣ просыпаются образы погибшихъ за истину; пытки, кандалы, тюрьмы, костры невольно грезятся болѣзненно настроенному воображенію; злыя чувства будитъ этотъ маленькій разсказъ. Одно странно, что авторъ считаетъ самою драгоцѣнною изъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей — благочестіе и будто милосердіе, самоотверженіе, смиреніе и любовь къ справедливости заключаются въ немъ. Къ чему примѣшивать темное выраженіе? Развѣ только однимъ вѣрующимъ въ Бога доступны всѣ эти высокія добродѣтели? Съ изученіемъ естественныхъ наукъ,

какъ тѣнь, исчезъ призракъ творящей и всюду произвольно распоряжающейся силы; но развѣ въ людяхъ естественнаго направленія уменьшилось самоотверженіе, смиреніе, мужество, любовь къ справедливости? Нѣтъ, эти понятія стали яснѣй, глубже и строже. Развѣ Лассаль и масса подобныхъ ему борцовъ за свободу и человѣческія права не безконечно выше, святѣе первыхъ христіанскихъ мучениковъ, апостоловъ и пр.?

Трагическими штрихами очерчены страданія и мученическая смерть Блондины; ее затерзали при Маркѣ Аврелія, цезарѣ-философѣ, который написалъ прекрасную книгу, наполненную великодушными правилами, проникнутую гуманностью и христіанскою любовью къ людямъ; но христіанинъ не имѣлъ правъ, онъ былъ не человѣкъ, а врагъ рода человѣческаго.

Всѣ друзья свободы и людей въ нашъ языческій вѣкъ во многихъ государствахъ носятъ почетныя названія: враговъ рода человѣческаго. Злымъ пророчествомъ заканчивается этотъ разсказъ, вникните глубже въ простой смыслъ послѣднихъ заключительныхъ словъ: „Всѣ насилія доказывали только боязнь; протекли вѣка, язычество пало (боги, падетъ ли оно?), имена палачей забыты съ проклятіями, но имя Блондины навсегда сохранилось въ исторіи христіанства...“

Король Лиръ

I.

Большая часть господъ, писавшихъ о Лирѣ, высказывали о немъ мнѣнія, дозволенныя цензурой; постараюсь на него взглянуть, не соображаясь ни съ какими цензурами и выставить его такимъ, какимъ онъ является въ трагедіи Шекспира; я укажу на нѣсколько чертъ, которыя врядъ ли были замѣчены критиками. Въ I дѣйствіи Лиръ—императоръ самодуръ; онъ похожъ какъ двѣ капли воды на всѣхъ абсолютныхъ монарховъ земнаго шара; онъ окруженъ, какъ и всѣ монархи, всѣхъ шерстей и оттѣнковъ, подлипалами, трутнями, очищенными холопами, маскарадными масками, всѣмъ тѣмъ вылощеннымъ снаружи отребьемъ, которое, прячась за царскую порфиру и ослѣпительную корону, хищнически запускаетъ когтистыя лапы въ народное, наболѣвшее мясо. Уродливый міръ, окружающій Лира, трясущійся отъ мановенія бровей его, коверкаетъ его сильный характеръ; ложно направленныя силы проявляются въ горячечномъ произволѣ. Въ I дѣйствіи король Британскій Лиръ—Титъ Титычъ Брусковъ съ братьей, въ болѣе красивой шкурѣ и въ болѣе блестящей обстановкѣ. Онъ дѣлитъ свое царство между дочерями и увѣренъ, какъ религіозный фанатикъ, въ своей отвлеченной идеѣ, что онъ безъ короны и ея мощныхъ атрибутовъ останется тѣмъ же грознымъ Шивою, передъ которымъ въ великомъ трепетѣ будутъ пресмыкаться паріи; об-

становка, его окружающая, одурила его до такой степени, что онъ умудрился вообразить себя королемъ въ рубищѣ. Онъ велитъ сказать дочерямъ, какая изъ нихъ его больше любитъ; искалѣченный умственно и нравственно, онъ вѣритъ льстивонапыщеннымъ словамъ Реганы и Гонериліи и цѣпенѣетъ отъ гнѣва, услышавъ скромно простыя слова любящей Корделіи; принимая всегда за правду льстиво подобострастный шопотъ, зависящихъ отъ него придворныхъ, онъ уже былъ не въ состояніи понять ни умомъ, ни сердцемъ, голосъ истинной, безкорыстной любви. Онъ отдаетъ все царство двумъ дочерямъ, а Корделію изгоняетъ, осыпая проклятіями; король французскій, женихъ Корделіи, юноша, сердцемъ угадываетъ въ молчаніи Корделіи возвышенную любовь, стоящую выше громкихъ фразъ; отверженной, лишенной доли царства, онъ предлагаетъ свою руку. Кентъ, честный, правдивый человѣкъ, возможный въ частной жизни и идеальный призракъ при дворѣ, вступается за Корделію, но отуманенный гордынею, разсвирѣпѣлый Лиръ, какъ левъ, разбуженный въ берлогѣ, грозно рычитъ:

„Натянутъ лукъ — не стой передъ стрѣлою.“

Во второмъ актѣ величайшій психіатръ — Шекспиръ перетасовалъ шахматы; онъ насмѣшливо сдернулъ съ Лира его божественную корону, драгоцѣнную порфиру, нахлобучилъ на него дурацкій колпакъ съ бубенчиками и напустилъ его, жалкаго мечтателя, на двухъ дочерей, любовное краснорѣчіе которыхъ подарило имъ царство. Первое время Лиръ слѣпо вѣритъ въ свое могущество, но жизнь полная горькой, ни кого не щадящей прозы, разрушаетъ его величественную, классическую иллюзію. Обѣ сестры, выдержавшія на своихъ плечахъ весь гнетъ деспотизма, затаивъ въ себѣ злую месть къ самоуправцу Лиру, овладѣвши властью, придираются къ нему, обрѣзываютъ и общипываютъ его дорогія, царскія прихоти и въ концѣ концовъ выталкиваютъ его за дверь, во время страшной грозы, въ пустыню. Лиръ, завладѣвши тономъ, выгналъ за дверь народъ въ пустыню, великодушно обрекши его на голодъ, холодъ и гибель, и та же суровая катастрофа разыгралась надъ его собственной, беззащитной, сѣдой головой. Въ нѣсколько часовъ, онъ постигаетъ во всей глубинѣ всю злую иронію жизни; юпитеревски могущественный, царскій призракъ разлетается, какъ мыльный пузырь; мысль, что онъ безъ короны—ничтожный, слабый старикъ, кумирчикъ обрѣченный на дрова, переворачиваетъ его мозгъ; онъ задыхается въ проклятіяхъ, въ нихъ слышится

растоптанная гордость, презрѣніе къ себѣ, ненависть къ дочерямъ, разрушившимъ галлюцинацію его жизни. Конецъ дѣйствія замыкается, какъ погребальнымъ припѣвомъ, тирадами скомороха, который скептически уменъ, какъ самъ Мефистофель; звеня колокольчиками, онъ осыпаетъ Лира молніеносными сарказками, сохраняя добродушное, невинное выраженіе, царскаго шута:

„Мало было толку въ твоей лысой маковкѣ,
Когда ты отдалъ съ нея свою золотую шапку.“
„Я дуракъ, а ты нуль безъ цыфры.
Свѣчку отдалъ, въ потьмахъ сиди.“
„Добрая синичка кукушку кормила,
А кукушка птичкѣ голову скусила.“

Въ концѣ втораго акта шутъ выростаетъ до исполина, а король Лиръ падаетъ до карлика-скоромоха.

II.

Въ третьемъ актѣ подъ вой бури, подъ потоками дождя, при свѣтѣ безпрерывныхъ молній, въ Лирѣ свершается бурная реакція — разрушеніе упорной иллюзіи въ старикѣ глубоко естественно кончается помѣшательствомъ; нервы и мозгъ изнемогли подъ массою наплывающихъ и неуспѣвающихъ улегаться сильныхъ ощущеній; Лиръ путаясь въ собственныхъ заклинаніяхъ и проклятіяхъ, сходитъ съ ума и, сумасшедшій, онъ становится болѣе человѣкомъ, болѣе трезво умнымъ, чѣмъ Лиръ-король отъ головы до пятокъ, на британскомъ тронѣ; дождь промочилъ его до костей, реакція свершилась и увидѣлъ онъ въ себѣ, черезъ чуръ поздно, жалкое, голое, двуногое животное. Столкнувшись, въ грозу, въ пустынѣ съ нагими несчастливцами, онъ прозрѣлъ и очеловѣчился; въ немъ засвѣтилась яркимъ огонькомъ, не успѣвшая совершенно затухнуть во дворцѣ, искорка человѣческой души; онъ вспомнилъ, черезъ чуръ поздно, о народѣ, голомъ, голодномъ, который цѣною рубища насыщалъ, незнающій пресыщенія дворъ короля Лира; въ немъ забродили глубоко теплыя, трогательныя чувства, которыя не снились ему во дворцѣ, даже въ самыхъ причудливыхъ сновидѣніяхъ; обращаясь къ бѣдному, вѣрному шуту, онъ иронически грустно говоритъ:

„Товарищъ, гдѣ же солома?
Нужда — вещь чудная. Пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну что же?
Гдѣ твой шалашъ? Иди дуракъ мой бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость: я тебя жалѣю.“

Останавливаясь передъ шалашомъ, онъ пускаетъ впередъ шута.

„Ступай впередъ, бѣднята,
Голякъ бездомный, ну ступай подъ кровлю,
Я жъ помолюсь и лягу спать ужъ послѣ.
Вы бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я? Учись богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ небо.“

Совѣтую тебѣ, читатель, вдуматься въ послѣднюю строку: мы съ тобой въ полномъ умѣ не выдумаемъ такой фразы. Если такія чувства, теплыя, святыя пробуждаются только у свихнувшихъ съума монарховъ, то я желаю, отъ всего сердца, съ ума сойти нашему умному монарху, примѣнивши слова сумасшедшаго Лира къ дѣлу, онъ совершитъ то, что не входило въ программу цѣлаго сонмища въ своемъ умѣ находившихся монарховъ. Въ порывахъ сумасшествія его мозгъ и нервы стали громадно чутки къ окружающей изнанкѣ жизни, пристально взглядѣвшись въ бѣдняка бездомнаго, онъ грустно говоритъ:

„Неужели это человѣкъ — человѣкъ и ничего больше? Смотрите на него хорошенько: на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелка отъ червя. А, мы трое не люди — мы поддѣлка! Вотъ человѣкъ какъ онъ есть — бѣдное, голое двуногое животное... Прочь съ меня все чужое... *(шуту)* эй, разстегни здѣсь *(рветъ на себѣ платье)*...

Снова погребально звучитъ саркастическій припѣвъ скомороха:

„Кумъ не раздѣвайся, здѣсь негдѣ плавать.“

При чтеніи перваго акта, ненависть ростетъ къ Лиру при каждомъ его новомъ словѣ; на столько каждое слово сумасшедшаго Лира все болѣе и болѣе пробуждаетъ къ нему участіе и глубокое состраданіе, примиряешься съ нимъ вполнѣ. На тронѣ онъ былъ слишкомъ поддѣланъ, встрѣча съ обдѣланнымъ народомъ его чудно преобразила; дикая пустыня,

гдѣ онъ метался въ глубокомъ страданіи, бокъ о бокъ съ нищими, была для него тоже, что гора Ѳаворъ для Іисуса. Хищное животное на тронѣ, онъ является вполнѣ человѣкомъ сумасшедшій, причудливо убранный не драгоцѣнными каменьями, а соломою и цвѣтами, въ разодранномъ рубищѣ; ядовито горько говоритъ онъ въ своемъ чудномъ, умномъ безуміи:

Они меня гладили какъ собачку, они льстили мнѣ, у меня не было волосъ на бородѣ, а они уважали мои сѣдины; на мои слова мнѣ говорили да и нѣтъ въ одно время. А я ихъ понялъ, когда дождь промочилъ меня хорошенько! Когда я дрожалъ отъ студенаго вѣтра, когда громъ не захотѣлъ умолкнуть по моему приказу, тутъ то я ихъ хорошо понялъ! Нѣтъ, льстивымъ рѣчамъ не надо вѣрить. Мнѣ говорили, что я всесиленъ: лихорадка сильнѣе меня.“

Чѣмъ болѣе разыгривается его сумасшествіе, тѣмъ прекраснѣе сплетаются его мысли; подъ конецъ его языкъ — „жало мудрыя змѣи.“ Онъ отчеканиваетъ каждое слово съ послѣдовательностью великаго логика:

„Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія, глядя своими ушами? Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ воромъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу на ухо *(тихо)*: перемѣни мѣста, который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаетъ на нищаго?“

Глостеръ. „Да, государь!“

Король Лиръ. „И голякъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ отъ собаки! Собаки
Онъ долженъ слушаться: она власть...
Злой пономарь, ты весь въ крови! прочь руки!
Зачѣмъ сѣчешь развратницу! Скорѣе
Свою подставь ты спину. По душѣ
Ты самъ развратенъ. Ростовщикъ повѣсилъ
Обманщика. Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно видѣнъ глазу:
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото, стальное
Копье закона сломится безвредно,
Одѣнь его въ лохмотья и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки пигмея.
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! нѣтъ! я знаю,
Я заступлюсь за всѣхъ — зажму я рты
Доносчикамъ. Ты это знай, мой другъ,
Купи себѣ стекляные глаза
И какъ дрянной политикъ, дѣлай видъ,
Что видишь то, чего не видно.“

Слова Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ удивительно совпадаютъ съ знаменитою фразою: „tout comprendre c'est tout pardonner“. Эту фразу во всемъ ея гуманномъ, всеобъемлющемъ значеніи оцѣнитъ свѣтлое грядущее; наше поколѣніе не доживетъ до этого счастливаго часа, мы умремъ, зады-

хаясь въ гнѣвѣ и желчи, окруженные безсмысленнымъ мракомъ дикаго деспотизма.

Скоро наука безвозвратно разрушитъ нашу гордую, слѣпую дѣтскую вѣру въ нашу свободную волю, она докажетъ, что „человѣкъ свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ.“ Давно пора человѣческія дѣйствія и порывы, начиная съ величаво-прекрасныхъ и кончая преступными и мрачно грязными, объяснять не запутанно-отвлеченнымъ путемъ, а правдиво естественнымъ; разгадка всего таится не въ надзвѣздныхъ пространствахъ, не въ душахъ, порхающихъ надъ матеріей, а въ окружающей человѣка жизни, въ физіологической наслѣдственности. «Les fautes des femmes, des enfants, des serviteurs, des faibles, des indigents et ignorants sont la faute des maris, des pères, des mères, des forts, des riches et des savants» и такъ далѣе до безконечности. Когда каторжные, варварскіе вертепы превратятся въ здоровые, свѣтлые, просторные пріюты для жертвъ ненормально сложившейся жизни, а лакомые на человѣчье мясо и кровь цивилизованные судьи превратятся въ горячихъ послѣдователей всепрощающаго Христа, тогда сбудутся слова развѣнчаннаго, помѣшаннаго старика Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“

Неаполь.— 1873 г.

Ромео и Джульета

Существуетъ потертая фраза, что Шекспира можно глубоко понять и оцѣнить только на сценѣ, но отнюдь не на нашихъ столичныхъ сценахъ, не въ Парижѣ, но только въ Лондонѣ и Берлинѣ. Съ трудомъ я могъ достать мѣсто въ знаменитомъ Шауспильгаузѣ. Декораціи, актеры, все сливалось въ одно прекрасное цѣлое; тутъ не было ни широкоплечихъ, съ бычачьими шеями, дикимъ звѣремъ завывающихъ трагиковъ, ни подозрительно охрипшихъ актрисъ, неизмѣнно играющихъ юныхъ дѣвственницъ, ни тянущихъ горькую великихъ, но совершенно непризнанныхъ талантовъ, ни суровыхъ, таинственно молчаливыхъ лицъ, самоотверженно играющихъ статуй и привидѣній,—отъ перваго и до послѣдняго замирающаго акорда драмы иллюзія не прекращалась ни на одно мгновеніе. Джульету играла молоденькая, нѣжной красоты дѣвушка; ея черные, южные, широкоразрѣзанные глаза дивно мѣняли свое выраженіе. Ромео игралъ Роберъ—юный, но великій талантъ; въ каждомъ его движеніи проглядывалъ граціозный веронскій патрицій, необузданно пылкій юноша. Въ первомъ дѣйствіи, въ маскарадѣ, встрѣчаются два юныхъ, красивыхъ существа; они встрѣтились глазами и вспыхнула въ нихъ неодолимая страсть; въ молодомъ сердцѣ накипѣла жажда любви, одной искры было достаточно, чтобы вспыхнуть пожару; они были похожи на два южныхъ цвѣтка; въ теплое, душистое, майское утро солнце заронило горячій лучъ въ чашечку нераспустившагося цвѣтка; согрѣтый лучемъ, обрызганный росою, онъ мгновенно распустилъ свои лепестки и заблесталъ красотою, испуская нѣжный ароматъ.

Ромео и Джульета пылкіе дѣти; они радостно отдаются

набѣжавшему счастью; они не анализируютъ чувства, грозы у нихъ впереди, а пока надъ ними чудное, ласковое небо; ихъ охватило чувство первой жгучей любви; они непозволительно блаженствуютъ; но Шекспиръ, знавшій глубоко жизнь, поставилъ ихъ безумное ликованіе въ зависимость отъ слѣпаго, страшнаго по своей безсмысленности *случая*; тяготѣющій *случай* — идея великая. Шекспиръ, дѣлая его двигателемъ трагедіи, невольно впадаетъ въ атеизмъ: *случай* и Богъ несовмѣстимы. Рецензенты Шекспира зажмуриваются на этотъ глубочайшій элементъ его трагедій и драмъ. Религія, а за нею и богобоязненные поэты видятъ въ Богѣ мудраго, благонамѣреннаго императора, неусыпно пекущагося о своихъ подданныхъ, тогда какъ случай не подводится ни подъ какіе итоги: на видъ въ немъ все безобразно перепутано. *Случай* въ переводѣ на современный намъ языкъ — природа, съ ея безчисленными законами, комбинація которыхъ, на видъ безобразно перепутанная, сбиваетъ съ толку людей мало мыслящихъ: слѣдствія они смѣшиваютъ съ причинами. Въ случаѣ все участвуетъ: и люди съ своими безчисленными столкновеніями, и бездушная, неинтересующаяся нами, третирующая насъ природа; случай — не благой Богъ, обязательно наблюдающій за людскимъ благополучіемъ, черезъ-чуръ щедро награждающій праведниковъ и черезъ-чуръ карающій злыхъ,—случай—природа, которой рѣшительно все равно: утопаетъ ли родъ человѣческій въ блаженствахъ мусульманскаго рая, или судорожно захлебывается въ грязи и крови; основа ея — законъ неумолимый, разрушающій, какъ мельничный жерновъ, все препятствующее ему на пути. Случай не пощадилъ Ромео и Джульеты, онъ свелъ ихъ вмѣстѣ, подарилъ имъ безумно-сладкіе часы, безсознательно поднялъ ихъ на седьмое небо и безсознательно раздавилъ. Непримиримая вражда ихъ отцевъ — случайность; отъ препятствій, какъ и всегда, разгоряется ихъ любовь; они урывками, лихорадочно наслаждаются счастьемъ, лунною ночью, среди фонтановъ и пахучихъ цвѣтовъ; они изливаютъ свою любовь „въ словахъ нѣжныхъ, какъ свѣтъ луны, и отрадныхъ, какъ запахъ розы.“ Препятствія заставляютъ Джульету рѣшиться на отчаянное средство: по совѣту монаха Лоренцо, она принимаетъ напитокъ, погружающій въ летаргію; ее должны опустить въ склепъ и она должна проснуться — сказочная царевна—отъ поцѣлуя юноши. Когда я пишу, я вижу передъ собою блѣдную, стройную Джульету, она подняла кубокъ дрожащею рукою, ея щеки пылаютъ, вдохновенные глаза горятъ страстью и рѣшимостью; улыбаясь страшною улыбкою, она говоритъ, ледянящимъ душу голосомъ:

„Но если я проснусь въ моемъ гробу,
Проснуся раньше, чѣмъ придетъ Ромео...
Вотъ страшно что... Да, да, я задохнусь
Подъ сводами могильными, куда
Не входитъ свѣжій воздухъ, и умру
Я прежде, чѣмъ придетъ туда мой милый,
А если и останусь я жива —
Не все ль равно: мечты о смерти, ночь,
Всѣ ужасы могилы, темный склепъ,
Гдѣ нѣсколько сотъ лѣтъ погребены,
Прапрадѣдовъ моихъ хранятся кости,
Гдѣ въ саванѣ лежитъ окровавленъ
Тибальта трупъ, ужъ преданный гніенью,
Гдѣ, говорятъ, въ извѣстный ночи часъ
Выходятъ привидѣнья... Боже! если
Я ранѣе проснусь, окружена
И смрадомъ тѣлъ и стонами глухими
Похожими на тѣ, что издаетъ
Вдругъ вырванная съ корнемъ Мандрагора,
Отъ нихъ бѣжитъ въ безумномъ страхѣ каждый.
О! если я проснуся прежде ихъ!...
Съума сойду я, и въ безуміи буду
Прапрадѣдовъ моихъ играть костями
И вытащу изъ савана Тибальта
И, въ бѣшенствѣ, одной изъ тѣхъ костей
Свой черепъ разобью.....“

Случай помѣшалъ Ромео узнать о планѣ: монахъ, посланный съ извѣстіемъ къ Ромео, былъ задержанъ по случаю свирѣпствующей чумы, и все обречено гибели. Распространяться о натуральности, глубинѣ и чудовищной поэзіи Шекспировскихъ трагедій и драмъ было бы слишкомъ истерто. Драма идетъ крещендо, событія ростутъ и наконецъ масса набѣгающихъ событій разрѣшается грандіозною развязкою. Послѣдняя сцена изображаетъ таинственный, мрачный склепъ съ темными, колоссальными колоннами; среди склепа, на возвышеніи стоитъ гробъ, обтянутый чернымъ бархатомъ, обшитый серебромъ; возвышеніе и полъ кругомъ покрыты чернымъ бархатомъ, шитымъ серебромъ; по черному фону разсыпаны бѣлыя и пунцовыя розы, лиловыя фіялки. Въ театрѣ лампа чуть мерцаетъ; сцена освѣщена блѣдно-синимъ, бенгальскимъ огнемъ; въ гробу, покрытомъ газомъ, лежитъ красавица — Джульета; черезъ газъ просвѣчиваютъ ея блѣдное личико, черныя, густыя косы, нѣжныя, бѣлыя плечи, ждущія поцѣлуя губки; въ желѣзныя рѣшетки склепа глядитъ синяя веронская ночь, полная тайны и нѣги; въ серебристой голубой мглѣ неподвижно темнѣютъ кипарисы и стройныя готическія башни. Въ склепъ входитъ Парисъ — женихъ Джульеты, любящій, но не любимый; огонь факела озарилъ пунцовыя розы — вѣнокъ на головѣ Джульеты, лицо

стало блѣднѣе, тѣни около глазъ рѣзче обозначились, бархатъ сталъ еще чернѣе, а серебро блестящѣе. Парисъ цѣлуетъ невѣсту и подавленный скорбью, удаляется въ сторону. Синюю мглу снова озаряетъ факелъ; къ рѣшеткѣ подходитъ тихо, весь въ черномъ, смертельно блѣдный Ромео; факелъ освѣтилъ его лицо; оно было исковеркано пытками Тантала; въ застывшемъ взглядѣ не было тѣни надежды, онъ говоритъ пажу:

„Теперь ступай...
Но если ты дерзнешь сюда вернуться,
Чтобы слѣдить мои дѣянья тайно,
Тогда клянусь, твои составы всѣ
Сломаю я, и жадно кладбище
Усѣю все твоими я костями,
Мой часъ насталъ, намѣренья мои
Неизмѣнимы, яростны и дики;
Они лютѣе тигра на свободѣ,
Страшнѣе моря въ часъ ужасной бури.“

Какъ Самсонъ, желѣзными руками онъ растворяетъ ворота; голосомъ похожимъ на клокотаніе огненной лавы, онъ говоритъ:

„О нѣдра смерти! алчная утроба,
Похитившая лучшій цвѣтъ земли,
Я пасть твою тлетворную открою
И новою тебя насыщу жертвой.“

Парисъ идетъ съ ненавистью ему на встрѣчу; они обнажаютъ шпаги. Ромео нѣчего терять, смерть для него — вѣчный, сладкій сонъ, забвеніе послѣ безконечной муки. У гроба спящей, сказочно прекрасной Джульеты, въ тишинѣ катакомбъ, при блескѣ факеловъ, блестятъ шпаги, и Парисъ падаетъ мертвый. Ромео стоитъ надъ убитымъ соперникомъ, и изъ глубины души его вырывается горькій смѣхъ; грустно склонившись надъ нимъ, онъ говоритъ:

„Товарищъ,
Записанъ ты со мною рядомъ въ книгѣ
Таинственныхъ судебъ! такъ дай же руку!
Я схороню въ торжественной могилѣ
Твой юный прахъ! въ могилѣ? нѣтъ въ чертогѣ
Сраженный юноша; да въ ней почіетъ
Джульеты прахъ... и этотъ мрачный склепъ
Краса ея въ чертогъ преобразила.
(Кладетъ Париса въ склепъ)
Лежи здѣсь трупъ, похороненный трупомъ.
Какъ часто люди веселы бываютъ
Въ послѣдній часъ, и это называютъ

Предсмертною зарницей. Какъ же мнѣ
Назвать посѣднія минуты?
Любовь моей души, моя супруга!
Смерть высосавъ до капли жизнь твою,
Надъ красотой твоей еще безвластна
И не совсѣмъ раскинулось надъ ней
Могильной тьмы таинственное знамя.
Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ еще прекрасна,
Неужли смерть, незримый этотъ призракъ
Тобою очарована? Быть можетъ
Чудовище щадитъ тебя затѣмъ,
Чтобъ быть твоимъ любовникомъ во мракѣ?
Но остаюсь я самъ на стражѣ здѣсь
И траурный чертогъ твой не покину,
Не выйду, здѣсь останусь, здѣсь съ червями,
Прислужницами смерти! Да, я здѣсь
Созижду мой покой на вѣкъ — стряхну
Весь грузъ судьбы съ моей усталой плоти."

Конвульсивно рыдая, со стономъ онъ припадаетъ къ ея груди, душитъ ее безумными поцѣлуями; въ рукѣ его ядъ. Надъ нимъ тяготѣетъ пронический случай: Джульета опоздала проснуться, а онъ такъ глубоко естественно поспѣшилъ умереть. Онъ выпиваетъ ядъ, какъ Гетера кубокъ искрящагося вина, и глядитъ, болѣзненно ужасно, въ ея закрытые глаза; быстро ослабѣвающія руки хватаются за гробъ, тѣло тихо опускается; онъ послѣдній разъ напрягаетъ всѣ силы заглянуть въ гробъ; онъ цѣлуетъ гробъ и мертвый падаетъ на ступеняхъ возвышенія. Теперь пора проснуться Джульетѣ.

Смерть, какъ легкое дуновеніе, вѣетъ надъ ея спящею прелестною головкою; пробужденіе ея будетъ страшное; газъ зашевелился и прозрачно-блѣдная, съ улыбкою блаженства, приподымается въ гробу Джульета; она очнулась и Ромео — первая мысль ея пробужденія; жажда наслажденія проснулась въ ожившей душѣ. Она встаетъ и наталкивается на трупъ; у нея вылетаетъ крикъ, отъ котораго заныла моя душа и, не смотря на удушливый театральный жаръ, 40° холодъ пробѣжалъ въ мозгу и нервахъ. Она припадаетъ жаркодышащею грудью къ его колѣнямъ, прислушивается къ его на вѣки затихшему дыханію; немного словъ вырывается у нея, но они падаютъ на душу, какъ пламя; отыскавши кинжалъ, она, съ улыбкою самозабвенія, убиваетъ себя, и наступаетъ пиръ смерти... Драма доростаетъ до своихъ крайнихъ границъ: синюю мглу освѣщаютъ факелы, входитъ въ склепъ отецъ Джульеты и, какъ молніей пораженный, останавливается надъ ея трупомъ; за нимъ входитъ отецъ Ромео; за минуту тутъ встрѣтились соперники, а теперь сошлись неумолимые враги. Въ склепъ, окруженный

свитою, входитъ герцогъ и трогательно говоритъ о примиреніи, и у могилы нѣжно любимыхъ дѣтей два врага, рыдая, подаютъ другъ другу руки. Въ нѣсколько часовъ передо мною пронеслась громадная масса жизней. Величественная драма мощно и естественно развернулась подъ давленіемъ случая; погибли два юныхъ существа, великое преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они умѣли безгранично любить. Послѣдній моментъ драмы полонъ іроніи: два старика-отца черезъ-чуръ поздно подали, обливаясь слезами, другъ другу руки. Какими ничтожными, быстро и безслѣдно погибающими мошками показались мнѣ наши поэты, временные идолы; какою жалкою грудою запачканной бумаги показались мнѣ новѣйшія драмы, съ свѣженькимъ, модненькимъ направленьицемъ, путаницею замысловатыхъ эфектовъ, съ наидлиннѣйшими ходулями, съ картонными маріонетками вмѣсто лицъ, дрябленькими, тощенькими чувствованьицами вмѣсто чувствъ и съ разнузданною фантазіей, богатою какъ греза, спящей блохи.....

„Довольно“ и „Призраки“

Ив. Тургенева.

„Вынулъ изъ кармана, вмѣсто золотыхъ часовъ, цѣлую пригоршню червей....“

Я не пишу критическаго разбора сочиненій Тургенева: наши знатоки литературнаго лакомства очень тонко разобрали и разсмотрѣли его сочиненія. Всякое слово взвѣшено на каратъ; всѣ характеры, романтичныя склонности, даже позы героевъ промѣрены критическимъ и эстетическимъ аршиномъ; помирены всѣ противорѣчія; угаданы всѣ сокровенныя мысли, изумительно разъяснены даже такія, которыя самому Тургеневу не грезились, даже въ его „Призракахъ“; нѣтъ живаго мѣста, нѣкуда воткнуть булавку; отъ повальнаго обыска уцѣлѣли какимъ-то чудомъ двѣ статьи; объ нихъ говорили, но такимъ образомъ, что въ сущности они остались нетронутыми. Эти статьи: „Довольно“ и „Призраки.“

„Довольно“ — одна изъ лучшихъ статей Тургенева; она проникнута яркою поэзіею; она кипитъ мыслями иногда поразительно глубокими. „Довольно“ — разросшееся до гигантскихъ размѣровъ „И скучно и грустно“ Лермонтова. Это — коробящій, дикій хохотъ отчаянія, постигшаго ничтожество, даже собственнаго отчаянія. Ни одинъ мучающійся мыслію человѣкъ не обошелъ въ жизни мрачнаго момента,

болѣзненнаго, поголовнаго отрицанія; отъ него не спасетъ ни молодость, ни душевная ширь, ни плодотворная дѣятельность, ни горячая вѣра въ будущее. Въ эти скорбныя минуты человѣкъ неожиданно ясно начинаетъ чувствовать давленіе вѣчности и неизмѣримости; завязка падаетъ съ его глазъ и съ мучительною ясностью, колко, нагло - рѣзко вырѣзывается передъ нимъ ничтожество и пошленькая мелочь всего существующаго, не исключая великихъ словъ, великихъ дѣлъ, великой борьбы. Въ эти минуты прогрессъ міра кажется микроскопическою, свѣтящеюся точкою на необозримомъ черномъ фонѣ бездоннаго неба. Этотъ диссонансъ таинственно хоронится въ глубинѣ самаго дѣятельнаго мозга; это Мефистофель, являющійся безъ призыва, безъ думы объ немъ. Продолжайся ненатянуто это трупное чувство долгое время, оно раздавило бы человѣка своею злою громадностью. Антей. прикасаясь къ землѣ, черпалъ изъ нея страшныя силы. Спустившись въ такую преисподнюю отрицанія, мы съ большею силою начинаемъ ощущать въ себѣ жизнь; внутри насъ снова начинаетъ кипѣть кровь, а въ мозгу снова разцвѣтаютъ горячіе сны, могучія упованія; жизни чуждо такое золотушное, больное отрицаніе, безплодный нигилизмъ. Дайте жизни, жизни намъ, всемогущіе боги! умирать намъ рано. Погрузись міръ въ такое нравственное и умственное разложеніе, онъ отодвинулся бы назадъ на цѣлые вѣка. Вѣра въ себя и внутренній голосъ говоритъ, что мы могущественны и велики въ насъ силы на благое. Что за дѣло до нашей относительной малости? что за дѣло, что весь видимый міръ — „наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила плѣсень?“ Цѣлое видимое небо — та же куча атомовъ въ сравненіи съ безконечнымъ множествомъ другихъ колоссальныхъ міровъ, разсѣянныхъ въ необъятномъ небѣ. Самосозерцаніе собственной микроскопичности не изобрѣло намъ локомотива, прорѣзающаго мглу облаковъ, не прорыло тоннеля черезъ Монсени; оно не подвинетъ впередъ всепроницающей, всепобѣждающей науки, не раздвинетъ нашъ умъ до пониманія великаго, не передастъ нашего слова черезъ ширь океана въ секунду, не создастъ государственнаго строя Америки, не поборетъ угнетающія насъ свирѣпыя силы, не разсѣетъ густаго мрака, который затемняетъ намъ солнце. Такая панихида по самомъ себѣ предвѣщаетъ могилу. Если человѣчество сложитъ „на пустой груди пустыя руки,“ его заклюютъ черные вороны, вѣчно стерегущіе неподвижную добычу. Застой — смерть, движеніе — жизнь. Такимъ самоуничиженіемъ воспользуется тиранія и снова изъ исторической тьмы выползутъ кровавыя чудовища. Проснись

не Лиръ, а только Филиппъ Испанскій и онъ задохнулся бы отъ злобы, взглянувъ на міръ; онъ замѣтилъ бы къ ужасу своему, что искорка величиною въ маленькую звѣздочку, не смотря на все усердіе гасителей, разгорѣлась въ свѣтящееся, разливающее тепло и жизнь солнце. Время, рождавше Ричардовъ III тысячами, родитъ ихъ единицами. Призраки, совершенно справедливо, на волосъ не пугаютъ современныхъ намъ тирановъ: вмѣсто страшныхъ призраковъ, теперь царитъ въ мірѣ страшная дѣйствительность — время, съ его мягкими путами; отъ этого грознаго критика не открестишься; избѣжать его вліянія и суроваго анализа такъ же невозможно, какъ избѣжать жары, стоя безъ прикрытія подъ раскаленнымъ солнцемъ. „Довольно“ написано музыкальнымъ языкомъ; но на всемъ сочиненіи лежитъ дымка. Эта неопредѣленность сквозитъ въ оборванныхъ мысляхъ, блестящихъ фразахъ, звенящихъ акордахъ. „Довольно“ отъ первой и до послѣдней строки пахнетъ трупомъ; оно проникнуто разложеніемъ, чувствительнымъ только для свѣжаго обонянія; сухое, мертвящее отрицаніе обвѣяно роскошною поэзіей, замаскировано ослѣпительными софизмами; оно напоминаетъ балетныя сцены, гдѣ дѣйствительность преображается, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ и розовою дымкою, наброшенною на трупъ. Черезъ этотъ полупрозрачный газъ трико кажется нѣжнымъ, прекраснымъ тѣломъ, рябое лицо зараженной сифилисомъ балетчицы—гипсовымъ изваяніемъ, освѣщеннымъ изнутри таинственнымъ свѣтомъ; жадные, пошлые глаза — ласкающими, зовущими къ наслажденію. Выньте мертвеца изъ гроба, и подъ этимъ волшебнымъ покровомъ онъ превратится въ спящаго Адониса; черви, клубящіеся внутри его не выяснятся при фантастическомъ свѣтѣ и розовомъ покрывалѣ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„Призраки“ заключаются въ томъ, что къ г. Тургеневу, въ одну прекрасную ночь, явилась прозрачная, какъ туманъ, дѣвушка; она похожа на облако, дымъ, млечный туманъ, сумерки, серебряный свѣтъ луны, на вампира и скорбящую душу, а болѣе всего на млечную, сумеречную, туманную галиматью, наводящую скорбь на душу. Mlle Элисъ — духъ, родная сестрица всѣмъ призракамъ женскаго пола Гг. Гофмана, Ратклифъ, Жанъ Поля. Эта молочно-туманная женщина объяснилась въ любви г. Тургеневу. Женщины—не призраки

не любятъ начинать первыя; женщины—призраки совершенно напротивъ. Она воздушными руками обхватываетъ далеко невоздушнаго автора „Наканунѣ," „Отцы и дѣти," „Дыма," „Собаки" и „Чертопханова" и sans façon уноситъ его подальше отъ грѣшной земли. Когда я читалъ это глубоко-эксцентрическое мѣсто, мнѣ вспомнилась карточка Тургенева, продающаяся въ книжныхъ магазинахъ; на ней изображенъ сѣдой, высокій, почтенный старикъ, съ добрымъ выраженіемъ лица, въ сѣромъ, клѣтчатомъ пиджакѣ, съ вѣрнымъ пуделемъ у ногъ. Съ оскорбительною для меня ясностью вдругъ мнѣ представилось, что г. Тургеневъ, длинный, въ сѣромъ пиджакѣ и сѣрыхъ панталонахъ не хуже Іисуса возносится въ воздушный океанъ, гдѣ онъ намѣревается проплавать всю ночь съ Mlle Элисъ, по мѣрѣ надобности спускаясь на землю и снова подымаясь въ лазурное пространство; на его почтенномъ лицѣ я увидѣлъ прежалкое, недоумѣвающее выраженіе; ясно видно, что онъ не въ своей тарелкѣ. Охота было г. Тургеневу съ непотребною Mlle Элисъ странствовать по ночамъ, компрометируя незапятнанную нравственность! Охота было залетать въ Римъ, чтобы увидѣть голову цезаря! И что это за фантастическая голова, которой стоило только открыть глаза, и Тургеневъ тотчасъ же бы испустилъ духъ? Отъ такихъ наивныхъ галлюцинацій лечутъ компрессами холодной воды. Охота была, чтобы нагородить кучу громкихъ фразъ, вызывать безумную головушку Степана Тимофѣевича! Не-зачѣмъ было понапрасну безпокоить мощную тѣнь. Охота была такъ неостроумно и безцѣльно дурить! На мѣстѣ г. Тургенева, ощутивъ въ себѣ приливъ фантастическихъ порывовъ, черезъ-чуръ несоотвѣтствующихъ нашему скептическому, привязанному къ землѣ времени, я бы попросилъ Марѳу (ключницу Ив. С. Тургенева въ „Призракахъ") поставить самоваръ, засыпалъ бы въ чайникъ малины и пилъ бы ее до жесточайшей испарины, и клянусь страшнымъ, желѣзнымъ кольцомъ Mlle Элисъ, головою цезаря, что это призрачное настроеніе испарилось бы вмѣстѣ съ испариной. Г. Тургеневъ не заболѣлъ бы греческою болѣзнью—анеміею и не написалъ бы аномаліи.

Еще до Тургенева, нашъ талантливый лирикъ Майковъ выкинулъ точно такой же фокусъ въ своемъ очень поэтическомъ стихотвореніи: „Вечеръ въ Тріанонѣ." На этомъ вечерѣ прогуливается Мирабо съ Каліостро. Каліостро, чтобы охладить пламенныя мечты о свободѣ будущаго народнаго вождя, предсказываетъ математически вѣрно его будущность и, не смущаясь ни на волосъ, разсказываетъ, что онъ видѣлъ народъ во многіе періоды его исторической жизни; онъ былъ

вездѣ „иль лютый тигръ, иль смирный волъ.“ Чтобы подкрѣпить эту затѣйливую, симпатическую для Майкова мысль, онъ разсказываетъ, что онъ шелъ съ Моисеемъ въ пустынѣ, былъ во время казни Іисуса, пировалъ вмѣстѣ съ Нерономъ, когда пылалъ подожженный имъ Римъ, былъ при казни Савонароллы, казни Стюарта I. Воображаю, если бы Каліостро на самомъ дѣлѣ вздумалъ нести такую чертовщину Мирабо, воспитанному подъ вліяніемъ энциклопедистовъ XVIII вѣка! онъ удовольствовался бы вполнѣ его путешествіемъ съ Моисеемъ и немедленно сдалъ бы его въ сумасшедшій домъ, какъ безвреднаго, но неизлечимаго сумасшедшаго. Современный, передовой, талантливый лирикъ, находясь въ здравомъ умѣ, кладетъ въ основу своего стихотворенія такой сюжетъ! и безпрепятственно вдохновляется темою, которая дѣлаетъ стихи до того мизерными и забавными, что невольно забываешь всѣ ихъ поэтическія красоты. Удивительный фактъ! Удивительная голова!

У г. Тургенева въ головѣ витали волшебнаго свойства картинки, но разорванныя и непослѣдовательныя; ему жаль было разстаться съ ними и съ тщательно выполированными фразами. Движимый простительнымъ чувствомъ художника, который хочетъ поскорѣе показать публикѣ свои хорошенькія картины, онъ изобрѣлъ Mlle Элисъ—молочнаго вампира, прозрачную глупость; она помогла ему смастерить изъ картинокъ хорошенькій альбомчикъ; онъ внутренно былъ увѣренъ, что читающая публика, большая идеалистка, жадно заищетъ таинственныхъ аллегорій, политическихъ, злостныхъ намековъ; ему, какъ знатоку русскаго сердца, извѣстна слабая, забавно-наивная струнка нашего общества: держа въ рукахъ шляпу, искать ее по всѣмъ комнатамъ и дѣлать самыя фантастическія предположенія о томъ, куда она исчезла. Пора дать полную отставку призракамъ всѣхъ шерстей и оттѣнковъ; они выслужили полный покой; въ былое время ихъ тормошили безъ малѣйшей церемоніи, на нихъ выѣзжала большей частью безталанная ограниченность или выписавшаяся талантливость. Не дается мудреная дѣйствительность, не говоря худаго слова, они тотчасъ подымаются въ высь, и безъ руля и безъ вѣтрилъ, вяло и невыносимо долго плаваютъ въ туманѣ. Призрачность миновала и выступила неисчерпаемая дѣйствительность. Все стоящее внѣ ея здоровыхъ формъ—галиматья, очень полезная только залежалымъ, немѣцкимъ педантамъ профессорамъ, заучившимся до такой сухости, что имъ необходимо дать фантастическаго конфортатива; больше она никому не нужна, она не пугаетъ, а смѣшитъ. А тѣмъ болѣе эти туманные, здравый смыслъ вы-

сасывающіе вампиры непростительны г. Тургеневу, какъ мастеру подмѣчать живыя явленія жизни, которыя онъ такъ глубоко-вѣрно и поэтично изображалъ во многихъ превосходныхъ романахъ. Онъ похожъ на человѣка, который вѣрилъ въ одну природу и ея незыблемые законы и вдругъ неожиданно увѣровалъ въ чудеса Тихона Задонскаго.

Во всѣхъ атмосферахъ русской жизни есть страшные, злые, жизнь душащіе призраки, носящіе дѣйствительныя оболочки и трудно, страшно трудно бороться съ ними; зачѣмъ намъ выдумывать новые?

Біографія Грановскаго

(Сочиненіе Ал. Станкевича.)

Біографія Грановскаго, написанная Станкевичемъ, наводитъ на цѣлый рядъ неутѣшительныхъ размышленій; ощупывая ее въ рукахъ, я ужаснулся ея тяжести; эта огромная книга, вся, отъ первой и до послѣдней страницы, посвящена одному Грановскому; навѣрное Станкевичъ разсчитывалъ, что публика, сложа руки, погружена въ глубочайшую бездѣятельность; неужели она предназначается для людей занимающихся? Если каждое замѣчательное лицо будетъ имѣть такую біографію, то, чтобы прочесть ихъ, нужно жить никакъ не менѣе библейскаго Мафусаила. „Исторія умственнаго развитія Европы“ Дрепера ничуть не болѣе книги Станкевича о Грановскомъ. Нѣтъ лица въ міровой исторіи, о которомъ можно было бы, не издѣваясь надъ читателемъ, говорить на 306 страницахъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ вмѣстѣ съ лицомъ выдвигается громадная масса событій, множество характеристическихъ лицъ или же разбираются сочиненія автора.

Въ біографіи могутъ быть допущены подробности изъ жизни, но только такія, которыя глубоко и рѣзко охарактеризировываютъ самую личность и его дѣятельность; но онѣ должны быть страшно кратки, если пишущій хочетъ возбудить въ читателѣ интересъ, а не хандру отъ невыносимой скуки. Ал. Станкевичъ напоминаетъ въ своей біографіи почтенную старушку-няню временъ крѣпостнаго права, которая со слезами, пришептываніями, всхлипываніями, подобострастіемъ душитъ васъ разсказами о добромъ ея баринѣ, его супругѣ, дѣткахъ, о покойныхъ бабушкѣ и дѣдушкѣ, объ

отсутствующихъ тёщахъ и золовкахъ. Сто страницъ посвящены дѣтству Грановскаго; съ непостижимою наивностью разсказывается о томъ, какой дѣдушка былъ у Грановскаго, чѣмъ онъ занимался, какія предпринималъ аферы. Въ одну прекрасную полночь онъ на зубокъ Тимофею Грановскому несъ 15 тысячъ; мать Грановскаго на бѣду притворилась спящей, а дѣдушка на бѣду быстро раздумалъ и, улепетнувъ съ деньгами, преисправно спустилъ ихъ въ карты. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный старецъ скоро свихнулъ съ ума и его усадили во флигель; довольно подробно описаны обои и мебель во флигелѣ. Самое характеристическое изъ дѣтства Грановскаго слѣдующее: маленькій Грановскій прятался у дѣдушки отъ внушительныхъ наказаній; онъ часто строилъ крѣпости, и самъ упорно осаждалъ ихъ; во время осады онъ нерѣдко летѣлъ кубаремъ; разъ, желая избавиться отъ уроковъ, юный, находчивый Тимофей натрескался воды съ мухами и его прослабило и вырвало послѣ этого. Всѣ великія задатки будущаго замѣчательнаго профессора разсказаны мертвенно вяло; нечего объяснять, что эти дѣтскія продѣлки свойственны дѣтямъ умнымъ, глупымъ и даже чрезвычайно глупымъ: натрескаться воды съ мухами „кому ума не доставало?“

Отъ этихъ характеристическихъ подробностей Станкевичъ переходитъ къ письмамъ къ двоюродной сестрѣ, гувернанткѣ, къ роднымъ сестрамъ; длинная переписка болѣе, чѣмъ обыкновенна, и не вызываетъ ни удивленія, ни интереса. Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ ограничивается крохотными повседневными подробностями, не бросающими атома свѣта на дѣятельность и личность Грановскаго; на 10-ти стр. тянется разсказъ о томъ, какая актриса нравилась Грановскому, а какая Н. Станкевичу — его товарищу и другу, съ кѣмъ онъ познакомился въ Берлинѣ; сухой перечень фамилій не ограничивается Берлиномъ, полицейскій отчетъ густо размазывается по всѣмъ нѣмецкимъ городкамъ, куда заѣзжалъ Грановскій. Въ статьѣ о профессорской дѣятельности кой когда черезъ сѣренькій, великопостный разсказъ просвѣчиваютъ чуть брезжущимъ свѣтомъ дѣйствительно интересныя подробности, но и онѣ заговорены ненужными прибавками. О его лекціяхъ высказаны довольно ходячія фразы: „гуманная разносторонность, глубина и пр. пр.“ Слова: „замкнутость, всеобщность, обобщеніе,“ не смотря на всю ихъ громоздкость, часто повторяются. Очень мало и крайне темно объяснено, въ чемъ же состояло повальное очарованіе лекцій Грановскаго, въ какихъ его идеяхъ сквозитъ глубина, многосторонность и та новизна, дѣлающая его интереснымъ даже для нашего

времени. Отъ замѣчательнаго лица читатель вправѣ требовать немного болѣе, чѣмъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ, обнаруженныхъ вполнѣ въ интимномъ кругу. Статья „послѣдніе годы жизни Грановскаго“ вся состряпана изъ писемъ Грановскаго къ сестрамъ, кузинѣ, друзьямъ и меланхолически мечтательныхъ присказокъ; но въ нѣкоторыхъ письмахъ и нѣкоторыхъ замѣткахъ выдаются такіе младенческіе взгляды, что я считаю ихъ долгомъ выписать. Серьезный мыслитель, слѣдящій за современностью, производящій очарованіе своимъ многостороннимъ умомъ, пишетъ къ кузинѣ, что онъ съ Н. Станкевичемъ встрѣтится въ загробномъ мірѣ и тамъ пожметъ ему руку — не мѣшало бы для большей ясности назначить гостинницу, въ которой онъ остановится — говоря, что онъ проситъ у отца благословеніе на свадьбу, онъ прибавляетъ: „бракъ безъ благословенія родителей приноситъ большія несчастія.“ По словамъ біографа — Станкевича онъ признавалъ за непоколебимую истину слѣдующее архипастырское изреченіе: „Поверхностное знаніе удаляетъ насъ отъ религіи, основательное возвращаетъ насъ снова къ религіи.“ Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ убогія московскія старушки сдѣлались столь религіозными отъ основательнаго научнаго знанія! Возвратило ли глубокое изученіе науки въ нѣдра христіанской церкви Вирхова, Бюхнера, Молешота, Фохта, Дюбуа Раймонда, Фейербаха, Ренана и цѣлую фалангу великихъ мыслителей и ученыхъ?

Станкевичъ никакъ не можетъ забыть тихій лѣтній вечеръ, гдѣ онъ, гуляя съ Грановскимъ, услышалъ отъ него слѣдующія, поучительныя фразы: Грановскій вспомнилъ Вильгельма Гумбольдта, который вѣрилъ въ загробное свиданіе съ своею супругою, и Гёте, открывшаго секретарю Эккерману, что онъ вѣритъ въ безсмертіе души; отъ себя онъ прибавляетъ: „для меня относительно этихъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей.“ Такая удивительная вѣра въ непогрѣшимость Вильгельма Гумбольдта и Гёте чрезвычайно трогательна; попы, говоря дремучую, бездоказательную ерунду, ссылаются на Луку, Матѳея, Павла, Іоанна; многосторонній профессоръ Грановскій — на гранитную твердыню Гёте и Вильгельма Гумбольдта. Неужели нужно говорить, что такіе взгляды простительны только монаху изъ аѳонской обители и добрымъ старушкамъ, толпящимся у Иверскихъ воротъ? Эти промахи „незрѣлой мысли“ наводятъ насъ на мысль, что знаніе исторіи очень и очень недостаточно; развивать необходимо всю голову, а не десятую часть головы.

На 247 страницѣ приводятся строки, направленныя противъ дѣятельности Герцена за границей; въ этихъ пошлыхъ

строкахъ мы видимъ въ Грановскомъ не горячаго, полнаго упованій человѣка, а дряхлѣющаго педанта, упоеннаго и насыщеннаго до костей своею полезностью; онъ говоритъ о дѣятельности Герцена, что она ничтожна, дѣтски глупа, что его статьи возбудятъ въ Россіи смѣхъ и досаду. Міръ его истлѣвшему праху! онъ жестоко, до смѣшнаго ошибся: дѣятельность ничтожная разрослась такъ могущественно, что передъ нею съежилась дѣятельность почтеннаго профессора; черезъ эту ничтожную дѣятельность стушевались и смѣшались съ прахомъ злые идолы, передъ которыми плашмя, маряясь въ грязи, лежали многія почтенныя личности; его произведенія возбуждали горькій смѣхъ, но не надъ Герценомъ, а надъ собственнымъ отчаяннымъ безобразіемъ; его огненныя, остроумныя, полныя широкихъ и глубокихъ мыслей статьи были свѣточи Эвменидъ; онѣ озарили тьму кромѣшную современной ему жизни, онѣ возбудили досаду огромную. Тысячи отвратительныхъ тварей, буйствующихъ и справляющихъ тризны по всему прекрасному въ Россіи и которыхъ не страшили громы небесные, были оглушены и ошеломлены до апоплексіи звономъ колокола, который зазвонилъ, отдѣленный отъ нихъ разстояніемъ цѣлой Европы; этотъ вѣчевой колоколъ зазвонилъ въ первый разъ съ основанія русской исторіи; дерзкая рука, ударившая въ набатъ, была рука Герцена, и за это его никогда не забудетъ исторія и Россія.

У Грановскаго чешутся руки на Герцена за то, что онъ объявилъ, что въ Россіи есть большая либеральная партія; онъ умеръ, не дождавшись момента, когда эта партія разрослась до огромныхъ размѣровъ. Чѣмъ объяснить неслыханное распространеніе сочиненій Герцена и въ печати, и въ рукописяхъ — не смотря на страшное запрещеніе — по всей Россіи? Чѣмъ объяснить всеобщее горячее увлеченіе ими? Какъ назвать ту партію, состоящую изъ безчисленныхъ жертвъ деспотизма, тайно мучимыхъ и тайно сосланныхъ въ Сибирь на каторгу за свободныя убѣжденія? Что же касается до полезности, то нѣтъ на русскомъ языкѣ слова, на которое было бы столько непостижимо разнообразныхъ, игривыхъ варіацій; самъ Станкевичъ, навѣрное, считаетъ очень полезною книгою „біографію Грановскаго“; навѣрное онъ ею разсчитывалъ положить лепту въ бездонную лахань полезности. Эта увѣсистая біографія напоминаетъ цвѣтущую пору жаркаго поклоненія авторитетикамъ, когда всякая глупость авторитетика считалась реликвіею,— то еще не совсѣмъ исчезнувшее время, когда для пополненія журнальныхъ пробѣловъ писались безъ начала и конца біографіи замѣчательныхъ, десятую долю замѣчательныхъ и вовсе незамѣчатель-

ныхъ лицъ;—гдѣ пишущій біографію тщательно вылизывалъ описываемое лицо отъ пятъ до кончиковъ волосъ на макушкѣ; гдѣ, приступая къ этому священному труду, авторъ свершалъ омовенія, пріобщался святыхъ тайнъ и приступалъ къ труду, выполнивъ строго сто тысячъ китайскихъ церемоній. Высказавъ краткій взглядъ на біографію Грановскаго, написанную Станкевичемъ, я долженъ прибавить для коверкателей чужихъ мыслей, что я отнюдь не хотѣлъ бросить тѣнь на Грановскаго, я набрасываю тѣнь на жалкую копію съ Грановскаго. Станкевичъ не только не художникъ, но и плохой фотографъ; въ его фотографіи живые, прекрасные глаза и тонкія черты выходятъ тѣнями; онъ очень плохо передалъ его черты и окончательно не съумѣлъ вдохнуть въ нихъ жизнь и придать имъ глубокое разнообразное выраженіе; онъ очень рельефно выказалъ всѣ его смѣшныя стороны, поразительно отсталые взгляды, но не съумѣлъ ярко выставить тѣхъ крупныхъ достоинствъ, которыя затушевали бы и заставили искренно забыть недостатки. Я увѣренъ, что много недостатковъ, самыхъ крупныхъ, вытекло безъ вины Станкевича: онъ вдался въ мелочи жизни Грановскаго, любя его; ему дорого малѣйшее воспоминаніе о немъ; но онъ не отрѣшился отъ себя, не вошелъ въ положеніе читающей публики, которой нѣтъ дѣла до его личныхъ симпатій и которой кажутся чрезвычайно скучными и приторными мелкія воспоминанія. Грановскій—свѣтлая, прекрасная личность, не смотря на его односторонность; черезъ много лѣтъ послѣ его смерти память о немъ жива въ Московскомъ университетѣ. У Герцена въ „Былое и Думы“ есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ Грановскому, и на этихъ глубоко поэтическихъ страницахъ вырисовывается рельефно возвышенно-прекрасный образъ Грановскаго; невольно начинаешь понимать и память о немъ, и глубокую симпатію къ нему тѣхъ, которые столкнулись съ нимъ на пути жизни.

Замѣчательныхъ лицъ много, замѣчательныхъ біографовъ чрезвычайно мало; извѣстное лицо можетъ глубоко выиграть — Сократъ былъ много обязанъ счастью, что его біографію написалъ его пламенный и геніальный ученикъ Платонъ — и страшно пострадать отъ біографа. Для біографіи мало одного добросовѣстнаго труда, тутъ нужно быть поэтомъ и глубокимъ психіатромъ, нужно сильно проникнуться образомъ, чтобы обвѣять его мягкою поэзіею и вдохнуть въ него теплую струю жизни. Изъ нѣсколькихъ страницъ Герцена Грановскій ярче вырисовывается, чѣмъ изъ 306 труженическихъ страницъ Ал. Станкевича.

Стихотворенія Всеволода Крестовскаго

Священникъ. „Да ты жъ прелюбодѣй!
Твои стихи...
Поэтъ. Всѣ лгутъ, а на душѣ моей
Ей богу, я грѣха такого не имѣю,
По модѣ лишній грѣхъ взвалилъ себѣ на шею,
А, правду вымолвить, я сущій Эпиктетъ,
Водой незамутимъ, предобренькій поэтъ.
Священникъ. Послушай же теперь полезнаго совѣта,
Будь добрый человѣкъ изъ грѣшнаго поэта."
(*Исповѣдь бѣднаго стихотворца.* А. Пушкина.)

Когда я перелистываю стихи страстнаго Крестовскаго, я испытываю странное чувство, я обоняю запахи мая, того милаго, благодатнаго мая, въ который деревья такъ роскошно распускаются; цвѣты, зелень, свѣжая, кипучая жизнь такъ и слышутся, видятся всюду; жаворонки нѣжными дискантами чирикаютъ въ воздухѣ; раскаты соловья тревожатъ сумракъ сада, „ландышъ серебристый привѣтливо киваетъ головой," кошки, собаки, старички-селадоны объяты любовнымъ восторгомъ; всюду разлита нѣга, упоеніе весеннею страстью. Я увѣренъ, что ни одно стихотвореніе Крестовскаго не написано въ суровые, холодные мѣсяцы, въ которые кошки тоскливо мурлыкаютъ, присосѣдившись къ тепленькимъ печкамъ, а собаки, поджавши хвостъ, лаютъ на холодный воздухъ, не зная, какъ убить холодное, свободное время. Нѣтъ, увѣряю васъ, что эти вулканическія стихотворенія навѣяны майскимъ, раздражающимъ солнцемъ, общею животною стра-

стію; что-то роковое, знойное слышится въ стихахъ этого неоцѣненнаго поэта весеннихъ похотей. Черноглазые, смуглолицые жители Юга трунятъ надъ нами, бѣдными жизнію, холодными дикарями сѣвера; они жестоко ошибаются: и у насъ есть огненно чувственные темпераменты, передъ которыми жители юга кажутся льдинами. Пусть подъищутъ у себя другой экземплярчикъ г. Всеволоду Крестовскому! я смѣло бросаю перчатку сладострастной Италіи, роскошной Испаніи, свѣтлой Греціи, если мало,—мрачно-фантастической Индіи, африканскимъ неграмъ, Капскимъ готтентотамъ. Исходите изъ конца въ конецъ всѣ спаленныя зноемъ страны, вы нигдѣ не отыщете человѣка, похотливѣе нашего лирика — Всеволода Крестовскаго. Павьяны и мандрилы, о которыхъ такъ великолѣпно разсказываетъ Бремъ, не смотря на всю необузданность ихъ страстей, гораздо холоднѣе и безстрастнѣе Крестовскаго. Но многіе, смущенные такимъ предисловіемъ, захотятъ доказательствъ, въ нетерпѣніи воскликнутъ: „Покажите намъ творенія нашего похотливаго соотечественника, подайте ихъ!“ — „Андалузская ночь.“ Авторъ пишетъ, что она „горяча, горяча.“

„Въ этомъ зноѣ и страсть и безсиліе *(очень грустно)*
Такъ что даже спадаетъ съ крутаго плеча
Отъ біенія груди мантилія.“

Я очень несчастливо путешествовалъ: ни въ Индіи, ни Египтѣ, ни Италіи, я не съумѣлъ подсмотрѣть такого страстнаго момента! Можете ли вы себѣ представить, мои ледяные соотечественники, такую страсть, что даже мантилія спадаетъ съ крутаго плеча? Безъ трепета не могу читать: мнѣ воображается роскошная, голубая андалузская ночь; дамы при свѣтѣ яркой южной луны прогуливаются по пахучимъ алеандровымъ и лимоннымъ аллеямъ; у каждой дамы, при встрѣчѣ съ мужчиною, начинаетъ такъ страшно биться сердце, что она на силу, съ помощью горничныхъ, можетъ на себѣ удержать мантилью, иначе она слетитъ съ „крутаго плеча.“ Всемогущія боги! что за страстная страна! Далѣе авторъ съ скромностью повѣствуетъ, что женщина срываетъ съ себя не только мантилью, но и все, и нагишомъ лупитъ въ благовонную даль, ея груди трепещутъ, горятъ (дымятся), а у ея любовника сигара горитъ и курится; понятно, возлюбленный отбрасываетъ сигару и начинаетъ заниматься ею, а она, во время свиданія, съ дымящимися грудьми, прячется у него подъ плащемъ; что она тамъ продѣлываетъ я не знаю, но только, проведя такъ всю ночь, она весь день послѣ тоскуетъ и съ нетерпѣніемъ дожидается ночи, чтобы снова

слиться подъ плащемъ. Въ оправданіе этой женщины Крестовскій увѣряетъ, что у ней старый мужъ, который все деньги считаетъ, но видно женѣ не до денегъ; она не знаетъ какъ урваться, а ужъ если урвется, ну и пойдетъ сливаться... Вотъ высокіе идеалы современнаго лирика Всеволода Крестовскаго! но не ужасайтесь, это только эротическія грезы. Какъ ни страстна голая андалузинка, но Мавританка страстнѣе, она сама говоритъ о себѣ:

„Я породы львиной самка
Съ логовищъ моихъ отцовъ.“

Она показываетъ на груди ранку и прибавляетъ:

„Мнѣ пробилъ ее кинжаломъ
Сорванецъ въ лукавый часъ,
Обожгла его я жаломъ
Полныхъ яду острыхъ глазъ.
Крѣпкій станъ мой, взоръ газели,
Подъ лобзаньемъ трепетъ губъ
Очи брата подглядѣли,
Сердцу брата былъ онъ любъ.“

Они росли вмѣстѣ какъ „двѣ ягоды на вѣткѣ.“ Братъ, какъ тѣнь, ходилъ за сестрою, томимый ужасающими похотями, и наконецъ все это очень естественно разрѣшилось слѣдующимъ (но, положительно, чувствую невозможность передать жалкою, сухою прозою все, что случилось,— передаю клокочущими стихами Всеволода Крестовскаго):

„Онъ тревожнымъ поцѣлуемъ,
Онъ разбудитъ сонъ сестры,
И не помнимъ и не чуемъ,
Какъ уйдемъ мы за шатры.

Какъ умчимся въ степь отрадно
На свободу до утра!...
Какъ къ упругимъ персямъ жадно
Привлечетъ его сестра!

Но едва заслышитъ шорохъ,
Чуть завылъ вдали шакалъ,
Онъ ужъ вспыхнулъ, словно порохъ,
И дрожитъ въ рукѣ кинжалъ.

Было любо мнѣ порою
Ревность въ тигрѣ разбудить
И со страстью роковою
И со смертію шутить.

Этой ревностью волнуемъ,
Разъ, какъ левъ, меня онъ сжалъ
И съ проклятымъ поцѣлуемъ
Грудь царапнулъ мнѣ кинжалъ.

Я, какъ змѣйка, ускользнула,
Я царицей отошла,
Лишь во взорѣ промелькнула
Безпощадная стрѣла.

Только слышу, рухнулъ кто-то,
Обернулась братъ въ крови,
Ножъ подъ сердцемъ... шепчетъ что-то,
Шепчетъ мнѣ слова любви.

Я къ нему съ мольбой, мученьемъ,
Онъ на грудь меня привлекъ
И съ послѣднимъ наслажденьемъ
Кровью жгучею истекъ.

Умолкнувшій Барковъ, гдѣ ты? Цензура, трепеща за россійскую нравственность, никакъ не рѣшается пропустить ни одного сочиненія, проникнутаго высокою, честною мыслію; что же касается до пахабщины, то съ превеликимъ удовольствіемъ...

Страсть въ этомъ стихотвореніи доходитъ до размѣровъ, по истинѣ изумительныхъ: сестрица наслаждается съ родимымъ братцемъ, а братецъ такой страстный и ревнивый, что если заслышитъ шакала, то вспыхиваетъ какъ порохъ и схватывается за кинжалъ; умираетъ эта обезьяна на груди у сестры, во время спазмовъ, сопровождающихъ извѣстный физіологическій процесъ.

Въ стихотвореніи „Весеннія ночи“ лирикъ Крестовскій сознается, что весна его сильно щекочетъ. Мнѣ кажется, что подъ напоромъ этого возвышеннаго духовнаго процесса написаны всѣ его лучшія произведенія. Если бы у мандрилъ и павьяновъ была литература, были поэты нѣжныхъ страстей и тогда никто бы изъ ихъ круга не дошелъ до такого ужасающаго лиризма страсти. До тѣхъ поръ, пока въ людяхъ будетъ оставаться хоть одинъ атомъ чувственности, авторъ „Мавританки,“ „Затворницы,“ „Гитаны“ не умретъ: онъ „памятникъ воздвигъ себѣ не рукотворный.“

Стихотвореніе „Затворница“ еще страннѣе и страстнѣе: затворница, находящаяся въ монастырѣ, начинаетъ чувствовать неудержимое желаніе насладиться плотскими удовольствіями; не смотря на крѣпкіе затворы, она черезъ окно пробирается въ садъ; тутъ ее опьяняетъ и одуряетъ ароматъ и она съ страстнымъ томленіемъ стремится, сама не знаетъ куда, и вдругъ наталкивается на свою подругу — затворницу, которая, движимая и снѣдаемая тѣми же похотями, забрела сюда, тогда.....

„И съ грудью грудь слилась въ объятьяхъ жгучихъ,
И плескомъ струй
Былъ заглушенъ въ тѣни кустовъ пахучихъ
Нашъ поцѣлуй!

И каждый разъ приходимъ на свиданье
Мы съ ней съ тѣхъ поръ,
Хоть можетъ быть за грѣшный мигъ желанья
Насъ ждетъ костеръ.“

Дьявольски таинственно!!.. Въ чемъ же дѣло? что дѣлаютъ затворницы? Авторъ разстрастничался до аллегоріи, или даже у него, автора „Мавританки“, не хватило геройства разсказать, на наготу, чѣмъ занимались голыя андалузинки, валяясь въ объятіяхъ одна у другой? Не мѣшало бы воспѣть нашему незабвенному лирику, въ pendant къ затворницѣ, ту нѣжную любовь, которая царила въ кадетскихъ корпусахъ, когда они были замкнутыми заведеніями! Въ каждомъ стихотвореніи вы непремѣнно встрѣтите: „жгучія, дымящіяся груди, жгучіе поцѣлуи, жгучая кровь, жгучія объятія, жгучее наслажденіе, жгучій запахъ, жгучая похоть“ и даже—до чего только не могутъ донюхаться поэты-лирики — „благоухающія тѣла.“

Въ стихотвореніи „Гитана“ она проситъ не корить ее въ развратѣ (пусть себѣ развратничаетъ, кому какое дѣло!), но цѣловать ее звончѣй; она сознается, что въ развратѣ закостнѣломъ — лучезарная звѣзда и поясняетъ это еще глубже, прибавляя: „но за то и грѣшнымъ тѣломъ не скупилась никогда“. Разъ къ ней стукнулъ въ дверь нищій и попросилъ хлѣба, но оказалось, что хлѣба у ней нѣтъ; недолго думая, она, съ чудною, дѣтскою наивностью, предложила: „прелесть тѣла“ съ прибавленіемъ:

„Хочешь нищій, вмѣсто хлѣба я сама?“

Понятно, что не смотря на голодъ — „не единымъ хлѣбомъ будетъ сытъ человѣкъ“ — нищій чуть не подпрыгнулъ отъ радости, услышавъ о такомъ импровизированномъ хлѣбѣ.

„И въ кипучее лобзаніе
Я всю страсть свою влила,
И бѣднягѣ подаяніе
Грѣшнымъ тѣломъ подала.

Пусть позоръ — моя дорога
Въ замогильные края,
Мнѣ за то простится много,
Что любила много я.“

Боженька не злой, онъ почти навѣрное все проститъ, взявъ въ разсчетъ такую небесную любовь; но, во всякомъ случаѣ, дѣвственная Гитана въ замогильные края отправится въ веселой компаніи! За ней послѣдуютъ, въ дикомъ ликованіи, всѣ лучезарныя звѣзды публичныхъ домовъ, которыя на своемъ вѣку препорядочно много любили и чрезвычайно часто пускали въ ходъ свое тѣло, но только, къ великому сожалѣнію, не вмѣсто хлѣба, а за хлѣбъ; навѣрное, Богъ будетъ въ огромномъ затрудненіи, кому болѣе нужно простить грѣховъ. Но рядомъ съ озаглавленными стихотвореніями есть одно поразительно кипучее, безъ названія. Содержаніе стиховъ покажетъ, что придумать названіе было не подъ силу даже Всеволоду Крестовскому. Ни въ одномъ стихотвореніи авторъ не подымается на ту высоту похотей, какъ въ этомъ монументальномъ произведеніи, скромно озаглавленномъ тремя звѣздочками. Опять таки андалузинка повѣствуетъ:

„Въ дальней Африкѣ, весною,
Чуть засочнѣетъ трава,
Ходятъ львицы надъ водою
И за каждой по два льва.

Ходятъ чутки и ревнивы
Два соперника любви;
Взоръ что уголь, дыбомъ гривы,
Зубы въ пѣнѣ и крови.

Ходятъ долго львы за львицей,
Львица ждетъ и не глядитъ,
Только съ каждою денницей
Все томитъ ихъ и томитъ.

Изморила и ложится,
Взглядомъ вызовъ шлетъ на бой,
Сшиблись львы и смотритъ львица
Палъ одинъ, а къ ней другой.

Стихи дышутъ образами и при этомъ невыносимо пикантны. Изъ зоологіи мы знаемъ, что въ дальней Африкѣ, когда не сочнѣетъ, но уже начинаетъ сохнуть трава отъ наступающей жары, у животныхъ наступаетъ пора оплодотворенія. Подсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ этотъ процессъ въ дальней Африкѣ не удалось ни одному зоологу; но поэтъ — своенравный чародѣй, въ своемъ таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сонамбулизмѣ узрѣлъ львицу, съ каждою денницею все болѣе и болѣе томящую львовъ. Своимъ духовнымъ окомъ онъ подсмотрѣлъ, какъ она, изморивши ихъ безпощаднымъ образомъ, ложится и подаетъ си-

гналъ къ кровавой битвѣ; львы, съ вздыбыренною гривою, пѣною и кровью у рта, сшибаются, одинъ падаетъ, а другой бросается въ объятія къ возлюбленной. Но еще болѣе остервенѣлая сцена творится въ Испаніи: когда начала сочнѣть трава, за андалузинкой начали неотступно слѣдовать два испанца, съ пѣною въ зубахъ.

„Эта ножка, эта нѣга
Ихъ дразнили съ давнихъ поръ,
И одинъ былъ грандъ Ріего,
А другой Тореадоръ.“

Пожираемая сочными весенними страстями, она не знаетъ кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, но половая страсть бываетъ непостижимо находчива: она обращается къ нимъ съ тирадою, которая была бы неоцѣненна въ устахъ львицы дальней Африки:

„Мнѣ оба любы,
Пусть кинжалъ рѣшаетъ споръ,
Кто вопьется въ эти губы:
Грандъ иль ты Тореадоръ.“

Битва описана вулканическими стихами. Тореадоръ наповалъ убиваетъ Гранда и впивается въ нее поцѣлуемъ, предварительно павши на обнаженныя, дымящіяся перси; но благонамѣренный авторъ, тайно симпатизирующій нашимъ расторопнымъ городовымъ, захотѣлъ ввести тотъ же бдительный полицейскій элементъ въ Испанію. Андалузскій квартальный надзиратель стаскиваетъ разъяреннаго Тореадора съ голыхъ персей андалузинки, и вскорѣ андалузинка узрѣла, какъ повѣсили адски страстнаго Тореадора. Этимъ раздирающимъ трагическимъ положеніемъ заканчивается стихотвореніе. Ни въ одномъ изъ своихъ весеннихъ произведеній поэтъ не проводитъ такой удачной, восхитительной паралели между женщиной и похотливой львицей дальней Африки. Послѣднее стихотвореніе, съ которымъ я познакомлю читателя, въ андалузско-русскомъ вкусѣ; изъ альамбрскихъ садовъ авторъ переноситъ насъ на нашъ тучный черноземъ, на наши капустники и коноплянники, густо унавоженные, въ среду березъ, дубовъ и ракитъ, но страсти носятъ тотъ же бѣшенный, испанскій характеръ; стихотвореніе это „Ванька ключникъ.“ У княгини былъ мужъ старый и ревнивый, вслѣдствіе этого ей полюбился „Ванька ключникъ, злой разлучникъ мужа стараго съ женой.“ Что съ нимъ продѣлывала княгиня—выше всякаго описанія, и на пуховикъ съ собою клала, прижи-

мала и льнула къ нему, „что сорочка ко плечу“; но про все провѣдалъ старый мужъ и велѣлъ — какъ водилось въ то гуманное время — повѣсить Ваньку — злаго разлучника; но передъ смертью Ванька, съ наглою откровенностью, повѣствуетъ въ пику старому мужу, что онъ не разъ хваталъ княгиню за грудь лебяжью. Поэтическія признанія новаго Руссо замыкаются фантастическою картиною:

„Вѣтеръ Ванюшку качаетъ
Что былинку на межѣ,
А княгиня умираетъ
Во свѣтлицѣ на ножѣ.“

Но довольно! дивныхъ перловъ и адамантовъ не перечтешь; они щедро разсыпаны по двумъ книгамъ: „Стихотворенія Всеволода Крестовскаго. С. Петербургъ, изданіе Озерова,“ и къ тому же это занятіе крайне утомительное. Аллахъ побери литературнаго павьяна — Всеволода Крестовскаго. Но вотъ что грустно: многіе въ Россіи читаютъ, перечитываютъ и даже переписываютъ его стишки; провинціальныхъ барышень и пылкихъ юношей бросаетъ въ потъ отъ его стишковъ, они производятъ довольно глубокій эффектъ; въ скромныхъ уѣздныхъ городкахъ есть много томныхъ дѣвицъ съ синими кругами подъ глазами, разгуливающихъ при свѣтѣ блѣдной луны съ раздражительными стишками Крестовскаго подъ мышкой. Не знаю, о чемъ мечтаютъ провинціальныя барышни, не хотятъ ли онѣ приблизиться къ чувственнымъ идеаламъ, выставленнымъ въ „Мавританкѣ,“ „Затворницѣ,“ „Гитанѣ“? Но такой колоссальный tour de force, нѣтъ сомнѣнія, даже не подъ силу самому Всеволоду Крестовскому въ дѣйствительной жизни. Эта печальная популярность Крестовскаго заставила насъ сказать объ немъ нѣсколько словъ; изъ этого грустнаго явленія невольно выводишь, что критика Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Чернышевскаго доступна только умственной аристократіи и что ея мощное, отрезвляющее, глубоко развивающее вліяніе не проникло въ средній кругъ.... Но многіе подумаютъ, что авторъ „Мавританки“ русскій, мальчикомъ еще попавшій въ Испанію, былъ взлелѣянъ знойными ночами Альамбры, что онъ росъ, гуляя въ альамбрскихъ садахъ, окруженный дѣвами Юга, которыя его научили тѣмъ тонкостямъ, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги чувственныхъ мандрилъ; нѣтъ, онъ родился, какъ мнѣ кажется, въ Нижне-Дѣвицкѣ—городѣ боговъ (уѣздный городъ въ Воронежской губерніи.) Я помню этотъ городъ, черезъ него давно я проѣзжалъ въ Воронежъ,

помню я этотъ укромный уголокъ — „пріютъ весны первоначальной“; въ этомъ пріютѣ весны первоначальной есть церковь съ колокольнею, просторная полиція, два каменныхъ домика, полусгнившія плетеныя казармы, меланхолично склоненныя на бокъ, апельсины, но только въ лавкахъ, гдѣ они продаются разъ въ столѣтіе, а такъ лавки полны дегтемъ, карамелями, веревками, хомутами, колокольчиками, мочалками и сушеною рыбою. Бульона и котлетъ въ Нижне-Дѣвицкѣ нѣтъ; жители считаютъ врагомъ правительства всякаго, кто, обуреваемый нестерпимымъ голодомъ, потребуетъ котлетъ; очень еще недавно былъ сосланъ въ Сибирь юноша за энергическое и неутомимое требованіе котлетъ; взятый подъ надзоръ полиціи, онъ продолжалъ неблагонамѣренныя требованія и былъ препровожденъ конфиденціально въ ссылку, какъ опасный членъ мирнаго общества. Внутри города обширная площадь, засѣваемая гречихою; унаваживаютъ ее черезъ чуръ густо благонамѣренные жители города. Тихъ городъ какъ Сахара, рыканіе львовъ тутъ замѣняетъ любовное и пронзительное визжаніе одичавшихъ кошекъ; жители не шумятъ, они тихо, сладко воркуютъ по домамъ, благоговѣйно играя въ дурачки; однообразную тишину нарушаютъ пчелы, они меня чуть не съѣли, когда я проѣзжалъ Нижне-Дѣвицкъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ; пчелы очень злы, крайне назойливы и приносятъ большой доходъ ихъ владѣтелю; сама пасѣка находится въ центрѣ города. Въ городѣ сонно, мутно протекаетъ рѣчка, зовутъ ее смердячая дѣвица,

„Не я ей названіе это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьи этомъ.“

Пасмурнымъ вечеркомъ, проѣзжая богами любимый градъ, я думалъ: вотъ то мирное лоно, на которомъ покоится престолъ русскій! Но мои думы прервала линейка; на ней верхами сидѣли 12 нижнедѣвицкихъ гражданокъ; линейка была запряжена въ одну лошадь, съ широкою дугою и колокольчиками, за кучера сидѣлъ исправникъ; всѣ гражданки дивно и кротко во весь ротъ до ушей улыбались; онѣ ѣхали, погруженныя въ кладезь молчанія и сколько божественной глупости было въ ихъ лицахъ; лица были всѣ страшно толстыя и невыносимо красныя. Въ Нижнѣ-Дѣвицкѣ есть и Олимпъ, но онъ грязенъ; въ этой странѣ очень часто идетъ дождь и вотъ что странно: когда въ Нижне-Дѣвицкѣ дождь — на Олимпѣ сухо, когда на Олимпѣ дождь — въ Нижне-Дѣвицкѣ сухо; жители въ этомъ зрятъ благость провидѣнія. Отъ цивилизаціи городъ съ мужествомъ древнихъ классическихъ ге-

роевъ обороняется, и, не смотря на изрѣдко проявленное желаніе проникнуть туда, ей не удается: исправникъ, предводитель дворянства, сами жители, охраняющіе ихъ городовые, покровительствующіе имъ ангелы, устраиваютъ барикады и вѣчно стоятъ на стражѣ. Когда проѣзжаешь эту обѣтованную страну для многихъ, утомившихся жизнію, т. е. игрою въ карты и ѣздою на иноходцѣ въ тройкѣ, съ двумя тысячами колокольчиковъ и тремя тысячами бубенчиковъ, — невольно приходятъ завѣтныя слова:

Спи мирный прахъ до радостнаго утра!

Но будетъ ли когда радостное утро? Нѣтъ, оно положительно никогда не будетъ!.....

И въ этомъ дивномъ уголкѣ міра рожденъ и обитаетъ, воспѣвающій лесбосскія страсти, лирикъ — Всеволодъ Крестовскій. „Какъ боги остроумны!“

Афера доктора Хана

(Популярная Медицина.)

Каждый изъ читателей, навѣрное, замѣтилъ, что новая вещь, во время періода своей новизны, продается очень дорого. Эта эксплуатація продолжается до тѣхъ поръ, пока вещь приглядится или явится огромное число конкурентовъ; но первымъ моментомъ стараются жадно воспользоваться всевозможные эксплуататоры и шарлатаны... Книга доктора Бока чрезвычайно просто обнаружила темный шарлатанизмъ медицины, всѣ ея мелкіе бабьи предразсудки, увертки, грубые обманы и нахальное обдираніе наивныхъ любителей леченія, какъ это дѣлали въ древности жрецы, а теперь попы и доктора. Старые плуты, недобросовѣстно дорого продающіе свое незнаніе, остервенѣли отъ книги Бока; они ее великодушно заклеймили пустою, ничтожною, поверхностною, забывъ, что рѣзкій скептицизмъ въ медицинѣ проявился не въ дилетантѣ, а въ спеціалистѣ, ученомъ, докторѣ-профессорѣ, въ которомъ очень трудно заподозрить поверхностность. Докторъ Бокъ принадлежитъ къ новой школѣ докторовъ. Медицина въ послѣднее время круто поворотила въ другую сторону, она съ отвращеніемъ выбросила изъ науки ея темный средневѣковой хламъ, отбросила ея прежній кабалистическій характеръ; все темное отодвинулось на задній планъ и наука прояснилась. Алхимическіе препараты, выписываемые изъ Индіи, Японіи, Бразиліи и острововъ Тихаго Океана, утеряли свою волшебную цѣлебность. Наука стала разыскивать цѣлебныя травы гораздо ближе и прописываетъ ихъ съ крайнею осто-

рожностью, въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частью, не особенно довѣряя себѣ, она скромно предоставляетъ самой природѣ, помогая ей самыми простыми и не обогащающими аптекъ средствами. Понятно, что такое христіанство въ наукѣ до сихъ поръ борется съ медицинскимъ язычествомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что скоро умныя, осязаемыя начала возьмутъ перевѣсъ, и естественное, простое направленіе подавитъ средневѣковое, мистическое. Публикѣ понравилась книга Бока, она выдержала нѣсколько изданій; это послужило сигналомъ: во мгновеніе ока изъ всѣхъ темныхъ щелей поползли мошки и букашки съ пусмами популярныхъ статей, съ новымъ направленіемъ; очень немного сыскалось такихъ, которые, отобравъ у публики деньги, добросовѣстно отпустили популярнаго товара. Книга Хана вовсе не принадлежитъ къ этому разряду; въ своей толстой, но жалкой популярной медицинѣ Ханъ выказалъ необыкновенную способность: одно дѣльное слово размазывать на 100 страницахъ.

Прочтя его статью, выносишь чертовскую тоску и головокруженіе, чисто съѣлъ что нибудь несвѣжее, скверное; въ порывѣ болѣзненнаго ощущенія, невольно, предаешь анаѳемѣ всѣ популярныя статьи въ мірѣ. Въ его статьяхъ полезная мысль такъ занавожена пошлыми прибауточками, эротическими анекдотцами, что ее трудно поймать за хвостъ читателю. За непмѣніемъ собственныхъ взглядовъ онъ съ безцеремоннымъ мужествомъ размазываетъ чужіе взгляды; его печальная жертва — Бокъ, онъ третируетъ его мысли, какъ прежній баринъ своего крѣпостнаго лакея; все, что у Бока сжато, у Хана растянуто; но что странно: стряпая книженку, онъ ни разу не упоминаетъ, что смѣшиваетъ съ водою густое „Будьте здоровы“ Д-ра Бока. Въ огромныхъ замѣчаніяхъ на концѣ страницъ видно, что Ханъ часто ссорится съ начальникомъ больницы—генераломъ. Генералъ говоритъ, что камфора успокоиваетъ похоти, Ханъ сомнѣвается и дерзко увѣряетъ, что возбуждаетъ; чтобы правильно рѣшить споръ, слѣдовало и Хану и генералу принять во внутрь по хорошей дозѣ камфоры и добросовѣстно прослѣдить ея дѣйствіе, но тогда потребовалось бы выкинуть нѣсколько страницъ изъ популярной медицины, на что Ханъ, навѣрное, не согласился бы. Ханъ весьма строго наказуетъ генерала за камфору; вы часто встрѣчаете утонченно саркастическія замѣчанія, направленныя не въ бровь, а въ самую макушку генерала: „къ моему величайшему прискорбію, онъ (то есть генералъ) своего мнѣнія о камфорѣ не измѣнилъ“ (удивительно настойчивый!).

Изъ цѣлаго ряда статей, которыя цѣликомъ принадлежатъ

перу Хана: „о холодной водѣ, умѣренной, очень умѣренной и страшно умѣренной, о теплой, очень теплой, чрезвычайно теплой, горячей и страшно горячей“ особенно рельефно выдаются двѣ: „Мои любимыя, домашнія средства“ и „Нѣчто отвратительное у человѣка.“ Мораль, таящаяся на днѣ этихъ статей, слѣдующая: ни одинъ въ мірѣ университетъ не въ состояніи укоротить ослиныхъ ушей.

Изъ первой статьи вы узнаете съ громаднымъ интересомъ для васъ, что Ханъ каждый день принимаетъ умѣренную душу, послѣ онъ весьма сухо, но въ то же время и умѣренно вытираетъ тѣло, послѣ чего неумѣренно подкушиваетъ. Ханъ ѣстъ 4 раза въ сутки и довольно плотно; если онъ изрѣдка простуживаетя, то, не теряя времени, вытапливаетъ изъ бараньяго хвоста жиръ и умѣренно натирается, послѣ умѣренно потѣетъ и болѣзнь тихо и умѣренно улетучивается изъ него. Ханъ каждый день тщательно очищаетъ зубы отъ животной гнилости и полоскаетъ ротъ спиртомъ и каждый день онъ страшно умѣренно промываетъ и прочищаетъ носъ, чтобы у него не воняло изъ носу. Въ другой статьѣ онъ каламбуритъ, смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ, проситъ всѣхъ дамъ и стыдливыхъ дѣвицъ не сердиться на него — Хана за то, что онъ взмахомъ стальнаго пера дерзнулъ (въ полицію его!) провозгласить, что у прекраснаго пола встрѣчается нѣчто отвратительное. — „Да, любезныя, воздушныя дамы (восклицаетъ Ханъ), я самъ считаю васъ величайшимъ утѣшеніемъ, назначеннымъ небомъ въ вознагражденіе за всѣ непріятности, испытываемыя мужчинами въ жизни (какое великое назначеніе женщины!); но если бы вы могли подслушать, что про васъ говорятъ иногда тѣ же самые благородные рыцари и красавцы съ блестящими мундирами, которые, нагнувшись почти дугою, нашептываютъ вамъ любезности, вы нерѣдко услышали бы: „какая прелестная дама, но у нея отвратительно пахнетъ изо рта; эта дѣвица премиленькая, но жаль, что съ душкомъ.“ Докторъ Ханъ взираетъ на женщинъ съ высоты собственной, объемистой, популярной медицины, какъ на утѣшеніе, ниспосланное для него — Хана съ неба за предпринятый имъ трудъ изданія популярной медицины; ему хочется (о боги, какъ умѣренны желанія доктора Хана!), чтобы небо не посылало на землю вонючихъ дамъ и барышень.

Нѣтъ сомнѣнія, что всюду разсыпанныя остроты почерпнуты у пѣхотныхъ красавцевъ, любящихъ сгинаться дугой, и отставныхъ подъячихъ, острящихъ подъ хмѣлькомъ по питейнымъ лавочкамъ. Онъ даже зналъ одного почтеннаго джентельмена, который 15 лѣтъ назадъ (поразительное запо-

минаніе всего, что касается до протухлости) любилъ одну превосходную дѣвушку, но разъ въ семейной игрѣ онъ обнялъ ее и пламенный поцѣлуй разрушилъ его намѣреніе жениться на ней. Ханъ снова впадаетъ во всесокрушительное остроуміе, прибавляя: „поцѣлуй былъ съ душкомъ.“ Не правда ли, покойникъ баронъ Бромбеусъ куда какъ неостроуменъ въ сравненіи съ докторомъ Ханомъ?...

Пусть Ханъ ссорится съ его превосходительствомъ, оспоривая успокоивающее дѣйствіе камфоры; обливается холодною водою, мажетъ себя бараньимъ хвостомъ, ложась въ постель во время простуды; пусть очищаетъ себѣ зубы и носъ, чтобы изъ нихъ не воняло, но пусть не острить: лишенный абсолютно этого дара, пусть не пыжится и не насилуетъ свой, и безъ того слабый, мозгъ, иначе онъ рискуетъ снова впасть въ „Нѣчто отвратительное у человѣка,“ который, не имѣя атома остроумія, самостоятельныхъ взглядовъ, старается, но очень неудачно, все это замазать пикантными остротами овощныхъ лавокъ, переписываніемъ и обезображиваніемъ чужихъ статей и который своими популярными нулями подрываетъ любовь къ дѣльнымъ, превосходнымъ, популярнымъ статьямъ, которая начинаетъ обнаруживаться въ послѣднее время въ обществѣ.

26 Марта 1871 г.

Не памятникъ, а диво

„Поздравленіе съ новымъ годомъ отъ московскаго генералъ-губернатора Его Величеству было принесено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

Жители первопрестольной Москвы благоговѣйно повергаютъ передъ вашимъ императорскимъ величествомъ и государынею императрицею вѣрноподданническое поздравленіе съ новымъ годомъ. Одушевляющія всегда Москву *(высокое одушевленіе!)* чувства любви и глубокой преданности царственному дому были горестно встревожены недугомъ его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича; но утѣшительныя извѣстія о возстановившемся здоровьи его высочества успокоили жителей Москвы, и они, радостно встрѣчая наступающій новый годъ, вмѣстѣ со всѣми вѣрноподданными вашего величества, возносятъ ко Всевышнему усердныя молитвы о томъ, чтобы Господь по благости своей сохранилъ ваше величество отъ тяжкихъ испытаній и даровалъ Вамъ и августѣйшему семейству вашему благоденственное долголѣтіе для счастія нашего дорогаго отечества.

Повергая и мое вѣрноподданническое поздравленіе по случаю наступленія новаго года, всеподданнѣйше прошу принять благосклонно усерднѣйшія желанія мои всѣхъ благъ вашему императорскому величеству, государынѣ императрицѣ и всему августѣйшему семейству вашему, съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и безпредѣльной преданности имѣю счастье быть вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій

К. В. Долгоруковъ.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя московскаго генералъ-губернатора:

Князь Владиміръ Андреевичъ!

Въ принесенныхъ нынѣ поздравленіяхъ Москвы съ новымъ годомъ выражены, кромѣ неизмѣнно искреннихъ благопожеланій, еще тѣ чувства душевной тревоги и сердечной затѣмъ радости, которыя испытаны были вслѣдствіе извѣстій о тяжкой болѣзни и наступившемъ за нею постепенномъ выздоровленіи любезнѣйшаго сына нашего государя наслѣдника цесаревича. Вѣрный отголосокъ того, что переживали въ это время наши родительскія сердца,— переданныя Вами по сему случаю отъ имени московскихъ жителей заявленія, а также дышащія глубокою любовью надежды ихъ на будущее благоденствіе наше и всего нашего семейства, служатъ новымъ доказательствомъ, что Москва живетъ по прежнему одною съ нимъ духовною жизнію, видя въ этихъ столь отрадныхъ чувствахъ завѣтное выраженіе непреложной преданности московскихъ жителей престолу, мы изъявляемъ имъ равно какъ и Вамъ лично душевную нашу признательность.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный."

Александръ II.

Ясно, какъ день, что Москва живетъ одною духовною жизнью съ императорскимъ семействомъ, но духовная ли это жизнь???...

Передъ этимъ дивнымъ перломъ патріотизма блѣднѣютъ, дымомъ разлетаются оффиціальныя посланія Китайцевъ, Японцевъ къ ихъ владыкамъ — сыновьямъ неба; такіе адаманты жаркой, патріотической души должны быть преподносимы монарху съ пышностью великою. Вѣрноподданнѣйшій подноситель, полный благопожеланій, чтобы не нарушить гармоніи между дивнымъ произведеніемъ и своимъ дѣйствіемъ, долженъ босой, въ рубищѣ, съ желѣзными веригами, ползти на колѣняхъ отъ Москвы до Петербурга, дѣлая три ползка впередъ, а два назадъ; подползши ко дворцу, онъ долженъ тщательно облизать и обнюхать всѣ его стѣны внутри и снаружи, всѣ пороги и отхожія мѣста, а послѣ, растянувшись ничкомъ, съ закрытыми глазами и царскимъ испраженіемъ на головѣ, извиваясь въ тысячи погибелей, зигзагами подползти къ самому императору и повергнуть рукопись къ его безсравнен-

нымъ подошвамъ, предварительно оросивъ ихъ обильными, но въ то же время радостными слезами умиленія, и кончикомъ носа обчистивъ съ нихъ съ высочайшимъ трепетнымъ благопожеланіемъ священную для всей Россіи пыль. Если же эта церемонія не выполняется съ математическою точностью, то царство кромѣшнаго нигилизма уже наступило: Долгоруковъ, Слезкинъ, Катковъ стремятся съ быстротою индѣйскаго аркана по стезѣ Каракозова. Государство перевертывается и изъ него скоро посыпятся въ смятеніи и ужасѣ Сашки, Машки, Кольки и проч., и проч. въ тьму кромѣшную, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовный...

Чтобы сдѣлаться Тимономъ Аѳинскимъ, нужно прочесть два, три такихъ оффиціальныхъ посланій и отвѣты на нихъ. Невольно впадешь въ такую мизантропію, что будетъ рвать при видѣ встрѣчнаго человѣка.

Лилейное посланіе Брута города Москвы, князя Долгорукова, заставило меня усомниться въ теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; вѣрнѣе всего, что люди произошли отъ самой мерзѣйшей собаченки, которая уже десятки тысячъ лѣтъ, вслѣдствіе своей негодности, исчезла съ лица земли.

Послѣдняя моська, выкормленная сливками какой нибудь вдовствующей московской графини, неизмѣримо самолюбивѣе, благороднѣе лучшаго изъ вѣрноподданныхъ благопожелателей города Москвы. Пусть разъяснятъ философы-эмпирики тайну тайнъ: откуда у человѣка такая безконечная потребность лисить, лизать, пролѣзать, вилять хвостомъ и припадать на заднія лапки во время побоевъ? Если расположеніе волосъ на рукахъ и спинѣ можетъ служить признакомъ происхожденія отъ обезьяны, то неужели эти нравственныя, собачьи качества не намекаютъ ясно, что существовала нѣкогда лохматая шавка, спасавшаяся отъ сильныхъ животныхъ вонью, паденіемъ ницъ, виляньемъ хвоста, облизываніемъ ихъ лапъ и готовностью всегда, съ великимъ стараніемъ и благопожеланіемъ, отыскивать у нихъ кучи паразитовъ. Одно изъ поколѣній этой шавки, все болѣе и болѣе облагораживаясь, пошло обыкновеннымъ собачьимъ путемъ; другое — становясь все гаже и мерзче, попало въ необыкновенно замысловатыя условія и сдѣлалось родоначальникомъ гордаго вѣнца творенія.

Анна Каренина

(Романъ гр. Толстаго)

Мы не станемъ разбирать романъ графа Толстаго, онъ сданъ уже на съѣденіе нашей критикѣ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ расщипанъ на атомы; онъ окажетъ великую услугу журнальнымъ пробѣламъ: они будутъ напичканы жиденькими разглагольствованьями о неисчерпаемыхъ психическихъ тонкостяхъ и неувядаемыхъ красотахъ романа. Жизненная правдивость, глубокій драматизмъ сценъ, это—такія свойства Толстаго, въ которыхъ рѣдко кто усомнится, но такъ же никто не усомнится, что между романомъ „Миръ и Война“ и „Анна Каренина,“ ничего нѣтъ общаго, исключая имени автора. Предвзятая мораль погубила послѣдній романъ Толстаго; большая часть сценъ потеряли всю глубину и силу отъ нанизыванія ихъ на пресловутую мораль; не знаю, какъ пойдетъ далѣе романъ, но пока самые чуткіе и впечатлительные люди сознаются, что они весьма холодно и спокойно прочитываютъ самыя драматическія сцены; но совсѣмъ другое происходило при чтеніи „Миръ и Война.“ Мы постараемся разобрать эту вольную или невольную полицейскую, чиновничью мораль. Умирающій журналъ, раздавателя оплеухъ лицеистамъ, г. Каткова неудержимо шелъ къ концу; устали даже отставные генералы и старыя чиновницы пережевывать и выплевывать ту умственную ветошь, которая печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—выразителѣ жандармскихъ убѣжденій и чувствъ; только переводные романы еле

поддерживали потухающую жизнь, но и этого въ концѣ концовъ оказалось недостаточно, тогда на сцену, какъ послѣднее средство, появился мускусъ — романъ „Анна Каренина.“

Огромную часть изъ доходовъ, получаемыхъ съ задняго крыльца изъ канцеляріи III отдѣленія за гражданскія доблести и за обовраніе и униженіе политическихъ эмигрантовъ, пришлось заплатить Толстому, чтобы онъ рѣшился свое высоконравственное, глубоко выношенное дѣтище продать журналу, заклейменному лучшимъ, общественнымъ мнѣніемъ. Всѣ знаютъ профессію Каткова, его педагогическую дѣятельность и его искренніе взгляды на все то, что носитъ печать честной мысли и жизни! Неужели Толстому неизвѣстно, что въ публикѣ фамилія Каткова и въ Бозѣ почившаго Леонтьева синонимы Гречу и Булгарину? Я не знаю въ литературѣ ни одной личности, которая возбуждала бы въ развитой публикѣ столько глубочайшаго, заслуженнаго презрѣнія и отвращенія какъ Каткова и Леонтьева. Литературное имя, попадая на страницы этого журнала, такъ же оскверняется, какъ фамилія попавшаго за мелкое воровство въ чижовку. Всякая брань Каткова есть величайшее похвальное слово литератору, а всякая похвала — величайшее позорное осужденіе; только огромный талантъ и честность могутъ спасти Толстаго послѣ такого литературнаго промаха; ему слѣдовало предоставить этому мудрому органу кончить дни свои и соскользнуть въ помойную яму; не даромъ Катковъ шесть мѣсяцевъ не печаталъ романа: онъ трепеталъ за будущій годъ, какъ великій серебренникъ, онъ зналъ цѣну имени Толстаго.

„Русскій Вѣстникъ“ усилилъ подозрѣніе на счетъ arrière pensée, скрывающейся въ романѣ; Катковъ любитъ соединять всѣ удобства: и денежныя и моральныя; денежныя — спасти ни къ чему негодный журналъ, моральныя — уязвить и покарать развращенное, молодое поколѣніе, погибающее безъ руководительной нити, въ черныхъ преисподняхъ нигилизма!.. Посмотримъ удалось ли это.

Мужъ Анны Карениной послѣ ея сознанія въ измѣнѣ ему — великому административному портфелю, началъ выдумывать разныя орудія пытки для обузданія и наказанія виновной. Самое утонченное оказалось: оставить жить съ собою ненавидящую его женщину; кипучая жизнь была предана и продана свѣтскому приличію. Приличію какъ и религіи много приносилось трепещущихъ въ предсмертныхъ судорогахъ жертвъ, но приличіе не съумѣло такъ притиснуть гробовою крышкою свою жертву, чтобы она не успѣла вскрикнуть и вздохнуть.

Предчувствуя смерть, вслѣдствіе какого-то глупѣйшаго

сна, который чудесно — даже съ спиритической точки — приснился слово въ слово Аннѣ Карениной и Вронскому, она посылаетъ за своимъ любовникомъ, и любовникъ нечаянно сталкивается съ мужемъ; мужъ свирѣпѣетъ и рѣшается на скандальный разводъ, но при этомъ онъ зло издѣвается надъ женою, стараясь у ней отнять сына; когда онъ обдѣлываетъ свои дѣлишки, онъ получаетъ телеграмму, что жена, умирая отъ родовъ, проситъ прощенія (въ чемъ? и за что?) и желаетъ его видѣть; съ пламеннымъ желаніемъ, чтобы она поскорѣе умерла, т. е. самымъ приличнымъ образомъ очистила его административную карьеру, онъ входитъ къ ней и къ великому сожалѣнію застаетъ ее живою. Больная въ бреду умоляетъ о прощеніи, взводитъ на себя небывалыя преступленія... Подъ вліяніемъ тяжкой, раздирающей сцены умирающей женщины, въ Алексѣѣ Александровичѣ свершается фантастическій переломъ; въ часъ времени весь его организмъ перерождается — по повелѣнію графа Толстаго „да будетъ свѣтъ! явился свѣтъ“. Административная ветхая, длинноухая мумія превращается въ пламеннаго христіанина первой эры христіанства. Согнувшемуся передъ нимъ Вронскому онъ говоритъ:

„Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берутъ кафтанъ, и молю Бога только о томъ, чтобъ онъ не отнялъ у меня счастье прощенія..... Вотъ мое положеніе. Вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта, я не покину ея, и никогда слова упрека не скажу Вамъ. Моя обязанность ясно начертана для меня: я долженъ быть съ ней и буду. Если она пожелаетъ васъ видѣть, я дамъ вамъ знать.“

Но не дайте подкупить себя читатели волшебною картиною, въ которой рѣзкія краски и замысловатые эфекты затемняютъ содержаніе; истина дороже и выше самой чарующей поэзіи; призовите на помощь всю силу анализа и разнимите по частямъ эту вывѣтрившуюся христіанскую мораль. Пусть высокая поэзія возвышаетъ истину, но не помогаетъ сгущать мракъ въ слабыхъ головахъ!

Самоотверженіе — великій актъ, но для великихъ вещей нужны если не великія, то по крайней мѣрѣ умѣлыя руки: если вы вздумаете за ударомъ по щекѣ подставить другую щеку, васъ буквально сотрутъ съ лица земли оплеухами, и смерть ваша будетъ безславная, и память безславная! Такими христіанскими добродѣтелями у насъ отличаются приживалки и защтатные чиновники полицейскаго управленія. Наше чудовищное политическое и соціальное положеніе происходитъ отъ того, что мы черезъ чуръ добродѣтельно

устилаемъ собою путь, по которому неистово канканируютъ царственные деспотики. Хищническіе клювы и когти не рвали бы на клочки нашего бѣднаго сердца, если бы мы, со слезами платоническаго холопства, не подставляли наши груди для этихъ мучительныхъ операцій; христіанская мораль о сниманіи съ себя верхней одежды, когда съ васъ снимаютъ нижнюю, тогда развернулась бы во всей лучезарной красотѣ, когда всѣ головы и сердца прониклись бы этою моралью. На практикѣ происходитъ совсѣмъ другое — не ходя далеко за примѣромъ, полюбуемся на нашу родину: христіанское, пекущееся о меньшей братіи, правительство уже давно раздѣло до нага всю меньшую братью, теперь, за неимѣніемъ шкуры, у націи съ необычайнымъ самоотверженіемъ отдираютъ мясо отъ костей.

Много разсѣяно по міру великихъ людей, которые всѣмъ жертвуютъ для блага и спасенія страждущихъ; они часто на головы свои принимаютъ болѣе суровые и колючіе вѣнцы, чѣмъ вѣнецъ Спасителя, но они борятся со зломъ, замѣтьте, страшно борятся со зломъ! Война идетъ на жизнь и смерть и это божественная борьба свѣта съ тьмою.....

Всеобщее, великодушное прощеніе можетъ только наступить послѣ полной, безповоротной побѣды.

Теперь отъ общаго перейдемъ къ частному. Христіанское всепрощеніе, даже въ рѣдкихъ случаяхъ, приноситъ горькіе плоды: если въ женшинѣ сильно развито чувство, она, послѣ своего увлеченія другимъ мужчиною, вмѣсто того, чтобы встрѣтить, какъ обыкновенно случается, въ мужѣ ненависть, презрѣніе за то, что она не пощадила его нѣжныхъ чувствъ, выставила его чуть не на посмѣшище передъ свѣтомъ, вдругъ совершенно неожиданно встрѣчаетъ нѣжное, трогательное прощеніе, великодушное попеченіе объ ея счастіи; она поражается этимъ возвышеннымъ чувствомъ. Мужъ, подымаясь и уходя въ небо, заставляетъ ее, невольно, еще глубже сознать свое мнимое паденіе; вѣрнѣе всего, что она не захочетъ, за такое самоотверженіе, отплатить соединеніемъ себя съ любовникомъ; она постарается, очень тщательно въ себѣ убить все и полюбить великаго, христіанскаго героя — мужа, и тогда самоотверженіе и всепрощеніе становятся тою невыносимою тяжестью, которая раздавитъ жизнь. Самоотверженіе, не во время разыгранное, тяжеле самаго злаго деспотизма: деспотизмъ возбуждаетъ энергію для борьбы, самоотверженіе подавляетъ ее въ зародышѣ. Не желаю самому злѣйшему врагу моему быть въ кожѣ той несчастной женщины, на голову которой обрушилась такая христіанская мораль! Это торжество добродѣтели произво-

дитъ такое же впечатлѣніе, какъ торжественныя, христіанскія похороны съ блестящимъ облаченіемъ, свѣчами, кадилами, раздирающимъ душу пѣніемъ. Возставать противъ отрицательнаго добра необходимѣе, чѣмъ противъ положительнаго зла; предразсудки, замаскированные поэтическими, величественными мантіями, глубже хоронятся въ мозгу, чѣмъ обыкновенные предразсудки.

Не глубока и не нова христіанская мораль, выведенная графомъ Толстымъ въ концѣ XIX вѣка; трудно ею обратить на стезю добродѣтели анархическое, матеріалистическое молодое поколѣніе! Авторъ „Анны Карениной“ невольно прочитываетъ приговоръ надъ новѣйшимъ ученіемъ, которое по гуманности, ширинѣ, глубинѣ мысли, свободѣ, простотѣ и примѣнимости къ практикѣ стоитъ неизмѣримо выше ученія Спасителя и Апостоловъ. Только хронически помѣшанные попы, видящіе въ Іисусѣ Бого-человѣка, могутъ думать, что Іисусъ отъ перваго и послѣдняго слова своего ученія стоитъ выше всѣхъ вѣковъ и народовъ. 1800 лѣтъ человѣчество не стояло на одномъ мѣстѣ, мысль кипѣла, работала, величественно росла и крѣпла во мракѣ ужасающихъ тюрьмъ, тиши кабинетовъ, среди притоновъ нищеты и порока, въ подземельяхъ, подъ истязаньями священной инквизиціи, подъ топорами палачей. Неужели наука и мысль не сказали того, что не снилось прежде мудрецамъ? Неужели нужно перечислять ихъ откровенія, титаническія побѣды? Молодое поколѣніе почерпнуло мораль изъ другого источника, ставшаго библіографическою рѣдкостью: изъ романа „Что дѣлать“ Чернышевскаго. Авторъ романа опирался на другую почву, принадлежалъ къ совершенно другому лагерю мысли; между нимъ и великимъ христіаниномъ Катковымъ, развивающимъ въ своихъ лицеистахъ, въ самомъ высшемъ христіанскомъ смыслѣ, любовь къ оплеухамъ и шпіонству, лежала такая же пропасть, какъ между „Современникомъ“ пятидесятыхъ годовъ и „Русскимъ Вѣстникомъ,“ между благороднѣйшимъ и свободнѣйшимъ человѣкомъ и палачемъ застѣнокъ Петропавловской крѣпости. Чернышевскій и Толстой... въ одномъ изъ нихъ воплощались всѣ радикальныя воззрѣнія, въ другомъ консервативныя. На слово радикалъ существуетъ меньше варьяцій, чѣмъ на слово консерваторъ; эта кличка таитъ въ себѣ обширное опредѣленіе: самый пюръ консерватора даетъ намъ Англія. Консерваторъ — англичанинъ съ мужествомъ отстаиваетъ права и учрежденія, доставшіяся націи путемъ кровавой, вѣковой борьбы и эти права и учрежденія солидныя: нижняя палата, право личности, свобода печати, право сходокъ; государственный строй развилъ громадную само-

дѣятельность въ націи; вся дѣйствующая сила сосредоточена въ общественномъ мнѣніи; королевская власть тамъ ноль, дорогая игрушка. Консерваторъ прежде чѣмъ принять реформу радикальной партіи, съ огромною предвзятою осторожностью разлагаетъ, взвѣшиваетъ и придирается къ чуть замѣтному ея темному пятнышку, словомъ онъ противопоставляетъ ей всю критическую тонкость своего ума, всю опытность практики. Консерваторы боятся стремительнаго наплыва идей; они на яву грезятъ революціями, боятся, что радикалы, въ безстрашіи мысли молодой, забудутъ, что почва недостаточно готова для воспринятія ихъ идей. У нихъ есть своеобразный взглядъ на почву: они думаютъ, что человѣческія права нужно сначала искрошить въ кусочки, а потомъ выдавать ихъ съ чувствомъ и разстановкой націи; они боятся, что страсти, разнузданныя революціей, затопятъ кровью всю Англію, и чтобы сдержать рѣзаніе глотокъ, запрудить эти бурныя, все выше и выше подымающіяся, кровавыя волны прійдется прибѣгнуть къ такому отчаянному средству, отъ котораго подымутся волосы на головѣ у каждаго англичанина — патріота: къ диктатору, къ Бисмаркамъ, Наполеонамъ, Александрамъ. Человѣчество пойдетъ вспять, вѣковыя, дорогія права улетучатся и надъ нимъ, какъ реакція, воцарится цезаризмъ, съ пушками, палачами, инквизиціей мысли и рѣзкимъ подавленіемъ всѣхъ правъ въ зародышѣ. Но русскій консерваторъ—самый жалчайшій типъ консерватора; это своего рода японскій консерваторъ: отстаивать ему у себя нечего — дорогихъ для человѣка у насъ правъ нѣтъ и не предвидится въ близкомъ будущемъ. Мы жалкое стадо, руководимое слѣпымъ пастухомъ — кретиномъ, насъ могутъ по волѣ накормить вкусными злаками и — обрушить съ горы въ пропасть. Пока у насъ есть гордое право: обнюхивать молча объѣдки, брошенныя намъ — Лазарямъ со стола богатаго; кланяться и благодарить, вотъ все, на что мы имѣемъ полное право, оставаясь благонамѣренными! Если мы завизжимъ, намъ скажутъ: „тубо“! — и конецъ великой, гражданской комедіи!... Мы пока ничего не взяли и до этихъ поръ не показали даже способности удерживать то посредственное, что намъ даютъ. При такихъ чудныхъ условіяхъ консерватизмъ теряетъ подъ собою всякую почву; большей частію, въ силу вещей, онъ присосѣживается въ концѣ концовъ къ жандармской командѣ, сыщикамъ III отдѣленія, къ лижещему отребью; онъ вступаетъ въ лилѣйный союзъ съ мракобѣсіемъ; полюбуйтесь на букетъ русскаго консерватизма: на Каткова и на живымъ взятаго на небо Леонтьева! Прослѣдите ихъ путь по стезѣ консерватизма.....

За недостаткомъ тэмъ, наши консерваторы бросаются на защиту очень изящнаго рисунка кандаловъ и разныхъ формъ собачьихъ ошейниковъ, тянутъ изъ подъ спуда семейное начало, церковный бракъ. Предписывая слѣпое уваженіе къ нимъ, они ни на волосъ не объясняютъ, какими необыкновенными качествами они заслужили право на всеобщее уваженіе.

Къ сожалѣнію, мы еще такіе эгоисты въ любви, собственники, что лучшіе изъ насъ всегда съ болью и великими страданьями отрѣшаются отъ своихъ чувствъ въ пользу ближняго; у насъ всегда свое счастье затемняетъ разумное пониманіе чужаго счастья; мы никакъ не умудряемся разойтись съ женщиною, которая полюбила другого, просто, не терзая ее ни самоотверженіемъ, ни великодушіемъ. Сознаніе полной свободы женщины у насъ, пока, существуетъ только въ теоріи. Разъ мы любимъ, то невольно, въ силу воспитанія, привычки, предвзятыхъ убѣжденій, эгоизма, мы свершаемъ церемонію отпущенія женщины на свободу такъ же величественно и мрачно, какъ средневѣковые Евреи—отлученіе отъ синагоги. Грустно наше настоящее, и то что не подъ силу намъ, будетъ подъ силу будущему. Наступитъ время, когда оковы спадутъ съ тѣла и духа, и тогда наступитъ то гармоническое счастье, до котораго не подымается наше воображеніе. Пока у насъ предоставляется выбрать мужчинѣ или семейную жизнь со всѣми ея роковыми случайностями, или же черпать ту любовь съ сифилистическою заразою, которая продается съ публичнаго торга, толкаемая кровавымъ трудомъ и голодомъ. Пока свободно любить мы не умѣемъ, боимся; мы не умѣемъ сойтись съ женщиною, ни разойтись; у насъ всегда появятся на сценѣ церковныя клеймы или меркантильныя законтрактованія, варварскій деспотизмъ или варварское великодушіе и всепрощеніе.

1876 г.

Донъ-Кихотизмъ

(*Загадочныя натуры* — романъ Шпильгагена)

I.

„Онъ дотронулся до ея рубашки, и не смотря на то, что она была сшита изъ грубѣйшаго холста, годнаго на мѣшки, рыцарь принялъ эту дерюгу за тончайшее полотно, какія-то несчастныя, стеклянныя украшенія на рукахъ Мориторны показались ему жемчужными браслетами, а волосы ея нѣсколько напоминавшіе конскую гриву — нитями чистѣйшаго арабскаго золота, затмѣвавшаго своимъ блескомъ свѣтъ солнца, наконецъ дыханіе ея, отзывавшееся чеснокомъ, напояло обоняніе Донъ-Кихота какимъ-то чуднымъ ароматомъ... Ни дыханіе, ни другія достоинства злополучной Мориторны, нагнавшія бы тошноту на всякаго другого, не могли разсѣять призраковъ, порожденныхъ больнымъ умомъ рыцаря, воображавшаго, что онъ сжимаетъ въ объятіяхъ своихъ богиню любви.“

(*Донъ-Кихотъ*—переводъ Карелина.)

Романтическое направленіе изъ литературы перешло въ жизнь, и какъ вредное по своей неестественности направленіе, оно принесло неисчислимо скверные плоды. Много разъ были изображаемы романистами жертвъ вечернія, жертвъ среды; я попробую не въ романѣ, а въ критическомъ очеркѣ, изобразить жертвъ острой, психической эпидеміи: жертвъ романтизма. Отъ него мы не отдѣлались и до сихъ поръ; онъ занаваживалъ почти всѣ романы до настоящаго времени и будетъ свершать свою почтенную миссію еще долгое время.

Бѣлинскій полуреалистъ и полуромантикъ въ началѣ своей дѣятельности, началъ измѣнять этому дряблому направленію незадолго до смерти; отъ него у него остался дурманъ въ головѣ. Проживи онъ долѣе, онъ со всею необузданностью своей геніальной, гладіаторской натуры, навѣрное, ринулся бы въ реальное направленіе и сильно нарушилъ бы сладкое прозябаніе романтиковъ.

Добролюбовъ реальному направленію не измѣнилъ до послѣдняго дыханія жизни; своимъ трезвымъ, задушевнымъ словомъ, честною, здоровою мыслью онъ очистилъ ту смрадную атмосферу, въ которой свершались веселыя оргіи паганизма или романтизма. Писаревъ старался добить это направленіе въ литературѣ блестящими сарказмами, умными, ѣдкими статьями.

Въ моемъ очеркѣ я укажу на тѣхъ несчастныхъ Донъ-Кихотовъ мужскаго и женскаго пола, которыми кишитъ жизнь; это большею частью дѣвушки. Навѣрное, рѣдкому изъ читателей не приходилось на пути жизни сталкиваться съ романтическими семействами. Романтизмъ обыкновенно принималъ самый злостный характеръ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ прозаическій глава семейства умиралъ и воспитаніе переходило въ руки таинственно-романтической маменьки. Мнѣ приходилось сближаться съ необыкновенно богатыми натурами, которыя, всецѣло отдавшись этому направленію, заѣдали свою жизнь и своихъ дѣтей. Такія сильныя умственно особы, выходя замужъ и попадая въ деревенскую глушь, вдругъ начинали чувствовать, что онѣ очутились въ томъ благорастворенномъ воздухѣ, въ которомъ или нужно задохнуться отъ вони и липкой грязи или предаться куренію опія, —онѣ выбирали послѣднее. Куреніе опія сулило имъ наслажденія магометова рая; ихъ уродливо ужасное положеніе не позволяло имъ додуматься до той плачевной мысли, что это наслажденіе съ лихвою окупится собственными ежечасными разочарованіями, собственною, узенькою односторонностью и тою массою жизней, которая будетъ погублена этимъ безплоднымъ направленіемъ. Постоянное, тихое плаваніе въ туманахъ, безъ руля и безъ вѣтрилъ, не обходится даромъ: спускаясь съ необозримыхъ небесныхъ полей на землю, романтическія особы должны были туже обыкновеннаго затыкать носъ отъ земныхъ зловоній; земля для нихъ переставала быть мѣстомъ горя и въ то же время—великаго счастья,—страданія и наслажденія. Онѣ въ ней видѣли юдоль плача, опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достояніе; романтики засыпали Крезами, а просыпались Ирами.

Куреніе опія заключалось въ томъ: что способная, пыл-

кая женщина, чтобы забыться отъ дѣйствительности и чѣмъ нибудь наполнить зіяющую прорѣху помѣщичьей жизни, начинаетъ съ жаромъ бросаться на романы; мужья ихъ, находясь въ точно такомъ же положеніи, обыкновенно съ жаромъ бросались на сивуху. Руководить ее въ глуши нѣкому; чѣмъ фантастичнѣе романъ, тѣмъ болѣе волшебныя грезы наполняютъ ея возбужденный мозгъ. Любимыми ея писателями становятся: Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Жанъ Поль, Гофманъ, Ратклифъ, Сю, Гюго, Феваль, Дюма; изъ романовъ Жоржъ Занда ей болѣе всего по душѣ: Консуело, Жанна; Диккенса, Текерея она не читаетъ, считая ихъ утомительными. Постоянное поглощеніе романовъ впродолженіе долгихъ лѣтъ, наконецъ, совершенно погружаетъ ее въ міръ хаоса и грезъ; подъ обаяніемъ вѣчныхъ сновъ что-то высоко-таинственное начинаетъ обнаруживаться въ томъ камердинерѣ, который во времена оны считался воплощеніемъ прозы. Въ каждомъ естественномъ, чувственномъ порывѣ простой дѣвушки она начинаетъ видѣть роковыя страсти, невѣдомыя страданія, высоко-драматическое положеніе; участіе, оказанное при такомъ способѣ пониманія, нѣтъ сомнѣнія, приводило въ крайнее недоумѣніе простую дѣвушку. Отупѣвшее, исковерканное голодомъ и вѣчнымъ страданіемъ лицо начинаетъ проситься въ романъ; продолжаться такое фальшиво возбужденное состояніе всегда не могло и въ прозаическіе промежутки, способная, чуть не на самопожертвованія, барыня начинаетъ въ порывѣ благороднаго негодованія пощипывать и пошлепывать по щекамъ горничныхъ; ея парящій въ лазурныхъ пространствахъ романтизмъ не мѣшаетъ ей относиться къ доброму поселянину, какъ къ движимой собственности, великое, святое назначеніе которой тѣшить свою барыню, лелѣять и безпрекословно повиноваться мановенію очей ея, а въ награду за все это питаться прочерствымъ хлѣбомъ, объѣдками и дрожать отъ ужаса, ожидая, что спустятъ съ мяса кожу. Но многіе скажутъ, что я беру дикое время крѣпостнаго права, но, къ сожалѣнію, романтическія матери еще успѣли насладиться крѣпостнымъ владычествомъ, онѣ отвѣдали этой божественной амброзіи. Типъ pur sang романтическихъ матерей взлелѣяло крѣпостное право, то есть вѣчное тунеядство и безобразно извращенная жизнь.

Въ то время, когда я пишу эти строки, т. е. 1 ноября 1872, представительницы этого высокоутонченнаго типа доживаютъ мирно свой вѣкъ въ деревенскихъ хлѣвикахъ, обкушиваясь всевозможными аппетитными яствами, запивая ихъ вкуснымъ, не лишеннымъ алькоголическихъ свойствъ, винцомъ, разнообразя все это роковыми любовными грёзами, наипикантнѣй-

шими, наибезконечными сплетнями и переливаніями изъ кулька въ рогожку.

Романтическая барыня въ ранней молодости не была лишена пылкой нѣжности, способности глубоко любить; въ ней таилось много свѣтлыхъ силъ, но онѣ завяли безъ упражненія, какъ сила въ мускулѣ, неприводимомъ въ движеніе. Зачитываясь романами, она вовсе не читала серьезныхъ книгъ, въ которыхъ иногда кипѣла мысль, жаждущая освободиться изъ подъ гнета предразсудковъ, стремящаяся къ высокой гуманности, къ великому идеалу въ жизни... Здравый смыслъ покинутый, пренебреженный, начиналъ съеживаться, тускнѣть, поддакивать дикой фантазіи и, наконецъ, совсѣмъ освобождалъ буйную фантазію изъ подъ своего отрезвляющаго контроля, и тогда въ головѣ образовывался кавардакъ; сужденія и мысли начинали путаться и перемѣшиваться въ головѣ, какъ разноцвѣтные камушки въ калейдоскопѣ. Утромъ романтическая особа въ человѣкѣ видѣла что-то значительное, роковое, непобѣдимое, слегка похожее на демона; послѣ обѣда какой нибудь прозаическій шагъ, неудачно сказанное слово разрушали иллюзію и сводили неповиннаго субъекта съ лучезарнаго Олимпа прямехонько на скотный дворъ. Вечеромъ ей кажется, и очень ясно, что таинственный, не лишенный скрытаго обаянія, среднихъ лѣтъ мужчина, отецъ многочисленнаго семейства, горитъ къ ней неутолимою страстью, что ясно видно изъ взоровъ, полныхъ глубины и огня, бросаемыхъ на нее изъ за картъ. Въ ея воображеніи возникаютъ кровавыя картины: въ фантастическомъ туманѣ видится гнѣвный, полный черныхъ думъ мужъ, съ пистолетомъ въ твердой рукѣ; съ другой стороны — блѣдный, но безтрепетный, съ мрачнымъ облакомъ на челѣ, любовникъ, ищущій страстнымъ взоромъ предмета своей бѣшенной любви и жаждущій сказать только краткое, но пылкое прости, чтобы послѣ, безъ замедленія, растянуться у ея ароматныхъ ногъ хладнымъ трупомъ, съ грустнымъ упрекомъ на застывшемъ лицѣ.

Самая комическая черта романтическихъ натуръ — что для нихъ въ минуты грёзъ жизнь человѣка дешевле яичной скорлупки; онѣ съ удовольствіемъ въ своемъ сонамбулизмѣ зрятъ хладный трупъ, абы только картинка выходила хороша; онѣ удивительно любятъ, хотя и большія по большей частью трусихи, потрясающія сцены; онѣ питаютъ платоническую страсть къ мелодраматическимъ положеніямъ во вкусѣ Дюма-fils.

Проснувшись утромъ, она замѣчаетъ, что непостижимый незнакомецъ, уѣзжая, обратилъ загадочный взглядъ на сивуху

и, приложившись къ этому идеальному напитку нѣсколько разъ, не переводя духу, нажрался соленькимъ и засвидѣтельствовалъ витіеватымъ, подъяческимъ слогомъ, вѣрноподданническія чувства хозяйкѣ дома; послѣ его отъѣзда она съ драматическою улыбкою à la Рашель впиваетъ прохладный воздухъ, и ея трепетно взволнованная душа жаждетъ широко шумныхъ дубравъ.

Нерѣдко романтическія барыни пописываютъ стишки; если имъ удастся послѣ неусыпныхъ бдѣній наконецъ пріучить свои мысли укладывать въ риѳмы, онѣ утопаютъ въ восторгѣ. По ихъ понятіямъ писать риѳмами — быть поэтомъ. Онѣ увѣрены, что поэты рожаются съ готовыми риѳмами въ головѣ, и стоитъ только до нихъ коснуться божественному глаголу, какъ они тотчасъ же въ священномъ смятеніи пойдутъ катать ямбами и хореями. Начинается неутомимая пачкатня бумаги; всѣ стихотворенія носятъ потрясающій, убійственный, средневѣковой характеръ; въ нихъ воспѣваются таинственныя страсти, роковыя положенія. Поэтесса часто въ стихотвореніяхъ молится, чтобы въ нее не влюблялись; она устала сѣять повсюду великія несчастія, въ особенности въ семействахъ; она старается соединить, съ помощью божьей матери, черезъ нее разрозненныя, испепеленныя сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что это — отчаянное надуваніе Иверскихъ и другихъ божьихъ матерей: внутри души она жаждетъ раздирающихъ чувствъ.

Стихотворенія пишутся, по большей части, въ глухую полночь, подъ ревъ грозы, — и эта стихоманія не покидаетъ ихъ даже въ очень солидномъ возрастѣ. Я зналъ шестидесятилѣтнихъ старухъ, въ глухую полночь строчившихъ мрачныя стихи. Романтическая барыня будетъ проливать обильнѣйшіе потоки слезъ надъ страданіями злополучнаго Вертера, и въ то же время ея душа не вздрогнетъ отъ ужаса, когда она услышитъ, что многія крестьянскія семейства, недалеко отъ ея деревни, пережевываютъ, послѣ каторжной мускульной работы на помѣщика, хлѣбъ изъ мякины, древесной коры, пополамъ съ гнилою соломою. Она будетъ неудержимо рыдать надъ „Валентиною“ и не шевельнетъ бровью, когда узнаетъ, что красивую, добрую дѣвушку выдаютъ силою за богатаго, плюгаваго старикашку-міроѣда. Она будетъ поэтически ворковать надъ околѣвшею кошкою и довольно спокойно, съ поддѣльными аханьями выслушаетъ скорбный, ставшій избитымъ отъ вѣчнаго повторенія, разсказъ о томъ, что въ темной, холодной хатѣ, похожей на берлогу дикаго звѣря, умеръ безропотно бѣдный труженикъ, старикъ-мужикъ, отъ заѣвшей его нужды и безысходнаго горя, и оставилъ гулять по міру, безъ при-

зору, кучу голодныхъ, больныхъ сиротъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ, изъ разряда самыхъ чувствительныхъ и либеральныхъ, занимались леченіемъ крестьянъ; это замазываніе незалечимыхъ ранъ приносило имъ неизреченное удовольствіе, онѣ воздвигали себѣ немедленно, при жизни, монументы и восторженно любовались ими. Поставятъ благодѣтели человѣчества даровой клистиръ Авдотьѣ Спиридоновнѣ или Аграфенѣ Савишнѣ, которыя питаются въ свѣтлые годы своей жизни желудями; посовѣтуютъ имъ пить на водкѣ настоенное кровочистительное и почіютъ отъ трудовъ своихъ.

Современные романтики не покидаютъ дѣятельности, завѣщанной добродѣтельными родителями: наружныя сифилитическія язвы, страшные внутренніе недуги щедро поливаются разведенною фиголевою кислотою или свинцовою водою; за два рубля въ годъ, затраченные на эти два универсальные медикамента, покупается популярность. Бѣдный людъ идетъ къ полуцивилизованнымъ бабкамъ, минуя земскія больницы. Наша дрябленькая совѣсть любитъ грошовыя добродѣтели; это похоже на стараго чиновника - взяточника: содравши шкуру съ просителя, онъ ставилъ свѣчку угоднику.

Но вдругъ умираетъ мужъ; весьма неожиданно освобождаются бѣлые негры, тогда начинается еще болѣе необузданное упиваніе опіумомъ.

Теперь расширимъ кругъ романтизма, выдвинувъ на сцену дѣтей. Дѣти отъ природы нѣжны, добры, умны, но у нихъ, уже съ ранняго дѣтства, начинаютъ развивать духовную золотуху. Умѣрьте въ нихъ эту больную, лживую сторону, познакомьте ихъ съ нелживою природою, дайте имъ поэтическую, полную честной мысли, а не одного чувства, книгу, и, не смотря на всю бѣдность вашего воспитанія, изъ нихъ выйдутъ любящія, умныя созданія, которыя дадутъ много счастья любимому человѣку; ихъ дѣвственный мозгъ широко разовьется при счастливомъ столкновеніи съ разумнымъ человѣкомъ; онѣ не будутъ бояться трезвой жизни, не будутъ презрительно отворачиваться отъ нея. Но попадая подъ контроль романтической матери, онѣ принимаютъ другія, затѣйливыя формы: дѣвушка, подростая, начинаетъ внимать чуткимъ ухомъ разсказамъ маменьки о непостижимыхъ незнакомцахъ, о упоительныхъ блаженствахъ любви, о трепетныхъ поцѣлуяхъ въ тиши темныхъ, пахучихъ аллей, при серебристо-блѣдномъ, томномъ свѣтѣ луны. Она часто слышитъ отъ маменьки, что домъ построенъ не на кирпичномъ фундаментѣ, а на эротическихъ романахъ; слова эти сопровождаются мрачными пришепетываніями, потрясающими вздохами, многознаменательными возведеніями очей къ потолку. Романтиче-

ская маменька непоколебимо увѣрена, что таинственный рокъ тяготѣетъ надъ всѣмъ ея семействомъ; онъ грозитъ ей раздирательными драмами и баснословными, роковыми положеніями. Она очень любитъ быть главной героиней романовъ, но и не прочь насладиться ими, если они даже вульгарно пошло разыгрываются въ ея семействѣ; ее сладостно волнуетъ и потрясаетъ всякій намекъ на романтическое приключеніе. Но разсказы не насыщаютъ дочки, она сама принимается за романы и предается чтенію со всѣмъ жаромъ молодости; она читаетъ дни и ночи и, наконецъ, впадаетъ въ то экзальтированное состояніе, находясь въ которомъ, наши юродивые, святые схимники зрѣли передъ собою, въ пустыхъ углахъ, очень ясно чертей, ангеловъ, нагихъ, красивыхъ женщинъ. Ея несозрѣвшая, пылкая головка слѣпо погружается въ волшебный міръ; герои и героини ей мерещутся чуть не въ свиномъ хлѣвѣ; все ей кажется загадочнымъ, роковымъ. Она начинаетъ рисовать въ своемъ воображеніи идеалъ героя: онъ долженъ быть непремѣнно брюнетъ—признакъ пылкости, блѣденъ—признакъ разочарованія и меланхолическаго страданія; въ немъ должно быть нѣчто цыганское—признакъ свободы и сатанинской удали. Но чего только не свершается въ жизни! Пожилой человѣкъ, не со всѣми признаками, но со многими изъ нихъ является въ домъ; дочка млѣетъ, чертитъ его имя пальцемъ, при свѣтѣ луны, на вспотѣвшихъ, засаленныхъ оконныхъ стеклахъ; чѣмъ глупѣе, слѣдовательно, и таинственнѣе пожилой брюнетъ, тѣмъ болѣе томныхъ воздыханій, замирающаго шопота. Она начинаетъ ясно видѣть въ немъ сумрачнаго демона, ненавидящаго и презирающаго родъ людской, за исключеніемъ смазливенькой Тамары; злаго, но въ то же время магическаго Печорина — мучителя дѣвическихъ сердецъ въ городѣ Кисловодскѣ; (страдающаго катаромъ желудка отъ питій и явствъ), мечтательнаго Онѣгина. Подгоняя подъ него всѣхъ извѣстныхъ ей героевъ, она находитъ, что всего этого чрезвычайно мало, многое остается еще неразгаданнымъ. Пожилой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе и дѣвушка выходитъ замужъ за неразгаданнаго героя, ощущая въ себѣ героиню. Роковые брюнеты по большей части оказываются безпардонными олухами. Счастлива будетъ романтическая барышня, если она отъ природы отчаянно глупа, и способна проспать всю жизнь сномъ великой праведницы, пробуждаясь, но только слегка, на время безпрерывныхъ родовъ, — если высшимъ наслажденіемъ ея жизни будетъ сплетничаніе, если свиныя рыла ея добрыхъ деревенскихъ сосѣдей будутъ ей казаться благообразными, а невылазный, нестерпимо вонючій навозъ превратится въ роскошный цвѣт-

никъ, полный благовоній. Счастлива будетъ она, если ея крошечный и плохаго достоинства мозжечекъ непроизводительно замретъ въ тѣсной семейной раковинѣ; если романтическая способность: все мерзкое преображать въ хорошее, не оставитъ ее до могилы. Загадочный брюнетъ, если съ него безцеремонно сдернуть романтическую тогу — незагадочная натура. Если онъ изъ помѣщиковъ, то, женившись, начинаетъ охотиться, заводиться собаками; наемные Гришки, Фильки и Степки вычесываютъ вшей у собакъ; его разговоръ начинаетъ принимать собачій характеръ. Идеалами его жизни становятся: необыкновенные доѣзжачіе, поразительныя борзыя суки, замѣчательныя, поджарыя кобылицы. Въ антрактѣ между охотами онъ дрыхнетъ и жретъ по 15 разъ въ сутки. Но иногда онъ берется за книгу, безъ разбору; ему все равно, будетъ ли эта книга „Происхожденіе видовъ“ Дарвина, „Космосъ“ Гумбольдта или романы Богоявленскаго: „Онъ и она,“ „Зюлейка на гробѣ Абдалуя—алжирскаго разбойника,“— книжныя мысли соскальзываютъ съ его мозга, какъ съ кожи лягушки. Противъ всѣхъ физіологическихъ законовъ онъ даже въ среднихъ лѣтахъ, не развивается умственно и нравственно, а неудержимо, незамѣтно только для одного себя, тупѣетъ и развращается и, наконецъ, въ концѣ четвертаго десятка отращиваетъ себѣ брюхо и видоизмѣняется изъ таинственнаго брюнета въ еще болѣе таинственное животно-растеніе, которое, прилипнувъ къ одному мѣсту, занимается поглощеніемъ, вареніемъ и изверженіемъ пищи; промежутки заняты растительнымъ сномъ. Этотъ сонъ прекращаетъ смерть, и ѣдкая, грустная пародія на человѣка унавоживаетъ своимъ разжирѣвшимъ тѣломъ нижніе слои почвы — крайне безполезные для человѣка — ноль при жизни и столь же великая величина послѣ смерти! Людишки этого разбора такъ крохотны, что о нихъ не стоило говорить, но они становятся возмутительнымъ явленіемъ, когда ихъ грошовая жизнь связывается, по милости романтизма, съ существомъ, богатымъ душевными силами; они затормаживаютъ подобныхъ личностей, а часто совсѣмъ губятъ. Способная, романтическая дѣвушка, выйдя замужъ, начинаетъ вскорѣ смутно сознавать, что гордымъ, лучезарнымъ демонамъ, обаятельнымъ Печоринамъ, обольстительнымъ Онѣгинамъ придется дать полнѣйшую отставку; она силится, какъ можно долѣе, видѣть въ немъ то, что ей хотѣлось видѣть, когда она выходила замужъ; постоянно напрягая свое воображеніе, она впадаетъ въ умственный онанизмъ: на каждый нелѣпѣйшій поступокъ урода, съ которымъ связалъ ее попъ, она набрасываетъ романтическій колоритъ. Романтическое семейство, ее окружающее, не отрезвляетъ ея,

но безсознательно губитъ и запутываетъ, поддерживая въ ней больныя грезы; оно начинаетъ въ немъ находить „нѣчто“— это замысловатое словечко восхитительно заморачиваетъ голову женщины. Въ глазахъ романтическаго семейства все принимаетъ волшебный колоритъ: непроходимая тупость превращается въ неглижированіе собою, въ скромность, не лишенную добродѣтели; свиноватое неряшество — признакъ животнаго дикаря—превращается въ идиллическую близость къ природѣ. Если вы имъ укажете, что это свойство Ноздревыхъ и Плюшкиныхъ, они возопятъ, что высшій идеалъ человѣка—превратиться въ юродиваго. Скотская апатія, отсутствіе живой мысли, живыхъ потребностей, высокихъ порывовъ считается разочарованностью, т. е. удѣломъ высшихъ натуръ; постоянная дрыхотня и жранье не менѣе 15 разъ въ сутки считается нѣгою, свойственною южнымъ натурамъ; ухаживаніе за сѣнными дѣвушками, вытекающее изъ жировыхъ источниковъ, показывающее безсиліе, нуждающееся въ разнаго рода клубничкахъ, преображается въ бѣшенную жажду любви, въ знойный, ненасытный темпераментъ; въ охотѣ за зайцами видятъ жажду душевныхъ бурь; въ глупѣйшихъ прыганіяхъ черезъ рвы и окопы видятъ не нищенство духа, рискованіе жизнью изъ пустяковъ, а — удаль, не знающую рвовъ и окоповъ, желаніе заглянуть въ глаза смерти. Даже карточная игра преображается въ нѣчто роковое: игрокамъ приписывается страстность; чело ихъ непремѣнно должно казаться блѣднымъ, а глаза сверкающими; волненіе, происходящее отъ горькой мысли, что придется вытащить не изъ чужаго, а изъ своего кармана деньги, является святымъ волненіемъ, грознымъ замираніемъ духа; пьянство иначе не называется, какъ заливаніе сумрачной, великой, творческой души; невольное выраженіе глазъ, случайно удачно сказанная фраза, улыбка, гримаса, минутная, благородная вспышка таятъ въ себѣ тонкіе намеки на что-то роковое; зачастую глупость, низость, безобразіе въ головахъ романтическихъ семействъ преображаются въ грандіозное, таинственное, въ роковое... Но сильная женщина, у которой періодъ романтизма такъ же переходящъ, какъ вѣра въ сказки у ребенка, послѣ долгихъ лѣтъ просыпается; не смотря на деморализацію родныхъ, она начинаетъ овладѣвать сознаніемъ, она строже начинаетъ выбирать книги, старается сблизиться съ порядочными людьми. Жизнь часто наталкиваетъ такихъ женщинъ на тѣхъ сильныхъ духомъ, съ которыми онѣ чувствуютъ духовное сродство, на тѣхъ, которые, сойдясь съ женщиною, пробуждаютъ въ ней новый невѣдомый ей міръ, и своею огненною энергіей, безпощадно отрицающимъ

умомъ, ненасытнымъ стремленіемъ къ истинѣ, мгновенно опрокидываютъ карточные домики романтизма. Подъ вліяніемъ многихъ жизненныхъ толчковъ женщина начинаетъ испуганно озираться, ей становится душно въ романтической богадѣльнѣ; ея организмъ начинаетъ не переносить наркотическаго яда; ее начинаетъ тошнить при одномъ взглядѣ на ту молюску, которой она пожертвовала своею красотою, молодыми, лучшими годами жизни. Буря новыхъ желаній, новыхъ мыслей подымается въ ея головѣ, она мучительно мечется, ей страшно становится за дико и тупо растраченную сильную жизнь, она ищетъ выхода, не жалѣя жизненныхъ силъ; она бьется, какъ вольная, сильная птица въ старой, хрупкой деревянной клѣткѣ; она молодѣетъ отъ сознанія, что часъ освобожденія недалекъ; ея дремавшій долгіе годы живыя силы пробуждаются при одной мысли объ освобожденіи. Но дѣйствительность жестка и далеко не слабонервна, иногда бурная жажда жизни просыпается у такихъ женщинъ тогда, когда она уже истощила лучшія силы своего организма на рожаніе дѣтей отъ свиной туши, которая въ дни ея крайней, духовной молодости казалась ей роковымъ незнакомцемъ, таящемъ въ себѣ „нѣчто,“ но года грѣзъ прошли и увидѣла она, бѣдная, что это знаменательное „нѣчто“ не болѣе и не менѣе, какъ всему роду человѣческому, всѣмъ скотамъ свойственная способность производить дѣтей! Невольно возникаетъ вопросъ: много ли найдется молодыхъ женщинъ, способныхъ вырваться изъ этого трупнаго состоянія? Для современной женщины выходъ неизмѣримо легче, чѣмъ для старыхъ, романтическихъ женщинъ: жизнь кругомъ хоть немного, но все-таки измѣнилась къ лучшему, она расширила путь для женщины; но много ли тѣхъ, которыя, руководясь силою своего характера, жаждою свободной жизни, въ состояніи будутъ насмѣшливо взглянуть на завываніе рабовъ отвлеченной и непонятной нравственности, на тяжелыя, брачныя цѣпи, выкованныя церковью, и вырваться на свободу? Думаю, что многія, это прямой разсчетъ: жизнь ихъ безотрадна; что можетъ быть ужаснѣе „жить безжизненно и умереть, не родясь?“ Такая жизнь сама изъ себя выталкиваетъ, не нужно только противиться, а самое главное, не нужно откладывать; наше время выработало печальную истину: если человѣку солоно жить и онъ не употребляетъ всѣхъ послѣднихъ силъ на то, чтобы вырваться изъ сквернаго, заѣдающаго положенія, онъ стоитъ не сожалѣнія, а презрѣнія. Счастье завоевывается тяжкою борьбою, а не получается въ готовомъ видѣ, изъ рукъ боженьки. Во время оно люди задыхались въ нескончаемыхъ несчастіяхъ и ждали,

что рука протянется изъ глубины лазурной и заботливо перенесетъ ихъ изъ смраднаго вертепа въ сказочный чертогъ Аладина; они безконечно страдали, безконечно терпѣли, жалкіе люди! но не шевелили пальцемъ, все надѣясь и надѣясь, пока ихъ не приплюскивала послѣдняя иллюзія: смерть...

Наконецъ молодая, романтическая женщина, большей частію, имѣетъ страшный, живой примѣръ въ образѣ маменьки. Старый типъ романтическихъ матерей, теперь уже близящійся къ могилѣ, представляетъ собою отвратительное зрѣлище; самыя способныя изъ нихъ кончаютъ нищенски бѣдно; все хорошее, нѣкогда пребывавшее въ нихъ, остается у нихъ на кончикѣ языка; наѣвшись до отвалу, онѣ позируются, патетически заявляютъ, что имъ хочется вырваться изъ окружающей жизни, что онѣ способны на многое, что въ ихъ мозгу кипятъ никѣмъ не понятыя (но въ то же время никогда не высказываемыя) мысли; что натуры ихъ чрезвычайно высокія, но проклятая среда одолѣла. Произнося все это, онѣ иногда безъ малѣйшаго усилія открываютъ шлюзы очей своихъ и проливаютъ необходимое въ данномъ случаѣ количество слезъ; иногда онѣ расплываются совершенно и, кривляясь, вопятъ, что онѣ сгораютъ отъ внутренняго огня, но не смотря на пожирающее ихъ роковое пламя, онѣ жпрѣютъ сказочно, не по днямъ, а по часамъ, и подъ конецъ жизни становятся уродливыми массами пуховиковъ и подушекъ. Донъ-Кихотизмъ въ старости безпощадно наноситъ имъ послѣдній ударъ; у нихъ лѣзутъ изъ макушки волосы, голова зарастаетъ плешами, гнилые осколки зубовъ вываливаются изъ ослабѣвшихъ десенъ, физіономія, уморительно жалкая, трясется на разжирѣвшей шеѣ, пузо волочится по землѣ, а онѣ воображаютъ въ себѣ что-то невыразимо обольстительное и подозрѣваютъ неравнодушіе къ себѣ въ каждомъ встрѣчномъ мужчинѣ; всякій корыстный, плутоватый идіотъ, притворившійся влюбленнымъ въ дряблую, водянисто жирную, похотливую старушенку, можетъ обобрать ее. Романтическія старушки бѣсятся, видя страшный разладъ между ихъ золотушной фантазіей и живою дѣйствительностью; онѣ вымѣщаютъ свою злобу на всемъ молодомъ, онѣ прикапываются и придираются ко всякому малѣйшему шагу ихъ жизни. Слѣпыя всю жизнь, онѣ подозрѣваютъ ту же слѣпоту и въ другихъ; все молодое и прекрасное онѣ замусоливаютъ своимъ черствымъ, старушечьимъ прикосновеніемъ. Годъ отъ году онѣ становятся все менѣе способными къ чему нибудь доброму, честному и умному; ихъ сердечные порывы переходятъ въ близкій къ разжиженію мозгъ, а старческое сердце наполняется

злобою, завистью. Онѣ клевещутъ отчаянно, сплетничаютъ, громоздятъ цѣлыя горы, каждую минуту мѣняющихся, другъ другу противорѣчащихъ предположеній и, наконецъ, впадаютъ въ ханжество; изъ атеистокъ быстро вырождаются въ полупомѣшанныхъ мистиковъ, которые не вѣрятъ въ Бога и вѣрятъ въ сны и предчувствія. Всякій, кто ихъ понимаетъ, глубоко презираетъ ихъ отъ всей души; кто менѣе ихъ понимаетъ, ненавидитъ. Умираютъ эти романтическія туши жалкою смертью человѣка, который не знаетъ, зачѣмъ онъ такъ нестерпимо долго волочилъ жизнь. Женщина этого разбора невольно должна сказать себѣ: „Изъ за чего я горячилась и распиналась всю свою долгую жизнь, я ничего не испытала ни особенно дурнаго, ни хорошаго, у меня, даже странно вымолвить, нѣтъ воспоминаній; не давая мнѣ ни счастья, ни наслажденія, любовь моя дробилась, растрачиваемая попусту на негодяевъ и олуховъ. Я стремилась ко многому, но такъ смутны были мои идеалы, что я не могла ихъ понять и до настоящей, послѣдней минуты; я до позора отстала даже отъ своего времени; я никому не принесла пользы, никого не пригрѣла ко груди, ни въ кого не вдохнула ни живыхъ силъ, ни новыхъ потребностей, никому не помогла выйти изъ бѣды; я всѣмъ вредила своей глупѣйшей, разнузданной фантазіей, своей подкожною энергіей; изъ мухи я всегда дѣлала слона, а изъ слона муху; негодяи и идіоты были для меня высшими организмами; все хорошее, какъ болѣе трудное для пониманія, я старалась переуродовать; около меня копошились въ непокрытой нищетѣ и ужасномъ невѣжествѣ сотни человѣческихъ душъ, и я не накормила алчущихъ и не напоила жаждущихъ, я на волосъ не улучшила ихъ нравственнаго, умственнаго и физическаго положенія; новое поколѣніе, когда мои остатки будутъ перегнивать въ землѣ, изречетъ надо мною горькій и правдивый свой приговоръ.“

Грустна ихъ жизнь и грустна смерть; объ нихъ нельзя говорить безъ горечи: въ нихъ были душевныя силы, но какъ онѣ дико управились съ ними! Но довольно о призракахъ, душа устала, погружаясь въ больничную палату романтизма; среди духоты и чада тамъ копошутся убогія старухи, красивыя, сильныя, молодыя женщины; однѣ изъ нихъ плетутся, бормоча непонятныя для другихъ и себя слова, въ могилу; для другихъ жизнь хуже могилы. Злобное кряхтѣніе и безсильныя, безплодныя, старческія проклятія вырываются у однѣхъ, и горькая, рвущая душу, тихая, полная слезъ и страданія жалоба у другихъ. Незнающая пощады жизнь раздавила отступницъ жизни.

II.

„Онъ любитъ средніе вѣка, платоническую любовь; ему надобенъ эфектъ, фраза — и замѣтьте, что у него эфектъ и фраза вовсе не ложь, вовсе не поддѣльны; онъ за фразу пойдетъ и сядетъ на колъ, если онъ только живетъ въ той образованной странѣ, гдѣ за фразу сажаютъ на колъ. Романтизмъ вообще ищетъ несчастій; онъ очищается ими, хотя мы не знаемъ, гдѣ онъ загрязнился; это особенная метода леченія: Unglückskur, такъ какъ есть Wasserkur, Hungerkur.

На мечтателей часто клеплятъ глубину души, неизвѣстную, намъ профанамъ: тамъ „покоится не одна прекрасная жемчужина," да они ее выковырять не могутъ, и словъ нѣтъ высказать и звуковъ нѣтъ спѣть... Глубина эта похожа на то, что если бы выкопать колодезь до центра земли, и все продолжать копать, каждый шагъ глубже былъ бы шагомъ ближе къ поверхности." (Герценъ.)

Шпильгагенъ не поэтъ - художникъ, а поэтъ - мыслитель. Какъ видно, онъ не особенно гонится за художествомъ; мысль для него составляетъ все; лица же важны, какъ дополненіе мысли: черезъ лица мысль ярче вырисовывается, становится образнѣе. Онъ можетъ, проводя извѣстную мысль, выказать всѣ ея самыя запутанныя стороны, заставивъ за себя говорить самую жизнь. Во всѣхъ сочиненіяхъ вы видите горячаго, честнаго, умнаго писателя, страстно проводящаго свою идею. Загадочныя натуры его романа — сильные люди; ихъ душитъ невозможность удовлетворенія тѣмъ, чѣмъ удовлетворяются весьма охотно разныхъ шерстей и цвѣтовъ филистеры; они жадно набрасываются на все и ни чѣмъ не насыщаются. Одинъ изъ этихъ героевъ — баронъ Ольденбургъ, объѣхалъ весь міръ; любилъ страстно сотни очень красивыхъ и пылкихъ женщинъ и былъ ими любимъ, наслаждался всѣми матеріальными благами, и въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ тому грустному выводу, что страдалъ онъ очень много, а наслаждался весьма мало; но не смотря на это, этотъ невинный мотылекъ т. е. баронъ Ольденбургъ стремится снова на огонь, чтобы окончательно спалить свои уже подпаленныя крылушки. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ спосо-

бенъ на хорошія чувства: полюбивъ глубоко женщину и замѣтивъ, что ея сердце занято другимъ, онъ дружится съ соперникомъ; у него въ душѣ не свершается никакихъ возмутительныхъ процессовъ; онъ отодвигается въ сторону и не мѣшаетъ имъ блаженствовать. Аристократъ по рожденію, онъ не скрываетъ искренной, глубокой антипатіи къ аристократамъ; онъ стоитъ выше общественныхъ предразсудковъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Какъ можно догадываться, онъ весьма сквернымъ окомъ взираетъ на предержащую власть и на извѣстный государственный строй. Онъ способенъ къ горячей любви; по натурѣ онъ страшно энергиченъ и смѣлъ. Излей онъ свою любовь на несчастныхъ, несправедливо обойденныхъ жизнью, обрати онъ бѣшенную энергію и громадную смѣлость противъ враговъ свободы и народа, онъ удовлетворился бы вполнѣ; онъ испыталъ бы то мощное, безконечно великое счастье, которое ему не могли бы дать тысячи самыхъ обольстительныхъ женщинъ и никакія, самыя прихотливыя, матеріальныя блага. Жадно отзываясь на всѣ эстетическіе, призывные звуки, онъ не отозвался на одинъ, самый важный: раздирающій, вѣчный вопль гибнущихъ отъ голода и горя не долетѣлъ до его непривычнаго къ такимъ звукамъ уха, и вслѣдствіе этого онъ произноситъ патетическіе монологи, возвращаясь съ своимъ соперникомъ по любви съ бала, гдѣ онъ заигрывалъ съ аристократами какъ кошка съ мышью. „Если я не обманываюсь (говоритъ баронъ Ольденбургъ своему сопернику), вы заражены смертельной тоскою по голубому цвѣтку, и въ одинъ прекрасный день такъ и умрете съ этимъ неудовлетвореннымъ стремленіемъ. Вы помните голубой цвѣтокъ въ разсказѣ Новалиса? Цвѣтокъ, о которомъ тосковало бѣдное сердце Генриха Офтердингена? Голубой цвѣтокъ? Знаете ли что это? Это цвѣтокъ, котораго еще не видѣлъ ни одинъ смертный, но благоуханіе котораго наполняетъ весь міръ. Не всякое существо достаточно тонко организовано, чтобы ощущать этотъ запахъ; но соловей подъ его вліяніемъ поетъ, тоскуетъ и рыдаетъ при лунномъ свѣтѣ или на утренней зорѣ; подъ его же вліяніемъ и всѣ тѣ чудаки, которые теперь и прежде въ стихахъ и прозѣ утруждаютъ небо своими жалобами и еще милліоны тѣхъ, которымъ никакой богъ не далъ средства выказать свои страданія и которые съ безмолвной мукой взираютъ на то же небо! Ахъ, отъ этой болѣзни нѣтъ спасенія никакого кромѣ смерти; кто разъ въ себѣ вдохнулъ дыханіе голубаго цвѣтка, для того нѣтъ болѣе спокойствія въ этой жизни: какъ будто онъ проклятый убійца, какъ будто онъ оттолкнулъ господа отъ своей двери; гонитъ его дальше и дальше какая-то сила,

какъ бы не болѣли его окровавленныя ноги, какъ бы не хотѣлось ему склонить на покой свою утомленную голову. Хотя и проситъ онъ, томимый жаждою, въ той или другой хижинѣ живительнаго напитка, но безъ благодарности возвращаетъ назадъ предложенную кружку, потому что въ водѣ плаваетъ муха или посуда не чиста, словомъ такъ или иначе, онъ не получилъ удовлетворенія. Удовлетвореніе? Гдѣ тѣ глаза, заглянувши въ которые, мы не желали бы заглянуть въ другіе, болѣе свѣтлые, болѣе огневые? Гдѣ грудь, разъ прижавшись къ которой, мы не пожелали бы услышать біеніе другаго сердца, еще болѣе теплаго и насквозь проникнутаго любовью? Гдѣ все это, скажите мнѣ?...“

Идеалы барономъ Ольденбурговъ очень схожи съ голубымъ цвѣткомъ; впивая его зловѣщій запахъ, они промечутся и промучаются всю жизнь; витая въ области фантастическихъ запаховъ, они никакъ не умудрятся спуститься на ту твердую почву, гдѣ кипитъ жизнь, полная трудныхъ задачъ, требующихъ рѣшенія и рѣшеніе которыхъ возможно для всякаго умнаго и честно развитаго человѣка. Великое несчастіе человѣчества, что къ простѣйшимъ и яснѣйшимъ мыслямъ оно придетъ всего позднѣе; оно никакъ не умудрится понять, что величайшія истины, въ то же время самыя простыя. Чѣмъ болѣе человѣчество носилось въ абстрактномъ мірѣ, чѣмъ болѣе оно углублялось въ него, считая, въ наивности душевной, это великою мудростью, тѣмъ безобразнѣе и чудовищнѣе слагалась дѣйствительная жизнь.

Но рядомъ съ правдивыми монологами, баронъ Ольденбургъ, глубоко противурѣча себѣ, иногда высказываетъ мысли удивительно замысловатаго свойства: „Различіе между нами и мѣщанами (говоритъ онъ) не есть только различіе по имени, по сословію; они должны различаться по крови, по душѣ, enfin, по цѣлой природѣ... Какъ же могутъ такія различныя существа происходить отъ одного и того же родоначальника! Умъ теряется въ этомъ чудовищномъ противорѣчіи.“ Для того, чтобы разрѣшить этотъ демоническій вопросъ, онъ перерылъ всѣ библіотеки Италіи; но ярость его не унялась Италіею, онъ уѣхалъ въ Египетъ, изъ Египта въ Палестину, Персію, Индію. Обыскавъ углы каждаго капища, углы древнихъ развалинъ, каждое отверстіе въ скалѣ, онъ проникъ даже въ таинственныя катакомбы, но къ вящему сожалѣнію ничего не нашелъ; но на обратномъ пути, въ монастырской библіотекѣ, на горахъ Аѳонскихъ, онъ открылъ манускриптъ и въ этомъ восхитительномъ манускриптѣ разъяснилась вся исторія... На этомъ роковомъ мѣстѣ цензура сочла священною обязанностью прервать главу и даже не

поставила точекъ. По милости неожиданнаго перерыва, баронъ Ольденбургъ изъ умнаго, даровитаго и честнаго человѣка превращается въ балбеса. Конецъ главы, разоблачающій всю ѣдкую иронію его словъ на счетъ разныхъ родоначальниковъ, выпущенъ.

Критикуя русскій переводъ, я нарочно не отступлю отъ буквальнаго смысла перевода, чтобы провести мысль о различныхъ сферахъ, выработавшихъ изящныхъ аристократовъ и неуклюжихъ плебеевъ. Мнѣ кажется, что баронъ Ольденбургъ не на аѳонскихъ горахъ, а гдѣ нибудь въ темномъ углу индѣйскаго, разрушеннаго капища розыскалъ таинственную эмблему зарождающагося человѣка. Таинственная эмблема, навѣрное, изображала лохматаго, похотливаго чимпанзе и не менѣе лохматую жемчужину его пылкаго, благороднаго сердца, того же чистѣйшаго аристократическаго происхожденія, погруженными до самозабвенія въ восторги небесной любви. Божественное происхожденіе царской, папской и всякой власти, навѣрное, стало для него очень понятно. Напрасно вы, баронъ Ольденбургъ русскаго перевода, такъ далеко путешествовали, растревоживали плѣсенью заросшія церковныя библіотеки, напрасно васъ запахъ голубаго цвѣтка носилъ по катакомбамъ Египта, по развалинамъ индѣйскихъ храмовъ! Ваше путешествіе, по своей плодотворности, напоминаетъ путешествіе средневѣковаго монаха въ Іерусалимъ за розысканіемъ того боженьки, который былъ безслѣдно утерянъ въ христіанскской религіи; онъ дѣлалъ три шага впередъ и два назадъ. Дѣло это объясняется много проще: различіе между вами и плебеями въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи произошло не отъ фантастическихъ причинъ, — ваши предки въ продолженіи сотенъ лѣтъ откармливались весьма питательною пищею. Англичане попробовали выкармливать тщательно свиней, и въ какой нибудь десятокъ лѣтъ они выработали такихъ аристократическихъ, но въ то же время и полезныхъ выкормковъ, что недавно въ бозѣ почившій ихъ предокъ показался бы, въ сравненіи съ ними, удивительно неуклюжимъ пролетаріемъ. Многія сотни лѣтъ ваши предки обогрѣвались около весело пылающихъ каминовъ, подогрѣвая себя полуведерными кружками добраго пива; но когда кроткіе поселяне начали слегка жечь ихъ замки, а начинающая разростаться императорская власть выставила противъ толстыхъ стѣнъ феодальныхъ замковъ, страшнаго врага ихъ, пушку, ваши предки быстро и трусливо съежились, и какъ стая голодныхъ волковъ, жадныхъ до падлы, бросились къ раздавившему ихъ императору въ лакейское услуженіе, униженно прося его удѣлить имъ

частичку изъ награбленныхъ, мірскихъ благъ, обѣщая помогать ему въ истребленіи рода человѣческаго. На этомъ грандіозномъ поприщѣ они изощрили въ себѣ всѣ таившіяся въ нихъ эстетическія способности; они начали изгибаться ловче жонглеровъ и это извиваніе, какъ утонченное, гимнастическое упражненіе, укрѣпило ихъ поясницу и развило грацію и величіе; хожденіе на цыпочкахъ, чтобы не оскорбить драгоцѣнный органъ слуха императора, изъ поколѣнія въ поколѣніе выработало въ вашихъ предкахъ ту воздушную, граціозную походку, которая такъ умиляетъ многихъ въ аристократическомъ кругѣ. Крайне засаленныя и неумытыя физіономіи вашихъ чистокровныхъ предковъ, которыя имъ очень нравились въ феодальныхъ замкахъ, не понравились монарху; не задумываясь ни на терцію, они самоотверженно начали соскабливать въѣвшуюся въ кожу вѣковую гвязь и стали съ изумительнымъ постоянствомъ лелѣять ее, обмывая благовонными мылами. Изъ поколѣнія въ поколѣніе они выработали ту атласистость и бархатность кожи, которая еще болѣе, чѣмъ у нихъ, поражаетъ у камелій. Бывши феодалами, они холодно душили и давили своихъ крестьянъ, а женъ ихъ гурьбами насиловали въ своихъ вертепахъ. Сойдя съ этой свѣтлой арены въ дворцовыя лакейскія, они начали охотно, тщательно и добросовѣстно вылизывать полы монаршей исподней одежды и полы и пороги его грязныхъ переднихъ; они изощрялись въ лести, притворствѣ и всевозможныхъ подлостяхъ. Эти аристократическія, кровныя доблести отъ поколѣнія къ поколѣнію разростались все болѣе, и болѣе, пышнымъ цвѣтомъ, и, наконецъ, вы достигли до той апаѳеозы лакейства и пренебреженія къ равному себѣ человѣку, что невольно стали необыкновенно рѣзко отличаться нравственно и умственно отъ плебеевъ.

Теперь посмотримъ, подъ какими благопріятными условіями развивались плебеи. Они гнѣздились, расплюснутые, у подножія вашихъ замковъ, съ трепетомъ взирая на ваши орлиныя гнѣзда. Съ высоты замковъ, какъ съ неба лазурнаго, на нихъ сыпалась манна въ видѣ чудовищныхъ повинностей, и несчастные, бѣдные люди платили ихъ; но за то они работали и въ морозы трескучіе, и зной горючій до надрыва мускуловъ, и въ награду великому труду щелкали зубами отъ пожирающаго ихъ голода, холода, забившись въ свои черныя конуры и дѣля свое прихотливое ложе со свиньями, утопая, вмѣстѣ съ ними, въ жидкомъ навозѣ, впивая въ себя гніющій смрадъ. Тифъ, проказа, короста были веселые спутники ихъ счастливой жизни; ихъ жены и, быстро развивающіеся отъ страданія, дѣти были отымаемы воору-

женною рукою бароновъ, и этихъ дѣтей нужды, горя и слезъ насиловали пьяные канибалы, для минутной потѣхи! Безропотно, они пили чашу великихъ скорбей. Когда же нужно было позабавиться баронамъ бойнею, они тащили крестьянъ, и тѣ покорно отдавали свои истощенныя, несчастныя тѣла на растерзаніе и поруганіе войнѣ, а оставленныя ими въ собачьихъ конурахъ дряхлыя, больныя матери и нагіе дѣти выли отъ голода, холодно, недовѣрчиво глядя въ пустое небо, и сосали вмѣсто хлѣба до крови свои изсохшіе пальцы; и стало имъ еще хуже, когда къ царящимъ надъ ними чудовищамъ - феодаламъ, прибавился новый чудище, стоющій всѣхъ ихъ вмѣстѣ—императоръ. Когда императорскія переднія наполнились дворянами, они проиграли послѣднюю ставку; сначала ихъ кровь, какъ цѣлебную влагу, пили одни феодалы, но вскорѣ къ нимъ присосалась ненасытная пасть императорская. Много разъ они лили безъ мѣры свою кровь, стараясь освободиться изъ невыносимаго рабства, но до настоящей минуты, цѣною героической борьбы, они не завоевали себѣ даже призрака полнаго счастья.

Понятно, что такое полное нѣтъ соціальное положеніе плебея не могло выработать изъ него мягкотѣлаго барона! Горе и трудъ — суровая и великая школа; они сдѣлали изъ народа руду желѣзную; въ его силахъ мощныхъ и безграничныхъ таится вся свѣтлая будущность нашего міра; на нихъ все упованіе. Чтобы совершенно не погибнуть баронской рассѣ, ветхой, тупой, нищенски бѣдной жизненными силами, въ ея вялыя артеріи нужно впрыснуть плебейскую кровь.....

III.

Другой герой романа, который ярче другихъ вырисовываетъ мысль Шпильгагена — Освальдъ, юноша очень пылкій, хорошо образованный и способный на многое при иначе направленныхъ силахъ. Онъ тоже снѣдаемъ жаждой любви и выливаетъ ее на женщинъ. Въ результатѣ оказывается, что онъ страдаетъ отъ невозможности такъ полюбить женщину, чтобы она наполнила его жизнь тою полнотою, которая не нуждается въ новыхъ образахъ красоты. Онъ мечтаетъ о томъ дремотномъ, безмятежномъ счастьи, которое, осуществившись, сдѣлало бы жизнь похожую на волосъ, который тянутъ по молоку; онъ хочетъ розыскать женщину, образъ

которой затемнилъ бы и подавилъ собою всѣ прошедшіе женскіе, блестящіе образы и будущіе, которые совершенно неожиданно можетъ выдвинуть жизнь. Понятно, что Освальдъ возбуждаетъ крайнее сожалѣніе; несчастливы господа этой категоріи тѣмъ, что они любятъ въ женщинѣ не человѣка, а ея чудныя, физическія качества; на первомъ планѣ у нихъ бархатныя, нѣжно сладострастныя очи, бѣлыя, какъ снѣгъ, круглыя съ лиловыми жилками плечи, лебединая шея, нѣжная, полная грудь, очерченная какъ у капитолійской Венеры, стройный, гибкій, какъ лоза, упругій, но не лишенный полноты станъ, нѣжныя, полныя, стройныя ноги. Если женщина обладаетъ всѣми классическими качествами мраморной богини и при этомъ необузданно страстна, то болѣе ей ничего не нужно; она мгновенно зажигаетъ пылкія сердца Освальдовъ и они любуясь ею, какъ юный художникъ ватиканскими статуями, готовы весьма охотно пожертвовать ей своею жизнію и даже будущими терзаніями: для нихъ, недоростковъ, нѣтъ міра внѣ женской любви. Съ такою жрицею наслажденій, госпожею Мелитой, нечаянно встрѣчается Освальдъ въ томъ аристократическомъ домѣ, гдѣ онъ учителемъ, и не успѣлъ онъ съ нею путнымъ образомъ разговориться, какъ они уже стремятся—сумеречныя бабочки—на огонь. Мелита проситъ Освальда посѣтить себя; поборовъ различныя, романтическія препятствія, онъ является къ ней въ домъ и затѣмъ они отправляются въ лѣсъ, и тамъ, подъ шумъ грозы, при свѣтѣ молніи, въ таинственномъ убѣжищѣ, гдѣ закутанная зеленью стоитъ Венера Милоская, юныя существа, рожденныя въ рощахъ Эпикура, бормочутъ другъ другу о безконечномъ счастіи, безсмертномъ наслажденіи, о міровой любви, которая двигаетъ горами и наполняетъ душу божественнымъ могуществомъ.

Наивные дѣти! отдаваясь горячимъ ласкамъ, дрожа и тая отъ огня поцѣлуевъ, они не подозрѣваютъ ироніи жизни. Когда я наталкиваюсь въ романѣ или жизни на упоительныя сцены любви, передо мной, неожиданно, безъ призыва, возникаетъ насмѣшливо скептическій, величавый образъ Мефистофеля; я слышу его горькій, злой хохотъ, когда онъ увидѣлъ Маргариту, изнемогшую отъ наслажденія въ объятіяхъ Фауста.

Часы въ таинственной бесѣдкѣ бѣгутъ незамѣтно и этимъ часамъ, мигъ которыхъ поэты любятъ сравнивать съ вѣчностію, приходитъ конецъ; разстаются современные эпикурейцы съ цѣлымъ роемъ возвышенныхъ мечтаній въ головѣ. Они назначаютъ другъ другу свиданіе на балу; но на балу Освальдъ поэтическою наружностью съума сводитъ провинціаль-

ныхъ барышень; онъ старается глядѣть на Мелиту и невольно смущается при взглядѣ на прелестнѣйшую блондинку, съ яркими, страстными глазками; томная, нѣжная блондинка въ свою очередь блѣднѣетъ отъ внутренняго трепета, глядя на Освальда; они встрѣчаются въ темной комнатѣ и Освальдъ чувствуетъ, какъ молоденькая, горячая, красивая дѣвушка прижимается къ его груди; обезумѣвъ отъ черезъ чуръ скоро вспыхнувшей страсти, онъ ощущаетъ на лицѣ, полные отравы, поцѣлуи; въ его рукахъ дрожитъ ея молодое тѣло. Онъ старается разыграть героя, желаетъ быть вѣренъ Мелитѣ, и усердно проситъ дѣвушку успокоиться, но та очень далека отъ успокоенія, она шепчетъ, обливаясь слезами, слова любви, дѣтски наивно говоритъ ему: „я ребенокъ, я люблю въ первый разъ," умоляетъ его пощадить себя; нѣтъ сомнѣнія, герой щадитъ ее... но пощада не проходитъ даромъ, онъ начинаетъ терзаться раскаяніемъ. Онъ хочетъ остаться, въ обстановкѣ полной хаоса и бреда, честнымъ человѣкомъ, не хочетъ обманывать любимой женщины, и въ то же время боится ей нанести тяжкій ударъ, сознавшись въ своей слабости; не хочетъ за любовь, давшую ему счастье, заплатить мукою; онъ начинаетъ анализировать себя, т. е. распиливать себя по кусочкамъ, и въ концѣ концовъ сознаетъ свое крайнее безсиліе и всю мизерность избраннаго пути. Юноша, томящійся въ броженіи пустомъ, начинаетъ сознавать, что его вѣчное, божественное чувство неудержимо близится къ могилѣ, а любовь Мелеты разгорается все сильнѣе. Во время мукъ душевной дисгармоніи, пріѣзжаетъ въ домъ, гдѣ онъ учителемъ, дочь хозяйки дома — Елена, дѣвушка такой фантастической красоты, что онъ ясно чувствуетъ, какъ образы Мелиты, Блондинки блѣднѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ стушевываются; его сердце охватываетъ новое, невѣдомое ему, упоительное чувство; онъ теряетъ способность владѣть собою и дѣлается агнцемъ пасхальнымъ любви. Окружающіе его аристократы ненавидятъ его, видя въ немъ соперника въ любви, и рядомъ мелкихъ низостей доводятъ его до дуэли, гдѣ онъ чуть не превращается въ мелодраматическаго пошляка. Елена начинаетъ чувствовать къ нему что-то похожее на любовь, но это слабое чувство тухнетъ, когда она узнаетъ, что онъ любимъ другою; подавленный неудачею, онъ чуть съ ума не сходитъ отъ отчаянія и возбуждаетъ тѣ же очаровательные симптомы въ Мелитѣ и Блондинкѣ. Онъ отравилъ, невольно, жизнь двухъ женщинъ, и одна женщина, въ свою очередь невольно, отравила его жизнь. На подмогу Освальду является докторъ, хорошая личность; вся жизнь его посвящена наукѣ, упорному труду

и бѣднымъ; онъ поддерживаетъ несчастнаго юношу въ тѣ минуты, когда тотъ, брошенный всѣми, одинокій, истерзанный, не знаетъ, куда преклонить усталую голову. Слѣдующими умными заключительными словами доктора оканчивается романъ:

„Вы потеряли многое, но все это можетъ возвратиться; вы пренебрегли разумомъ и наукою, самой высшей силою человѣка, а между тѣмъ отъ этой силы зависитъ теперь спасеніе. Пойдемте, пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, для васъ должна начаться новая жизнь.“

IV.

„И твое — твое!
И мое — твое!
Говоритъ благой.“

Сладки объятія любви; глубокое, бурное счастье таятъ онѣ; не даромъ все живое, способное чувствовать жадно стремилось къ этимъ минутамъ; иные всю жизнь растрачивали на это чувство и, не смотря на страданія и разочарованія, стремились къ нему снова, не жалѣя послѣднихъ силъ. Это сладкое, полное невыразимой нѣги, трепетное чувство иногда не покоряется никакимъ выводамъ разума. Это чувство играло, какъ пылинками, поэтами-геніями; оно исполиновъ дѣлало карликами и карликовъ, на нѣсколько минутъ, исполинами. Этому лучезарному кумиру люди поклонялись и поклоняются, движимые не страхомъ и мелкимъ дряннымъ чувствованьицемъ, но истиннымъ чувствомъ. Жертвы любовной маніи неисчислимы; объ этомъ свидѣтельствуетъ черезъ-чуръ часто сама жизнь, и горы романовъ, желающихъ передразнить ее; но очень грустно, если этимъ чувствомъ стараются наполнить жизнь; гоняться за подобнымъ счастіемъ все равно, что гоняться за собственною тѣнью и чѣмъ сильнѣе натура, тѣмъ менѣе шансовъ на удовлетвореніе. Это чувство тогда будетъ не лишено долгаго наслажденія, когда мы женскую красоту сведемъ съ улетающихъ въ небо пьедесталовъ на твердую почву. Современной женщинѣ стало нестерпимо гадко и душно въ небесныхъ сферахъ; пребываніе въ синемъ пространствѣ не приносило ей счастья, а только глубокое униженіе и нескончаемое страданіе. Мы станови-

лись въ подобострастно благоговѣйныя позы передъ красотою; мы окуривали ее волшебными благовоніями, но разъ она проходила или попадалась намъ въ руки, наступала изнанка эфемернаго чувства; женщина изъ лучезарной богини превращалась въ презрѣннаго парія, на которомъ мы вымѣщали наше болѣзненное разочарованіе.

Пора женщинѣ спуститься на землю и стать вполнѣ человѣкомъ; пора намъ любить въ ней не однѣ ея роскошныя груди, страстныя очи и пышныя плечи! Мы будемъ счастливѣе, когда подымемся умственно и нравственно на столько, что для насъ все будетъ составлять въ женщинѣ ея внутреннія силы, и могущество этихъ силъ подавитъ внѣшность, какъ бы она блестяща ни была; когда мы будемъ ее глубоко любить за ея духовное родство съ нами, а наслажденіе чувственное — вполнѣ законное — невольно, вслѣдствіе широкаго умственнаго и нравственнаго развитія, отодвинется на второй планъ. Хорошія умственныя и нравственныя качества подвержены, какъ все въ мірѣ, вліянію жизни, но не на столько, какъ физическая красота; обояніе физической красоты страшно непродолжительно; удовлетвореніе сулитъ пресыщеніе; самые пылкіе обожатели женской красоты — большей частью, люди очень цѣломудренные, рѣдко къ нимъ прикасающіеся. Любовь же къ женщинѣ, какъ къ человѣку, сильнѣе разгорается отъ близкаго столкновенія. Этимъ путемъ женщина можетъ глубоко осчастливить и облагородить мужчину; подъ обояніемъ этой возвышающей душу любви, человѣкъ не пресыщается, а благотворно возбуждается умственно и нравственно: куклы тѣшутъ ребенка, но перестаютъ тѣшить взрослаго.

Счастливъ тотъ, кто горячо любимъ честнымъ, умнымъ, добрымъ и красивымъ существомъ, но это прекрасная случайность; неизмѣримо счастливѣе тотъ, счастіе котораго не зависитъ отъ случая: не всегда женщина, которую мы любимъ глубокою, человѣчною любовью, въ состояніи отвѣтить намъ взаимностью. Чтобы не пасть подъ тяжестью неудачи, нужно не пренебрегать наукою и разумомъ — высшими силами человѣка; нужно весь жаръ любви излить не на нѣсколько субъектовъ женскаго пола, а на тотъ великій міръ великихъ скорбей, гдѣ большая часть человѣчества, обливаясь кровавымъ потомъ и слезами, изнемогаетъ подъ ношей крестной. Работайте надъ наукою, а болѣе всего надъ собою, и умудритесь подняться на ту безграничную высоту духа, гдѣ для васъ станетъ самоотверженіе наслажденіемъ. Неодолимая жажда жизни затихнетъ, если вы свою богатую силами жизнь посвятите вашимъ несправедливо, безчеловѣчно обиженнымъ

братьямъ; развейте въ себѣ ту чуткость къ горю, которая, развиваясь все глубже и глубже, замѣтитъ въ жизни то, что быстро скользитъ мимо холоднаго взора; не пренебрегайте никакимъ микроскопическимъ случаемъ—быть полезнымъ; дѣлайте все, что позволяютъ въ данную минуту средства и на столько, на сколько хватитъ силъ; энергію вашего ума и характера употребите не на погоню за неуловимою красотою, а на неустанную борьбу съ врагами свободы и врагами народа!

Сильныя натуры рѣдко удовлетворяются современною дѣятельностью, потому что всѣ службы нашего мудренаго государства только относительно честны. Чѣмъ съ болѣе высшими стремленіями сроднился человѣкъ, тѣмъ нестерпимѣе для него становится служба. Въ уродливо, насильственно сложившемся монархическомъ государствѣ служащіе служатъ не затерзанному, ограбленному, униженному народу, а той ненасытной, паразитной силѣ, которая жретъ народъ, составляющій государство; не они существуютъ для государства, а государство для нихъ. Новая жизнь выдвинула много возможностей быть полезнымъ не микроскопическому меньшинству, но и массамъ; человѣкъ, имѣющій даже небольшія средства можетъ заняться ремесломъ, раздѣливъ трудъ и барышъ труда съ небольшимъ или большимъ, смотря по средствамъ, кружкомъ бѣдныхъ тружениковъ; увеличивая благосостояніе рабочаго, вы въ то же время имѣете полную возможность развить его умственныя и нравственныя стороны. Что нашъ народъ способенъ къ быстрому, широкому, умственному и нравственному развитію, если за это возмется честная, гуманная и высоко развитая личность, въ этомъ можетъ сомнѣваться только царскій камердинеръ или безсердечный, узкій, деревянный болванъ, для котораго нѣтъ міра внѣ собственнаго носа и который сталкивался съ народомъ, какъ господинъ съ рабомъ. Человѣкъ, способный свято выполнить эту миссію, насладится безпредѣльнымъ счастьемъ; онъ подымется на недосягаемую высоту. Черезъ десятки вѣковъ, когда на человѣчествѣ не уцѣлѣетъ ни одного атома прежней, варварской шелухи, и оно съ ужасомъ и отвращеніемъ будетъ взирать на современный намъ гнусный міръ и тогда такая дѣятельность будетъ въ глазахъ всѣхъ людей такою же святою, великою, какою она считается немногими людьми въ настоящее время; образы этихъ людей, чистые и прекрасные, гордо возстанутъ изъ исторической тьмы. Эта дѣятельность, какъ бы ни малъ былъ ея районъ, выработаетъ въ человѣкѣ истинныя понятія о счастьѣ; блаженство въ обладаніи женщиной отодвинется на далекій планъ; если ему

улыбнется счастіе, онъ воспользуется имъ, не посягая на свободу женщины, не отравляя ея жизни; если же на этомъ блаженномъ поприщѣ онъ потерпитъ неудачу, онъ безъ горечи и мукъ вынесетъ ударъ: отъ молній любви у него есть громоотводъ въ святомъ трудѣ и великомъ призваніи. Эта дѣятельность исключаетъ вазможность пресыщенія и разочарованія; путь, что ни шагъ, свѣтлѣетъ и ширѣетъ; чѣмъ болѣе она встрѣчаетъ кровожадныхъ гоненій, издѣваній, ударовъ каменьями, тѣмъ болѣе въ ней закаляется человѣкъ и чище, прекраснѣе выходитъ онъ изъ борьбы. Люди этого дѣла невольно вызываютъ горячую, чистую любовь близкихъ имъ по духу людей и она, какъ яркое, южное солнце согрѣваетъ ихъ жизнь; любовь напрасно отверженнаго, всѣми забытаго труженика къ своему избавителю будетъ глубже, искреннѣе, чѣмъ случайная любовь женщины, которая можетъ испариться отъ возникшаго передъ нею новаго образа красоты.

Москва.— 1873 г.

Романы Жоржъ-Зандъ

« Ils supprimèrent l'individualité d'une moitié du genre humain, pour dominer plus facilement sur l'autre. Car, s'il est une incontestable vérité historique, c'est: que partout où la femme est l'esclave de l'homme, l'homme est l'esclave du prêtre et du roi.

D'une mère esclave il ne peut sortir qu'une génération d'esclaves. »

(*Christna et le Christ* par L. Jacolliot.

I.

Романы Жоржъ Зандъ еще не потеряли своего животрепещущаго значенія не только у насъ, но и въ средѣ передоваго по развитію французскаго общества. Угнетенное положеніе женщины, брачные кандалы, всѣ тяжкія, душащія жизнь несообразности пышно цвѣтутъ, не отцвѣтая, до настоящаго дня. Наши русскія женщины и дѣвушки, на которыхъ дохнула свободная мысль запада, торопливо заметались; онѣ забормотали, съ сильною энергіею, о равенствѣ половъ, о великомъ и плодотворномъ назначеніи женщины, о звѣрски подавленныхъ правахъ; онѣ бросились, алчущія и жаждующія, на науку, грезили университетомъ; но лихорадочное броженіе такъ же быстро улеглось, какъ и возбудилось. Жаркій солнечный лучъ, не успѣвъ согрѣть и освѣтить, затемнился долгими, непривѣтными, осенними сумерками; свободно бурные порывы завяли и наступило музыкальное храпѣніе и сапѣніе города Глупова; золотыя грезы растаяли и

съ горечью мы грустно глядимъ по сторонамъ, отыскивая свѣтлые слѣды исчезнувшаго вѣянія жизни; свобода и наука не восторжествовали, ихъ перевѣсили колосальный шиньонъ, турнюры, трехъ-аршинные шлейфы, маскарадныя бездѣлушки; брачныя, филигранной работы, длинныя цѣпочки еще туже заковались и стали еще больнѣе тереть больное тѣло. Немногія изъ женщинъ не шатнулись душею, меньшинство не попятилось передъ надвигающимися со всѣхъ сторонъ препятствіями; лишенныя правъ жизни, онѣ бросились на науку и не смотря на грубыя бревна, которыми имъ загораживали путь отъ мрака къ свѣту, онѣ, какъ американскіе мормоны, цѣною смертельной борьбы, отстаивали свое существованіе; не смотря на варварски низкія стѣсненія правительства, онѣ кончали курсъ въ иностранныхъ университетахъ. Но не одни столбы отечества — великіе инквизиторы администраціи загораживали имъ университетскую скамью; правительству ревностно подмогли жрецы науки — Египетскія пирамиды — Гг. профессора; этотъ умиляющій душу братскій союзъ шпіоновъ, жандармовъ и полицейскихъ съ свѣтилами научнаго міра, для насъ на долго не утеряетъ очень глубокомысленнаго значенія.... Женщины этого круга, полюбя глубоко человѣка, не опутывали его и себя семейными цѣпочками; онѣ вносили въ свою жизнь широкія стремленія, трудъ, неугасимую вражду къ неправдѣ и насилію; онѣ соединялись въ силу умственнаго и нравственнаго сродства, а не въ силу потребности во чтобы то ни стало совокупиться съ мужчиною, изъ взлелѣяннаго съ юношескихъ дней желанія преобразиться изъ свѣтской дѣвушки въ свѣтскую даму съ высокими, душу обновляющими правами: вѣчно рожать, няньчить, жрать, дрыхнуть и переряжаться.

Но является вопросъ: что встрѣтили и встрѣчаютъ эти лучшія изъ женщинъ? Общество, тупо поглядывая на нихъ, съ злобою начало придумывать имъ замысловатыя названія. Литература дѣятельно помогла ему на этомъ достойномъ поприщѣ; бездарная сволочь начала навозить журналы романами, въ которыхъ золотушные выкидыши собственной фантазіи выдавались за дѣйствительныя, живыя лица; они старались охаркать свѣтлое явленіе жизни; другіе, напротивъ, силились создать что-то грандіозное, чуть не великое, но карликамъ не удалась эта операція; ихъ грандіозное и великое оказывалось безпардонною дрянью. Но въ концѣ концовъ на этихъ женщинъ наложили тавро, наипикантнѣйшее названіе, данное имъ, послѣ долгихъ перебираній: „нигилистка.“ Заслужить эту кличку было не трудно: стоило только не носить трехъ-аршиннаго шлейфа и не осыпать

себя перлами и адамантами; прекрасныхъ, скромныхъ личностей посмѣшали съ восхитительнымъ тупоуміемъ съ жалкими прихвостнями либерализма, — неизбѣжнымъ, горкимъ явленіемъ всякаго быстро развивающагося общества — съ нечистоплотными барышнями, которыя въ силу эмансипаціи безцеремонно задирали голыя ноги и быстро усвоивали ухарскія замашки гусарскихъ корнетовъ; которыя тайкомъ запоемъ читатели Поль-де-Кока, Феваля и Сю, и въ то же время, насилуя мозгъ до паралича, вскользь прочитывали: Дарвина, Молешотта, Фохта. Свободу любви онѣ превратили въ свободу похотей; силясь подняться до Лукреціи Флоріани, онѣ спускались до публичной женщины.

При первомъ представившемся случаѣ, онѣ попадали подъ пяту мужчины и подъ этимъ небеснымъ покровомъ безъ борьбы улегались замашки Ноздревыхъ, и скоро онѣ послѣдовательно перерождались въ дамъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Чтобы прослыть современными, онѣ съ внутреннымъ страхомъ пыжились быть атепстками, не вѣрили въ Бога, и вѣрили въ сны и предчувствія; отвергали произволъ Бога, и въ то же время не знали о существованіи законовъ природы. Умирая, онѣ каялись попу; сомнѣнія, въ виду могилы, разлетались, какъ мыльные пузыри, и въ ихъ предсмертномъ крикѣ слышалась жалкая трусость. Наши женщины были такъ долго въ крѣпостной зависимости, мозгъ ихъ былъ такъ глубоко подавленъ вѣковымъ бездѣйствіемъ, что первые порывы умственно ограниченнаго большинства къ свободѣ сопровождаются аномаліями; долгое, давящее рабство, въ большинствѣ случаевъ, естественно переходитъ въ безсмысленное броженіе; это большинство похоже на дикарей, которые, обращаясь въ христіанскую религію, усвоивали одни ея пошлые, грубые обряды и чудесное.

Тяжело положеніе нашей развитой женщины среди куаферскихъ вывѣсокъ мужскаго и женскаго пола; рѣдко онѣ нападаютъ на счастливую встрѣчу съ мужчиною, одинаково развитымъ, съ одинаково свободными стремленіями: пока еще немного у насъ женщинъ, похожихъ на Вѣру Павловну и еще менѣе Кирсановыхъ, Лопуховыхъ. Правительство, всегда вѣрное себѣ, тѣснитъ, давитъ ихъ, тормозитъ каждый ихъ живой порывъ; ставши въ уровень съ мужчиною, онѣ выигрываютъ только однѣ тяжкія муки; онѣ пріобрѣтаютъ колоссальное право: страдать наравнѣ съ мужчинами. Правительство, не признавая равенства половъ, совершенно равно гнететъ и терзаетъ свободы жаждущихъ мужчинъ и женщинъ.

Въ Америкѣ, гдѣ эмансипація изъ мозга нѣсколькихъ

единицъ переходитъ въ жизнь общества, женщины засѣдаютъ присяжными; онѣ профессора, учителя; онѣ энергично стремятся завоевать затоптанныя права; онѣ ожесточенно нападаютъ на всякій мелкій жизненный фактъ, противорѣчащій полному равенству; ихъ роющійся, пытливый умъ проникъ въ сводъ законовъ; своду ошибокъ, подъяческихъ увертокъ, онѣ противопоставляютъ незыблемую истину; твердымъ шагомъ онѣ вступаютъ въ ту колею жизни, изъ которой онѣ были звѣрски вытолкнуты правомъ животной силы.

Прогрессивная буря въ Америкѣ на нашей родимой, плодородной почвѣ превратилась въ слабенькій, усыпляющій душу вѣтерокъ; тамъ женщины профессора, у насъ слушать профессоровъ сопряжено съ великою опасностью; тамъ женщины присяжные, открытые, политическіе борцы, у насъ — прикащицы въ кандитерскихъ, кафе-ресторанахъ и телеграфистки.

II.

Жоржъ Зандъ не сухою дисертаціей, а живымъ, высоко поэтическимъ романомъ разоблачила весь омутъ семейной, идиллической жизни, всю уродливость церковнаго, связывающаго брака. Она глубоко разсмотрѣла эти гнойныя болячки; съ ужасающею правдивостью показала къ какимъ результатамъ приводитъ коверканіе жизни; какъ спокойно, и въ то же время, сурово караетъ жизнь на каждомъ шагу отступниковъ жизни, кладущихъ на всякое свободное стремленіе оковы. Она написала „Лукрецію Флоріани,“ романъ, паромъ ошпарившій евнуховъ нравственности—господъ моралистовъ. Романъ этотъ закрѣпилъ за нею очень прочно глубокомысленное названіе: „развратительницы замужнихъ женщинъ.“ Высоко нравственныя матери очень многочисленнаго семейства, всю жизнь посвятившія огурцамъ и варенію жирныхъ снадобій, вырывали съ яростью изъ рукъ дочекъ ея романы, а отцы — канцелярскіе, полицейскіе, жандармскіе служители — отчихивались и отплевывались, при одномъ словѣ, начинающемся съ Ж. и З. И нѣтъ сомнѣнія, тѣ же служители надрывали себѣ животики, повѣствуя и слушая, послѣ жирнаго обѣда, наисальнѣйшія мерзости, отъ которыхъ непривычнаго человѣка непремѣнно бы вырвало; они повѣрили „Московскимъ Вѣдомостямъ,“ „Будильникамъ“ и прочимъ органамъ россійскаго слова, причислившимъ всѣ романы Жоржъ Зандъ гуртомъ къ острымъ язвамъ вѣка.

Въ „Лукреціи Флоріани“ она скромно предложила роковой вопросъ блюдителямъ семейной чистоты и порядка: „Что такое нравственная женщина?“ Въ очаровательной виллѣ, среди розъ и фонтановъ, на берегу изумруднаго, зеркальнаго озера — Изео, живетъ плѣнительно-нѣжная, южно-пылкая красавица—Лукреція Флоріани, бывшая знаменитая артистка, которой восторгалась вся Италія. У ней, кромѣ пылкаго сердца, широко развитой умъ, возвышенныя стремленія, и при этомъ много милыхъ, розовыхъ, сильныхъ, здоровыхъ дѣтей. Но весь букетъ для моралистовъ заключается въ томъ, что прелестные дѣти прелестной Флоріани всѣ отъ разныхъ отцовъ; этотъ роковой, раздирательный фактъ ни на волосъ не конфузитъ Лукреціи Флорани. Она сама задушевно просто разсказываетъ исторію своей свѣтлой и честной жизни. Юная, пламенная, восторженная, она горячо полюбила красиваго, молодаго мужчину; полюбивъ его со всѣмъ необузданнымъ пыломъ распустившейся души, она дѣлила съ нимъ жизнь, труды, щедро осыпала его пылкими ласками; безъ натяжки, жертвовала для него всѣмъ; но послѣ первыхъ молодыхъ, жаркихъ порывовъ, она приглядѣлась къ нему пристальнѣе и передъ нею обнаружилась пустота того человѣчишки, который въ ея ненормально возбужденномъ мозгу принялъ грандіозный образъ человѣка; обнаружилось неравенство и вслѣдъ за неравенствомъ вѣчный атрибутъ неравенства: холодность. Высоко нравственная особа нашего общества постаралась бы не обратить вниманія на такой незатѣйливый фактъ! Охладѣвъ къ мужу и возбудивъ въ немъ то же чувство, она долго, очень долго коверкала бы себя, подогрѣвая на всегда угаснувшее чувство; она рожала бы отъ него кучи дѣтей; тайкомъ бы тѣшилась сладострастными грезами. Полюбивъ горячо другого, она съ тупымъ самоотверженіемъ монашки, въ силу какихъ-то таинственныхъ долговыхъ обязательствъ, отшатывалась бы отъ собственнаго счастья; она измѣняла бы мужу въ мысляхъ нѣсколько разъ въ минуту, и боялась бы измѣнить радикально, т. е. оставить нелюбимаго человѣка, освободивъ его и себя. Дисгармонія росла бы между ними все болѣе и болѣе; желчь накипала, страданія невыносимо накоплялись и заѣвъ жизнь свою и чужую, отравивъ жизнь дѣтей, она, задыхаясь отъ злобы, съ разбитою, отравленною жизнью, сошла бы въ пустую могилу, пожалѣвъ, черезъ-чуръ поздно о потерянномъ счастьи, о глупо и пусто растраченныхъ силахъ. Безнравственная Лукреція Флоріани слишкомъ любитъ жизнь, жалѣетъ другихъ и себя; міръ для нея безгранично свѣтелъ и великъ; она не считаетъ его тѣсненькою, затхлою конурою;

она сознаетъ, что имѣетъ права на счастье, что негаданное, нежданное, оно хлынетъ на нее живительною, ласкающею волною; она спокойно и мирно расходится съ нелюбимымъ ею человѣкомъ. Первое разочарованіе глубоко потрясло ея довѣрчивую натуру, но подъ знойнымъ солнцемъ юга, натура, какъ сама природа, слишкомъ быстро заживляетъ раны; она начинаетъ любить другаго, но также неудачно. Нѣсколько разъ она горячо любила, но слѣпой случай не столкнулъ ее съ человѣкомъ роднымъ ей по духу; она испытала много счастья, и умерла, какъ заснула, среди сверкающей, прекрасной природы.

Чтобы окончательно растревожить моралистовъ, я долженъ пояснить, что она не торговала собою, какъ это дѣлаютъ легіоны нравственныхъ дѣвицъ, идущихъ подъ вѣнецъ съ наикорыстнѣйшими arrières pensées и съ наиполнѣйшимъ отвращеніемъ къ мужу. Она ни разу даже и не пробовала подогрѣвать отлетѣвшее чувство, не заѣдала своей и чужой свободы. Любя одного человѣка, она всецѣло отдавалась ему, дурная мысль не залетала къ ней въ голову; она вѣрила въ минуты счастья, что оно никогда не потухнетъ; она клялась въ вѣчной любви и очень искренно въ то время вѣрила своимъ клятвамъ; фальши въ ней одного атома не розыщетъ самый продувной моралисть, вооруженный сильнѣйшимъ микроскопомъ Гарднапа; она естественна, благородна до послѣдней минуты жизни и что ужаснѣе всего, что ею отвергнутые любовники относятся къ ней съ огромнымъ уваженіемъ.

III.

Въ Валентинѣ она съ волшебною силою выдвинула всѣ предразсудки кастъ, все безобразіе брака.

На народномъ праздникѣ встрѣчается изящная красавица, кровная аристократка — Валентина, помолвленная за нелюбимаго ею человѣка, съ юношей страстнымъ, умнымъ, порывистымъ, вышедшимъ изъ простаго народа и получившимъ, вслѣдствіе покровительства родныхъ, воспитаніе въ высшей школѣ Парижа. Романъ просто, глубоко поэтично развивается, какъ сама жизнь. Любовь незамѣтно вспыхиваетъ въ Валентинѣ къ Бенедикту: онъ близокъ ей молодостью, красотою, жаждою любовной нѣги. Сестра Валентины — Луиза живетъ у родныхъ Бенедикта, выгнанная черствою, напыщен-

ной аристократкою — матерью за ея любовь къ молодому человѣку нисшаго класса, отъ котораго она имѣла ребенка. Отдайся Валентина набѣжавшему счастью вполнѣ, она была бы очень счастлива, не смотря на изгнаніе, массу проклятій, и сдѣлала бы глубоко счастливымъ Бенедикта; но вѣковые предразсудки сковали душу дѣвушки. Рабское повиновеніе родителямъ, не допускавшимъ мысли о бракѣ ихъ чистокровной дочки съ крестьяниномъ, варварскія посяганія религіи на свободу душевныхъ порывовъ парализируютъ въ ней закипающую страсть; она выходитъ покорно за мужъ за деревяннаго негодяя—дипломата, который ея деньгами старается замазать старыя шашни. Бенедиктъ съ ума сходитъ отъ отчаянія; на свадебномъ пиру чуть не убиваетъ нѣкоторыхъ субъектовъ, трунившихъ надъ его утерянным счастьемъ; рискуя жизнію, онъ пробирается въ спальню Валентины, гдѣ видитъ—незамѣченный ею—ея ужасныя страданія при мысли, что ея красота, молодость отцвѣтутъ, не принося никому счастья. Она должна отдать ихъ, по приказанію цѣломудренной церкви, сухому, гадкому человѣку; сладкое счастье взаимной любви ускользаетъ отъ нея по ея собственной винѣ, и винѣ тяготѣющихъ надъ ея слабымъ мозгомъ горъ религіозныхъ и общественныхъ предразсудковъ; она не пускаетъ къ себѣ мужа, который очень спокойно выноситъ этотъ отказъ, и, чтобы забыться отъ мукъ страшной дѣйствительности, принимаетъ опій. Въ фантастической ночной сценѣ Жоржъ Зандъ ярко рисуетъ соблазнительное счастье взаимной любви: влюбленный юноша видитъ, при свѣтѣ матовыхъ лампъ, роскошное тѣло красавицы, ея огненные глаза, пунцовыя губки... Валентина засыпаетъ и опій навѣваетъ на нее сладострастные сны: ей снится Бенедиктъ, снится, что она прижимаетъ къ молодому, горячему тѣлу обожаемаго мужчину, осыпая его безумными ласками; очаровательно чудная, она мечется въ душной постелѣ. Движимый неодолимою силою, Бенедиктъ подходитъ къ ней опьяненный, онъ слышитъ быстрое, неровное біеніе ея сердца, страстный, призывный къ наслажденію шопотъ; рыдая, изнывая отъ счастя, онъ прижимаетъ ее къ груди, опутываетъ свою отуманенную голову ея душистыми, золотистыми волосами; онъ цѣлуетъ ея горячія губки... Она шепчетъ, утопая въ грезахъ, его имя, и онъ чувствуетъ, какъ она конвульсивно сжимаетъ его своими стройными, нѣжными руками и въ ея полураскрытыхъ, влажныхъ глазахъ вспыхиваетъ и томно потухаетъ огонь безумнаго наслажденія... Онъ преодолѣваетъ накипѣвшія страсти и, не воспользовавшись пылкимъ сномъ, бросается въ окно, предварительно написавъ отчаянное письмо; утромъ

его находятъ опасно рененнымъ пулею: не видя исхода въ жизни, онъ рѣшился на самоубійство.

Жоржъ Зандъ, мнѣ кажется, нарочно остановилась на ночной, эротической сценѣ; вдавшись въ поэтическія подробности, она нарочно не пожалѣла горячихъ красокъ; въ этихъ знойныхъ страницахъ звучитъ саркастическій смѣхъ Мефистофеля: Валентина наслаждается счастьемъ въ грезахъ опія, Бенедиктъ болѣзненно подавляетъ мучительные, страстные порывы; счастье было для Валентины сномъ, для Бенедикта ѣдкою отравою, и что грустнѣе всего, что счастье было для нихъ такъ близко, такъ возможно! Много блаженныхъ ночей провели бы они и наслаждались бы здоровымъ, сильнымъ счастьемъ, а кто не знаетъ, по горькому опыту, что счастье „рѣзвая кокетка, посидитъ на мѣстѣ рѣдко, разъ, другой поцѣловала, и глядь, ужъ убѣжала!“ Эти незабвенныя минуты набросили бы розовый флеръ на всю ихъ будущую жизнь.

Жоржъ Зандъ игриво расплела вѣнокъ изъ яркихъ, искусственныхъ, весеннихъ цвѣтовъ и какъ ни хороши цвѣты, но они тусклы, мертвы, въ сравненіи съ живыми остро пахучими цвѣтами весеннихъ луговъ.

Послѣ этой ночи, мужъ Валентины уѣзжаетъ, отозванный по дѣламъ. Валентина тайно поддерживаетъ любовь къ Бенедикту, который медленно оправляется послѣ раны. Она безпощадно коверкаетъ себя, борется съ долгомъ, который какъ мечъ Дамокла виситъ надъ ея бѣдной головой; она отдается счастью урывками, мечется, страдаетъ, всего боится, малодушно съеживается при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Страдательное существо всю жизнь, она не знаетъ, куда ринуться: съ одной стороны ее зовутъ пылкія ласки, восторги любви, съ другой грозно возстаютъ религіозныя бредни, проклятія матери, вѣрность брачному обязательству. Время идетъ, страданія ростутъ, давятъ; счастье становится мимолетнѣе; вѣковыя кандалы глубже врѣзываются и язвятъ тѣло и слабую душу.

Въ концѣ концовъ, мужъ обираетъ свою вѣрную брачному обѣту супругу; догадываясь о ея любви, уѣзжаетъ отъ нея и пишетъ къ ея почтеннѣйшей маменькѣ, что она измѣнила ему—въ то самое время, когда часть женинаго состоянія онъ проматываетъ на содержаніе двухъ балетныхъ танцовщицъ; мать — развратная втихомолку — изрекаетъ надъ нею обильныя проклятія, выгоняетъ ее вонъ и на прощаніе трещитъ очень напыщенными монологами о высокой нравственности. Лишенная состоянія, отвергнутая семействомъ и мужемъ, она продолжаетъ упорно метаться и кончаетъ тѣмъ, что узнавъ

о скоропостижной смерти мужа, рѣшается обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ. Назначивъ ему свиданіе въ домѣ, въ которомъ жила прежняя невѣста Бенедикта, любившая его и нелюбимая имъ, вышедшая замужъ съ отчаянія за грубаго, ревниваго урода, который, заподозрѣвая жену въ любви къ Бенедикту, слѣдитъ за каждымъ его шагомъ; думая, что Бенедиктъ на свиданіи съ его женою, подкарауливаетъ его въ саду и прокалываетъ ему грудь рогатиной. На грудь къ умирающему Бенедикту бросается Валентина въ невыразимыхъ мукахъ, и черезъ нѣсколько времени пораженная кончиною, сама умираетъ въ нервной горячкѣ. Луиза, также глубоко любящая Бенедикта, у его трупа является мстительною Эвменидою; она произноситъ безпощадный, правдивый приговоръ надъ тысячами Валентинъ, которыми кишитъ жизнь; въ ея словахъ слышится: „Ты тиранила его безъ границъ, давала ему счастье крупинками; ты отравляла краткія минуты счастья бездушнымъ ханжествомъ, грошевою моралью, жалкою, безсмысленною нерѣшительностью; ты дѣтски боялась проклятій, и они обрушились надъ тобою; ты боялась развода и мужъ разошелся съ тобою; у тебя все отняли, и взамѣнъ утраченнаго ты ровно ничего не пріобрѣла: ты не наслаждалась счастьемъ. Полюби онъ меня, я отдалась бы ему всецѣло, въ моихъ объятіяхъ онъ былъ бы счастливъ, я всѣмъ бы для него пожертвовала; потерявши состояніе и ненужныя мнѣ права, я выиграла бы горячую, свободную любовь; я купила бы, цѣною утерянныхъ, нелѣпыхъ правъ, право счастья! Ты все потеряла и ничего не выиграла, и подвела путаницею твоихъ фальшивыхъ отношеній обожаемаго человѣка подъ ножъ убійцы!“

Многіе могутъ сказать, что, современный человѣкъ ставитъ задачею разумной жизни не изнывать всю жизнь въ любовныхъ пароксизмахъ, что испытавъ неудачу на этомъ очень пріятномъ поприщѣ, онъ отдался бы еще горячѣе наукѣ; богатую способность любви онъ истратилъ бы не на одномъ субъектѣ женскаго пола, а на большую массу, окружающихъ его людей; что человѣкъ, для котораго нѣтъ міра внѣ женской любви — существо, возбуждающее очень грустныя чувства; надъ его еще недостаточно развитой головою виситъ, готовая каждую секунду расплюснуть его, гранитная глыба; малѣйшая случайность, смерть, болѣзнь любимаго существа, потеря красоты, любовь къ другому грозятъ ему мученическимъ концомъ. Все это такъ! но Жоржъ Зандъ больше насъ—критиковъ знаетъ жизнь, она чутче наблюдаетъ ее, глубже подмѣчаетъ ея невыносимыя противорѣчія; она глубоко вѣрно обрисовываетъ тѣ громадно чувствитель-

ные, нервные характеры, страшно богатые духовными силами, но великое несчастье которыхъ — что нервная система ихъ слишкомъ неумѣренно раздражительна. Эти мимозы человѣческаго рода съ болѣзненною силою отдаются всякому чувству; онѣ не знаютъ предѣловъ ни въ ненависти, ни въ любви. Удовлетворенная, пламенная любовь ихъ можетъ подвинуть на великіе подвиги; препятствія ихъ раздражаютъ, сбиваютъ съ толку, мучаютъ и въ концѣ концовъ губятъ.

IV.

Въ романѣ „Лелія“ выведена не пылкая и робкая дѣвушка, а мощная личность, опередившая міръ на цѣлые вѣка, несущая на себѣ тяжкое бремя всеобщаго униженія женщины. Она воплощенный протестъ противъ того уродливаго міра, который сдѣлалъ изъ женщины куклу, кухарку, аппаратъ для удовлетворенія чувственности и рожанія дѣтей. Гейне гдѣ-то сказалъ, что Жоржъ Зандъ выплакала всѣ свои слезы въ Леліи, и онѣ разлились по міру пожаромъ... Несчастная Лелія долго и часто лила слезы объ униженной половинѣ рода человѣческаго, и тяжелыя были эти слезы! Въ минуты давящей скорби у ней вырываются горькія фразы: „Говорятъ, что провидѣніе распоряжается судьбою людей, гдѣ же оно было, это провидѣніе, въ то время, когда человѣческому роду въ первый разъ пришло на мысль поставить одинъ полъ въ вѣчную зависимость и подчиненность отъ другаго? Только одинъ грубый инстинктъ животнаго произвола могъ побудить мужчину сдѣлать женщину своей рабой, собственностью. Если есть преступленіе противъ природы, то общество свершаетъ самое тяжкое, оставляя цѣлую половину человѣческаго рода въ вѣчномъ дѣтствѣ.“ Бѣдное провидѣніе! Какое несмѣтное количество разъ тебѣ задавали роковые вопросы, и вмѣсто отвѣта ты вѣчно и грустно безмолвствовало.....

Въ характерѣ Леліи, рядомъ съ мягкою женственностью и поэтичностью рѣзко проглядываютъ черты христіанскихъ мученицъ; въ ней рано развертывается жажда свободы. Она горячо привязывается къ умному, гуманному, страстно любящему ее мужчинѣ; она мечтала съ нимъ дѣлить жизнь, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ, т. е. его политическую карьеру, труды; но даже порядочный изъ среди мужчинъ оказался настолько гадкимъ и одностороннимъ, что,

замѣтивъ ея широкія стремленія, презрительно указалъ ей на положеніе женщины въ обществѣ, началъ ее упрекать въ женскихъ порокахъ, всосавшихся въ женщину отъ вѣчнаго рабства; упрекнулъ въ недостаткѣ знанія. Эта напыщенная тирада, полная презрѣнія къ женщинѣ, унижающая и обезличивающая ее, мгновенно охладила Лелію; любовь потухла, когда она замѣтила въ любовникѣ барина. Разбитая, уничтоженная первымъ разочарованіемъ, она отдалась наукѣ; она долго и упорно работала мозгомъ и почувствовала, что ея силы окрѣпли, и она способна на плодотворную дѣятельность. Правительство — какъ всегда случается — загородило дорогу ея стремленіямъ; она мечется, глубоко страдая, отъ одного дѣла къ другому. Очень древняго рода и очень богатая, она жертвуетъ свое состояніе на помощь несчастнымъ, но чувствуетъ, что этого мало, что ея неодолимо рвущимся наружу силамъ нуженъ громадный, вольный просторъ, широкая арена, и этой арены не дождались и долго не дождутся женщины! Ее терзаетъ избытокъ собственныхъ силъ, она сознаетъ, что назначеніе ея великое и болѣзненно чувствуетъ всю микроскопическую узкость того пути, по которому суждено идти міровой крѣпостной, бѣдной женщинѣ.

Изнеможенная борьбою, она ищетъ отдохновенія въ любви, но, къ несчастью, такимъ женщинамъ не по плечу даже лучшіе изъ мужчинъ. Она начинаетъ любить художника, чрезвычайно пылкаго, юношески чистаго, свѣжаго; чтобы испытать качество его любви, она во время бала, ночью, когда подъ шумъ фонтановъ молодежь, опьяненная виномъ, ароматомъ цвѣтовъ, начала уединяться парочками, наталкиваетъ его въ дремучихъ аллеяхъ сада на очень похожую на себя, свою сестру-вакханку Зинзолину, и этотъ пылкій юноша такъ порывисто отдается похотямъ, что забываетъ и Лелію и высоко-поэтическія, художническія грёзы. Лелія увидѣла ясно, что дряблому художнику не наполнить ея жизни, что въ глубинѣ красивенькихъ мечтаній лежала одна только чувственность и полная неспособность ни къ чему истинно высокому. Она вырываетъ изъ души этотъ призракъ; волнуясь, кипя огнемъ безплоднымъ, она приходитъ въ отчаяніе и отыскиваетъ себѣ пристанище въ монастырѣ. Но не спѣшите горько улыбаться, читатели-атеисты, это не Лизенька „Дворянскаго гнѣзда,“ не глупенькая Тамара, не средневѣковая барышня, свихнувшая отъ романтизма, прячущаяся въ монастырь отъ сильныхъ соблазновъ плотскаго міра или безутѣшной любви. Лелія поступаетъ въ монастырь не для Бога, она ненавидитъ деспотовъ земныхъ и не вѣритъ въ деспота небеснаго! Ея точка опоры не внѣ ея, а въ ней самой, она

не намѣревалась сдѣлаться небесной горничной; въ монастырѣ для нея развертывается широкое поле для дѣятельности.

Дѣйствіе происходитъ во время бурнаго итальянскаго движенія за независимость; Италія отлагалась отъ владычественной тираніи Австріи. Въ романѣ мелькомъ являются такія колоссальныя личности, что, читая даже въ русскомъ переводѣ, трудно сдержать порывистое біеніе сердца.

Жоржъ Зандъ говоритъ объ этомъ движеніи мало, а наша заботливая, сонъ императорскій охраняющая, отъ злыхъ напастей удаляющая насъ, убогая старушка—цензура умудрилась изъ немногаго выпустить многое и замѣнить пламенныя слова пламенно разставленными точками, но не смотря на усерднѣйшія ухищренія, мы чутьемъ угадали многое; не смотря на обиліе точекъ, вы тревожно чувствуете, что за этими абрисами событій кипитъ сильная жизнь, рѣками льется мученическая кровь.

Одинъ исполинъ этихъ собраній трагически покойно говоритъ сомнѣвающемуся въ борьбѣ за свободу: „брошенное на вѣтеръ зерно все-таки падаетъ на какую нибудь почву; потоки человѣческой крови никогда не льются даромъ, они равняютъ путь для будущихъ поколѣній; ты напрасно думаешь, что я хочу навязать тебѣ мои вѣрованія, для нихъ нужна громадная сила, а въ тебѣ ея нѣтъ.“

Въ монастырѣ св. Маріи Лелія сталкивается съ кардиналомъ Анабелли, она не отступаетъ отъ принятой на себя миссіи, ясно говоря кардиналу, что не для глупыхъ молитвъ, вязанія, ухода за цвѣтами она пожертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ и положеніемъ въ обществѣ; она хочетъ быть во что бы то ни стало абатиссой: это мѣсто давало ей огромную силу на твореніе добра. Въ чемъ состоялъ разговоръ Леліи съ кардиналомъ, я передаю словами автора:

„Я понимаю дѣланіе добра не въ одномъ раздаваніи милостыни, я хочу не однимъ бѣднымъ дать насущный хлѣбъ, я хочу и богатымъ дать хлѣбъ жизни, науку, знаніе, идеи, принципы, которымъ ихъ никогда не учили. Вы открыли безплатно школы для мальчиковъ, почему же мнѣ не открыть точно такихъ же для дѣвочекъ? съ однимъ впрочемъ условіемъ, чтобы никто не вмѣшивался въ устройство и преподаваніе моихъ школъ.

— Хорошо, сказалъ Анабелли, подумавъ: Вы будете абатиссой, но не забудьте, что мы играемъ въ очень опасную игру: мы дѣлаемъ расколъ; по правдѣ сказать, католическая церковь много потеряла вѣсу оттого, что во главѣ ея постоянно стоятъ патриціи по фамиліи и плебеи по уму, отъ этого все идетъ изъ рукъ вонъ плохо; мы съ вами хотимъ сдѣлать болѣе сообразный порядокъ вещей: вмѣсто предразсудковъ поставить просвѣщеніе, вмѣсто невѣжества — знаніе, вмѣсто суевѣрія — науку... Какъ же вы думаете, неужели это все намъ пройдетъ даромъ?...

— Я не вижу, сказала Лелія, чтобъ мы оба чѣмъ нибудь рисковали въ

случаѣ неудачи нашихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что они совершенно безкорыстны, мы хотимъ только провести въ жизнь, реализировать тѣ убѣжденія, которыя въ насъ живутъ; пусть за это на насъ посыпятся гоненія, притѣсненія, это все таки несравненно легче, чѣмъ подавлять въ себѣ силы, которыя просятся наружу."

Этотъ краткій разговоръ вырисовываетъ Лелію во всей ея недосягаемой высотѣ; на монастырской, узкой аренѣ Лелія могла принести болѣе пользы, чѣмъ на такой аренѣ, какъ вся Италія! Долго такого рода дѣятельность продолжаться не могла: Австрійское правительство въ преслѣдованіи всего честнаго не уступало идеальному по части преслѣдованій и конфиденціальныхъ задушеній русскому правительству. Конецъ ея страшенъ и поразительно вѣренъ плачевной дѣйствительности; незадолго до ея смерти художникъ Стеніо, котораго она любила и который такъ необузданно бросился въ омутъ жизни, мучимый странною любовью къ Леліи, пробирается къ ней въ монастырь. Встрѣча ихъ высоко поэтична по своей глубинѣ и силѣ.

„Я не уйду прежде, чѣмъ ты скажешь мнѣ, что ты ко мнѣ чувствуешь, возразилъ Стеніо; я хочу знать, какое чувство замѣнило ту любовь, въ которой ты сама сейчасъ призналась?

— Никакое... отвѣчала Лелія, ты для меня не существуешь.

— Никакое? Ты не чувствуешь даже страха? съ раздраженіемъ произнесъ Стеніо, вставая и подступая къ ней, съ мрачнымъ огнемъ въ глазахъ.

— Страхъ! повторила она. Нѣтъ, ты слишкомъ слабъ, чтобъ тебя бояться. Когда-то ты былъ типомъ искренности и граціи, теперь ты типъ ничтожества, теперь для тебя доступно одно только чувство — скука.

— А тебя развѣ не томитъ скука? возразилъ Стеніо съ ироніей и горечью. Чѣмъ ты живешь? ты никого не любишь и тебя никто не любитъ: бѣдная Лелія, мнѣ тебя жаль!

— Въ этомъ ты правъ, отвѣчала она трустнымъ тономъ, который удивилъ и растрогалъ Стеніо. Путь, который я выбрала, не ведетъ къ счастію; я не могу подавить въ себѣ потребности сочувствія, ласкъ, счастья вдвоемъ: мужчина и женщина созданы другъ для друга, и конечно жизнь монахини жизнь ненормальная и однако даже она нормальнѣе тѣхъ отношеній, которыя установило общество между мужемъ и женой. Мы съ тобою никогда не могли бы быть счастливы вдвоемъ, Стеніо, твое воспитаніе, привычки, примѣръ всего свѣта и наконецъ законъ давали тебѣ надо мною такія права, которыхъ я не могла добровольно признать; возьмемъ уже одно то, что я противъ твоей невѣрности не имѣла никакой гарантіи, противъ моей ты былъ гарантированъ моимъ позоромъ, безчестіемъ и изгнаніемъ изъ общества; можетъ быть, ты воображаешь, что мы могли обойти этотъ спорный вопросъ и жить вмѣстѣ безъ всякихъ формальностей, но вѣдь я уже испробовола союзъ подобнаго рода и убѣдилась, что внѣ брака женщина еще менѣе можетъ быть подругою и равною мужчинѣ, ихъ интересы еще противоположнѣе и положеніе въ свѣтѣ рѣзко разграничено, потому что общество не признаетъ незаконной связи. Какую же роль можетъ играть женщина при такой обстановкѣ? Она должна стереться, исчезнуть, поглотиться въ существованіи мужчины, а я этого не

могла, я сама хотѣла жить, и лучше предпочла совсѣмъ отказаться отъ моей доли земнаго счастья, чѣмъ продолжать безполезную, неравную борьбу. Голосъ Леліи постепенно понижался и, когда она кончила, изъ глазъ ея снова покатились слезы.

Стеніо, въ порывѣ неудержимой страсти, бросился къ ея ногамъ и охватилъ ея колѣни, осыпая ихъ безумными поцѣлуями.

— Пусть эти слезы льются на мою грудь, вскричалъ онъ. Ты все та же, ты жаждешь любви! ты любишь!

— Да, я люблю! Но тотъ, кого я люблю, родится черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ моей смерти...

Она сдѣлала ему строгій, повелительный знакъ, чтобы онъ вышелъ. Стеніо обезумленный, задыхаясь отъ слезъ, шатаясь, очутился, самъ не зная какъ, по ту сторону чернаго занавѣса...“

Приговоръ Леліи убиваетъ Стеніо; самообольщеніе на всегда исчезло для него, онъ увидѣлъ себя безъ романтической тоги, во всей отталкивающей, пугающей наготѣ; онъ узналъ въ себѣ поражающее ничтожество; убаюкивающіе софизмы стали для него невозможны. Католическій попъ сказалъ бы: „отъ него отлетѣли свѣтлые ангелы и опутали его душу черные демоны.“ Онъ понялъ ясно, (а господа этой категоріи рѣдко это понимаютъ безъ чужой помощи), что крошечная комедія жизни сыграна, и впереди или сладкій покой безъ сновидѣній, или растительное прозябаніе. Онъ выбралъ лучшее: могилу; этотъ разумный выборъ почти насъ примиряетъ съ художникомъ Стеніо.

Вскорѣ послѣ его смерти сѣкира палача опускается надъ головами праведниковъ: Анабелли былъ отравленъ, надъ Леліею назначено было слѣдствіе, поступки ея были представлены въ чудовищномъ видѣ: ее выставили проповѣдницею новаго, опаснаго, еретическаго ученія, ее обвинили въ участіи въ политическомъ заговорѣ. Любить людей безъ предписанія на то мѣстной полиціи, съ указаніемъ на пункты, во всѣхъ монархическихъ государствахъ сопряжено съ великою опасностью.

Послѣ этого слѣдствія — такъ похожаго на тысячи подобныхъ слѣдствій надъ честными людьми — ее сослали (невѣрующую) на церковное покаяніе въ холодное, сырое мѣсто, гдѣ свирѣпствовали злокачественныя лихорадки. Тренморъ застаетъ ее умирающей, онъ умоляетъ ее бѣжать, но уже поздно: она угасала быстро, выносила пытки покойно и жаждала мученическаго вѣнца; слова ея передъ смертью потрясающи и полны величія. Скорбное чувство возбуждаетъ предсмертный вопль сильной души, сжигаемой безпредѣльною любовью къ людямъ; ея предсмертныя, горючія слезы были пролиты по громадной половинѣ рода человѣческаго, которая, униженно склоня голову, плетется въ пустую могилу, силы

которой непроизводительно замираютъ, задушенныя грубою силою. Сомнѣніе закрадывается въ ея больную душу, она не видитъ загорающагося вдали разсвѣта; міръ для нея — безразсвѣтная ночь, тотъ ужасный хаосъ, изображенный Байрономъ въ „Шильонскомъ узникѣ.“

Въ послѣдніе часы она перестала вѣрить въ пробужденіе народовъ, ея душу охватило отчаяніе, напоминающее отчаяніе Іисуса, когда онъ, истекая кровью, увидѣлъ у своего креста смѣющійся народъ; тѣ минуты, когда облако закрыло отъ него лицо отца. Ея мозгъ и нервы леденитъ холоднѣе самой смерти мысль, что тысячи лѣтъ прошли для женщины даромъ; ее мучительно раздражаетъ вопросъ: куда же канули несмѣтныя силы билліоновъ живыхъ созданій, имѣвшихъ тѣ же права на жизнь, какъ и мужчины?

„Неужели, говорила она, все живущее погибнетъ безслѣдно, безъ пользы для себя и окружающихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я питала надежду, что хоть въ далекомъ будущемъ блеснетъ для человѣчества заря обновленія, теперь я уже этому не вѣрю, чего можно ждать отъ этой искаженной, закоснѣлой, отупѣлой расы, безъ энергіи и безъ совѣсти?“ Тренморъ напрасно толковалъ ей, что законы природы не допускаютъ слишкомъ быстрыхъ переворотовъ, что зерно можетъ только тогда пустить свѣжій ростокъ, когда всѣ старые соки уничтожатся въ немъ до послѣдняго. „Чтобы воздвигнуть новое зданіе, говорилъ онъ, недостаточно еще разрушенія стараго, надо вымести его обломки и расчистить то мѣсто, на которомъ оно стояло.“ Лелія мрачно покачала головой.....

„Я не могу удовлетвориться этими неопредѣленными обѣщаніями, сказала она; одна только увѣренность могла бы меня примирить совсѣмъ. Если бы только могла я ясно прочесть въ будущемъ, что для слѣдующихъ поколѣній жизнь сдѣлается легче, чѣмъ была для меня, я не стала бы жалѣть о моихъ погибшихъ надеждахъ. Истина! истина! гдѣ же ты?... Десять тысячъ лѣтъ тебя ищутъ и десять тысячъ лѣтъ въ отвѣтъ на эти исканія раздается только со всѣхъ концовъ этой проклятой земли безотрадный стонъ всего живущаго!...“ Она еще говорила, когда Тренморъ почувствовалъ, что рука ея похолодѣла въ его рукѣ, она приподнялась въ послѣдній разъ и тотчасъ же опять опустилась, уже безъ жизни и безъ дыханія.....

Поэзія беременности

(Посвящается Н. Е. К.)

Диксонъ въ своемъ сочиненіи „Новая Америка“ съ какимъ-то неподдѣльнымъ ужасомъ и паѳосомъ говоритъ о томъ, что американскія лэди не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія имѣть много дѣтей, что самыя образованныя изъ нихъ умѣютъ ихъ имѣть въ удивительно ограниченномъ числѣ. Онъ восклицаетъ, что затаенная мысль о дѣтяхъ гнѣздится въ мозгу у каждой лэди. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство русскихъ женщинъ раздѣляютъ пламенный протестъ Диксона, и это очень понятно: русскія женщины славятся, по цѣлому міру, безграничнымъ, встрѣчающимся только у рыбъ, плодородіемъ. Каждый изъ насъ встрѣчалъ сотни плюгавенькихъ недоростковъ, которые явились семнадцатыми или восемнадцатыми на вольный свѣтъ божій. Утроба, производящая такіе удивительные фокусы, нерѣдко была способна къ дальнѣйшему произведенію потомства... Нѣтъ сомнѣнія, что такая способность положительнымъ образомъ поглощала въ себѣ всѣ остальныя способности. Женщина, кладущая на алтарь отечества такую колоссальную кучу вѣрноподданныхъ, была ни болѣе и ни менѣе какъ травяная вошь...

Диксонъ, произнося забористыя фразы, не даетъ себѣ труда вникнуть въ этотъ вопросъ поглубже, отбросивъ англійскую, мѣщанскую чадолюбивость и ту прекрасную мысль, что святое назначеніе женщины—всю жизнь страдать потугами и доить изъ себя молоко. Мужчины на столько эгоистичны и лишены способности входить въ чужое, скверное

положеніе, что никакъ не умудряются постигнуть невыносимое положеніе рожающей женщины. Положеніе часто рожающей женщины при томъ соціальномъ положеніи, въ которомъ находится большинство женщинъ, ужасно. Аристократкѣ, имѣющей въ распоряженіи громадные дома, огромное количество прислуги, ничего не дѣлающей, нищенски пустой, можно имѣть дѣтей. Прострадавъ девять мѣсяцевъ, она сдаетъ новорожденное существо на руки нянекъ и мамокъ. Всѣ отравляющія, подтачивающія жизнь стороны дѣтскаго, идиллическаго возраста не доходятъ до ея ушей — стѣны слишкомъ толсты, а комнаты удалены. Сносно имѣть дѣтей мастодонтамъ купеческаго класса, ожирѣвая мозгомъ и тѣломъ, они производятъ кучи дѣтей, которые на время нарушаютъ апатическій сонъ жизни; но жалка судьба женщины разумной, жаждущей образованія, широкой дѣятельности, которая, за немнѣніемъ большихъ средствъ, сама должна вынянчивать и выкармливать дѣтей. Всмотримся въ жизнь подобной женщины со дня ея замужества: восторженная, нѣжная, она порывисто отдается ласкамъ любимаго человѣка, ея юная головка полна золотыхъ сновъ; она мечтаетъ быть горячимъ другомъ, помощникомъ мужа, дѣлить его впечатлѣнія, занятія; читать вмѣстѣ съ нимъ то, что такъ побѣдно волнуетъ всякую молодую, стремящуюся къ развитію душу. Если у ней или мужа есть небольшія средства, она мечтаетъ о путешествіи; жажда жизни тянетъ ее въ яркую даль; передъ ея мечтательнымъ взоромъ проносятся волшебныя картины: синія небеса, яркія, съ блестящими звѣздами, томительно-сладкія ночи, среди благовоннаго воздуха, съ шумомъ и гуломъ лазурнаго моря; грозныя скалы, увитыя дремучими лѣсами, мрачныя пропасти съ бурными потоками, мелодично шумящіе водопады. Она слишкомъ надышалась ѣдкимъ чадомъ нашихъ деревень. Отеческія, утонченно выкованныя цѣпочки натерли ей молодое тѣло, она радостно рвется изъ тѣсной, затхлой тюрьмы на вольный свѣтъ, на свободу; въ бракѣ она видитъ спасеніе, счастье; весь міръ обвѣянъ для нея розовою дымкою. Но въ самомъ разгарѣ радужныхъ грезъ, ледяная, прозаическая дѣйствительность даетъ ей первый толчекъ въ видѣ зарождающаго младенца; наступаетъ идиллія беременности: нескончаемая рвота, гнетущее расположеніе духа. Только у сентиментальныхъ вралей—нѣмецкихъ романистовъ встрѣчаются приторныя картинки, изображающія блаженство пузатой женщины, они невиннымъ образомъ умалчиваютъ о поэтическихъ рвотахъ, о не менѣе поэтическихъ болѣхъ въ поясницѣ, о тоскливой апатіи. Ихъ эстетическія натуры удивительно легко переваривaютъ свинину съ изюмомъ "

черносливомъ, картофель съ сахаромъ, ростбифъ съ вареніемъ и вовсе не переваривають житейской прозы. Много, очень много переноситъ беременная женщина, пока на шагъ отъ гроба, въ мукахъ и слезахъ родитъ перваго ребенка; но непонятно богата женская натура, она на долгое время забываетъ муки и наслаждается, прижимая къ груди кусокъ живаго мяса; она забывается, но не настолько, чтобы смутно не сознавать, что процессъ кормленія и ухаживанія за ребенкомъ истощаетъ ея молодыя силы, отымаетъ всякую возможность умственнаго труда; ея грезы таютъ, какъ упоительныя грезы опія. Но это первый ребенокъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ путь становится запутаннѣе и мрачнѣе: не успѣлъ ребенокъ высосать изъ матери мозгъ, нервы и кровь, какъ уже въ распухшемъ животѣ копошится другой претендентъ на безотрадную жизнь.

Было время, когда процессъ рожанія избавлялъ женщину отъ дальнѣйшаго попеченія о ребенкѣ; воспитаніе было дѣло несложное: мальчикъ, рискуя на каждомъ шагу жизнію, вслѣдствіе бездоннаго невѣжества папеньки и маменьки, безолаберно выросталъ, а въ извѣстномъ возрастѣ его швыряли на растерзаніе въ педагогическіе вертепы; оттуда искалеченный физически, нравственно и умственно, онъ выползалъ въ жизнь; чѣмъ болѣе онъ приближался къ типу моськи, тѣмъ болѣе обезпечивалъ онъ свое существованіе. Наше время показало ясно, что воспитаніе — наука изъ наукъ, самая глубочайшая и въ то же время самая труднѣйшая. Для многихъ стало понятно, что за тяжкимъ процессомъ рожанія ребенка слѣдуетъ еще болѣе тяжкій процессъ: воспитаніе ребенка. У индѣйцевъ существуетъ обычай убивать новорожденныхъ дѣтей женскаго пола; у насъ же безпощадно убиваютъ, съ помощью разнаго рода педагогическихъ заведеній, не однѣхъ дѣвочекъ, но и мальчиковъ, и не новорожденныхъ, а въ цвѣтущемъ, мощномъ возрастѣ. Воспитывать, въ глубокомъ значеніи этого слова, одной матери, можно только одного ребенка; воспитывать ихъ цѣлые десятки, даже съ помощью толпы нянекъ и гувернантокъ, положительно невозможно; ста материнскихъ жизней не хватитъ на такое сложное дѣло, и наконецъ, это воспитаніе должно каждую минуту прерываться мукою новой беременности, мукою новыхъ родовъ, новой, мелкой, подтачивающей жизнь заботой о новорожденномъ, когда онъ, какъ комокъ мяса, переживаетъ растительную жизнь.....

Возня, крики, капризы, мелкія, безпрерывныя заботы, неумѣніе справиться съ дѣтьми быстро портятъ лучшій характеръ; женщина становится болѣзненно раздражительна, и

раздражительность всею тяжестью падаетъ на дѣтей и на мужа. Воспитывать много дѣтей, кое-какъ, требуетъ большихъ средствъ; всякое большое состояніе отъ приращенія нѣсколькихъ птенцовъ становится ничтожнымъ, слѣдовательно, родители неспособны не только поддерживать жизнь дѣтей, но и свою собственную. Но нѣкоторые могутъ произнести патетически, но въ то же время автоматически, нѣсколько звучныхъ фразъ о самоотверженіи въ пользу дѣтей, о томъ, что разсуждая такъ, родъ человѣческій давно прекратился бы, укажутъ на многіе примѣры,— какъ одно семейство, состоящее изъ 18 человѣкъ дѣтей, было очень счастливо, что всѣ дѣти вышли въ люди, т. е. преуспѣваютъ на разныхъ ступеняхъ общественной службы..... Нѣтъ сомнѣнія, что бываютъ даже и не такіе случаи: изъ тысячи дѣтей нѣсколько выхаживаются даже изъ воспитательнаго дома. Рожать же дѣтей для могилы или несчастныхъ нищихъ, у которыхъ впереди безвыходное горе и непосильный вѣчный трудъ— невеликая заслуга передъ человѣчествомъ! Наконецъ, пусть успокоится читатель, заводчики и апараты для рожанія дѣтей никогда не переведутся на нашей землѣ, „лучшей изъ всѣхъ міровъ.“

Что же касается до самоотверженія — эта фраза безъ смысла. Самоотверженіе—святое слово, но оно должно быть разумно; если бы мать, цѣною утерянной жизни, давала богатую жизнь десяткамъ людей, такая печальная жертва пошла бы ей въ заслугу; но губить себя затѣмъ, чтобы губить другихъ — занятіе удивительное по своей глупости, это не самоотверженіе, а непонятное, средневѣковое презрѣніе къ жизни. Мнѣ кажется, что ничего нѣтъ ужаснаго и непозволительнаго въ томъ, что женщина сама хочетъ жить, т. е. трудиться, слѣдить съ жаромъ за всѣмъ, что такъ интересуетъ мужчинъ, наслаждаться обществомъ, путешествіемъ, поэзіей и тысячами удовольствій, которыми полна жизнь мужчины. Американскія женщины, какъ самыя развитыя, скорѣе другихъ сознали, что кромѣ мукъ беременности, вѣчнаго механическаго няньчинья съ дѣтьми, хроническаго, пчелинаго самоотверженія въ пользу дѣтей, есть жизнь, и что наслажденіе ею законно и разумно.

Пока не будетъ ограничено число дѣтей, всѣ росказни о полномъ равенствѣ половъ будутъ подлою, вздорною болтовнею; половина рода человѣческаго будетъ обречена духовному и физическому рабству. Вѣчная беременность будетъ вѣчно сопровождаться тупой отсталостью, безконечнымъ страданіемъ, робкою зависимостью и безпробудною апатіею. Ограниченіе числа дѣтей—вопросъ жизни и смерти для женщины.

Удивительнѣе всего, что этимъ вопросомъ неглижируетъ наше время, провозглашавшее уродливое ученіе Мальтуса и Рикардо,— пораженные экономическимъ строемъ нашего цивилизованнаго міра, они захотѣли оскопить весь трудящійся классъ, чтобы онъ не плодилъ нищихъ; они хотѣли у людей труда, горя и слезъ отнять послѣднее, оставшееся у нихъ наслажденіе. И это черствое ученіе проповѣдывалось въ то время, когда наука уже нашла способы избѣгнуть оплодотворенія, безъ особеннаго насилія со стороны мужчины и женщины и безъ малѣйшаго для нихъ вреда.

Жизнь современнаго человѣка слишкомъ коротка, а счастіе, молодость, красота быстро переходящи. Нужно откликаться на каждый призывный звукъ жизни, иначе жизнь состроитъ кислую гримасу и безцеремонно повернется къ вамъ задомъ. Наука, поэзія, служеніе не однимъ дѣтямъ, но и людямъ, дали современному человѣку богатую возможность наслаждаться счастьемъ и счастьемъ не грубо эгоистическимъ. Монашенкѣ простительно растительное прозябаніе въ жизни: могила для нея—ступень въ райскія ворота, гдѣ она разсчитываетъ вѣчно тонуть въ бездонныхъ блаженствахъ. Трезвая наука разсѣяла нашу поэтическую иллюзію; смерть для насъ переходъ къ уничтоженію; индивидуальность наша, послѣ бурной жизни, переходитъ въ сладкій покой, безъ сновидѣній, т. е. расплывается въ ноль. Нашъ таинственный организмъ поступаетъ въ общій складъ природы, которая изъ нашей бренной, и въ то же время безсмертной матеріи начинаетъ строить безсознательно, въ силу вѣчныхъ законовъ, новыя формы жизни, которыми она замѣняетъ старыя, разложившіяся.

Наша неумирающая матерія питаетъ землю, воздухъ. Нашу матерію переваривaютъ крошечные желудки подземныхъ обжоръ, и это пожираніе и питаніе родятъ новыя фантастическія формы жизни, которыя не прослѣдитъ фантазія арабскаго сказочника. Ѣдкаго и мрачнаго въ этой научной мысли нѣтъ ничего: переставъ тѣшить себя призрачнымъ, небеснымъ царствомъ, мы пристальнѣе стали вглядываться въ наше земное, поразительно мерзкое царство. Эта загробная правда заставляетъ насъ невольно еще глубже привязаться къ жизни, больше цѣнить ее и больше требовать отъ нея; мы невольно начинаемъ стремиться оставить слѣдъ въ жизни: его шириною и длиною измѣряется наша личность; чѣмъ правдивѣе наша мысль, тѣмъ болѣе шансовъ на наше духовное существованіе.....

Отрывокъ изъ моихъ неизданныхъ путешествій

„И снова вѣютъ на меня
Минувшихъ лѣтъ воспоминанья...
Сны позабытые, погасшія картины
. . . . . опять
Наружу выплываютъ."

Я видѣлъ англичанина, несущагося на югъ Франціи, въ тотъ волшебный уголокъ міра, гдѣ царитъ зимою дивная весна, гдѣ южная растительность ключемъ бьетъ изъ богатой земли, вѣчно освѣщенной горячимъ солнцемъ. Онъ сидѣлъ, вытянувши ноги; онѣ были окутаны плэдомъ, самъ онъ въ сѣромъ пиджакѣ; безцвѣтныя, полурыжія, полубѣлыя, полугрязныя бакенбарды, гладко расчесанные, торчали по сторонамъ лица, съ выбритою челюстью гориллы; лицо было пьяно-красноватое, глаза жирные, окаменѣлые; они съ правильностью и неутомимостью маятника опускались въ толстый гидъ Бедекера, въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ, и на мимо мелькающую, ласковую природу. Съ обѣихъ сторонъ росли, уходя въ безграничную даль, синія горы, обросшія мягкою, темною зеленью; съ высоты горъ падали серебренными струйками ручейки; звонко щебетали, покинувшія холодный сѣверъ, птицы; вдали гремѣли и замирали трели соловья; въ воздухѣ благоухало весенними цвѣтами; солнце ослѣпительно обливало все усыпляющимъ, нѣжащимъ свѣтомъ. На днѣ моей души, отогрѣтые солнцемъ распускались чудные цвѣты; забылъ я въ эти минуты житейскія муки,

бури, безумія, кровавыя слезы... Тѣни пятнами ложились по мрачнымъ ущельямъ; сѣрыя, поросшія травою, обвитыя плющемъ развалины замковъ рисовались на красноснихъ утесахъ, отвѣсныхъ какъ стрѣла. Жирный взглядъ справлялся съ гидомъ и тѣмъ же справочнымъ взглядомъ смотрѣлъ по сторонамъ; иногда глаза расширялись, раскрытый ротъ принималъ форму ноля, изъ него вырывалось шипѣніе, змѣиный свистъ, клокотаніе, кудахтаніе, хрустъ зубовъ; вся эта масса чрезвычайныхъ звуковъ вырожала удивленіе, но неуловимо быстрые проблески души были помѣчены въ гидѣ; гидъ Бедекера въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ повелѣвалъ удивляться, англичанинъ удивлялся.

Я видѣлъ англичанина подъ темно синими небесами Рима, онъ стоялъ въ pince-nez, которое сползало съ конца его длиннаго, сизаго носа, въ рукахъ его былъ плэдъ, панталоны на немъ были клѣтчатыя, зеленоснія, пиджакъ—зеленоснній клѣтчатый; воротникъ, высокоторчащій, клѣтчатый, шляпа касторовая, круглая; бакенбарды были мутнорыжія, глаза жирные, гармонирующіе по выраженію съ классическими развалинами. Этотъ античный взглядъ каменно смотрѣлъ на разрушенную, безобразную колонну временъ Траяна; весь мусоръ, до послѣдняго осколка отъ мостовой, были отмѣчены въ толстомъ гидѣ Бедекера; около него лебезилъ, треща безъ умолку, полужидъ, полугрекъ—вѣчный спутникъ англичанина—драгоманъ. Взглядъ этотъ оставался тотъ же: устремленъ ли онъ былъ на древній мусоръ, на мраморную страдалицу — Ніобею, Венеру Капитолійскую, группу Лаокоона, сладострастную гетеру, замученную ласками Сатира, мадонну Рафаэля, плачущую Магдалину, Іисуса, погибающаго на крестѣ, съ идеальнымъ выраженіемъ на лицѣ. Онъ былъ тотъ же античный мраморъ, когда онъ смотрѣлъ на поля лиловыхъ фіалокъ, горы, таящія въ золотистомъ туманѣ, при послѣднихъ лучахъ солнца; на освѣщенныя луною, чудовищныя, таинственныя развалины, обросшаго мохомъ Колизея. Длинный, сизый носъ оффиціально, по заказу, совершенно одинаково вдыхалъ запахъ дико ростущихъ розъ, миндальныхъ деревьевъ, какъ и зловонія, несущіяся изъ темныхъ переулковъ, отъ перегнивающей, выброшенной на улицу пищи.

Я видѣлъ англичанина въ знойной Сахарѣ, всходящаго на въ небо укатывающуюся, желтую, колоссальную пирамиду Хіопса; онъ былъ въ сѣрой блузѣ, пробковой шляпѣ съ широкими полями и вентиляторами; за нимъ съ огненными глазами, бронзовыми лицами, черными бородами, въ бѣлыхъ, развѣвающихся одеждахъ подымались бедуины. Взглядъ, безжизненный, какъ пирамида, поперемѣнно устремлялся на

желтую, безграничную пустыню, Каиръ потонувшій въ пальмовыхъ рощахъ, серебристо-голубую ленту Нила, на утонувшаго въ песокъ, колоссальнаго, безъухаго и безносаго сфинкса.

На высотѣ Хіопсовой пирамиды онъ поглотилъ страшную массу мясной пищи и тщательно увѣковѣчилъ, желѣзнымъ остріемъ, ни кому неизвѣстное, ни кому не нужное имя. Я видѣлъ его пыхтящимъ, краснымъ до удушія, ползущимъ внутри пирамиды; около его мутныхъ бакенбардъ и вспотѣвшаго лица, арабы держали зажженные факелы и усердно подталкивали его во всѣ удобныя для подталкиванія мѣста. Я видѣлъ его около гробницы Хіопса: на саркофагѣ фараона стоялъ бедуинъ въ бѣлой, волнистой одеждѣ, освѣщенный снизу факелами, въ его глазахъ свѣтился дикій огонь, въ высоко приподнятой рукѣ онъ держалъ факелъ; его красноватый свѣтъ безсильно боролся съ тысячелѣтнею тьмою; другой арабъ ударялъ желѣзною тростью въ пустую гробницу, она издавала звенящіе звуки, таинственно прекрасные; въ вышинѣ во мракѣ шумѣли крылья вампировъ; порой освѣщенныя факелами, виднѣлись тонкія крылья и блестали глаза; изъ темныхъ, подземныхъ щелей со свистомъ выползали желтыя змѣйки; въ сѣдой паутинѣ висѣли огромные пауки, распустивши лахматыя лапы. Я пристально взглядывался въ глаза англичанина—путешественника; ни одинъ лучъ не проблеснулъ въ каменныхъ глазахъ.

Я видѣлъ англичанина у жерла Везувія, ночью, за мѣсяцъ до страшнаго изверженія: сѣрные, бѣлые пары и дымъ, какъ саванъ, покрывали гору; изъ громаднаго жерла съ страшнымъ шумомъ, свистомъ и завываніемъ, какъ будто милліоны исполинскихъ мѣховъ раздували его, вырывалось пламя; черныя, острыя, какъ иглы, скалы отливали кровавымъ свѣтомъ; черезъ трещины сочилась, кипѣла и бурлила лава; подъ нами вздрагивала земля и разскатывались, глухо уходя въ бездонную глубину, подземные громы; а выше насъ другое жерло, засыпавшее пепломъ Помпею, выбрасывало по временамъ снопы свѣта и громадные камни; земля кругомъ трепетала. Англичанинъ лѣзъ въ самое жерло, сапоги его обугливались въ горячей золѣ, щеки были краснѣе разрѣзаннаго, кроваваго ростбифа; на шагъ отъ смерти, около страшной огненной лабораторіи, онъ сохранилъ то же пирамидальное спокойствіе взгляда. Мы быстро спускались внизъ. Неаполь блестѣлъ цѣлымъ моремъ огней, тонулъ въ лаврахъ и апельсинныхъ рощахъ; заливъ блестѣлъ синими огоньками, освѣщенный палевою луною; теплыя волны воздуха обвѣвали усталое тѣло и несли съ собою нѣжный запахъ жасминовъ,

лимоновъ и розъ изъ садовъ Сорренто; звѣзды яркія мигали въ лиловато-синемъ воздухѣ; млечный путь, какъ серебряное облако, ярко перепоясывалъ небо; гробовая тишина была кругомъ, звуки жизни не добирались до нашей высоты; а сзади насъ, вдали, клубился черный дымъ и блестѣло зарево, отъ огня волкана; англичанинъ быстро спускался внизъ, обуреваемый энергическими позывами страшно энергическаго желудка.

Я видѣлъ англичанина на Лаго Маджіоре; косые лучи заходящаго солнца бросали на голубое озеро свои лучи; вода искрилась на неизмѣримомъ пространствѣ розовато-золотистымъ свѣтомъ; озеро дремало, какъ ребенокъ въ колыбели; чуть слышно лепетали, ударяясь о темныя скалы, теплыя, золотистыя волны; вблизи отъ насъ подымался изъ водъ озера, „какъ стройный сонъ Бога, "покрытый алоэ, кипарисами, лаврами, камеліями, лимонными и апельсинными деревьями, сверху до низу осыпанный розами, пестрыми цвѣтами, во всей блистательной, сказочной красотѣ, островъ : Isola bella. Громадныя, бѣлыя, мраморныя террасы подымались на немъ все выше и выше, мраморныя, античныя, почернѣвшія статуи, роскошныя вазы, тонкіе, мавританскіе шпицы покрывали ихъ; по сѣрымъ стѣнамъ вились, спускаясь книзу гирляндами, ползучія, чернозеленыя растенія, осыпаныя пунцовыми колокольчиками; въ чуть слышномъ воздухѣ разносились острыя благоуханія волкамелій, чайныхъ розъ, алеандровъ и лимонныхъ цвѣтовъ. Громадный дворецъ и островъ стояли опрокинутые въ зеркальной водѣ, и казалось, что въ глубокой, прохладной водѣ прячется другой волшебный островъ; сказки о хрустальныхъ дворцахъ и замкахъ свершались на яву. Съ трехъ сторонъ озеро, какъ вѣнцомъ, было окружено фіолетовыми, гигантскими горами; верхушки отдаленныхъ, снѣжныхъ вершинъ пылали блѣдно-пунцовымъ цвѣтомъ, въ лучахъ заходящаго солнца; такимъ розово-пунцовымъ свѣтомъ горитъ Монбланъ, когда роскошныя долины уже дремлютъ, окутанныя сумракомъ. Бѣленькіе, веселенькіе города, тысячи причудливо разнообразныхъ виллъ, потопленныхъ въ роскошной, южной растительности, усѣивали золотой дымкой покрытые берега. Дремало, не колыхаясь, озеро, дремали синія небеса, — потопленныя въ солнечныхъ лучахъ долины; лодки наши остановились, гребцы бросили весла; ни одинъ звукъ не доносился до насъ, кругомъ было сказочно тихо; капли, съ веселъ падая, безвучно разбѣгались серебристыми кругами по зеркальной водѣ... Нѣтъ тѣхъ словъ на языкѣ, которыми можно было бы описать то, что чувствуется въ такія минуты! Грезы ласковыя, какъ улыбка ребенка, нѣж-

ныя, какъ запахъ розы, поэтическія и легкія, какъ вѣяніе перваго, весенняго вѣтерка, просыпаются въ дремлющей душѣ; ни одинъ звукъ скорбнаго диссонанса не зарождается въ душѣ; въ такія минуты хочется забыться и заснуть вѣчнымъ, дивнымъ сномъ, подъ чуть слышное колыханіе волны. Венеція лунною ночью навѣваетъ тѣ же думы, тѣ же сны. Англичанинъ убаюканный каплями, падающими съ веселъ, заснулъ; носовой свистъ, какъ завываніе осенняго, ночнаго вѣтра въ трубѣ и вульгарный храпъ наполнили сонный воздухъ; по временамъ, онъ силился проснуться; устало и лѣниво, какъ пьяный, онъ приподнялъ жирную, потную руку и сталъ ею махать около сизаго носа, какъ будто сгоняя съ него безотвязную муху.

Я видѣлъ англичанина въ дѣвственномъ лѣсу Индіи: зеленые ліаны, какъ удавы, окутывали страшной высоты деревья; гирлянды громадныхъ пунцовыхъ колокольчиковъ спускались съ верхушекъ деревьевъ до самой земли; пряный запахъ носился въ раскаленномъ воздухѣ; среди голубыхъ, бѣлыхъ, синихъ цвѣтовъ развѣвался хвостъ какой-то фантастической, невидимой глазу, птицы; онъ переливался на ослѣпительномъ солнцѣ яхонтами и рубинами; по временамъ рѣзко, визгливо кричали попугаи и вдали звонко раздавался вой тигра... Англичанинъ красно-сизый, пыхтящій, обливающійся испариной, недоумѣвалъ; въ первый разъ онъ недоумѣвалъ: среди дѣвственнаго лѣса у него въ рукахъ не доставало гида въ крѣпкомъ красномъ переплетѣ... . .

. . . . . .

. . . . . .

Передъ грозою

(Изъ письма къ другу.)

„Постой, мой малютка! возьми-ка
Солдатика ты одного;
Сломай ему руки и ноги
И вырви ружье у него;

Обмажь красной краской игрушку
И въ поле забрось, наконецъ...
Въ такомъ положеніи жалкомъ
Лежитъ твой отважный отецъ.

(Стих. *Война! Война!* Жулева.)

.....Русскій, глубоко и искренно любящій свою родину, вѣрящій въ ея возрожденіе путемъ усиленной соціальной пропаганды въ народѣ, невольно, сильно задумается надъ печальными событіями послѣднихъ мѣсяцевъ. Всероссійская трагедія послѣдніе мѣсяцы идетъ крещендо; всѣ напряженно ждутъ часа ужасной развязки; политическій горизонтъ обложенъ тучами, вдали глухо грохочетъ громъ, все предвѣщаетъ страшную грозу; еще до рѣчи Александра въ Москвѣ чувствовалось ея зловѣщее приближеніе. Газеты сдѣлали свое великое дѣло: нафанатизировали, если не всю Россію, то по крайней мѣрѣ ту большую, сытую кучку, которая не платитъ налоговъ изъ своего кармана и имѣетъ много времени на всякаго рода увлеченія, аханія; тотъ слой, котораго патетическія захлебыванія, возгласы и драматическіе вздохи о далекихъ славянахъ совсѣмъ заглушили хриплое стенаніе собственной родины. Газеты кричатъ: „русскій народъ хочетъ войны!“ Пусть будущіе несчастія Россіи падутъ на головы тѣхъ, которые произнесли эти проклятые слова! Бѣсящаяся отъ жира кучка людей взяла на себя смѣлость рѣшать роковые вопросы за 84 мил. государство! Только аб-

солютная монархія можетъ порождать такихъ выкидышей съ монархическими замашками! Литературная свора, звука не проронившая во время бѣшенныхъ ужасовъ, свершавшихся въ нѣдрахъ Россіи, запылала огнемъ неугасимымъ, когда дѣло коснулось далекихъ славянъ! Она подняла такой гвалтъ и шумъ, что всѣмъ показалось, что это шумитъ не газетная бумага, а вся Россія; свои крошечныя, карманныя симпатіи она дерзко назвала симпатіями народными; свои жалкіе вздохи —страшными вздохами народными. Несчастный, трудящійся народъ, ограбленный до нитки, ободранный до костей, забитый и запоранный, снова будетъ вышвырнутъ на безумную бойню! Въ мирное время его давили, рѣзали съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкою, теперь же его начнутъ рвать на куски разрывными снарядами съ огромнымъ чувствомъ, но безъ малѣйшаго толка и безъ разстановки. Великіе командиры пушечнаго мяса будутъ вопить: „Мы сражаемся за объединеніе славянъ! мы сражаемся за свободу нашихъ братій! мы вносимъ въ политическую, звѣрскую схоластику высокую нравственность!“ Если борьба увѣнчается успѣхомъ, командиры надѣнутъ на себя лавры, народъ же подвѣситъ къ своимъ тяжелымъ цѣпямъ еще болѣе тяжелыя гири; командиры будутъ пожирать роскошные обѣды, при громѣ музыки и шумѣ спичей, народъ же вернется голодный въ свои темныя, тѣсныя, холодныя хаты и молча будетъ пережевывать черный хлѣбъ пополамъ съ древесною корою, — великая логика событій!... Холопы и трусы, не умѣвшіе отстоять ни одного человѣческаго права у себя на родинѣ, берутся отстаивать права и свободу чужихъ націй! Царскіе холопы останутся холопами повсюду, живительнаго элемента они никогда не внесутъ ни въ какое дѣло, какъ бы оно громко не называлось.

Недавно въ „Голосѣ“ въ №№ 291 и 292 за октябрь была напечатана въ фельетонѣ статья Ев. Маркова: „Алхимія въ политикѣ.“ Она написана живо, очень увлекательно и въ духѣ минуты; нужно имѣть трезвый мозгъ, чтобы увидѣть всю несостоятельность и незрѣлость этого дионимбрамба въ пользу войны. Марковъ написалъ отличную статью: „Софисты XIX вѣка.“ Въ послѣдней статьѣ онъ является самъ софистомъ, но не XIX вѣка, а настоящей минуты; онъ проводитъ ту мысль, что севастопольская война освободила Россію отъ рабства; цитируетъ слова Прудона въ пользу войны; говоритъ, что война обновляетъ націи, расширяетъ ихъ горизонты; что она далеко гонитъ сонъ, нарушаетъ апатію; восторженно увѣряетъ, что вѣка готовили Россію для уничтоженія Турціи, которая находится въ предсмерт-

ной агоніи; что ни одно государство не вступится за Турцію; пророчитъ великую будущность Россіи послѣ войны. Много, черезъ-чуръ много говоритъ онъ, но пока и этого довольно!... Старинную методу леченія проповѣдуетъ г. Марковъ, какъ старый эскулапъ, онъ хочетъ лечить народы сильными кровопусканьями, ѣдкими слабительными; въ этой широкой и задушевной мысли онъ сойдется вполнѣ съ императорскою властью, господами Бисмарками и Наполеонами; дѣлаетъ честь русскому либеральному писателю!... Но чего же лучшаго можно было ожидать отъ либеральнаго русскаго писателя? Онъ проповѣдуетъ тайную инквизицію въ политикѣ, если бойни возвышаютъ нравственный уровень народовъ, то идите послѣдовательно: тащите на сцену пытки —онѣ тоже нарушаютъ апатію, гонятъ далеко сонъ—инквизицію, монархизмъ съ кнутами и крѣпостями!

Много разъ повторяли, на волосъ не вникая въ смыслъ фразы, что севастопольская война освободила насъ отъ рабства, но истина дороже эфектной фразы; если чудовищная рѣзня освобождаетъ народы отъ цѣпей, то остается только пожелать государствамъ хорошаго апетита, пусть пожираютъ на здоровье другъ друга!... Совпаденіе возвели въ законъ: не отравись Николай, Россія только бы топоромъ сколотила съ ногъ своихъ цѣпи! Неужели Маркову неизвѣстно, что страшная реакція уже стала обнаруживаться по всей Россіи еще до севастопольской кампаніи? Рабство не могло существовать вѣчно: новый государь съ либеральнымъ направленьицемъ, всходя на престолъ, долженъ былъ чѣмъ нибудь ознаменовать свое восшествіе. Въ Европѣ и самой Россіи вопросъ объ освобожденіи сталъ не въ моготу налегать на русское правительство; на горизонтѣ начали показываться зарева отъ пожаровъ; добрые, почтительные крестьяне начали палить въ огнѣ своихъ добрыхъ помѣщиковъ; чиновничество, рабство и повальное палачество перелили черезъ край, выхода не оставалось никакого, нужно было начать для спасенія собственной, мерзкой шкуры, игру въ жалкое освобожденіе, въ жалкія реформы! Заграничная, русская свободная пресса, отечественная литература, всеобщій предвѣщающій грозу ропотъ, повсемѣстные бунты, духъ времени, который началъ витать надъ необозримымъ пространствомъ Россіи, тысячи мелкихъ условій, которыя, усложняясь, переходили въ крупныя явленія, привели къ освобожденію крестьянъ. Не трудно было бы писать исторію, если бы въ ней дѣйствовали такъ рѣзко и отчетливо такіе опредѣленные стимулы! Разгадка великихъ, историческихъ явленій упростилась бы до ноля.

Цитируя Прудона, Марковъ не даетъ себѣ труда ясно опредѣлить, о какой войнѣ говоритъ онъ, называя ее: „правосудіемъ народовъ.“ Плохая задача забивать голову публикѣ громкими авторитетами! Прудонъ рядомъ съ сочиненьями: „De la justice dans la révolution et dans l'église“, „Qu'est-ce que la propriété?“ проводитъ ту прекрасную мысль, что женщина должна сгнить въ рабствѣ, что ея святое назначеніе быть кухаркою. Есть война, съ которой можно помириться, какъ съ печальною безвыходностью: это война за всеобщее счастье, всеобщее экономическое равенство, безъ котораго всѣ возгласы о равенствѣ, свободѣ и братствѣ — злая ложь, возмутительная комедія, дѣтская игра въ жмурки! Но и тутъ она можетъ быть объявлена только тогда, когда всѣ силы договориться и добиться мирнымъ путемъ будутъ истощены совершенно; когда всѣ выходы къ человѣчнымъ мѣрамъ будутъ заперты хищниками. Эта война, на знамени которой, безъ лжи, будутъ лучезарно сіять слова: „равенство, братство и свобода,“ дѣйствительно пробудитъ все человѣчество отъ тысячелѣтняго, ужаснаго сна! Поднятые на ноги народы въ минуты великой борьбы будутъ съ неизмѣримою силою всасывать въ себя идеи; вопросы правды, добра и справедливости встанутъ во всемъ потрясающемъ величіи передъ народами, и они должны будутъ рѣшить ихъ, ради собственнаго спасенія. Но эта война не должна издѣваться надъ своими жертвами, она не должна терзать, мучить своихъ враговъ, смѣхомъ отвѣчать на ихъ стоны; торжество надъ могилами убитыхъ тутъ не мыслимо.

Если бы современныя намъ войны и прежнія обновляли націи, подымали ихъ нравственный и умственный уровень, указывали бы имъ новыя, высшія цѣли, открывали бы имъ новые, обширные горизонты, то Франціи временъ Наполеона I, которая буквально брала ванны въ крови народовъ, давно слѣдовало бы сдѣлаться самымъ идеальнымъ государствомъ въ цѣломъ мірѣ, а Швейцаріи самымъ гнуснымъ въ мірѣ. На практикѣ—воинственной Франціи открылись широкіе горизонты, въ видѣ Людовика XVIII, Карла X, Луи-Филиппа и 18-лѣтняго императорства Наполеона III, съ его блестящимъ, высоко нравственнымъ концомъ.

Пруссія сражалась за объединеніе Германіи. Поднятый нравственный уровень послѣ войны выразился въ проституціи ума и сердца; на нѣсколько лѣтъ героями націи стали кровавыя пугалы; деспотизмъ и тиранія послѣ войны помолодѣли, обновились, пріумылись и гордо закинули свои головы. Я не стану впадать въ подробности, въ доказательства, ими можно наполнить цѣлые томы; если же иногда путемъ войны

выходили кой-какіе благіе результаты для народовъ, то за это ее превозносить нѣчего: тогда прійдется броситься въ объятія абсолютизму. Людовикъ XIV и XV первостатейные царственные негодяи взлелѣяли революціи (да помянетъ ихъ Богъ во царствіи своемъ).

Наша честная, самоотверженная молодежь, запытываемая по дырамъ остроговъ и крѣпостей, меньше сдѣлаетъ въ дѣлѣ революціи, чѣмъ Александръ Николаевичъ съ своимъ восхитительно-остроумнымъ, государственнымъ строемъ и войною за славянъ; но поднявшійся народъ врядъ ли погладитъ по головкѣ великаго революціонера — Александра II!

Статистика подвела итоги самымъ сильнымъ людямъ, погибшимъ на войнѣ съ 1853, по 1870 годъ.

Крымская война	784,991
Шлезвигъ-Гольштинская	3,500
Итальянская (1859)	45,000
Прусско-Австрійская (1866)	48,000
Мексиканская, Кохинхинская, Парагвайская	65,000
Франко-Прусская	550,000
(Впередъ, № 32 1876 г.)	1,493,491

Въ семь лѣтъ Европа къ лютой казни приговорила почти полтора милліона людей, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они были молоды, сильны и здоровы; но это конечно пустячки, когда дѣло идетъ о поднятіи нравственнаго уровня народовъ! Полтора милліона рабочихъ силъ унавозили собою землю!... Лучшаго для нихъ назначенія нашъ гуманный, цивилизованный вѣкъ выдумать не могъ! Но можетъ быть Ев. Марковъ правъ, и оставшіеся въ живыхъ утопаютъ въ матеріальномъ благосостояніи? Но никого не щадящая статистика снова продолжаетъ свои вычисленія: отъ 1853 по 1873 военныя издержки выражаются въ слѣдующихъ наиневиннѣйшихъ цыфрахъ:

Крымская война	8,500,000
Шлезвигъ-Гольштинская	1,400,000
Итальянская (1859)	130,000
Прусско-Австрійская	1,650,000
Мексиканская, Кохинхинская, Парагвайская	1,000,000
Франко-Прусская	29,700,000
(Впередъ, № 32 1877 г.)	42,530,000

Прелюбодѣи мысли! изъ какихъ Эльдорадо получаются эти невинныя цыфры? не трудно догадаться, что это теплая, неуспѣвшая еще свернуться кровь народная! Каждая копѣйка этихъ несчетныхъ милліардовъ, какъ живительнымъ дождемъ, обливалась кровавыми слезами и кровавымъ пòтомъ нашихъ обойденныхъ братій. Защитники любви и братства!

въ какія преисподнія провалилась ваша логика? Послѣ такихъ фактовъ, залившись слезами великаго умиленья, невольно завопишь вмѣстѣ съ Ев. Марковымъ: „Война матеріально и нравственно подымаетъ націи, расширяетъ ихъ горизонты!“ Да! она удивительно расширяетъ горизонтъ ихъ налоговъ, удивительно расширяетъ горизонтъ воровскимъ инстинктамъ ихъ властителей! По вычисленію Легуа, секретаря парижскаго статистическаго общества, Европа содержала въ мирное время массу солдатъ въ 3,815,847 („Впередъ“). Но съ 1866 года эта цыфра удвоилась. Поклонники правосудія народнаго! загляните въ скромный русскій календарь, сколько выходитъ изъ государственнаго бюджета на содержаніе обновителей человѣчества.....

Мнѣ очень и очень жаль Славянъ, но честный человѣкъ долженъ умѣрить свой энтузіазмъ и заострить логику, разъ онъ обращается къ публикѣ; прежде, чѣмъ пустить искру въ пороховыя мины, нужно быть твердо увѣреннымъ, что она взорветъ враговъ, а не насъ самихъ. Нужно имѣть большую смѣлость и силу убѣжденія, чтобы обезумѣвшей массѣ славянофиловъ сказать: „Стойте! перестаньте тѣшить себя пышною иллюзіей, взгляните попристальнѣе на себя и на вашу родину, развѣ съ такими нравственными и умственными силами, какъ ваши, можно спасать народы? Спасители народовъ! полюбуйтесь на адрессы, поднесенные вами монарху! Не только Турки, но комнатныя шавки, если бы могли понимать ваши адрессы, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ отвернулись бы отъ васъ! На глазахъ цѣлой Европы, вы, свободные граждане, вылизывали внутренность кишекъ царскихъ, вы показали цѣлому міру крайнюю крайность гнуснаго, платоническаго, татарскаго раболѣпія и собачьяго лизанья!

Турки мучаютъ во время разгара войны христіанъ, своихъ враговъ, вы пришли въ ужасъ. Это благородно и возвышенно! Но гдѣ пряталось ваше возвышенное благородство, когда наше правительство замучивало поляковъ и поставило во главѣ судей надъ несчастною націей Муравьева?

Куда запропастилось ваше таинственное благородство въ настоящее время? На вашихъ глазахъ цѣлые десятки лѣтъ, изъ года въ годъ, въ мирное время, вся Россія оцѣплена облавою жандармовъ, и тысячи честныхъ, прекрасныхъ, молодыхъ людей безъ суда гибли и гибнутъ на каторгѣ, по острогамъ, крѣпостямъ и полицейскимъ подваламъ; ихъ жгутъ и жгли на медленномъ огнѣ не часъ и не два, а десятки лѣтъ! Сотни изъ нихъ вышли съ тѣмъ, чтобы умереть на глазахъ родныхъ отъ скоротечной чахотки или полнаго истощенія силъ; десятки изъ нихъ выброшены сумасшедшими въ

казенные, сумасшедшіе дома; десятки изъ нихъ зарѣзались осколками стакановъ... Передъ этими бѣшенными злодѣяніями блѣднѣютъ варварства Турокъ!...

Подъ нашимъ цивилизованнымъ владычествомъ народъ стонетъ болѣзненнѣе, чѣмъ турецкій народъ подъ владычествомъ султана...

Ненавидѣть, любить, увлекаться, вы, доблестные граждане, не смѣете безъ разрѣшенія правительства! Гадко выговорить, что и увлеченія заклеймены казенною печатью.

Вамъ позволили ахать надъ славянами, вамъ показали примѣръ, вы разъахались до такой степени, что превзошли ожиданія начальства и газетамъ велѣно было поусмирить васъ. Внутренніе ужасы вамъ велѣно не замѣчать и вы съ кротостью барашковъ ихъ не замѣчаете и готовы, въ порывѣ патріотическаго усердія, забросать грязью и каменьями всякаго, кто смѣетъ ихъ видѣть и понимать.

Близорукіе судьи—младенцы! вы любите не людей, а ходули, эфекты! Страданіе рельефное, при громѣ пушекъ, освѣщенное заревомъ пожаровъ, дѣйствуетъ на ваши вялые нервы; то же суровое, злое горе, которое затаплось въ каждой нашей мужицкой хатѣ, скользитъ по васъ, неусвоенное и незамѣченное. Вы до этихъ поръ не умѣете, или не хотите понять, что такое правительство, какъ русское, никого не съумѣетъ освободить. Оно не можетъ выйдти изъ самого себя. Святое призваніе нашего правительства: порабощать народы; снимать оковы съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же на наболѣвшее, изуродованное мясо вздѣть новыя, болѣе тяжелыя и болѣе крѣпкія! Отъ политики узкаго, безсердечнаго эгоизма не отрѣшилось пока ни одно государство Европы.

Внутренняя, горячая, соціальная пропаганда стала наводить ужасъ на монарха и правительство; чтобы отвлечь, только на время, умы отъ всеразлагающаго анализа, они рѣшились выбросить въ живодерню сотни тысячъ русскихъ. Этимъ ужаснымъ средствомъ они думаютъ отогнать отъ себя тотъ кровавый призракъ, который, страшно улыбаясь, стоитъ у нихъ за спиною. Они забыли, что въ исторіи человѣчества дѣйствуютъ тѣ же неумолимые законы, какъ и въ неорганической природѣ.

Мнѣ очень жаль маленькую Герцеговину, но мнѣ еще болѣе жаль мою большую Россію; ея нравственное и умственное обновленіе, если она одержитъ блистательную побѣду, выразится въ лизаніи начинающихъ ржавѣть цѣпей. Русскій, самодовольный, разгулявшійся, квасной патріотизмъ, въ пылу побѣдъ, на время задушитъ начинающую всюду бродить живую, великую мысль народнаго освобожденія; подъ

шумокъ всеобщаго энтузіазма начнутся въ усиленной степени конфиденціальныя задушенія; гнусностямъ и звѣрствамъ конца не будетъ и они будутъ блестяще оправданы величіемъ свершонныхъ подвиговъ! Надъ головою царя, къ позору націи, снова заблеститъ потускнѣвшій за послѣднее время ореолъ! Тяжело выговорить: если насъ разобьютъ, мы выиграемъ болѣе умственно и нравственно, чѣмъ тогда, когда одержимъ блистательную побѣду. Послѣ блистательной побѣды народъ будетъ въ награду заѣденъ, замученъ налогами, запоранъ за невозможность ихъ всѣ уплачивать, и въ концѣ концовъ, обновленная, выросшая духовно нація будетъ имѣть надъ собою правительство по подлости и дикому звѣрству, на волосъ не уступающее турецкому.

Что же касается словъ Маркова, что Турція въ предсмертной агоніи, то то же самое можно сказать о всѣхъ современныхъ государствахъ, не только о самомъ худшемъ изъ нихъ, какъ наше, даже и о самыхъ лучшихъ. Мудрѣйшіе люди XIX вѣка уже давно уразумѣли ту прекрасную истину, что современный, хищническій, государственный строй переживаетъ самого себя. Смерть для неослѣпленныхъ глазъ видимо летаетъ надъ мнимо цивилизованными государствами; они неминуемо погибнутъ, и ихъ могилы будутъ колыбелями будущихъ государствъ.

Рабочій народъ, по всему міру, расправляетъ свои желѣзные мускулы...

Гибель народа, застой общества, патріотическое мракобѣсіе сулитъ эта война! Слабый лучъ надежды брезжитъ въ томъ предположеніи, что Александръ Николаевичъ послѣдуетъ примѣру своего незабвеннаго родителя: не доживетъ до конца войны, и тогда новый султанъ закуралеситъ реформами, и во время этихъ невинныхъ забавъ въ большинство проскользнутъ идеи и мысли, чреватыя великими и грозными послѣдствіями, но это, къ сожалѣнію, только можетъ быть!...

Разставаться съ иллюзіями очень больно, истина иногда жестка и страшна, но для меня она, даже суровая и страшная, прекраснѣе самой волшебной и поэтической иллюзіи. Иллюзія имѣетъ гадкое свойство: порабощать себѣ человѣка; истина—революціонеръ, она вѣчно волнуетъ и вѣчно двигаетъ и чарующая сила заключается въ этомъ постоянномъ движеніи.

22 ноября 1876 г.
Югъ Франціи. Ментонъ.

Идиллія моей юности

(Посвящается, какъ выраженіе глубочайшей признательности моимъ уцѣлѣвшимъ педагогамъ.)

Я не стану описывать моихъ счастливыхъ часовъ: они у меня были, я умѣлъ находить счастіе, но страданіе очень и очень перевѣшивало; только деревянный человѣкъ, или самый плоскій филистеръ могутъ себя чувствовать вполнѣ счастливыми среди современной намъ лучезарной цивилизаціи. Черезъ-чуръ мизерно наше личное, огромное страданіе рядомъ съ безграничнымъ, общечеловѣческимъ горемъ и слишкомъ не у мѣста наше даже крошечное счастье.—Я опишу одинъ періодъ моей жизни, я имѣю на это право потому, что тутъ гибла даромъ не одна моя жизнь, но тысячи жизней и богатыхъ жизней! Періодъ мучительный, отъ котораго послѣ многихъ лѣтъ у меня дрожали конвульсивно губы при малѣйшемъ волненіи, и воспоминаніе о которомъ воротило мнѣ душу и пробуждало самыя злыя, болѣзненно-желчныя чувства. Этотъ свѣтлый періодъ моей жизни изломалъ меня и разстроилъ мнѣ нервы на всю жизнь; я пережилъ его въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ; поступилъ я въ него въ 59 году. Эти воспоминанія не теряютъ своего современнаго значенія: такія школы еще существуютъ; по всей вѣроятности, лицей г. Каткова еще пикантнѣе. Кормленіе дѣтей оплеухами и классическое образованіе ничуть не элегантнѣе плетей и того научнаго образованія, которое процвѣтало въ корпусѣ. Я даже увѣренъ, что оплеухи, даваемыя дѣтямъ, вырабатываютъ изъ нихъ такихъ безупречныхъ вѣрноподданныхъ, которыхъ врядъ ли могъ выработать корпусъ, съ лѣсами розогъ и учителями изъ сморгонской академіи!

Если кто нибудь изъ моихъ учителей и надзирателей прочтетъ мои строки, (какихъ только чудесъ не бываетъ въ мірѣ!) пусть оглянется на прошлое, пусть добросовѣстно (если въ немъ какимъ нибудь чудомъ уцѣлѣли огрызки доброй совѣсти) полюбуется на себя и на тотъ образцовый міръ педагоговъ, который его окружалъ и дѣйствовалъ съ нимъ за одно!

Ненависть и презрѣніе—тѣ нѣжныя чувства, которыя вызываютъ во мнѣ, уцѣлѣвшіе въ памяти образы моего начальства; я ихъ ненавидѣлъ и презиралъ, когда задыхался съ ними въ одномъ смрадномъ воздухѣ, а теперь ненавижу память о нихъ! Это были или благонамѣренные палачи, или свирѣпые идіоты, начиная съ попа и кончая послѣднимъ офицеришкой. Если къ намъ попадались случайно порядочныя личности, то ихъ пробовали тотчасъ же псковеркать; если же это благое намѣреніе не удавалось, то такого строптиваго субъекта вышвыривали изъ корпуса, какъ зачумленнаго. Нашихъ педагоговъ пороли розгами до умственной и нравственной летаргіи по военнымъ заведеніямъ, въ придачу же къ розгамъ шпиговали головы самою чудовищною дребеденью; многіе изъ нихъ, противорѣча всѣмъ физіологическимъ законамъ, съ неподдѣльнымъ паѳосомъ вспоминали о кровавыхъ поркахъ, о мясѣ, отлетавшемъ кусками съ ихъ искровавленныхъ задовъ; многихъ изъ нихъ бросало въ сладостный трепетъ, когда они видѣли ручьями текущую кровь изъ тѣла несчастнаго кадета, растянутаго на скамьѣ. Я былъ отданъ въ корпусъ съ двумя моими братьями: одинъ умеръ въ чахоткѣ, исковерканный воспитаніемъ и не успѣвшій отдѣлаться отъ него внѣ корпуса, до самой могилы; другой—въ корпусѣ. Меньшой братъ, живой, умный, болѣзненно-нервный мальчикъ, умеръ отъ бугорчатой чахотки: у него высыпала корь, и, не смотря на это, его за какую-то вздорную шалость швырнули въ карцеръ. Карцеръ былъ въ подвалѣ въ землѣ, со стѣнъ его осенью лились мутные ручьи; полъ въ немъ былъ каменный; крошечное окно съ желѣзною, тюремною рѣшеткою выходило на земь двора; зимою онъ не топился, окно закрывалось, какъ саваномъ, снѣгомъ; мутные ручьи застывали сталактитами; отъ пола несло ледяною глыбою; такое помѣщеніе для бѣлаго медвѣдя было бы верхомъ комфорта! Въ этотъ колодезь опустили моего брата, больнаго, слабаго отъ природы ребенка, въ сыпи; ночью у него въ темной ямѣ жаръ усилился; въ бреду и огнѣ онъ всю ночь стоналъ и рыдалъ, валяясь на ледяномъ полу, имѣя подъ головами ледяные кирпичи; утромъ его, выбившагося изъ силъ, понесли на рукахъ въ лазаретъ затѣмъ, чтобы че-

резъ мѣсяцъ вынести оттуда въ могилу; я лежалъ въ немъ больной, въ кори. Корь у него бросилась на легкія, обнаружилась скоротечная чахотка; онъ не таялъ, а сгоралъ. Оставаясь со мною наединѣ, онъ мучительно, раздирающе рыдалъ и призывалъ всѣ проклятія на своихъ палачей; ему страшно было разставаться съ молодою жизнью. Изъ мальчика уже формировался юноша, начинающій смутно чувствовать въ себѣ большія силы, и въ немъ были зародыши огромной силы! Онъ протестовалъ въ виду быстро приближающейся смерти съ суровою, мощною страстью взрослаго. Мы или гибли быстро, какъ отъ яда, умственно и нравственно, или сказочно выростали.

За нѣсколько дней передъ смертью я засталъ моего брата въ слезахъ, съ багровыми пятнами на щекахъ; онъ сидѣлъ, скорчившись около горящаго камина; пламя освѣщало его исхудавшую фигурку и огромные, яркіе, какъ послѣ сна раскрытые, задумчиво нѣжные глаза; онъ бросалъ въ огонь листы исписанной бумаги; во впадинѣ его щеки остановилась крупная слеза; онъ судорожно обернулся ко мнѣ и тихо сказалъ: „Братъ, я жгу мою коротенькую жизнь, я ее описалъ въ этой тетрадкѣ, я описалъ, какъ могъ; я въ ней описалъ моихъ.....“ Онъ не договорилъ, истерически зарыдалъ, раскашлялся, еще болѣе согнулся... и глубоко сильно задумался... Жаль мнѣ тебя, милое, молодое, рано погибшее существо!... Но будущее темно... силы, бродившія въ тебѣ, можетъ быть, привели бы тебя къ тому страшному концу, сравнительно съ которымъ твой печальный конецъ гораздо болѣе, чѣмъ счастливый! Вскорѣ моего брата вынесли, завернутаго въ простынѣ; съ этой минуты я очень долго все видѣлъ, какъ во снѣ... Но помню, что я не видѣлъ его въ гробу, но слышалъ, какъ его въ могилу провожали съ музыкой.

Но я еще счастливецъ: поступи немного ранѣе, я захватилъ бы въ воронежскомъ корпусѣ кровавое пугало—директора Винтулова! Нѣтъ сомнѣнія, что я не вынесъ бы года такой жизни: при немъ всякій имѣлъ право драть батогами кадетъ; офицеры, которыхъ было очень много, учителя, недавно ротные командиры, за малѣйшее слово, непослушаніе, дурной балъ, немилосердно пороли воспитанниковъ. Для сѣченія выбирались самые сильные солдаты и самые длинные, густые пучки розогъ. Неистовство этихъ господъ не знало границъ; они такъ вошли во вкусъ, что кровь и стоны производили на нихъ сладостное, опьяняющее впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что онъ то же чувствовалъ во время жаркихъ баталій въ Севастополѣ, когда около его глазъ летали оторванные члены. Несчастныхъ дѣтей иногда пороли

по нѣсколько разъ въ день, мясо начало буквально отпадать отъ задовъ; страшныя раны могли насилу залечиваться; у многихъ открывался антоновъ огонь. Педагоги разнообразили свою честную жизнь глупѣйшими лекціями и кровавыми экзекуціями.—Эта бойня дѣтей заливала кровью всѣ цейхаузы (мѣста, спеціально посвященныя сѣченіямъ), кровь тазами выносили послѣ частыхъ, повальныхъ бичеваній. Только невинные мотыльки, порхавшіе всю жизнь подъ крылышкомъ у добродѣтельной маменьки, усомнятся въ глубочайшей правдивости, приводимыхъ мною фактовъ.—Наконецъ мѣра перешла всѣ границы и обнаружилась бурная реакція: кадеты начали съ ножемъ въ рукахъ спускаться съ третьяго этажа и уходить въ лѣса, обворовывать магазины, бросаться съ лѣстницъ третьяго этажа, проламывая себѣ черепа, ломая руки и ноги; огромное число затираненныхъ умирало быстро отъ нервныхъ потрясеній, въ горячкахъ, въ больницѣ. Обворовываніе магазиновъ поразило начальство, оно патетически возопило, что это позоръ для воспитанниковъ; никому изъ этихъ наивнѣйшихъ палачей не пришло въ голову, что подобныя происшествія фабриковались педагогами!

Къ великому счастью воронежскаго корпуса, съ лѣстницы удалось упасть и искалѣчиться, затерзанному сѣченіями, сыну генерала Муравьева; это остановило кровавыя вакханаліи, холопы и мелкіе тираны струсили такъ, что у многихъ открылись холерическіе, очень опасные припадки. Винтуловъ былъ наконецъ вытребованъ въ Петербургъ, и тамъ этотъ звѣрь околѣлъ. Смерть его произвела революцію въ корпусѣ: началось битье скамѣекъ, затѣмъ битье начальниковъ; буйству, дикому звѣрству, ликованію не было границъ... Кадеты служили молебны, надѣвая какіе - то балахоны, кувыркались и выли, какъ волченята; никто на волосъ не признавалъ начальства; классы надолго пріостановились..... И все это происходило въ цвѣтущую пору царствованія либеральнаго Александра II, въ то время, когда въ Лондонѣ издавался „Колоколъ“ и его листки облетали всю Россію и прочитывались чуть не въ нашихъ отечественныхъ берлогахъ съ лихорадочнымъ трепетомъ, когда либеральничала наша литература!!... Свершалось все это не на берегахъ Ледовитаго океана, а въ центрѣ Россіи!

Міръ педагоговъ уцѣлѣлъ послѣ смерти Винтулова, я ихъ всѣхъ позахватилъ въ корпусѣ; при мнѣ они начали линять; многіе изъ нихъ еще теперь занимаютъ тепленькія мѣста при военныхъ гимназіяхъ.

При мнѣ умеръ Як. Ростовцевъ. Портретъ предателя Рылѣева—безобразно подлой твари, которая изъ корпусовъ по-

дѣлала каторжные вертепы, гдѣ занимались сдираніемъ кожи и мяса съ костей дѣтей и приготовлялись безпробудные холопы—былъ вывѣшенъ въ обѣденную залу, на всеобщее поклоненіе; начальники указывали на него, какъ на святыню, умиленно называли его нашимъ отцемъ и великимъ благодѣтелемъ. Одинъ ротный командиръ, знаменитый своею непроходимою глупостью и жестокостью; П—кій такъ вдохновился ликомъ Ростовцева, что въ тотъ же вечеръ произнесъ патетическую рѣчь своей, очень хотѣвшей спать, ротѣ; изъ рѣчи никто не понялъ ни единаго слова, по той основательной причинѣ, что этому несчастному оратору никогда, ни въ какіе счастливые часы его жизни, не удавалось связать двухъ фразъ или осилить путную мысль; въ концѣ рѣчи онъ, видимо для всей роты, непритворно прослезился..... Наверху, въ спальнѣ, я такъ удачно перекопировалъ его рѣчь, слезы и гримасы, что разогналъ сонъ у всѣхъ присутствующихъ...

Когда водили, зачастую, торжественно какого нибудь товарища въ цейхаузъ для порки, на насъ это оставляло неизгладимое впечатлѣніе; отвращеніе и злоба кипѣли въ нашихъ дѣтскихъ душахъ; намъ казалось, что какіе-то гадкіе, дикіе звѣри затаскиваютъ беззащитную, слабую жертву въ берлогу и втихомолку жестоко ее замучиваютъ. Никогда въ жизни не забуду того впечатлѣнія, которое на меня оставило, въ первый разъ въ жизни видѣнное мною, бичеваніе; я со многими моими товарищами, движимый какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ, заглянулъ въ замочную скважину: на покрытой бѣлой простыней черной скамейкѣ лежалъ кадетъ, лицо его приподнялось отъ скамьи, оно было все синее съ радужными кругами подъ страшно воспаленными глазами, они были сухи; онъ жалобно, надрывающе стоналъ, какъ будто у него не хватало уже болѣе силъ на крикъ; на спинѣ и на ногахъ слабаго ребенка сидѣли весьма комфортабельно, два дюжихъ солдата, одинъ изъ нихъ давилъ съ ужасающею силою грудь, прижимая ее къ скамьѣ, другихъ два хлестали безпощадно розгами; кровь капала со скамейки и съ прутьевъ; стоявшій тутъ батальонный командиръ, коротенькій, заплывшій жиромъ толстякъ, при каждомъ ударѣ розогъ приговаривалъ: „Вотъ тебѣ, мой милый дружечекъ, за излишнія разсужденія! Я знаю, ты впередъ будешь примѣрный умница; за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ!“ Чѣмъ сильнѣе лилась кровь, тѣмъ присказки становились нравоучительнѣе, задушевнѣе. Свиные глазки батальоннаго командира были облиты какою-то маслянистою влагою; видимо, онъ наслаждался хриплыми стонами и собственнымъ неизсякаемымъ, отъ порокъ развившимся, остроуміемъ.

Много лѣтъ послѣ я часто видѣлъ эту сцену во снѣ и каждый разъ просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу и долго послѣ не могъ заснуть. Думаю, что не менѣе потрясаютъ впечатлительную душу пощечины, даваемыя въ настоящее время воспитанникамъ въ лицеѣ Каткова (я пишу эту статью въ 73 году); эта пытка еще утонченнѣе. Гг. Катковъ и Леонтьевъ могутъ быть вполнѣ увѣрены, что если имъ простятся всѣ возмутительныя до рвоты подлости, то пощечины не простятся никогда, черезъ нихъ они уцѣлѣютъ въ памяти признательнаго потомства; они, достойные мужи правды и добра, воздвигли себѣ памятникъ, въ полномъ смыслѣ рукотворный!

Я зналъ одного кадета,—онъ былъ другъ мнѣ—при мнѣ онъ выпилъ мутную, черновато-красную жидкость*); допивая ее, — а онъ ее пилъ страшно медленно — онъ блѣднѣлъ и страшно кашлялъ; когда онъ ее допилъ, то былъ бѣлѣе стѣны, а по лицу у него проступили желтыя пятна. Задыхаясь отъ кашля, онъ спокойно сказалъ мнѣ: „я безъ малѣйшаго страха буду ожидать смерти; мысль, что мнѣ еще суждено задыхаться нѣсколько лѣтъ въ этомъ гробу, переворачивала мой мозгъ; меня тошнитъ при одной мысли, что я такъ долго жилъ.“ Но у многихъ можетъ явиться мысль: не можетъ быть, чтобы я не догадывался, что напитокъ этотъ—ядъ и какимъ образомъ я дозволилъ его выпить при мнѣ? Въ настоящую минуту я этого не понимаю, а въ то время я это очень хорошо понималъ; удивляюсь только, какая темная мысль о будущемъ удержала меня самаго отъ такого же шага? Я помню, что я завидовалъ въ то время его спокойной рѣшимости. Мой товарищъ вскорѣ умеръ; много разсказывалъ мнѣ онъ страшныхъ вещей, а ему было не болѣе 15-ти лѣтъ!.....

Многіе залепечутъ въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія: „Помилуйте, сколько прекрасныхъ офицеровъ вышло изъ корпуса, они теперь и здоровы, и веселы, и жуируютъ жизнью; ихъ не гложутъ и не сосутъ воспоминанія!“ Это совершенно вѣрно! но еще вѣрнѣе, что даже изъ каторги многіе выходятъ и жуируютъ жизнью и ихъ не гложутъ воспоминанія!... Нервы и мозгъ не у всѣхъ одинаково воспріимчивы; не всякаго успѣетъ жизнь на первыхъ порахъ исковеркать и вопхнуть въ маленькій, тѣсненькій гробикъ; не всякій принимаетъ тотчасъ же всѣ грязные и мутные цвѣта, его окружающіе; не всякій въ состояніи мирно созерцать свою гибель и другихъ; но что важнѣе всего: не всѣ одинаково развиты.

*) Табачный настой.

А у насъ были развитые юноши; мы переживали, по своему, все то, что переживало передовое, русское общество. Кружокъ, въ которомъ я вращался, увлекался до безумія Кантомъ, Спинозою, Шлегелемъ, Шеллингомъ, Гегелемъ, не понимая въ нихъ ни единаго слова; а послѣ мы стали увлекаться еще горячѣе, и на этотъ разъ понимая все, Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ, Чернышевскимъ; „Колоколъ," „Полярная Звѣзда," запрещенныя стихотворенія Некрасова, Огарева, Гейне, Толстаго, Растопчиной, Рылѣева у насъ ходили въ рукописяхъ; ихъ подъ сильнымъ страхомъ пересылали къ намъ студенты и городскіе либералы, переписанныя на прозрачной, тонкой, почтовой бумагѣ. „Сила и Матерія" Бюхнера, „Сущность Христіанства" Фейербаха, „Жизнь Іисуса" Ренана и Штрауса, статьи Фохта и Молешотта доставляли намъ харьковскіе студенты, въ литографическихъ спискахъ. Бокль, Гервинусъ, Кинѣ, Дрэперъ, англійская, французская литература въ переводахъ и русская намъ были очень и очень хорошо знакомы.

Это кипучее броженіе молодой, сильной мысли среди свирѣпой обстановки, рядомъ съ наитупѣйшими лекціями, проходило незамѣченное педагогами; они схватились, но только тогда, когда расколъ началъ изъ мозговъ воспитанниковъ переходить, но изумительно туго, въ мозги педагоговъ. На нашихъ глазахъ они стали разыгрывать жалкую роль, но изъ рукъ вонъ плохо... Остановить еретическое ученіе они были не въ силахъ, слиться съ нами также не въ силахъ; словомъ, въ относительно крошечномъ заведеніи, en petit, разыгралась исторія монархическаго государства.

Я бросилъ легкую полосу свѣта на потаенную жизнь нашего замкнутаго общества для того, чтобы читатель могъ понять и не найти натянутыми слова моего отравившагося друга. Мы были не бурсаки, и въ этомъ заключался весь ужасъ нашего положенія!... Мы созерцали наши вертепы такими напряженными глазами, съ такимъ нытьемъ въ груди и головѣ, что страшно становилось за нашу молодую жизнь...

У меня была громадная память, но не смотря на это, я, къ великому моему счастью, плохо учился; я не могъ побѣдить никакими усиліями отвращенія къ окаменѣлому, заплѣсневѣлому, корпусному ученію; прочесть урокъ, отмѣченный ногтемъ учителя, изложенный оффиціальнымъ чурбаномъ, было для меня пыткою 7-го отдѣленія Дантовскаго ада, и въ то же время, я читалъ по ночамъ, дрожалъ въ жару надъ каждою порядочною книгою, упивался и наслаждался ею съ какимъ-то жгучимъ, болѣзненнымъ чувствомъ; чтобы прочесть ее, съ радостью отдавалъ свой обѣдъ, завтракъ и ужинъ

счастливому обладателю книги, а самъ голодалъ по суткамъ. Съ радостнымъ чувствомъ вспоминаю объ этомъ голоданіи: этимъ голодомъ я расширилъ свой умъ и облагородилъ сердце; цѣною обѣдовъ я вступилъ въ тотъ кружокъ, который сберегъ мнѣ жизнь и вывелъ меня изъ корпуса неумолимымъ врагомъ всего давящаго. Я передавалъ громадныя статьи моимъ товарищамъ, безъ малѣйшаго упущенія изъ нихъ малѣйшей мысли; я умѣлъ подмѣчать гнусныя слабости моихъ педагоговъ, всѣ ихъ смѣшныя стороны, и зло, не по лѣтамъ, издѣвался надъ ними...

Луна ярко освѣщала наши холодныя, большія, неуютныя спальни; не смотря на усталость, я мало спалъ въ лунныя ночи; я любилъ мечтать и много пылкихъ, восторженныхъ и напыщенныхъ грезъ бродили въ моей дѣтской головѣ; я всѣхъ спасалъ въ моихъ грезахъ: выхватывалъ изъ пожара маленькихъ дѣтей, освобождалъ изъ крѣпостей съ бунтовавшимся народомъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ непостижимою злостью топталъ, если не самую царскую голову, такъ по крайней мѣрѣ царскую корону. Личное счастье не приходило мнѣ въ голову, грезы были такъ живы, что я плакалъ отъ восторга, дрожалъ отъ ужаса.

Долго я просидѣлъ, запертый въ воронежскомъ казематѣ; я бился въ немъ, какъ сильная птица въ желѣзной клѣткѣ. Мы не знали, что такое природа, солнечный лучъ насъ не радовалъ; мы не знали прелести майскаго, свѣжаго утра, благоухающіе цвѣты попадались намъ, подразнивая, на страницахъ романа; пѣніе птицъ на свободѣ, въ лѣсу, зеленые луга снились намъ только въ блаженныхъ сновидѣніяхъ.

Я любилъ сидѣть около окна и смотрѣть вдаль, хотя это занятіе намъ крайне строго воспрещалось; въ тѣ года моей жизни я пожертвовалъ бы всѣмъ моимъ будущимъ, если бы меня бросили въ какую нибудь деревню, около дороги, беззащитнаго, одинокаго, безъ буска хлѣба, но только на свободу! Я завидовалъ послѣднему калѣкѣ - нищему, который, опираясь на палку, бредетъ холодною осеннею ночью, деревенской околицей, осаждаемый собаками, поливаемый дождемъ, окутанный мракомъ. На свободѣ, впослѣдствіи, я позналъ что такое околица, калѣка-нищій, деревенская хата.....

Многіе говорятъ, что когда выльешь горечь на бумагу, становится легче, я не испыталъ этого чувства! мнѣ не стало легче, послѣ моей короткой, печальной исповѣди.

